

Д
О
Н
С
К
О
Й
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
И
К

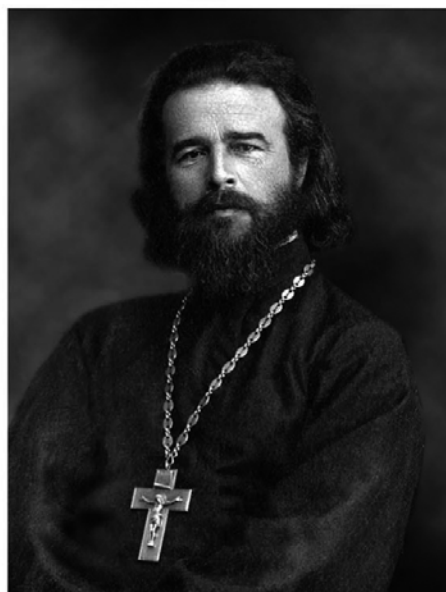

ДОНСКОЙ ВРЕМЕНИК

Выпуск 34

<http://www.donvrem.dspl.ru>

Протоиерей Илия Попов 1871—1937

Протоиерей Илия Попов – сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

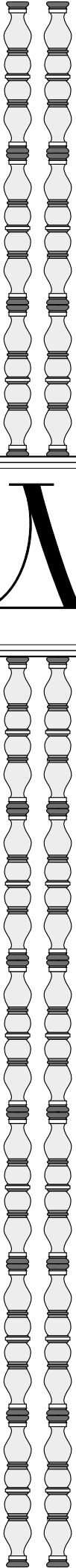
*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ ременник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцать четвертый

Ростов-на-Дону
2025

К ЧИТАТЕЛЮ

Тридцать четвёртый выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Немалое место на страницах альманаха занимает интересная личность, раскрывающаяся на фоне своего времени. Мы вспоминаем наших краеведов — создателя музея в Новочеркасске Харитона Попова и учёного секретаря Северо-Кавказского бюро краеведения 1920 — 30-х годов Михаила Ямпольского, учёного-энтомолога Николая Архангельского, писателей Ивана Гаустова и Александра Гончарова, актёра и режиссёра Григория Демюра, художника, искусствоведа и общественного деятеля Владимира Кулишова и сальского поэта, музыканта Владимира Костенко. Приглашаем читателей в путешествие вслед за героями исторического исследования Елены Высоцкой в век XVIII и XIX по маршруту Венеция — остров Занте — Крым — Таганрог.

Событием в культурной жизни области стали Одиннадцатые Коршиковские чтения «Краеведение на Дону: история и современность», состоявшиеся в 2025 году на двух площадках в Ростове и Таганроге. Несколько статей в альманахе подготовлены по материалам Чтений.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12—2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавадакер
Ответственный за выпуск А. В. Желябовская

Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой, Н. Н. Зайцевой, О. Б. Мяловой и Л. К. Поповян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

ISBN

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2025
© А. С. Козаченко, художественное оформление, 2025

Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов
возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Потомки венецианских графов на службе в России 5

В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ

МИНОРАНСКИЙ В. А. Академик без диплома (*Н. Н. Архангельский*) 43

НАШИ КРАЕВЕДЫ

ЩЕРБАК Д. А. Создатель Донского музея. *Материалы к биографии Х. И. Попова. Находки последних лет.* — Приложение: Об увеличении пенсии отставному статскому советнику Х. И. Попову. — Об увековечении памяти создателя музея в Новочеркасске. — Об установлении места нахождения могилы Х. И. Попова. — Могила Х. И. Попова не сохранилась. *Публикация Д. А. Щербака* 53

СУШКОВА С. В. Михаил Ямпольский. Факты биографии 62

Вспоминая Ивана Гаустова: *Коваленко А. Н.* Мир удивительный и глубокий. — *Штавакер Л. А.* Надо жить для России! — «Желаю долгой, умной, полезной жизни...». *Письма И. К. Гаустова Ларисе Петелевой (1963—1968). Предисловие и публикация Л. А. Штавакера* 65

МИР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Забытый театральный деятель Ростова (*Г. Ф. Демюр*) 88

ВАЛУЙСКОВА О. В. «Пахнут порохом жизни страницы...». *Памяти А. Г. Гончарова* 92

ГОНЧАРОВ А. Г. От Ростова до Шапшутской. *Из военного дневника. Июль — сентябрь 1942 год.* — «Люблю тебя, моя желанная». *Письма А. Г. Гончарова жене Лидии и дочери Тане. Январь — октябрь 1943 год.*

Публикация О. В. Валуйской 97

ГРИДАСОВА Ж. П. Владимир Кулишов в Новочеркасске 110

ПЕРЕПЕЧ Л. Н. Музыкант и поэт. *Памяти В. А. Костенко* 124

СУРКОВА Л. А. До и после миллениума. *К 35-летию проекта ГТРК «Дон-ТР» «Провинциальный салон»* 128

ОДИННАДЦАТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(*Ростов-на-Дону — Таганрог, 18—19 сентября 2025 г.*)

КАЗАРОВА Н. А., КИСЛИЦЫН С. А. Вклад историков Ростовского университета в развитие краеведения на Дону 136

ВЕРЯСКИНА О. Г., ИСАКОВА Т. С., РЫБАЛЬЧЕНКО О. П. Образовательный проект «Донской край — наш общий дом» 146

ГРАНКИНА А. А. Борьба с эпидемией чумы на Северном Кавказе (1803—1819) 151

ИЗЮМСКИЙ А. Б. Малоизвестная страница биографии Ф. К. Миронова 163

ВЕГЕРИН В. И. Особое задание Бориса Осипова 169

СКОРИКОВ Д. Д. Два дома на Платовском 176

НЕЧИПОРУК А. А. История кладбищенской Крестовоздвиженской церкви г. Ростова-на-Дону 183

АЛЕКСЕЕНКО Е. А. Клир таганрогской кладбищенской церкви Всех Святых. 1862—1916 193

СКОРИКОВ Д. Д., КОЗОРЕЗОВ В. А. «На круги своя». *К истории Иоанно-Предтеченской церкви слободы Дёгтево Миллеровского района* 201

ЗАЙЦЕВА А. С. Под газетным крылом 208

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 215

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 219

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 219

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

ПОТОМКИ ВЕНЕЦИАНСКИХ ГРАФОВ НА СЛУЖБЕ В РОССИИ

В Греции в семейном архиве профессора Георгия Милонакиса¹ хранится фотография его предка Николая Карловича Моцениго, сделанная в конце XIX века в Таганроге. Род Моцениго известен своей гревностью и знатностью. Среди его представителей — венецианские дожи и флотоводцы, греческие аристократы, российские дипломаты, чиновники и военные. Вслед за героями исторического расследования приглашаю читателей в путешествие по маршруту Венеция — остров Занте — Крым — Таганрог.

Светлейшая Венецианская республика

Один из самых романтических городов мира Венеция ежегодно манит миллионы гостей лазурным гляncем каналов, растущими из воды, подобно кораллам, средневековыми палаццо, изяществом арочных мостов, великолепием мраморных храмов, зажигательными карнавалами и утончёнными биеннале. Благодаря удачному географическому положению, предприимчивости и храбрости жителей и осознанию горожанами собственного достоинства город на воде прошёл славный путь.

Республика Святого Марка возникла в 697 году как автономное дукато² в составе Византийской империи на северо-востоке Апеннин. Её первой столицей стал названный в честь византийского императора Ираклия I город Эраклея на материковой части «итальянского сапога». Спустя четыре десятка лет административный центр был перенесён на расположенный в лагуне Адриатического моря остров Лидо, а затем — на Риальто. Вокруг нового финансово-коммерческого квартала начали энергично застраиваться соседние острова. В XVI веке население Венецианской республики достигло своего пика и составило 190 тысяч человек. Как напоминание о живших в тех краях племенах венетов область именовалась Венето, а новый город в лагуне получил название Венеция. Наследница Византийской империи Светлейшая Венецианская республика или, как её сокращённо называли, Серениссима³ стала связующим

звеном между Западом и Востоком. Через Венецию проходили торговые пути из Китая, Индии и Леванта. Сухопутные и морские караваны везли в Европу ценившиеся дороже золота восточные пряности, сахар, изюм, хлеб. Товары с Востока приобретали купцы Италии, Франции, Германии, Испании, Австрии, Нидерландов. С открытием торгового пути через Гибралтар к ним присоединились англичане. На обратном пути из Европы корабли загружались серебром, железом, лесом, шерстяными тканями. Через Венецию пролегли пути доставки в мусульманские страны невольников с Балкан и из Северной Африки. Чтобы европейские купцы не имели возможности торговать через других посредников, им законодательно запрещалось возить свой товар дальше Венеции.

Пребывающие в порт суда обязаны были предоставить «манифест» — подробный список товаров на борту. Торговые контракты, включающие имена сторон, описание товаров, цену, условия оплаты и сроки поставки, защищали интересы как купцов, так и предпринимателей. За то, что предприниматель авансировал в купца капитал или товар, он получал большую часть прибыли и нёс большую часть возможных убытков. Именно в Венеции был впервые в Европе учреждён постоянный прямой налог на доход — «десятина». В специальный кадастровый счёт скрупулёзно заносились все доходы плательщика налогов. Налоговые сборы с торговли шли на пополнение городского бюджета. В окрестностях Венеции добывали соль, городские

Елена Петровна Высоцкая, кандидат химических наук, генеалог, г. Москва

¹ Георгий Милонакис (George Mylonakis), доктор философии, профессор кафедры геотехнической инженерии Бристольского университета (Великобритания).

² Дукато (итал. ducato) — герцогство.

³ Серениссима (итал. Serenissima) — светлейшая, сиятельнейшая.

ремесленники производили прекрасные ткани и разноцветное муранское стекло¹. Город богател и преображался.

Венеция стала первым городом, в котором в 1157 году был открыт правительственный банк. С конца XIII века республика начала чеканить собственные золотые и серебряные монеты. Венецианские дукаты были в ходу не только в Италии, но и в остальной Европе, которая испытывала дефицит драгоценных металлов. С 1284 года на аверсе золотого дуката располагалось изображение Иисуса Христа и круговая надпись «*Это герцогство, коим ты правишь, тебе, Христос, посвящается*», на реверсе — коленапреклонённый дож, принимающий из рук Святого Марка знамя. Со середины XVI века венецианский монетный двор стал выпускать серебряный дукат, а золотая монета стала называться цехином.

Каждый год из Венеции, помимо сухопутных и речных, отправлялось семь морских торговых экспедиции в разные пункты назначения. Охрану купеческих кораблей обеспечивали военные конвои. Успешная и безопасная торговля требовала создание государственного морского флота. На судостроительных верфях строились гребные, затем парусные суда, а позже пригодные к океанскому плаванию линейные корабли. В течение трёх веков Венецианская армада участвовала в сдерживании Османской империи в Средиземноморье и попутно расширяла границы республики. В число подконтрольных Венеции владений входили земли Истрии, Далмации, Негропонта², Мореи³, Герцогства Архипелага⁴, Крита (Королевство Кандия) и Кипра.

Суверенная независимость и политическая система отличали Венецию от других итальянских городов-государств — Генуи, Милана, Флоренции. Венецианцы никогда не признавали верховную власть императора или римского папы. Духовенство по венецианской традиции подчинялось светской власти. По форме правления Венеция на протяжении одиннадцати столетий независимого существования являлась республикой. Городскую общину возглавлял дож, символизирующий богатство и стабильность. Крылатый лев на знамени Венеции со времён

Византийской империи олицетворял образ евангелиста Марка и был знаком власти и славы.

В основе управления Венецией лежали демократические принципы — дож выбирался Народным собранием (Большим Советом), принятие основных законов требовало народного одобрения. Процедура избрания дожа являлась одной из сложнейших в истории электорального права и состояла из одиннадцати ступеней. На первом этапе Большой Совет избирал 30 выборщиков из числа своих членов старше 30 лет. На втором этапе 30 выборщиков голосовали за девятикандидатных кандидатов и т. д. На последнем этапе каждый из 40 выборщиков писал имя своего кандидата на листке бумаги и бросал его в урну для голосования. Затем бюллетени извлекались, и глашатай зачитывал имена всех кандидатов. Следом шло публичное обсуждение предложенных кандидатур, а затем сами выборы. Победителем считался тот, кто набрал не меньше 25 голосов.

Название титула «дож» произошло от латинского слова «dux», означающего «вождь, повелитель». На международной сцене венецианский дож приравнивался к монархам. Во внутренней жизни его власть ограничивалась множеством предписаний. Главный правительственный орган Большой Совет определял военную, финансовую и налоговую политику республики и ратифицировал законы. Сенат республики руководил армией и флотом, занимался вопросами дипломатии. Совет десяти, созданный как исполнительный орган при Большом Совете, отвечал за государственную безопасность.

Помимо высшего класса в республике право на занятие административных постов имели граждане. Остальная часть населения формально не участвовала в деятельности государственных структур, но её мнение элитой учитывалось.

В 1315 году практичные венецианские нобили⁵ создали «Золотую книгу» («*Libro d' Oro*»)⁶, в которую вписывались имена самых благородных и богатых семейств, члены которых имели право по достижению 25-летнего возраста заседать в Большом Совете. В книгу с указанием дат рождения, брака и смерти были изначально включены около 300 венецианских семей. Представители других родов попадали в книгу

¹ Муранское стекло — вид декоративно-прикладных изделий из стекла, изготавлиющихся на острове Мурано с применением техник горячего формования и различных цветовых декоров.

² Негропонт — средневековое государство крестоносцев на острове Эвбея в Эгейском море.

³ Морея — средневековое название полуострова Пелопоннес.

⁴ Герцогство Архипелага располагалось на острове Наксос.

⁵ Нобили — средневековые дворяне.

⁶ Рукописная книга «*Libro d' Oro*» хранится в одной из комнат дворца дождей в Венеции, где она выставлена наряду с другими документами, связанными с аристократическими семьями.

Возвращение бучинторо к молу у Дворца дожей.

Худож. Дж. Каналето. Холст, масло. Около 1730 г. ГМИИ им. А. С. Пушкина. г. Москва

крайне редко, благодаря исключительным заслугам перед республикой. Запись новых семейств аристократов происходила в 1379, 1646, 1684—1689 и 1769 годах.

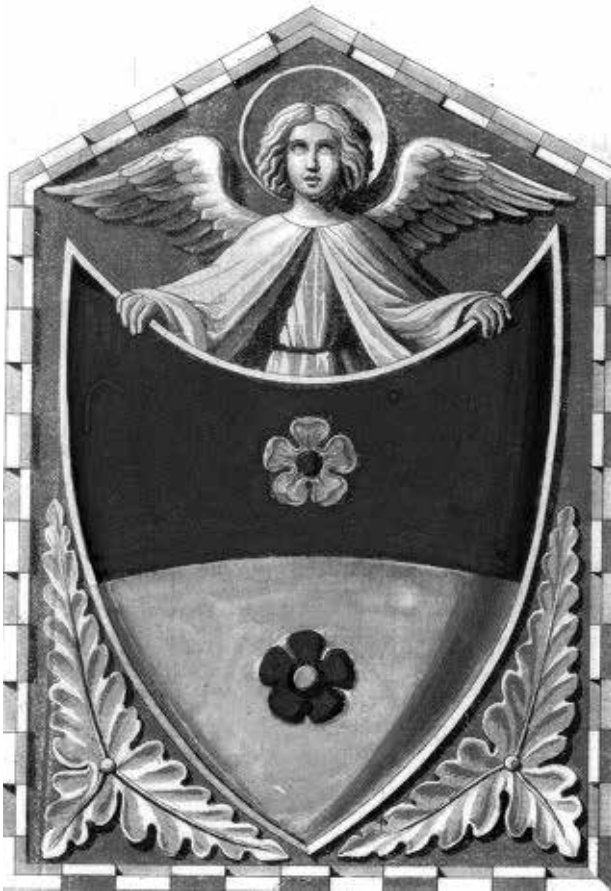
Золотой век Венецианской республики продлился с XI по XV век [1]. Время процветания сменилось упадком. Открытие новых торговых путей, усиление Османской империи и внутренние распри подорвали былое могущество Светлейшей. Окончательно республика перестала существовать в 1797 году в результате агрессии Наполеона: территория независимого государства была поделена между Францией и Австрией, должность дожа была устранена, Большой Совет распущен.

В наши дни в Венеции на 118 небольших островах, разделённых 150 каналами и соединённых 417 мостами, проживает 260 тысяч человек.

Венецианские патриции

По традиции в день праздника Вознесения вновь избранный дож обручался с морем. *«Убереги, Господи, всех верных Тебе моряков*

от шторма, спаси от кораблекрушения и от козней коварных врагов», — читали молитву в храме Святого Николая на острове Лидо. Облачённый в пурпурный с золотом плащ, горностаевую мантию и шапку-корону в форме рога правитель торжественно выплывал из порта Сан-Николо на церемониальной галере бучинторо. Золочённый двухпалубный корабль шёл на вёслах; на нижней палубе сидели 158 гребцов. Дож восседал на верхней палубе под сенью из пурпурной ткани, уровнем ниже располагались места для высоких гостей. На глазах у знатных горожан и посланцев иноземных государств дож бросал в волны золотое кольцо как знак своей супружеской власти над пучиной. Титул владыки Адриатики был дарован венецианскому дожу папой римским в 1177 году. Во главе Светлейшей Венецианской республики за всю её многовековую историю стояли 120 дождей. Семь из них носили фамилию Моцениго (итал. Mocenigo). В России фамилия иногда писалась Мочениго, Мацениго, Мачениго. Герб Моцениго олицетворял союз власти и морской стихии и указывал на приверженность рода к красному. К щиту, горизонтально поделённому

Герб графа Карло Моцениго.
(<https://it.wikipedia.org/wiki/Мocenigo>)

на голубое и серебряное поля, «пригвождены» две пятилепестковые розы. Девиз семьи «Прекрасная сила» (лат. *Pulcherrima virtus*) подчёркивал символизм герба.

Род Моцениго происходил из Ломбардии. По легенде прародитель семьи, выходец из Милана по имени Бенедетто, обосновался в области Венето, построил на реке Силе замок Мусестре, был принят в ряды венецианских патрициев и, когда младший сын Карла Великого итальянский король Пипин в 809—810 годах вторгся в пределы дукато, отличился на ратном поле. У основания ветвистого родословного древа стоит живший на рубеже 1100 года Джованни Моцениго. Его имя есть среди подписей оптиматов¹, подтвердивших пожертвование дожа Виталия Фальера² (итал. *Vitale Faliero*) монастырю Сан-Джорджо-Маджоре. За Джованни следуют его сын Пьетро и внук Джованни.

¹ Оптиматы — старейшины.

² Виталий Фальер — 32-й дож правил с 1084 по 1095 год.

³ Томазо Моцениго был последним дожем, при котором соблюдалась эта демократическая процедура.

⁴ Кьоджи — город в регионе Венето на северо-востоке Италии.

Нынешняя форма фамилии упомянута впервые в 1122 году.

Моцениго были среди первых венецианских нобилей, вошедших в Большой Совет, и оставались в нём вплоть до его упразднения, ознаменовавшего конец республики. Из этой влиятельной семьи произошли политические деятели, адмиралы и полководцы, церковные прелаты, учёные и литераторы.

Семья Моцениго делилась на 15 ветвей, 14 из которых прервались в XVII веке. От дожа Джованни Моцениго берут своё начало три самые известные ветви, названные по именам принадлежащих им дворцов. Старшая ветвь владела выходящим на Гранд-канал палаццо Каса Веккья (итал. *Palazzo Mocenigo Casa Vecchia*). Представители так называемой «Новой ветви» жили в соседнем дворце Каса Нуово (итал. *Palazzo Mocenigo Casa Nuova*). Ещё одна семейная ветвь обитала во дворце Сан-Самуэле (итал. *Palazzo Mocenigo a San Samuele*), а ветви, исходящей от Николо, брата дожа Альвизе I, принадлежал дворец Сан-Стае (итал. *Palazzo Mocenigo di San-Stae*). Отдельная ветвь Моцениго ведёт на греческий остров Занте.

Помимо перечисленных дворцов собственностью рода Моцениго были построенные в средние века Палаццо дотта иль Неро (итал. *Palazzo Mocenigo detto il Nero*) или «Чёрный Дворец», Палаццо Нани Моцениго, Палаццо Моцениго Гамбара, Палаццо Контарини Моцениго.

Первым дожем из рода Моцениго и 64-м по счёту стал Томмазо Моцениго (1343—1423). 7 января 1414 года глашатай в базилике Сан-Марко объявил собравшемуся на площади народу о результате голосования и по традиции задал вопрос «Согласны ли горожане с решением Большого Совета?»³. Новость об избрании настигла нового дожа в Кремоне, где он исполнял обязанности посла. До дипломатической работы Томмазо прославился как успешный военачальник. Капитаном он вместе с венецианским адмиралом Карло Дзено храбро сражался, чтобы прорвать генуэзскую блокаду Кьоджи⁴ в 1381 году, и, будучи адмиралом, возглавлял венецианский флот во время крестовых походов против турок. Став во главе республики, Томазо заключил мир с турецким султаном, а когда по вине противника военные действия возобновились, одержал победу над турками в битве при Галлиполи. При нём Венеция

Палаццо Моцениго gemma аль Неро, Венеция.
 (https://en.m.wikipedia.org/wiki/Palazzi_Mocenigo#/media/File:3APalazzo_Mocenigo_centro_gran_canal_san_marco.jpg)

отвоевала земли Трентино, Фриули¹ и часть Далмации у Аквилейского патриархата² и в составе объединённого фронта итальянских государств нанесла поражение Венгрии. Он остался в истории как глава республики, проводивший взвешенную внутреннюю и внешнюю политику и сокративший государственный долг с 10 миллионов дукатов до 6 миллионов. В прощальной речи Томмазо Моцениго предостерег соотечественников от военных авантур, а особенно от войн с Ломбардией. Престарелый дож сравнил Ломбардию с цветущим садом, в котором венецианцы собирают с помощью торговли плоды. К сожалению, следующий дож Фоскари не прислушался к мудрому совету, объединился с Флоренцией и объявил Милану войну. О напутствии Томмазо Моцениго вспомнили 100 лет спустя, когда внутренние итальянские войны истощили государственную казну и сил на противостояние Оттоманской Порте³ у республики осталось мало.

Пьетро Моцениго (1406—1476), племянник Томмазо, был одним из величайших венецианских адмиралов. Реорганизовав венецианский флот после поражения, нанесённого турками при Негропонте в 1470 году, он провёл успешные ответные действия, взял Смирну в 1472 году и снял турецкую осаду со Скутари⁴. В 1474 году

он был избран дожем и пробыл на этом посту 2 года. На посту дожа он пытался начать мирные переговоры с султаном. Пьетро Моцениго выступал в защиту евреев от обвинений в ритуальных убийствах. При нём государственный печатный двор начал выпускать серебряную монету, получившую название лиры моцениго и эквивалентную 20 сольдо. Лир моцениго печатались с 1474 по 1575 год. Умер Пьетро Моцениго от малярии, которой заразился в одну из военных кампаний.

После Пьетро дожем в 1478 году был избран его брат Джованни Моцениго (1409—1485). В начале его правления республика понесла территориальные потери. В результате вынужденного мирного договора с Османской империей Венеция уступила противнику несколько крепостей и, дабы продолжать свободно торговать на османских землях, заплатила большую дань. Утешением служила победоносная война против герцога Феррары, в результате которой область Полезине на севере Апеннин и город Ровиго отошли к Венецианской республике.

Следующий дож Моцениго вошёл в историю под именем Альвизе I (1507—1577). Во время его правления, начавшегося в 1570 году, разгорелась новая война с турками. Горечь от потери республикой кипрских городов Никосия и Фамагуста

¹ Области на севере Италии.

² Каноническая территория, охватывающая часть земель на северо-востоке Италии.

³ Порта — одно из названий Османской империи (Турции) происходит от высоких ворот (итал. porta), через которые проходила дорога к административным зданиям в Стамбуле.

⁴ Скутари — ныне Шкодер, Албания.

была скрашена выдающейся морской победой при Лепанто (1571). В битве при Лепанто Венеция сражалась против Османской империи в составе Священной лиги — коалиции католических государств, созданной для противостояния туркам в Восточном Средиземноморье. На годы правления Альвизе I пришлось тяжёлое испытание. В один из самых густозаселённых городов средневековой Европы пришла чума. За два года эпидемия унесла около 50 тысяч жизней. Для борьбы с чумой были предприняты чрезвычайные меры. Больных размещали не только в двух специально построенных лазаретах, но и на приспособленных под лечебницы баржах. Городские нищие, как источник антисанитарии, были арестованы и вывезены из города. Жителям запрещалось неделями покидать дома. Из Падуанского университета были приглашены медицинские светила. Когда принятые меры оказались бессильны, дож обратился к народу с призывом победить чуму силой молитвы и возвести храм Исцеления — Реденторе. Первый камень в его основание Альвизо Моцениго совместно с патриархом заложил в мае 1577 года. В июле эпидемия отступила. С тех пор в третьё воскресенье среднего летнего месяца Венеция отмечает Феста дель Реденторе.

Следующие 125 лет семья Моцениго не участвовала в большой политике. Лишь в 1700 году правнук Альвизе I стал 110-м дожем под именем Альвизе II Луиджи Моцениго (1628—1709) и возглавлял республику 9 лет. Из всех дождей с фамилией Моцениго он был наименее примечательной фигурой. Его правление запомнилось роскошными празднествами, устроенными по случаю избрания. Престарелого дожа больше всего интересовали вопросы религии. Перед смертью Альвизе II удивил современников, оставив монастырю Сан-Стае неслыханную по тем временам сумму с тем, чтобы в течение 1000 лет в его память отслужили 4 тысячи месс.

Карьера следующего дожа Альвизе III Себастьяно Моцениго (1662—1732) началась с Морейской войны¹, в которой он капитаном галеры принял участие в нескольких морских сражениях. Затем он командовал отрядом из трёх галер, занимал должность генерального провидера (главы администрации) сначала Далмации и Албании, затем всех заморских владений республики. Из своей резиденции на Корфу Альвизе Себастьяно совершал инспекционные поездки по Ионическим

островам и Морее и боролся с пиратством. В качестве провидера Далмации он подписал договор о разграничении с турками и австрийцами, по которому владения Венеции в Далмации достигли максимума, а линия разграничения получила его имя. По возвращению в Венецию Моцениго баллотировался на пост дожа. Во время его догата² с 1722 по 1732 года республика придерживалась нейтралитета. Альвизе III был холост и наследников не оставил.

И, наконец, седьмым дожем из знаменитого семейства стал происходящий из ветви Сан-Стае Альвизе IV Джованни Моцениго (1701—1778), дальний родственник Альвизе III. Сын Альвизе Маркантонио Моцениго и Паолины Бадоеер сделал быструю и успешную карьеру: находясь на дипломатической службе, исполнял обязанности посла Венецианской республики в Папской области, королевствах Франции, Испании, Неаполитанском королевстве, служил прокурором республики. На выборах дожа в 1763 году он обошёл всех конкурентов, получив максимально возможное количество голосов, и оправдал надежды соотечественников. Меры, предпринятые им, позволили вывести республику из глубокого экономического кризиса и снова вернуться на международную арену в качестве серьёзного игрока. Он принял законы против роскоши, провёл налоговую реформу, отменил внутренние пошлины, укрепил армию, ограничил привилегии духовенства, заключил торговые договоры со странами Магриба³, Российской империей, Францией, Великобританией, Данией, с колониями Испании и Португалии в Южной Америке. Женат Альвизе IV был на аристократке Пизане Корнаро и имел шестерых сыновей. По католической традиции дети при крещении получали несколько имён. Первое имя у всех его сыновей было Альвизе.

Среди других известных членов фамилии стоит упомянуть Джованни Моцениго (1531—1598), обвинившего Джордано Бруно в богохульстве и ереси; архиепископа Никосии с 1560 по 1586 год Филиппо Моцениго; Томмазо Альвизе Моцениго (1583—1654), адмирала венецианского флота во время Критской войны; гуманиста Андреа Моцениго, жившего в XV—XVI веках и прославившего семью поэмой об истории турецко-венецианской войны 1500 года; епископа Сены Маркантонио Моцениго (XVI век); адмирала Лаззаро Моцениго (1624—1657),

¹ Морейская война — турецко-венецианская война 1684—1699 гг.

² Догат — время правления дожа.

³ Магриб — историко-географическая область на севере Африки.

*Портрет дожа Джованни Моцениго.
Худож. Дж. Беллини. Темпера по дереву. 1480-е гг.
Музей Коррер. Венеция*

чья довольно короткая карьера, прерванная внезапной смертью, была насыщена триумфами и доблестными поступками. В 1655 году его корабли разгромили флот турецкого командующего Мустафы, но сам адмирал потерял глаз. Вернувшись в Дарданеллы год спустя, Моцениго снова разбил турок. За подвиги он был назначен прокуратором¹ Святого Марка и удостоен конного изображения в мраморе. Во время третьего похода в Дарданеллы (1657) на корабле командующего венецианским флотом Лаззаро Моцениго взорвался погреб, и упавшая рея смертельно ранила героя.

Сохранившаяся портретная галерея дожей Моцениго позволяет лучше узнать политических деятелей как личности. Портрет Джованни Моцениго, выполненный между 1478—1485 годами темперой по дереву Джентиле Беллини, хранится в музее Коррер в Венеции. Портрет Альвизе I работы Якопо Тинторетто (холст, масло) 1570 года хранится в Галерее Академии в Венеции. На другом масштабном полотне Тинторетто, датированном 1570-ми годами, изображена семья дожа Альвизе I Моцениго. Правитель и догаресса (жена дожа) Лоредана торжественно восседают перед Мадонной. Рядом с ними сидят их дети с ангельскими крылышками, слева стоит брат дожа Джованни. Его собственный портрет работы Тинторетто хранится

*Мадонна с младенцем и семьёй дожа Альвизе Мочениго. Худож. Якопо Тинторетто. Холст, масло.
Около 1570 года. Национальная галерея искусств. Вашингтон*

¹ Прокуратор — вторая по престижу после дожа должность в Венецианской республике.

в Берлинской картинной галерее. Двое юношей справа на картине — сыновья Джованни Томмазо и Альвизе по прозвищу Альвисетто. Фоном для коллективного портрета послужил вид загородного имения семьи. Частый атрибут Девы Марии — розы — в контексте этой картины имеет двойной смысл. Ветвь Моцениго Сан-Самуэле называлась по-итальянски «Della rose»: розы цвели в Венеции в октябре 1571 года, когда Альвизе I разгромил противников в битве при Лепанто, и таким образом стали символом этой битвы и самого дождя. Картина долгое время висела во дворце Сан-Самуэле. Сейчас она находится в Национальной галерее искусств в Вашингтоне. Ещё одно полотно, вдохновлённое победой при Лепанто, кисти Джакомо Пальма Младшего (Якопо Негрети) называется «Дождь Альвизе Моцениго благодарит Деву за победу в битве при Лепанто».

Как правило, многодетные Моцениго жили по соседству и образовывали финансовое товарищество «фратерну», призванное не допустить размывание семейных денег.

Расположенные между площадью Сан-Марко и мостом Риальто дворцы Моцениго представляют собой комплекс примыкающих друг

другу зданий. Их фасады обращены на Гранд-канал. Гранд-канал — главная водная улица Венеции — делит город практически пополам. Природная транспортная артерия протяжённостью 3800 км совершает два изгиба и по форме напоминает латинскую S. Сейчас по каналу курсируют вапоретти — общественные водные автобусы, трагетти — транспортные паромы и водные такси. В старину венецианцы перемещались по каналам на гондолах. Вдоль Гранд-канала построены более 1000 дворцов. Для исторических зданий на венецианских каналах характерны строительные особенности: они стоят на сваях и имеют два входа, со стороны суши и со стороны воды. Через находящиеся в цокольном этаже водные порталы владельцы и гости, причалив на гондоле, попадали в дома. Водные порталы есть и в палаццо Моцениго.

Самый правый из дворцов со стороны Гранд-канала был перестроен архитектором Франческо Континой из бывшей фабрики в 1623—1625 годах и называется Палаццо Моцениго Каса Веккья. Арочные удлинённые окна, лёгкие колонны, балкончики с мраморными балюстрадами и невысокий мезонин разнообразят фасад.

*Палаццо Моцениго Каса Веккья. Венеция.
([https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Palazzo_Mocenigo_Casa_Vecchia_\(Venice\).JPG](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Palazzo_Mocenigo_Casa_Vecchia_(Venice).JPG))*

Слева находится дворец Каса Нуова: полу-круглые и треугольный фронтоны над окнами и семейные гербы украшают его парадный вход с воды. Большой атриум, величественная лестница и монумент в честь дожа-победителя в битве при Лепанто напоминают о том, что дворец использовался для торжественных приёмов.

Старый и новый дворцы соединяют выстроенные в стиле ренессанс два здания в четыре этажа «Чёрного Дворца». Их отличительной особенностью являются серлианы. Серлиана представляет собой окно с тремя проёмами, из которых центральный шире боковых и завершён полукруглой аркой, а боковые имеют стрельчатую форму. Название возникло от фамилии архитектора С. Серлио, описавшего декоративный элемент в трактате об архитектуре. Табличка на фасаде рассказывает о том, что здесь в 1818 году останавливался лорд Байрон.

Палаццо Моцениго ди Сан-Стае рядом с одноимённой церковью в систиере¹ Санта-Кроче представляет собой большое здание в готическом стиле, перестроенное в XVII веке, и имеет два одинаковых фасада: один выходит на улицу Сан-Стае, другой на улицу Рио.

Интерьеры дворца Сан-Стае поражают королевской роскошью. Стены, оббитые шёлком насыщенных тонов, холодный мрамор цветных полов, сияющая бронза люстр, элегантные линии каминов, картины в дорогом резном обрамлении, покрытые патиной зеркала говорят о богатстве и утончённом вкусе владельцев. В 1945 году последний хозяин дворца Альвизе Николо Моцениго передал его городскому муниципалитету с пожеланием сделать в нём музей. Сейчас в Палаццо Моцениго располагается Музей ткани, костюма и парфюмерии. Женские и мужские наряды из муара и парчи, украшенные разноцветными вышивками и роскошными кружевами, на фоне исторических интерьеров переносят посетителей в галантный век.

Помимо известных дворцов Моцениго владели ещё несколькими палаццо в Венеции и виллами за городской чертой.

Семейной усыпальницей Моцениго стала одна из самых больших венецианских приходских церквей базилика Санти Джованни-э-Паоло (итал. Santi Giovanni e Paolo). Массивное здание, построенное в 1430 году из красного кирпича в стиле итальянской готики, имеет форму латинского креста. Богатый храм украшают алтарные картины и фрески мастеров

живописи эпохи Возрождения Джованни Беллини и Паоло Веронезе. Перед церковью стоит конная статуя работы Андрея дель Верроккью. Базилика является пантеоном венецианской знати. В стенах храма, посвященного раннехристианским мученикам, нашли последнее пристанище 18 дожей, в том числе шесть Моцениго. Их мраморные надгробия поражают грандиозностью и великолепием. Памятник Пьетро Моцениго, выполненный из истрийского камня и мрамора скульптором Пьетро Ломбардо, восхваляет усопшего как великого военачальника. Величественный памятник дожу Джованни Моцениго создан Туллио Ломбардо из тончайшего каррарского мрамора. Надгробие Альвизе I и его жены представляет собой сложную композицию, включающую саркофаги, фигуры святых и Богородицы. На полу у входа лежат три плиты, под которыми покоятся останки дожей Альвизе I, Альвизе III и Альвизе IV.

Стоящая недалеко от дворцов Моцениго церковь Сан-Стае (Святого Евстафия) стала местом погребения Альвизе II. При жизни дож выделил 20 тысяч дукатов на отделку её парадной стороны. Мраморный фасад храма, соединяющий черты неоклассицизма и барокко, украшают колонны с пышными капителями и треугольный «разорванный» портал с аллегорическими статуями Веры, Надежды и Спасителя.

На острове Занте²

Название третьего по величине острова Ионического архипелага происходит от имени сына царя Фригии. Красоту утопающего в изумрудных лесах острова поэтично воспел в «Илиаде» Гомер. Занте соседствует с царством хитроумного Одиссея островом Итакой. Под предводительством Одиссея воины с Занте участвовали в Троянской войне. 20 знатных зантийцев были среди настойчиво сватавшихся к Пенелопе женихов.

Приблизительно в XVI веке до н. э. остров заселили пришедшие с Пелопоннеса ахейцы. Позже история острова была связана с Афинами, потом со Спартой, затем с Македонией. В начале II века Занте захватили римляне, но он сохранил свою автономию. Во времена Византийской империи на остров совершали набеги норманны, а в 1185 году он вошёл в состав Сицилийского государства. В 1485 году на Занте пришли венецианцы и владели им более 300 лет. Они

¹ Систиере — район (итал.).

² Занте — название острова на итальянском языке, Закинтос — на греческом, Закинф — латинизированное название.

дали острову поэтическое название «Цветок Востока» — «Фьоро ту Леванте». Жители острова с античных времён славились талантами к искусствам. Расцвет литературы, музыки и живописи пришёлся на XVII век, когда на остров после завоевания османами Крита переселились греческие мастера Позднего Возрождения. Господство Венеции было прервано Кампо-Формийским мирным договором 1797 года, по которому пришли французы. Через год французов заставил покинуть Занте адмирал Ф. Ф. Ушаков. При поддержке русского флотоводца остров вошёл в состав государства Семи Соединённых Островов. Протекторат России длился до 1807 года. По Тильзитскому миру французы вернулись на Занте, а 1815 году остров попал под управление британцев. В родную греческую гавань Занте вошёл в 1864 году.

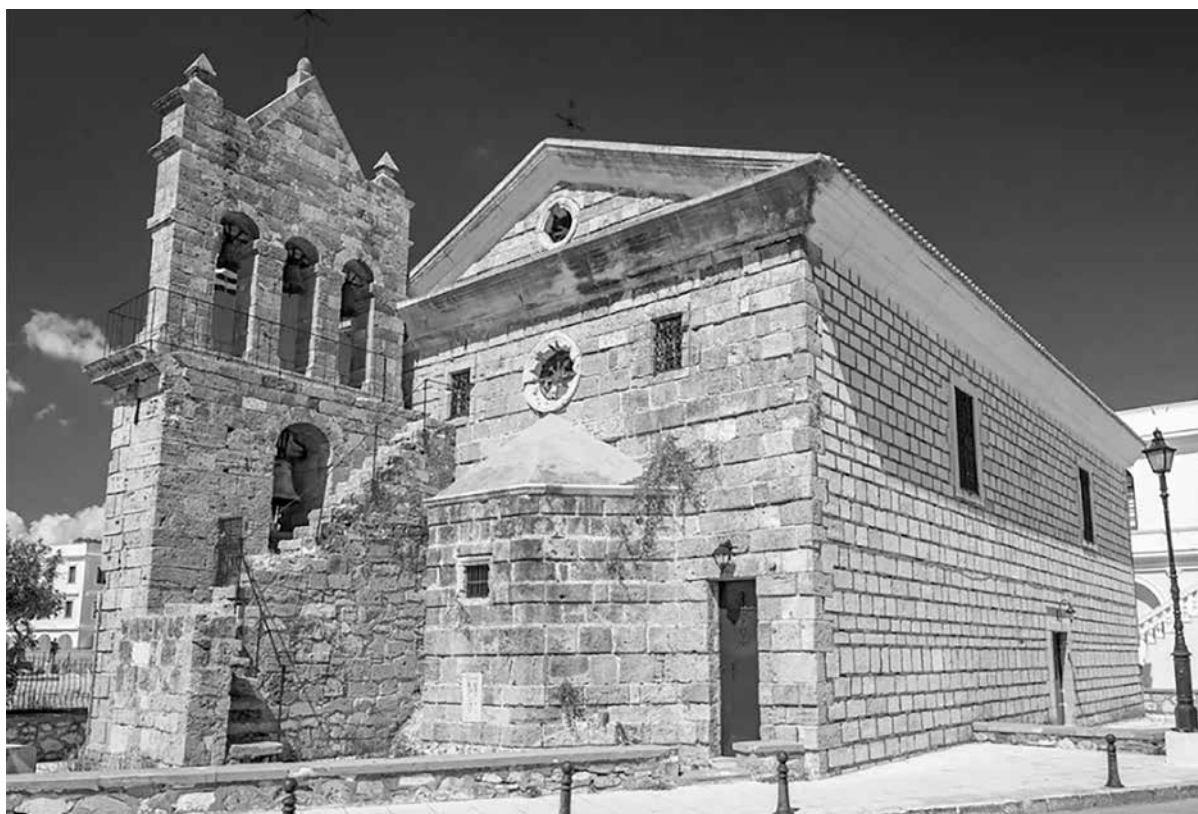
Остров имеет форму стрелы, острие которой мыс Сканари. Западная его часть представляет собой горное плато, юго-западное побережье покрыто крутыми скалами. На востоке растянулась плодородная равнина: несколько невысоких холмов разнообразят её монотонный профиль. В наши дни живописные природные голубые пещеры и каменные арки в сочетании с широкими песчаными пляжами

в северо-западной части привлекают туристов. Основными сельскохозяйственными продуктами острова являются оливковое масло, цитрусовые и виноград. С давних времён Занте поставлял в северную Европу «смородину» — мелкий сладкий виноград без косточек.

Местная культура за многие столетия соединила черты побывавших на острове народов. Но самый большой след оставили венецианцы. От времён Венецианской республики в городе Зксо Хора сохранилась старинная башня, на холме Бохали — замок, в столице острова городе Закинтосе — руины мощной цитадели и храм Святого Николая.

По преданию равноапостольная Мария Магдалина по пути из Палестины в Рим, куда она направлялась на суд против Понтия Пилата, основала на Занте христианскую общину. С этой легендой связывают название горной деревни Марьес и посвящение одного из первых христианских храмов Марии Магдалине. Самый известный храм на острове построен в честь покровителя Занте святого Дионисия.

Привнесённый итальянцами в начале XIV века латинский епископат не смог свернуть греков-островитян с православного пути. Попытки римской церкви подчинить себе

*Церковь Св. Николая. Закинф.
(<https://www.tutu.ru/geo/greece/zakynthos/article/sights/>)*

греческое духовенство остались безуспешными. Переселявшиеся на Занте венецианцы зачастую принимали православие. Так случилось с семьёй Моцениго.

Год прибытия первого Моцениго на Занте — 1500. За 300 лет до этого во время войны с французскими крестоносцами венецианский флот захватил расположенные на юго-западе Пелопоннеса крепости Метони (Модон) и Корони (Корон). Венецианцы восстановили разрушенные фортификационные сооружения и хорошо защитили порты с суши и моря. Благодаря стратегическому местоположению крепости сделались «очагами» Венеции в Ионическом море. Отсюда республика вела борьбу с пиратством и использовала доки для ремонта военно-торговых судов. С тех пор принимавшие участие в военной операции Моцениго обосновались на Пелопоннесе. Во время очередной венециано-турецкой войны Метони пал под натиском османов. По приказу капудан-паши¹ Кемаля Редиса гарнизоны крепостей были с особой жестокостью перебиты, а кости защитников сложены пирамидой и выставлены для устрашения жителей. Глава семьи Пьеро Моцениго погиб с мечом в руках, защищая дом и семью. Дети, сын Бернардо и две дочери, были схвачены и обращены в рабство. Спасти удалось только старшему сыну Франческо: на лодке он добрался до Занте. Удачный брак на богатой наследнице позволил ему чувствовать себя на острове уверенно. В 1522 году османские пленники обрели свободу, и семья воссоединилась. Франческо умер в 1549 году, став основателем зантийской ветви рода Моцениго.

Живший в XVIII веке на Занте греко-венецианский дворянин Массимилиано Моцениго был женат на знатной островитянке Таддее Гаэта и имел двух сыновей, Карло и Джорджио. У Карла (около 1720 — до 1790), в свою очередь, было три сына, даты рождения которых точно известны благодаря венецианской «Золотой книге»: Доменико родился 15 июля 1745 года, Джованни — 20 июня 1747 года, Анастасио — 30 июня 1749 года². Доменико и Анастасио связали свою жизнь с Россией.

С Занте происходит семья другого Моцениго, Деметрио, политика и дипломата, сослужившего добрую службу России. С большой долей вероятности можно говорить о близком семейном родстве между этими двумя ветвями рода: Деметрио, возможно, приходился троюродным братом Доменико и Анастасио [2].

Как венецианский граф стал российским статским советником. Димитрий Моцениго

В Италии он известен как Деметрио I Моцениго дель Занте, в России — как граф Димитрий Моцениго. Мы тоже будем его так называть.

Его прадеда звали Джакомо Моцениго. Дед, известный флотоводец Деметрио Моцениго, в Морейской войне 1684—1699 годов сначала командовал двумя кораблями, а затем в чине генерал-капитана возглавлял весь венецианский флот. Иногда Венецианская республика поручала командование сухопутными силами иностранцам, но никогда не вверяла флот в руки иноверца. Столь высокое доверие человеку, исповедующему православие, являлось исключением.

Отец, уроженец Занте, Деметрио Моцениго (около 1665 — около 1740) получил от венецианских властей в 1693 году титул графа. Женился граф Моцениго на дочери владельца острова

Портрет гожа Альвизе IV Моцениго.
Худож. Ф. Павона. Бумага, пастель. 1763 г.
Музей Палаццо Моцениго. Венеция.
(https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Alvise_IV_Mocenigo.jpg)

¹ Капудан-паша — титул командующего турецким флотом.

² Даты по григорианскому календарю.

Занте князя Токко и имел за женой богатое приданое. Сыновья получили первые имена по отцу. Братья Деметрио I и Деметрио III Николо были возведены Венецианской республикой в графское достоинство в 1748 году.

В энциклопедических изданиях биография Димитрия Моцениго изложена в нескольких предложениях. За краткой информацией о службе прячется жизнь со сложными изгибами судьбы.

На свет Димитрий появился в Венеции в 1723 году. 14 недель от роду малыш был взят на воспитание в семью своего крёстного отца Джованни Моцениго, будущего 118-го дожа Альвизе IV. На тот момент Альвизе состоял членом высшего магистрата Венецианской республики (итал. Savi del Consiglio).

Больше всего сведений о Димитрии Моцениго сообщил хорошо знавший его граф Семён Романович Воронцов. Известный дипломат приходился младшим братом княгине Екатерине Дашковой. После временной отставки Воронцов прожил несколько лет в Италии, где близко сошёлся с Моцениго. Свои воспоминания он начинает словами: «*Фамилия Моцениго — наипервейшая в Венецианской республике как гревностию своею, так и знаменитостью великих дел; что она учинила, всеми историками прославляется <...> ни которая другая столь большого числа дожей у себя не имела*» [3, с. 414].

В приёмной семье дожа юноша воспитывался до 20 лет. Все это время Димитрий был твёрд в православной вере: никакие уговоры знатного восприемника не смогли убедить его перейти в католицизм. Димитрий окончил престижный Падуанский университет со степенью доктора, но хорошее образование и полезные знакомства не помогли молодому человеку найти достойное место службы в Венеции, и он отправился на родину предков, остров Занте. Его супругой стала дочь графа З. Котгували Рубина (около 1730 — 1785). В семье родились сын Джорджио¹ (1764—1839) и дочь Кьяра² (около 1760 — около 1820).

Однажды к острову причалил корабль из эскадры адмирала Спиридова. Судно направлялось к берегам Морее, где по замыслу императрицы Екатерины II должно было начаться восстание греков против турецкого владычества. Корабль не имел ни карт, ни лоцманов, но «*имел нужду во всем и вместо помощи видя всевозможные препятствия, ибо губернатор острова не разрешил сходить с фрегата на берег и запретил*

островитянам подвезжать к кораблю» [3, с. 416]. Моцениго «*из жалости, из усердия к вере и империи нашей, несмотря на запрещение, послал более 300 человек своих поданных в разных барках с искусными лоцманам, кои, работая полторы сутки, с трудом и против чаяния, судно спасли и привели в порт, где тот же Моцениго уговольствовал экипаж всеми потребностями и склонил губернатора просьбами и подарками, дабы он позволил сему судну исправиться в Занте. <...> При отправлении из Занта он снабдил их картами и искусными лоцманами*» [3, с. 416]. Капитан, все офицеры и матросы заслуженно называли Димитрия своим спасителем. Узнав от русских моряков о чудесном избавлении корабля от беды и «*от всех греков о том, коль великий кредит имеет г. Моцениго в Греции, Албании и Далмации*» [3, с. 417], Алексей Григорьевич Орлов написал графу благодарственное письмо и приглашение поступить на российскую службу. Граф Орлов предложил Моцениго помогать российскому флоту и сообщать важные сведения о неприятеле. Взамен военачальник посулил Моцениго достойный чин и награды. Дело со словом не разошлось, и Екатерина подписала графу Димитрию патент на подполковничий чин. Первая реакция Моцениго на чин была отрицательная: он не считал себя человеком военным, да и сам чин по меркам его возраста был невысок. Поразмыслив, он ответил графу Орлову, «*что благодарит его не за патент (поелику он уже в таких летах, что, не служа доселе в войске, теперь поздно сему ремеслу учиться), но за то, что погдет ему случай оказать свое усердие столь великой Государыни, для которой он готов жертвовать себя и свое имущество, и что с сей поры он все свои дела оставит, чтоб упражняться порученными ему от графа*» [3, с. 417]. С того момента граф Димитрий Моцениго по поручению Орлова и адмирала Спиридова снабжал русские корабли, поставлял им лоцманов, карты морей и островов, «*описания разных мест неприятельских*», сообщал «*обстоятельные известия о приготовлениях турецких в тамошних округах*» [3, с. 417]. Он создал целую разведывательную сеть в Морее, Дульниции, Кандии и Тунисе. Используя влияние своей семьи в Цимаре, Албании и Далмации он смог рекрутировать в этих провинциях более пяти тысяч солдат и доставил их к кораблям. Все его сообщения о вооружении неприятеля были «*верны и обстоятельны*» [3, с. 417]. Информация от Моцениго помогла избежать

¹ Еоргиос или Йоргос — по-гречески.

² В России звалась Кларой.

неминуемую гибель части российского флота, стоящего у острова Парос. Благодаря многочисленным друзьям граф Димитрий имел сведения не только о ситуации на Архипелаге, но в Венеции и Константинополе. Орлов и Спиридов называли его «наш спаситель», «наш верный сторож» и утверждали, что его прозорливость даёт им возможность «*пребывать спокойно*». Венецианцы, несмотря на вековую ненависть к туркам, не приветствовали укрепления позиций России в Средиземноморье и с подозрением относились к деятельности Моцениго. С другой стороны, граф Димитрий вызывал негодование турецких пашей, которые угрозами требовали от венецианцев его наказать.

«По желанию гр. Орлова [Моцениго. — Е. В.] принимал под свое покровительство тех несчастных морейцев, которые, спасаясь от турецкого мщениа, искали убежища на Занте. Тогда-то он погал первую мысль о том, чтобы брать детей у этих несчастных и отсылать их в Россию на воспитание, что послужило поводом к утверждению известного «греческого корпуса» [3, с. 419]. Когда граф Моцениго находился на Занте и тайно организовывал вывоз греческих детей, губернатор Занте, поставленный управлять островом Венецианской республикой, постарался принудить Моцениго покинуть остров, а, не достигнув успеха, арестовал его. Из-за популярности графа на острове для ареста была послана команда в 400 солдат. Дом Моцениго был разграблен, а жену на нервной почве разбил инсульт, от которого она не могла оправиться до конца дней.

Пленного графа увезли на Корфу, где он провёл в заточении восемь месяцев. В ожидании неминуемой кончины он составил духовное завещание, которым доверил своих детей заботам русской императрицы. «Он, и в темнице будучи, усердием, разумом и не щадя своего разоренного имущества, нашел способ служить флоту, как будто находился в Занте и на воле: ибо покупая стерегущих его офицеров, стал сначала переписываться с знакомыми ему богатыми корфиотами, кои давали ему займы денег, которыми он награждал офицерство и чрез то имел способ продолжать свои переписки и по оным уведомлять о всем адмирала» [3, с. 422]. От гибели Моцениго спас Спиридов; Орлов был в это время в Петербурге. После официального известия о том, что Моцениго, «*поданный республики, впадший в непослушание и почти явный бунт, посажен в темницу, но как слух носится, якобы он находится на Российской службе, то, если сие несложно и господин адмирал* [Спиридов. — Е. В.] *его потребует, он возвращен*

бюджет без задержания». Спиридов, опасаясь отравления Моцениго ядом, «*повелел нашим судам всячески привязываться к Венецианским купеческим и, арестовав, приводить в Парос, аки бы доставляющих неприятелю наши припасы*» [3, с. 421]. Военный шантаж оказал действие, и Сенат решился освободить Моцениго. Граф Димитрий был передан А. Г. Орлову на Паросе. Под страхом смертной казни ему отныне было запрещено показываться в пределах Венецианской республики.

Выйдя на свободу, узник с женой и двумя детьми отправился в Петербург. Дальняя поездка стала возможной благодаря выделенным императрицей деньгам. «*В Петербурге Моцениго просил вице-канцлера помочь возместить понесенные им за время службы убытки*» и «*истребовать от венецианцев разрешения от запрещения ему сделанного*», а «*также должность равную министерской в Тоскане или в каком-либо другом городе Италии с чином и жалованьем, его достойным*» [3, с. 423]. В 1780 году Моцениго был назначен генеральным консулом России в Пизе, с 1782 года состоял русским поверенным в делах, с 1785-го — посланником при Тосканском дворе. Статус консула (посланника) приравнивался к статусу министра.

Находясь в Пизе, Д. Моцениго помимо дипломатической работы выполнял обязанности казначея. На нём лежала обязанность контролировать сделанные в Италии расходы и долги русских моряков. Так, в ноябре 1782 года он получил извещение из канцелярии Тосканского двора о том, что «*разные особы города Ливорно зделали представление на офицеров эскадры под командою г-на контр-адмирала Сухотина пребывавшия в згешнем порте несколько месяцев до прошедшей весны, за долги оставшие ими, которые, не взирая на обещание их зделать удовольствие до ныне еще не оплачены*» [4, л. 1]. Обращение в Морское министерство в Петербург граф сопроводил реестром должников и просьбой выделить средства «*дабы не допустить до того, чтобы кредит потеряли*» [4, л. 2]. Через 4 года из Флоренции Моцениго снова информировал столичное министерство: «*Имею честь доставить щет платежам мною учиненным ливорнским заимодавцам за офицеров с эскадры г-на вице-адмирала Сухотина и г-на адмирала Чичагова*» [5] и предлагал покрыть долги за счёт суммы в 300 цехинов, оставшейся от выплат офицеров из команды адмирала Сенявина кредиторам.

В должности консула он оказал услугу грекам с Менорки. После завоевания Менорки Испанией проживавшие там греки подверглись

изгнанию. По поручению императрицы Моцениго предложил грекам российское покровительство. 17 семей согласилось его принять, в том числе Алексиано. Спустя годы Моцениго и Алексиано породнились.

За годы русской службы Моцениго не получал ни жалования, ни подорожных денег на поездки из Занте в Пизу, Венецию и Флоренцию, ни награждений. Разведчикам в Морее, Кандии и Тунисе он платил из своего кармана.

В 1786 году Моцениго был возведён в статские советники и получил чин генерала русской армии.

Дом Моцениго в Пизе был гостеприимно открыт для друзей из России. Воронцов писал брату: *«Ты часто слышал от меня о гружбе моей с покойным графом Моценигою. Он сделал мне великия одолжения во время втораго моего путешествия по Италии, после войны. Я тогда заболел тяжело в Пизе, и он ходил за мною, как за родным. С той поры он еще более доказал мне свою гружбу. Отправившись в Пизу по кончине жены, я был болен, и болезнь дошла до того, что доктор Рицци в течение нескольких дней считал, что я уже больше не встану. Тогда граф Моцениго необыкновенно как заботился обо мне и о моих бедных детях; он обращался с ними, словно с родными детьми»* [3, с. 425]. Княгиня Е. Дашкова-Воронцова, описывая европейское путешествие, вспоминала: *«В Пизе я жила у нашего представителя, графа Моцениго. У него был собственный дом, где мы и расположились очень удобно. Этот хороший, честный человек жил со своей семьей по старинным обычаям. Он занимал с женой и дочерью одну комнату, другую предоставил своему сыну, а третья служила ему кабинетом. Остальную же часть дома он предоставил мне»* [6].

Гостил у Моцениго известный архитектор Н. А. Львов. Приверженец итальянской классики и поклонник архитектора Палладио во время путешествия по Италии делал заметки об архитектурных памятниках и попутно зарисовал 9 (20) июля¹ 1781 года открывающийся из дома графа Димитрия в Пизе вид на набережную реки Арно с церковью деи Спини (итал. Chiesa dei Spini) [7].

Финансовые неудачи долго не отпускали графа. Придворный банкир Сутерланд получал от Моцениго товары из Италии и вырученные от продаж деньги употреблял на свои спекуляции. Граф Димитрий просил петербургские коллегии взыскать причитающиеся ему деньги с Сутерланда и, не дождавшись решений,

обратился к императрице с просьбой поручить дело Г. Р. Державину. Поэт в качестве личного секретаря Екатерины II занимался разбором прошений на её имя. В числе спорных дел на рассмотрении Гавриила Романовича особняком стояло дело барона Ричарда Сутерланда, посредника Российского императорского двора при иностранных займах. Державин подозревал финансиста в нечистоплотности с казёнными деньгами [8]. Дело шло к суду. Но в последний момент получивший взятку в 15 тысяч рублей свидетель от показаний против Сутерланда отказался. Банкир вышел сухим из воды. Убытки Моцениго от неудачных коммерческих операций составили 120 тысяч рублей.

К концу жизни венецианские власти смягчились и разрешили опальному графу въезд в республику. Тяжело больной Моцениго вернулся в Венецию, где 2 мая 1793 года скончался. Пышное отпевание под звуки органа состоялось 5 мая в греческой православной церкви Сан-Джорджо-деи-Гречи (итал. San Giorgio dei Greci) [9].

Православный храм во имя Св. Георгия был построен в Венеции в XVI веке средствами греческой общины города. Для росписи церкви с острова Крит был приглашён иконописец Михаил Дамаскин. Купол храма расписал Иоанн Киприот под наблюдением художника Тинторетто. Расположенную слева от Царских врат икону Христа Пантократора подарила дочь последнего византийского Великого дуки (главнокомандующего флотом) Анна Нотара. Надгробная плита Димитрия Моцениго лежит перед церковным иконостасом.

Наградой за службу России графу Моцениго стал орден Св. Владимира 4 степени (ст.). Эпитафией ему могут служить слова Воронцова: *«Имя графа Моцениго должно сохраниться признательно в исторических преданиях русского народа. Он пострадал за свою приверженность к православной вере и к России»* [3, с. 425].

Дипломат и политик Георгий Моцениго

Джорджио или Георгий, единственный сын Димитрия Моцениго, азы дипломатической работы осваивал под руководством родителя и в начале карьеры исполнял обязанности советника русской дипломатической миссии в Тоскане. В России его величали графом Егором Дмитриевичем Моцениго. На самом деле он не имел официального титула венецианского графа,

¹ Здесь и далее первая дата соответствует юлианскому календарю, вторая в скобках — григорианскому.

поскольку являлся российским поданным. Молодой Моцениго быстро продвигался по службе: в 1786 году — коллежский асессор, в 1791-м — надворный советник, в 1798-м — статский советник, в 1801-м — действительный статский советник. 13 (25) ноября 1817 года император Александр I *«находящегося в Неаполе министром нашим действительного статского советника графа Моцениго в качестве вознаграждения усердной и ревностной службы его»* пожаловал в тайные советники [10]. С 1793 по 1797 год Георгий Моцениго — поверенный при тосканском дворе, с 1797 по 1801-й — российский посланник в Тоскане, с 1802 по 1807-й — полномочный представитель России в Республике Семи Соединённых Островов.

Заслуженными наградами дипломата за долгие годы службы стали ордена Св. Анны 1 ст., Св. Владимира 2 ст., Св. Александра Невского и иностранные ордена Св. Иоанна Прусского (Пруссия), Св. Леопольда 1 ст. (Австрия) и Большой крест Св. Маврикия и Лазаря (Сардиния).

На протяжении нескольких столетий Ионические острова входили в состав Венецианской республики. После её раздела в 1797 году 35-тысячный корпус Наполеона по пути в Африку высадился на Мальте. Конец Мальтийского ордена российский император Павел I, протектор ордена, расценил как личное оскорбление. За всплеском эмоций последовали действия. Павел провозгласил Мальту губернией Российской империи и объявил о вступлении России в антифранцузскую коалицию. Поход объединённой русско-турецкой эскадры под общим командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова к Ионическим островам закончился блистательной победой. В 1800 году союзники подписали конвенцию, по которой на территории семи островов было создано государство с республиканской формой правления. Республика Семи Соединённых Островов — Корфу, Пакоса, Лефкаса, Кефалинии, Итаки, Занте и Китиры — стала первой формой греческой государственности со времён падения Константинополя и просуществовала до 1815 года. Святой Марк на флаге республики символизировал её преемственность от Венецианской республики. Формально она зависела от Османской империи, на деле её защищал русский флот. Органом управления республики являлся Сенат, ведающий экономическими, военными и политическими вопросами. Каждый остров выбирал в него своих представителей. Принятая при Ушакове конституция обладала рядом недостатков, одним из которых было высокое представительство в Сенате нобилей за счёт снижения квоты городского сословия.

Диспропорциональность породила антидворянские выступления. Попытка даровать верхушке городского населения титулы не принесла согласия. Для разрешения политического кризиса Сенат республики решил обратиться к России. Поздравление от Республики Семи Соединённых Островов новому императору Александру I по случаю восшествия на престол и просьбу прислать на Корфу воинский контингент отвёз в Петербург Георгий Моцениго. Успешно справившись с возложенной на него миссией и заслужив доверие императора, он был отправлен на Ионические острова в качестве полномочного представителя России с широкими правами. Петербург предложил для примирения враждующих сословий изменить островную конституцию. *«Задача по подготовке нового проекта основного закона легла на плечи полномочного представителя России при республике Г. Д. Моцениго, пребывающего на тот момент в Италии. К порученному ему делу дипломат подошёл весьма серьёзно. По его мнению, в будущей конституции должен был существовать такой противовес аристократии, который, не посягая на принцип аристократической конституции, "обуздывал бы честолюбие знати, успокаивал завистливую подозрительность народа и боязнь угнетения", а также лишал всё тот же народ возможности в будущем мешать действиям правительства»* [11, с. 137].

5 (17) августа 1802 года Г. Моцениго прибыл на Корфу, а спустя две недели в бухте Керкиры кинули якоря два русских фрегата с 1600 солдатами на борту под началом капитана 1 ранга А. А. Сорокина.

«Зимой 1802—1803 гг. Моцениго завершил свой проект и, предвидя реакцию на его введение, писал Александру I, что аристократам новая конституция, возможно покажется радикальной, они будут даже уязвлены, а "лицам, которые ни в одной стране мира не заслуживают быть допущенными к управлению государством, покажется страшно аристократической"» [11, с. 140]. Конституция, предложенная Моцениго, вобрала в себя некоторые моменты из независимого проекта русского дипломата А. Я. Италинского. Она носила прогрессивный характер, но, несмотря на провозглашённый отказ от монополии дворянства на власть и зависимость политических прав не от происхождения, а от собственности, полностью решить социальное неравенство в политическом управлении не смогла. Согласно новому основному закону, произошло разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную. Детально разработанный проект конституции,

Портрет Георгия Дмитриевича Моцениго.
Неизв. худож. XVIII век. Темпера по дереву.
(http://www.hecucenter.ru/ru/greekfamily/greki_v_istorii_rossii_georgios_mochenigo.html?ysclid=mgap5nkfux712523998)

включающий 212 статей, был отправлен на утверждение российскому императору.

Старый Сенат был распущен, и летом 1803 года к выборам во временное законодательное собрание Республики получили доступ «второклассные» граждане.

В речи, произнесённой на корфиотском синклите¹, Моцениго изложил взгляды на организацию политического управления Республики Семи Соединённых Островов и подчеркнул важность созидательного участия граждан в жизни государства, их умеренности и трудолюбия, «ибо Республика Семи Островов не имеет обширного поля для честолюбия; роскошь не находит в ней пищи и праздность существовать не может» [12].

На посту полномочного представителя России в Республике Семи Соединённых Островов Г. Д. Моцениго проявил себя не только мудрым политиком, конституционным экспертом, но и ответственным исполнителем, на плечи которого легли обязанности по снабжению русского военного контингента на островах. В Российском государственном архиве

военно-морского флота находятся записки Г. Д. Моцениго, сделанные за несколько месяцев 1807 года [13], депеша Моцениго адмиралам Чичагову и Грейгу с инструкцией о восстановлении верфей на Корфу [14], постановления островного комитета в составе генерала Анрепа², Моцениго и адмирала С. Грейга «об образе действия русской эскадры в случае встречи с французской эскадрой, вышедшей 18-го января из Тулона» [15], по которым можно судить об обширной деятельности дипломата.

Г. Д. Моцениго дал «путёвку» в большую политику Иоаннису Каподистрии, будущему первому президенту независимой Греции (год избрания 1827). В 1803 году Каподистрия, молодой аристократ с блестящим образованием, был назначен государственным секретарём Республики Семи Соединённых Островов по иностранным делам, торговле, коммерции и образованию. В это время он тесно сотрудничал с Моцениго; Георгий Дмитриевич писал о нём в Петербург лестные отзывы. Благодаря рекомендациям Моцениго в 1809 году Каподистрия получил приглашение Александра I приехать в столицу и был зачислен в российское министерство иностранных дел в чине статского советника. В 1815 году статс-секретарь по иностранным делам Иван Антонович (имя, которое он получил в России) Каподистрия подписал от имени Российской империи Парижский мирный договор, поставивший точку в войне с Наполеоном.

Столица Республики Семи Соединённых Островов древняя Керкира в начале XIX века представляла собой маленький город со множеством церквей и несколькими общественными зданиями, построенными в венецианский период. Описание Керкиры дал граф А. Х. Бенкендорф: «Цитадель, арсенал, казармы, все фортификационные сооружения свидетельствуют о великолепии Венеции и о громадных суммах, которые она употребила, чтобы обезопасить этот ключ к Адриатическому морю от любой атаки <...> Весь остров, за исключением нескольких венецианских семей, которые там обосновались, следует греческой вере; в кафедральной церкви находятся мощи Святого Спиридона; их проносят в определенный день с большим почетом по всему городу; войска тогда под ружьем, весь деревенский люд стекается, чтобы почтить своего покровителя; колокола по всей стране и пушки укреплений разносят

¹ Синклит — собрание высших сановников в Древней Греции, сенат в Византии.

² Р. К. Анреп в 1804 году в чине генерал-майора был направлен командовать русскими воинскими подразделениями на Корфу.

вдаль весть об этом торжественном празднике» [16, с. 101]. В порту гордо веял Андреевский флаг, напоминая о том, что на защите республики стоят российские войска.

Живя на Корфу, Георгий Моцениго не на шут-

Мраморный бюст Елены Армени-Моцениго.
Музей Каподистрии. Керкира

ку увлёкся одной из самых красивых женщин острова. Елена Армени, дочь врача и секретаря Ионического сената Иоанниса Армениса (1753—1837) и венецианки Регины-Василики Фальер, родилась и выросла на Корфу. Елена была наделена красотой, изяществом, живостью ума и имела способности к искусствам. Она получила хорошее образование и юность провела в Венеции. Изысканное общество утончённых венецианок, театр, литературные салоны сформировали её художественные вкусы. Она была дружна с писательницей, хозяйкой салона Изабеллой Теотоки Альбрицци и литератором-переводчицей Марией Петреттини, выходцами с Корфу историками Андреасом Мустоксидисом и Марио Пьери. Сохранилась принадлежащая Елене коллекция из десяти нотных альбомов. По её заказу в Венеции были выполнены копии ста арий и дуэтов популярных композиторов. Помимо личных достоинств Елена являлась наследницей большого состояния. Первый брак красавицы — «союз по договору» — со Спиридоном Мацедо (итал. Spiridon Macedo) быстро закончился расставанием. Спруг не соответствовал её высоким идеалам.

Соперником графа Моцениго в сражении за сердце прекрасной Елены стал Александр Христофорович Бенкендорф, будущий начальник тайной полиции, активно участвующей в подавлении восстания декабристов и осуществлявший слежку за Пушкиным. На Корфу граф Бенкендорф прибыл в 1804 году в составе экспедиции генерала Г. М. Спренгпортена с целью военно-стратегического обследования острова и остался на несколько лет при русском корпусе. Генерал Анреп поручил ему сформировать партизанские отряды для защиты Корфу от Наполеона.

Ценитель женских прелестей Бенкендорф окунулся в пучину романтических приключений. Список побед графа на острове выглядит внушительно. Устоять перед Александром Христофоровичем не смогли жена капитана Белли, графиня Дусмани, некая безымянная молодая любовница неназванного старого графа, статистка балета, дама «прекрасной наружности», знакомство с которой Александр Христофорович свёл в местном театре, мадам Лекюейр, известная Бенкендорфу по Константинополю.

По его собственному признанию в Елену Армени он влюбился со всей силой страсти и посветил ей много времени и чувств. *«Я проводил подле нее и утра и вечера и посредством нежных забот и настойчивых ухаживаний гостин*

Портрет А. Х. фон Бенкендорфа.
Худож. Дж. Доу. Холст, масло. 1822 г. Гос. Эрмитаж.
С.-Петербург

наконец того, что прочно обосновался в лангшафте прекрасной Армении. К какому только безрассудству не приводит чувство! Я рискнул ей внушить, что могу жениться на ней, и потому она решилась не делать более из нашей связи большого секрета, не скрывать ее перед своей матерью и полностью отправить в отставку всех своих воздыхателей, в том числе и самого господина Моцениго» [16, с. 108]. Но Бенкендорф недооценил соперника. «Тот прикинулся моим другом, с достоинством смирившимся со своей участью, но на деле не мог простить мне моего любовного успеха и устроил так, что заставил меня уехать с Корфу. Он приложил все силы, чтобы выставить меня коварным и позорительным перед правительством и даже перед моим покровителем — славным генералом Анрепом; смысл всех моих дел и поступков как командира зилотов¹ был представлен им в извращенном виде: он измыслил, что я занимаюсь обучением зилотов лишь для осуществления каких-то своих тайных и опасных политических планов, в его наветах я был выставлен как тщеславный выскочка, внушавший зилотам видеть во мне их вождя, якобы для этого я стал носить их столу² (я действительно ее носил, но вовсе не для того, чтобы купить их патриотизм и расположение, а исключительно чтобы постичь ментальность грека), и даже приказывал им называть себя ромейским³ эфенди⁴; истолковал весьма ловким и весьма гнусным образом предложения, которые я сделал несколькими албанским вождям. В конце концов он добился своего: генерал Анреп, который не имел права предупредить меня об этой интриге, проникся подозрениями и в один прекрасный день объявил мне, что должен послать меня в Петербург, чтобы донести до императора самые подробные сведения о том положении, в котором находилось наше устройство на Корфу. Истинную причину моей отправки я узнал лишь спустя несколько лет и поэтому готовился покинуть своих возлюбленных лишь на несколько недель. Мои сердечные прощания с храбрыми зилотами, к которым я действительно привязался, лишь дали повод посланнику добавить клеветнического дегтя в мою репутацию офицера ... Мое расставание с мадам Армении было очень нежным, мы обещали друг другу аккуратно писать, и весь

дом, вплоть до ее кавалера Сервенто, рыдал. Я поднялся на борт корвета «Астраль» и отбыл в Триест» [16, с. 108—109]. На борт корвета вместе с Бенкендорфом поднялась часть труппы театра Корфу. «Это общество, отвлекая меня от сердечных недугов, заставило меня быстро забыть мадемуазель Армении, и наше плавание, длившееся 7 дней, стало увлекательной прогулкой» [16, с. 110.]. Судить об искренности чувств и переживаний Бенкендорфа с расстояния в два столетия сложно.

Георгий Моцениго победил в споре с соперником за сердце прекрасной Елены и был вознагражден долгим счастливым браком. Свадьба на Корфу прошла со всей возможной пышностью. Поэт Антониос Мартелос посветил новобрачным эпиталям⁵ из 54 четверостиший. Одним из шаферов на свадьбе был сын Панайотиса Бенакиса, богатейшего грека Пелопоннеса, оказавшего поддержку Орловскому восстанию.

После того, как островное государство прекратило своё существование, чета Моцениго покинула Корфу и обосновалась в Венеции. В январе 1811 года Георгий Дмитриевич получил назначение посланником России в Сардинии. Путь к новому месту службу пролегал через Вену. В Австрии он задержался на год. За это время место службы изменилось, и теперь ему предстояло ехать на Сицилию. Опасаясь французских корсаров и пиратов, Г. Д. Моцениго из Вены обратился с письмом к маркизу де Треверсе⁶: «Наши прежние служебные отношения, установившиеся между нами во время моего управления островом Корфу, но еще более приветливый прием, которым Вы меня осчастливили во время моего последнего пребывания в Петербурге, дают мне смелость обратиться к Вам с этим письмом. В нем я хочу предупредить Вас о просьбе, с которой я обращаюсь Его Превосходительству г-ну Канцлеру Империи о том, чтобы он был так любезен и выпросил у Его Императорского Величества, нашего Высочайшего Повелителя, разрешение предоставить мне вооруженное судно, на котором я бы мог достигнуть, если не самого Палермо, место моего назначения, то хотя бы оно довезло меня до Занте, где мне будет легче, чем в Константинополе, добыть английский фрегат для дальнейшего следования» [17].

¹ Здесь зилоты — жители горной Албании, бежавших от притеснений турок на Ионические острова.

² Стола — традиционная мужская одежда греков и албанцев.

³ Ромеями греки называли жителей Византии. В данном контексте это образное выражение.

⁴ Эфенди — титул и вежливое обращение в Турции.

⁵ Эпиталама — у древних греков и римлян поздравительная песнь новобрачным.

⁶ И. И. Траверсе — адмирал, с 1811 по 1815 год российский министр морских дел.

Государь-император дал своё согласие на просьбу Моцениго. Из уважения к заслугам дипломата для поездки на Сицилию ему был предложен быстроходный военный корвет, имеющий право входить в международные порты.

Прослужив три года посланником России на Сицилии, Георгий Дмитриевич всё-таки в 1818 году добрался до Сардинии. Здесь он совмещал обязанности российского посланника на острове с работой представителем России в Парме, Пьяченце и Гвастале.

В 1821 году император Александр I высочайшей грамотой пожаловал тайного советника Моцениго за «соблюдение дружественных сношений» с Туринским двором кавалером ордена Св. Александра Невского [18].

Граф, дабы доставить удовольствие своему венценосному покровителю, присылал из Италии в Россию виноградные лозы для разведения и деликатесы к императорскому столу — шоколад и хрустящие хлебные палочки.

После смерти Александра I специальная комиссия занялась подсчётом потраченных Моцениго на Корфу средств для разных чрезвычайных нужд и войскового продовольствия. Делом занялся 5 (уголовный) департамент Сената. В 1827 году российский посланник при Туринском дворе по собственному прошению ушёл в отставку. Император Николай I выказал графу свою благосклонность и подписал из Царского села указ о награждении Георгия Дмитриевича за долговременную и усердную службу ещё одним орденом Св. Александра Невского, на этот раз с алмазными украшениями.

Из Италии Георгий и Елена не переставали следить за борьбой греков за независимость. Патриот и филантроп, Елена финансово поддерживала фонд И. Каподистрии, обеспечивающий образование вывезенных в Италию из охваченной восстанием Греции сирот.

Г. Д. Моцениго умер в возрасте 77 лет в 1839 году и был похоронен рядом с отцом в православной церкви Сан-Джорджио-дей-Гречи в Венеции. Елена пережила мужа на год и скончалась в Падуе. Она погребена на венецианском кладбище Сан-Микеле. Георгий Дмитриевич завещал библиотеку располагавшемуся на Корфу училищу Эфебеион. Его воспитанники по окончании курса становились филологами. Своим завещанием вдова оставила 30 000 итальянских лир греческой церкви в Венеции, 10 000 лир греческой школе Флангиниана¹, выделила средства на обучение молодых корфиотов за границей

и на приданое девушкам из бедных семей. Елена Моцениго-Армени вошла в историю как щедрый благотворитель, живший за пределами Греции и жертвующий средства на нужды образования и культуры родной страны.

Героическая флотилия

Портрет Ламброса Кацониса.
(Пряхин Ю. Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб. : Алетей, 2004)

Кем был Ламброс Кацонис (Ламбро Качиони), однозначно не скажешь: патриот Греции, объявивший личную беспощадную войну Оттоманской Порте; жестокий пират, уничтожавший без сожаления врагов; полковник российской армии, не всегда подчинявшийся воинскому уставу; прототип овеянного романтикой героя поэмы Байрона «Корсар» [19].

Военная карьера энергичного грека началась во время Архипелагской экспедиции Екатерины II или, как в Европе называли русско-турецкую войну 1768—1774 годов, Орловского восстания. После подписания Кючук-Кайнарджийского мира сержант Кацонис вместе с другими греками, пожелавшими служить в России, прибыл в Керчь-Еникале. В 1781 году он был произведён

¹ Учебное заведение, действующее в Венеции и названное в честь главного спонсора.

в поручики и командирован в Персию с дипломатической миссией под началом графа Марко Войновича: делегации предстояло склонить Ага-Мохаммед-хана к совместным действиям с Россией против Османской Порты. За усердие и заслуги императрица пожаловала Кацониса российским дворянством.

Возвратившись в Крым, он продолжил службу в Греческом полку. С началом новой русско-турецкой войны 1787—1791 годов, благодаря личной настойчивости, Ламброс попал в эскадру контр-адмирала Н. С. Мордвинова и получил небольшое судно. Действуя на свой страх и риск, он отличился во многих боевых операциях, в том числе под Очаковым. Затем Кацонис купил на собственные средства первое судно, вооружил его, укомплектовал людьми и назвал в честь русской императрицы «Минерва Северная». Вскоре майору Кацонису было доверено создать лёгкую мобильную флотилию из числа каперских судов. Задачей плавучего отряда флибустьеров¹ под Андреевским флагом являлось предотвращение коммуникаций флота² неприятеля в Средиземном море и Греческом архипелаге. Вместе с двумя российскими кораблями, добавленными ему в помощь, Кацонис пошёл к островам Кефалония, Занте и Китира. Здесь к нему присоединились несколько греческих судовладельцев, которых Кацонис привёл в присяге на верность службе и выдал им патенты. Право производства в морские чины Ламброс Кацонис получил как командующий лёгкой российской флотилией.

Каперские свидетельства (патенты) давали право брать в плен и уничтожать боевые и перевозившие грузы для неприятеля торговые суда не только Османской империи, но и нейтральных стран. Захваченные призы (корабли и грузы) являлись законной добычей флотилии.

Корабельный состав флотилии от года к году менялся: увеличивался за счёт присоединившихся греческих кораблей и «призов», уменьшался из-за необходимости ремонта, неизбежных потерь или решения греческих капитанов прекратить каперскую деятельность. Всего Кацонис провёл четыре морские кампании. К лету 1788 года в состав флотилии Кацониса входило десять хорошо укомплектованных судов. Первая компания закончилась осенью с прибытием флотилии Кацониса на остров Занте. После недолгой стоянки и отдыха отряд отплыл в Триест

для ремонта и пополнения снаряжения. Вторая кампания Кацониса стартовала из Триеста к Ионическим островам и далее в Архипелаг в первых числах апреля 1789 года. На этот раз Кацонису предстояло взаимодействовать с российской императорской флотилией под командованием морского капитана мальтийца по происхождению Гулермо Лоренцо. Новый сезон открыло сражение объединённого отряда в Адриатическом море у берегов Албании рядом с портом Дулциньо. В ходе битвы было повреждено и уничтожено много турецких и албанских кораблей. В мае во время ожесточённого неравного морского сражения с 30-ю турецкими и алжирскими кораблями флотилия потеряла 5 судов. Отряд вынужденно отошёл к Ионическому архипелагу, где базой для него стал остров Кеа и акватория вокруг него. С Кеа флотилия осуществляла рейды, блокируя проход судов через Дарданеллы и уничтожая корабли с продовольствием для Константинополя. У острова Сирос состоялась очередное сражение с группой турецких кораблей, высланных для нейтрализации флотилии.

Отношения с Лоренцо Гулермо у Кацониса сложились непростые, их действия не всегда были согласованными. В конце концов Кацонис, нарушив Морской устав, без какого-либо разрешения покинул район крейсерства в Архипелаге и только своей командой прибыл в августе 1789 года в Сиракузы. В 1791 году особенно активно флотилия действовала в заливе Воло под руководством заместителя Кацониса Николая Касими.

Конец второй русско-турецкой войне положил подписанный 29 декабря 1791 года (9 января 1792 года) Ясский мирный договор. Однако Кацонис останавливаться не собирался. В знак протеста он увёл в Мани для продолжения собственной борьбы за независимость Греции 11 боевых судов и 200 человек команды. В июне 1792 года под натиском османских и французских войск полковник Кацонис вынужденно оставил базу на Пелопоннесе и переместился на остров Китиру, а затем на Итаку. Венецианские власти, опасаясь османов, отказали ему в убежище. На два года Ламброс стал международным изгоем. «*Это было ценой за мятежное выступление против официальной политики Российского правительства, условий заключённого Ясского мирного договора*» [19, с. 97]. Только в 1794 году полковник Кацонис через фаворита

¹ Флибустьеры — морские разбойники.

² Морские коммуникации — система, обеспечивающая перевозки войск, военных и экономических грузов.

Екатерины II графа Платона Зубова получил уведомление вернуться в Россию.

В феврале 1789 году на острове Занте во флотилию Ламброса Кацониса был принят 44-летний Доменико, сын графа Карло Моцениго [20].

Доменико Моцениго. 30 лет в строю

Доменико Моцениго вступил в эскадру полковника Гулермо в составе флотилии Л. Кацониса на собственном судне и сразу был произведён в зауряд-офицеры¹. В 1789 году он принял участие в сражении между островами Сиро и Даллес, в 1790-м — между островами Андрос и Кавадоро, где получил ранение в правую руку [21, с. 90]. По окончании войны прапорщик Доменико Моцениго продолжил службу в составе Одесского Греческого пехотного батальона.

История греческого воинского подразделения началась после окончания Архипелагской экспедиции. Россия не бросила на произвол судьбы греков-патриотов, участвовавших в военных действиях против Османской империи, и добилась в послевоенном договоре от Турции разрешения на свободный выезд всех желающих христиан в Россию. Несмотря на название — Албанское войско — при его формировании в нём преобладали этнические греки. *«Название войска является ничем иным, как переводом турецкого слова "арнауты". Так турки-османы называли не только собственно этнических албанцев, но и воинские, главным образом, охранные подразделения на турецкой службе, состоящие из христиан, а также шкиперов на морских судах»* [21, с. 59].

Комплектование нового воинского подразделения началось в форштадте Таганрога. В 1784 году полк был переведён на место постоянной дислокации, в Балаклаву. Основное население города заметно пополнилось за счёт греческих переселенцев. В создании Балаклавского полка активно участвовал Л. Кацонис. Многие из состоящих в Албанском войске, в прошлом моряки, были не прочь вернуться к прежней службе. Когда начались интенсивные работы по строительству Черноморского флота, часть из них перевели в Херсон. В войну 1787—1791 годов греки хорошо зарекомендовали себя на кораблях Черноморского флота под командованием Ушакова, Гребного флота под началом Иосифа Де-Рибаса², а также на собственных крейсерах

в составе флотилии Ламброса Кацониса. В апреле 1795 года Екатерина II подписала указ о создании в Одессе греческого воинского подразделения и об устройстве греков в самом городе и окрестностях. Формально Греческий дивизион входил в состав Албанского войска, на самом деле он был приписан к Греко-Албанской комиссии при Одесском городском магистрате и оказался под началом Де-Рибаса. Переселение греков в Одессу приняло масштабный характер. Они приезжали сюда не только из городов Северного Причерноморья, но и из Османской империи. К концу 1795 года по переписи в Одессе кроме чинов Греческого дивизиона (около 300 человек) проживало 224 грека, мужчин и женщин. Названия известных в Одессе улиц — Малая и Большая Арнаутская — связаны с Греческим полком, а не с проживавшими в Одессе албанцами. Смерть Екатерины и приход к власти Павла I сказались на положении российских греков самым негативным образом. Новый император реформировал Албанское войско, переведя его под именем Греческого батальона в ведомство Военной коллегии, ликвидировал столичный Корпус иностранных единоверцев, в котором обучались 195 детей греческих военнослужащих, и издал указ, по которому был распущен Одесский Греческий дивизион. Реформация Албанского войска и Одесского дивизиона фактически привела к их расформированию. Павел видел в греках больше коммерсантов, чем военных. Многие греки восприняли реформу Одесского дивизиона как обиду и пожелали покинуть Россию. Из 481 человека в Одессе осталось 134 бывших чина. С восшествием на престол Александра I для одесских греков наступил «золотой век». Молодой император указом 1803 года повелел вместо уничтоженного в 1797 году дивизиона организовать Одесский греческий батальон. *«В новое воинское подразделение предписывалось принимать греков и албанцев "в разных войсках России служивших, а паче — в бытность эскадры в Средиземном море" <...> Батальонным командиром был избран майор Евстафий Качиони, снискавший себе славу неустрашимого корсара во время службы на эскадре в Средиземном море, а затем в России. Ему предстояло сформировать батальон и поселиться с ним близ Одессы»* [21, с. 81].

Под поселение Одесскому пехотному батальону был выделен участок земли от правого берега Сухого лимана до левого берега долины

¹ Военнослужащие, занимающие в русской армии или флоте офицерскую должность, но не имеющие офицерского звания.

² И. Де-Рибас — испанский дворянин, адмирал русского флота, один из создателей плана строительства порта в Хаджибее (Одессе).

реки Барабой площадью почти 15 тысяч гектаров в 20 верстах от Одессы. *«Земля должна была раздаваться соразмерно чину и состоянию, а именно: рядовому — 60 десятин земли, унтер-офицеру — 80, прапорщику — 120, поручику — 160, капитану — 200, майору — 300»* [21, с. 81]. Таким образом, самые крупные и плодородные наделы достались офицерскому составу. Прежде весь участок именовался Александровской дачей. Теперь он стал называться Арнаутовкой.

Но долго вести жизнь хлебопашцев воинам Одесского греческого батальона была не судьба. Начавшаяся в 1806 году третья русско-турецкая война призвала поселенцев к оружию. По приказу главнокомандующего Днестровской армии батальон был направлен в Дунайскую флотилию. В декабре 1806 года в поход выступили обер-офицеры, а в январе к ним присоединились оставшиеся чины. Батальон вошёл в состав отряда графа А. Ф. Ланжерона. В разгар боевых действий, в 1807 году, произошло трагическое событие, взволновавшее даже видавших виды бывалых солдат: рядовой застрелил из ружья своего командира Е. Качиони. Новым командиром Одесского Греческого пехотного батальона был назначен майор Константин Петраки. Приняв должность, Петраки выступил с батальоном в поход через крепость Паланку в Бессарабию.

С Греческим батальоном Доменико Моцениго прошёл Молдавию и Бессарабию, отличился в сражении 28 января (9 февраля) 1807 года под селением Курманкией, брал редут перед Килийской крепостью, во время блокады Измаила *«при избитии турецкой батарее»* находился на острове Чатале [21, с. 90—91], а после на канонирской лодке № 18 был отправлен в устье Днепропетровского гирла, где держал брандвахтенный пост. В 1810—1811 годах он был при Галаце, в 1812 году снова стоял на брандвахтенном посту, на этот раз при Браиле. Когда боевые действия прекратились, батальон вернулся в Килию и ещё два года нёс службу при крепости. В «Списке о поведении штаб- и обер-офицеров Одесского Греческого пехотного полка» за 1813 год отмечено, что граф Доменико Моцениго находился в службе 23 года, прошёл 10 кампаний, вёл себя исправно, *«способностей ума хороших, не предан пьянству и игре»*, владел греческим и итальянским языками [21, с. 203].

Только в 1814 году К. Петраки получил разрешение вернуть бойцов на свои земли под Одессой. Настала пора профессиональным воинам заняться земледелием.

Ещё в 1808 году Д. Моцениго получил в Александровке-Арнаутовке участок под № 9 [21, с. 182], на котором построил дом. К 1821

году размер владений Моцениго увеличились до 185 десятин. Принадлежащую Моцениго землю обрабатывали рабочие-деньщики за вознаграждение в 10 процентов и право проживания на ней.

Выйдя в 1819 году в отставку в чине поручика, граф Доменико Карлович (официально, как и брат Анастасий, графского титула не имел) женился на вдове по имени Екатерина. После смерти графа земельные владения перешли к дочерям Марии и Варваре [21, с. 91].

Каменная церковь во имя Успения Божьей Матери в Александровке-Арнаутовке была освещена в 1814 году. Храм выстроил на свои средства майор Андрей Буга, а иконы были привезены из Афин. В приход церкви входили 100 дворов — 590 прихожан: 340 мужчин и 250 женщин. Церковь не имела недостатка в книгах духовного содержания. Побывавший в Александровке немецкий путешественник И. Г. Коль в путевых заметках отозвался о храме так: *«Деревенская церковь соответствовала печальному виду окружения, вместо колокола висел перед ней кусок железа с молотком, удары которого призывали общину»* [22]. На самом деле перед храмом висел «калкун» (по-славянски «било»). Использование этого раритета не было связано с бедностью села, а являлось данью архаичной традиции греков. К середине XIX века рядом с церковью выросла колокольня. Греческий обычай при пасхальном богослужении обходить с плащаницей село дожил до наших дней. *«Во время шествия в окнах горят свечи и, когда проходит процессия мимо хаты, то её встречают у ворот и курят лаган и смирну на какой-либо сковородке или жестянке с углями»* [21, с. 207].

Священником со дня основания храма состоял грек Эмануил Сурмели. При иерее Сурмели службы читались на греческом языке, после его ухода — на церковно-славянском. Метрические записи велись с 1815 года на русском языке. Ошибки в правописании имён и фамилий зачастую создают проблемы при прочтении.

Из записей Успенской церкви известно, что граф Доменико Моцениго умер «натурально», т. е. не от болезней, а от старости 18 (30) апреля 1820 года [23]. 8 (20) декабря 1823 года не стало его вдовы Екатерины Моцениго (дословно «Моценигиной») [24, л. 138.]. Мужская линия одесской ветви рода Моцениго пресеклась со смертью в 1821 году двухлетнего сына графа Григория [25]. Упоминания о дочерях Доменико Моцениго, девицах Марии и Варваре, встречаются в метрической книге Успенской церкви за 1839 год [26].

Дальнейшее изучение записей из Успенской и Троицкой (одесской) греческих церквей привело к неожиданному открытию. Спустя несколько лет после кончины графа среди жителей Александровки и Одессы появились другие носители фамилии Моцениго. 21 октября (2 ноября) 1823 года «по учинении в силу указа *троекратного обыска*» иерей Эмануил Сурвели обвенчал «*унтер-офицерского сына Евстратия Емануилова сына Моцениго с девицею Августею Федоровою дочерью Меркушевою*» [24, л. 134 об.]. 10 (22) сентября 1825 года у унтер-офицерского сына Евстратия Моцениго и его жены Авдотьи родился сын Георгий [27].

4 (16) июня 1831 года, проживающий в городе Одессе «*отставной унтер-офицер Николай Гика сын Моцениго*», холостой, был обвенчан с девицею «*Елисаветою Ивановою дочерью умершего отставного майора Ивана Васильева сына Псомаса*» [28, с. 330, 399].

Фамилия Гика была довольно распространена в Бессарабии. Унтер-офицер Яни¹ Гика служил в Греческом пехотном батальоне в те же годы, что и граф Моцениго. Оклад его был небольшой и составил 9 руб. 60 коп. за майскую треть² 1804 года [21, с. 174]. В Александровке Гике был выделен участок под номером 46 [21, с. 182]. В браке с Екатериной родился сын Николай. В записях Одесской Греческой церкви Николай Иванов сын Гика упоминается как восприемник при крещении и посаженный при венчании.

После смерти Яни (в метрической записи Иоанна) Гика его вдова вступила в брак во второй раз. 30 июня (12 июля) 1810 года Екатерина обвенчалась в Одесской (греческой) Свято-Троицкой церкви с унтер-офицером Одесского пехотного батальона Емануилом Киприяни³ [28, с. 122, 226]. Для жениха брак тоже был вторым. Поручителями при венчании Екатерины Гика и Емануила Киприяни стали один из самых обеспеченных жителей Александровки майор Андрей Буга и кавалер Константин Арапов. Сын Емануила Евстафий, по-видимому, был от первого брака. Общих детей у Екатерины с Емануилом не было (метрические записи не найдены).

Брак с Киприяни продлился недолго. Овдовев во второй раз, Екатерина вышла замуж за Доменико Моцениго. В воинских национальных поселениях, особенно в первые годы их

существования, число поселенцев-мужчин намного превышало количество женщин. В свою очередь вдов к повторным бракам подталкивала жизненная необходимость: кормильцем в семье являлся мужчина. Потому нет ничего удивительного в том, что Екатерина Гика-Киприяни вступила в замужество в третий раз.

Сын Екатерины от первого брака и приёмный от второго добавили к отцовским фамилиям фамилию Моцениго. Например, датированная августом 1828 года запись гласит, что иерей Сурмели погребал на местном кладбище в Александровке младенца Сергия, отцом которого был Евстафий Киприяни, «*сын вдовы поручицы Моцениго*» [29]. Родство с графом позволяло рассчитывать на сословные привилегии.

Род Киприяни не имел продолжения. Потомки Яни Гика носили двойную фамилию Гика-Моцениго.

Человек на своём месте. Анастасий Карлович Моцениго

Выходец с Занте Анастасий (Анастасио) Моцениго получил образование в Падуанском университете и вместе с братьями Доменико и Джованни унаследовал от родителей обширные земельные владения на острове. Жизнь греко-венецианского аристократа резко изменилась с началом второй русско-турецкой войны. Желавшие избавления родины от османского ига Анастасий и Доменико поддержали действия российского флота: каждый из братьев сделал это по-своему. Анастасий Карлович использовал связи в Константинополе и на других подвластных Турции территориях для сбора сведений о передвижениях вражеских военно-морских сил и снабжал русские суда провиантом и боеприпасами.

В Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) сохранились редкие документы, раскрывающие детали деятельности графа.

«*Во время жительства его Моцениго в Константинополе 789 года [1789 год. — Е. В.] в апреле месяце отправлял нарочно судно под французским флагом в Тавриду с верными сведениями о приготовлениях и делах турецких, за что отдана была ему от российских начальников признательность; сверх того послан был в Ливорно по повелению Светлейшего князя Потемкина Таврического к начальствовавшему в Средиземном*

¹ Греческое имя Яни (Янис) тождественно русскому Иван, церковно-славянскому Иоанн.

² Распространённая в XVIII — начале XIX века система выплаты жалования по годовым третям.

³ Возможно, что в именном списке Греческого пехотного полка за 1804 года он записан как Кирьяко Маноило Григорьевич.

море гребным флотом генерал-майору Томаре¹, от коего употребляем был по разным поручениям, которые исправлял с точностию 792 года по апрель месяц» [30, л. 82].

Хорошо знакомый с братьями Моцениго Ламброс Кационис 8 января 1790 года в Вене собственноручно подписал ему аттестат: «Объявителя сего свидетельствую, что Его Сиятельство граф Анастасий Моцениго во время его бытия в Архипелаге в разных местах Турции, где строго запрещено было, снабдил многих моих судов съестными припасами и другими нужными для войны надобностями» [30, л. 98].

В аттестате, выданном 3 (14) августа 1792 года «начальствующим над гребным флотом» генерал-майором Василием Томарой, говорится: «Граф Анастасий Моцениго острова Занте прислан был ко мне по повелению бывшего господина фельдмаршала князя Потемкина для определения его в должность до службы касающейся уверенной мне в Средиземном море; о чем господин граф Моцениго получил от меня многие повеления, которые исполнял со всею точностию и верностию, оказывая при том во всяком случае всевозможную горячность и благоуспешность к службе Ея Императорского Величества» [30, л. 97].

Не забыл Анастасий Карлович заручиться в 1790 году аттестатом от адмирала Марко Войновича [30, л. 95].

Война не принесла свободы греческому народу. Путь на родину Анастасию Моцениго был закрыт, и жить он решил в России. Обустроиться на новом месте Моцениго помогли годами наработанные связи. По ходатайству Екатеринославского, Вознесенского и Таврического генерал-губернатора Платона Александровича Зубова «венецианскому поганному графу Анастасию Моцениго для хлебопашества и прочих заведений» было назначено «в окрестностях Евпатории соразмерное количество земли» и утверждено за ним «оной в вечное владение» [30, л. 44]. Отведённая Моцениго в 1796 году императорским указом из казённого ведомства земля в количестве 1500 десятин ранее принадлежала «уехавшему за границу Абланскому бею Козырши мурзе» [30, л. 44 об.] и располагалась в Евпаторийском уезде в округе деревни Аблан.

Обосновавшись в Крыму, Анастасий Карлович в 1800 году получил должность пристава в евпаторийской таможне и принял присягу на российское подданство. Его предшественник

грек по фамилии Ламброс пребывал в очень преклонном возрасте и не владел русским языком. Участвующий в судьбе Моцениго генерал-прокурор князь А. Б. Куракин добился императорского указа об определении Анастасия Карловича на эту должность [31]. Несмотря на то, что достаточного знания русского языка у графа тоже не было, он приступил к работе. Через год Анастасий Карлович получил повышение и был назначен комиссаром 3-го участка Козловского карантин.

В 1781 году между Россией и Османской Портой был заключён договор, касавшийся торговли по Чёрному морю, а в следующем году подписан «тариф о сборе пошлин с провозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров». С целью государственного регулирования поступления товаров в Азовско-Черноморский регион на полуострове началось формирование первых морских таможен. Самым ранним таможенным учреждением в Крыму считается Козловская портовая таможня (она же Евпаторийская). Таможенные учреждения в Крыму — Керченская, Евпаторийская, Феодосийская и Перекопская таможни, а также Ак-Мечетский таможенный переходный пункт — были приведены к единому образцу устава и правил. Основу деятельности созданных в Крыму таможенных учреждений заложили «Положения о тарифе Крымского полуострова, изданные Шан-Гиреем, и ордера Крымского полуострова на перегон скота по тарифу» в 1783 году. Учреждённые при пограничных таможнях в обязательном порядке таможенные карантин призваны были предотвращать попадание и распространение инфекционных заболеваний из-за границы с товарами и больными людьми. «Устав пограничных и портовых карантин» 1800 года закреплял единство карантинной и таможенной служб в борьбе с эпидемиями. В карантинных домах, располагавшихся не более, чем в 200 сажнях (400 м) от таможен, проводилась экспертиза поступивших товаров и вещей. Товары делились на три группы — эпидемиологически опасные, потенциально опасные и не подверженные заражению. Врачи карантинных домов при сложных эпидемиологических условиях имели право задерживать всех прибывающих из неблагополучных стран на срок в 12 дней для выявления признаков болезни. При обнаружении инфекций на корабль вешался жёлтый флаг, и судну запрещался вход в порт. Основной таможенный досмотр разрешалось проводить только после

¹ Томара Василий Степанович — дипломат, тайный советник, чрезвычайный посланник в Константинополе.

подписи служителей карантина об отсутствии заражения.

В начале 1802 года император Александр I направил инспекцию под руководством барона Б. Б. Кампенгаузена в порты Чёрного и Азовского морей для исследования причин плохого состояния торговли и улучшения устройства на юге карантинных домов и контор в условиях распространявшейся в Персии и Турции чумы. Одной из причин ревизионной поездки барона стал посланный в Петербург в июле 1802 года «донос» комиссара Козловского карантина А. К. Моцениго на таможенных и карантинных чиновников с обвинениями в пропуске запрещённых товаров [32]. Моцениго выявил тайный вывоз за границу сырых воловьих кож. Работа инспекции продолжалась год и подтвердила правоту Анастасия Карловича. Кампенгаузен раскрыл в таможенных множество беспорядков и добился их устранения. В следующие 5 месяцев таможи Азовского моря повысили сборы в несколько раз.

В аттестате, выданном Моцениго, действительный камергер, член государственной медицинской коллегии барон Балтазар Кампенгаузен писал:

«Окончив следствие производимое мною по Высочайшему Его Императорского Величества повелению последовавшему по доносу Козловского карантинного комиссара графа Моцениго о разных злоупотреблениях учиненных здешней карантинной конторы обще с таможенными и другими чиновниками по желанию его графа Моцениги, сим свидетельствую в том, что сходно с его показаниями открылось, ако в начале нынешнего года неоднократно тайно провезены были сырые воловьих кожи, бывшие в запрете по согласию разных чиновников на берег моря и погружены там на турецкий корабль для вывоза их за границу и даже на те, которые были карантинному очищению подвержены. По части таковая погрузка произведена, что не дозволенные средства употреблены были для скрывает сего дела. После поимки тех кож, которые таким же образом привозимы были на берег моря ночью под 30-е апреля, что именно три карантинных надзирателя, посаженных на турецкие суда карантинному очищению подлежащие выпущены были из города без выдержания законного термина уставом для карантинных изданным предписанного. Что для ущерба казны по согласию карантинных и таможенных чиновников утаены были не единократно часть привозимых из за моря товаров

и пр. И что он граф Моцениго для государственной пользы несмотря на многочисленные в сих делах прикосновенные люди, ни на трудность доказательств сих противузаконных происшествий открыл вышеуказанные злоупотребления по сущей совести и долгу присяге государственной» [30, с. 100 об.].

Управляющий карантинном и конторой, член Екатеринославской палаты гражданского суда коллежский советник А. Слоновский также дал высокую оценку деятельности Анастасия Моцениго на вверенном ему участке: *«Козловского карантина комиссар 3-го квартала граф Моцениго по моему вступлению в управление сим карантинном с 12-го минувшаго октября при описании выгруженных с разных 18-ти судов сложенных к должным по картинному уставу очищением во множественном количестве в разных 1-го и 2-го кварталов пакгаузов¹ купеческих и разнаго звания людей товаров употреблен мною: 1-е к неустанному наблюдению, дабы товары везде сохранены были от похищения и 2-е к поверкам, сочтению и описанию всякой <неразб.>вещи. Таким образом он, граф Моцениго, день и ночь мне содействуя, оказывал необычайное свое рвение и усердие с отличною расторопностью в очищении, описании и сбереженных от расхищения в выпуске их из карантина в таможду для взятия с них положенной по закону пошлины, коей на верное заключение может казна получить в знатном и превосходящем от прошедших лет количестве. Сие графа Моцениго подвиги чувствительно обяыывают меня ходатайствовать о его о воздаянии по справедливости заслуживаемом, и потому я и отнесся куда следует о сем по долгу службы чрез сие засвидетельствование ему истинную мою признательность даю и сей аттестат ему за подписанием и с приложением моей печати» [30, л. 101—101 об.].*

По окончанию инспекторской проверки Анастасий Карлович обратился к императору с верноподданническим письмом:

*«Августейший Монарх
Милостивейший Государь,*

Грамоты, которые я осмеливаюсь отпрать к священным стопам Вашего Императорского Величества вместе с сим моим смиренным посланием, врученные мне господами проверяющими, нарочно присланными сюда Вашим Императорским Величеством, несомненно, свидетельствуют о завершении всего дела, которое я, движимый рвением и патриотизмом, осмелился ранее представить Вашему Величеству. Так

¹ Пакгауз — закрытое складское помещение.

же господину проверяющему барону Кампенгаузену, побуждаемый тем же рвением к общему спасению, я передал одобренный мною план, который является отражением всех тех правил и требований, которые медицинские трибуналы по всей Европе применяют для ограждения христианского мира от заразного заболевания чумы, который, я полагаю, несомненно, будет представлен надлежащему суду.

Да прославится по всей Вселенной доброта и милосердие Вашего Величества, за сим я и все мое многочисленное семейство с подобающей глубочайшей преданностью»¹ [33].

За 10 лет беспорочных трудов Анастасий Карлович был вознаграждён выплатой в размере 1500 рублей и удостоился очередного хвалебного отзыва от непосредственного начальника А. Слоновского: «Так как долг благородного человека по службе требует по должности своей и по особливому моему к его знаниям карантинных правил уважению имел от меня порученность быть вместе со мною при описаниях и очищениях иностранных товаров в карантинных пакхаузах сохраняемых. Исправляя купно должность с комиссаром очистительных пакхаузов со великою тщательностью, усердием и с отличным противу прочих успехом без малейшего упущения оказывая как для государственного интереса, так и ради коммерствующих людей благоуспешное содействие равно отправлен мною был вместо члена карантинной конторы к обозрению 29 казачьих кордонов от Козлова до Кинбурга по берегу Черного моря и для исправления найденных беспорядков. Каждую порученность он граф Моцениго исполнил с желаемым успехом. И все такие его подвиги меня обязывают свидетельствовать о его достоинстве и отдавать ему пред начальством справедливую признательность» [30, л. 102—102 об.].

Отзывчивый на чужую беду Анастасий Карлович готов был прийти на выручку потерпевшим. После кораблекрушения в 1804 году он принял под свой кров греческих купцов с Занте Ивана и Фёдора Скутери и оказал им помощь в составлении документов, удостоверяющих потерю судна и товаров [30, л. 103—103 об.].

Женат Анастасий Моцениго был на дочери погибшего в первую русско-турецкую войну архонта острова Монемвасия Панайота (Павла) Сарандинаки [30, л. 82 об.]. Родные братья Прасковьи Павловны — капитан-командор Евстафий, капитан-лейтенант Константин

и капитан 2 ранга Фёдор Сарандинаки служили в российском военно-морском флоте [34]. Прасковья Павловна приходилась племянницей вице-адмиралу Антону Алексиано. Жительствовал Анастасий Карлович с женой в собственном доме в Евпатории. Сыновья Карл и Дмитрий, дочери Елена и Мария находились при отце [30, л. 87].

В 1816 году Анастасий Карлович вышел в отставку. В том же году Моцениго откликнулся на «оповещение» предводителя дворянства Евпаторийского уезда подполковника и кавалера Адиля Бей Булатукова предоставить документы в Депутатское дворянское собрание: «Покорнейши прошу внести меня с семейством моим в родословную дворянского сословия Книгу в подлежащую ей часть, на что и выдать мне грамоту» [30, л. 81].

Несмотря на то, что в России Анастасий Моцениго именовался графом и имел обращение «Ваше Сиятельство», официально от Венецианской республики титул графа, он, как и его брат Доменико, не получал.

Бюрократическая машина работала медленно. Моцениго не дождался слушаний по делу: Анастасий Карлович скончался 22 сентября (4 октября) 1817 года [35].

Необходимость определять Карла и Дмитрия на службу вынудила шурина Анастасия Моцениго отставного капитан-командора Евстафия Сарандинаки повторно инициировать рассмотрение дела о дворянстве. В октябре 1819 года он подал просьбу в дворянское собрание внести «племянника Димитрия сына Анастасьева Моцениго с родственниками» в дворянскую родословную книгу (ДРК) и приложил свидетельство о древнем и благородном происхождении рода Моцениго [30, л. 95]. Митрополит Хрисанф (Хрисанф Новопастрасский в 1810—1824 годах настоятель Балаклавского Свято-Георгиевского монастыря), флота капитан-командор Патаниоти (Патаниоти Николай Юрьевич, контр-адмирал), флота капитан Велазарий (Велазарий Сарандо Афанасьевич, капитан-лейтенант, Георгиевский кавалер), флота капитан и кавалер Цацо (?), подполковник Карандино (Карандино Егор Спиридонович, капитан 2 ранга, Георгиевский кавалер), флота капитан 1 ранга и кавалер Адамопуло (Адамопуло Пантелеймон Анастасьевич, генерал-майор флота), капитан Критский (Критский Николай Дмитриевич, контр-адмирал, гидрограф), коллежский советник Дракопуло, флота капитан Антипа (Антипа Семён Андреевич, обер-интендант Черноморского

¹ Перевод с итальянского.

флота, генерал-майор, Георгиевский кавалер), капитан 3 ранга Бефани, капитан-лейтенант и кавалер Папаегоров (Папаегоров Егор Дмитриевич, вице-адмирал, Георгиевский кавалер) заверили собственными подписями и личными печатями, что *«Димитрий Моцениго действительно сын законнорожденный умершего графа Анастасия Моцениго, служившего в российской службе, имеющего в том от главных особ и присутственных мест письменные свидетельства, и что по таковой службе в пользу России даже и за границу оказал немалые заслуги и действительно был родом с острова Занта из древних дворян»* [30, л. 83]. Слушания по делу Моцениго проходили в 1820 году. По их результатам Карл и Дмитрий Моцениго были внесены в 4-ю часть¹ ДРК Таврической губернии [30, л. 83 об.].

Жил отважный капитан. Дмитрий Моцениго

Старший сын Анастасия Моцениго Дмитрий (1807 год рождения) получил образование в частном учебном заведении и по ходатайству родного брата матери капитан-командора Евстафия Сарандинаки в 1820 году был принят в Черноморский флот гардемаринном. Из формулярного списка [36, л. 512—519 об.] известно, что в том же году юноша получил чин мичмана и 3 месяца «для практики» плавал на фрегате «Флора» под командой капитан-лейтенанта Уманца. В следующие два года он осваивал морские науки на корабле «Максим» под командой капитана 2 ранга Кумани. В 1823 году Дмитрий плавал на военной требаке² «Константин». В 1828 году он был произведён в лейтенанты, через 10 лет — в капитан-лейтенанты, в 1847 году получил чин капитана 2 ранга, который приравнивался к подполковнику. С 1854 года Дмитрий Моцениго полковник (чин соответствовал капитану 1 ранга).

Поводом для начала русско-турецкой войны 1828—1829 годов стало явное противодействие турецкого правительства русскому судоходству на Чёрном море. Османская империя закрыла для российских кораблей проход через Босфор и Дарданеллы и расторгла все ранее заключённые с Россией договоры. Петербург, в расчёте на ослабление Турции после Наваринского сражения, объявил противнику в апреле 1828 года

войну. Перед войсками была поставлена задача занять Молдавию и Валахию, перейти Дунай и начать активные действия в Болгарии и Румелии³.

Параллельно Кавказской армии предписывалось действовать в направлении на Эрзерум. Черноморскому флоту следовало занять Анапу и ряд румелийских турецких крепостей и портов — Варну, Инаду, Бургас, Сизополь и другие. Дунайская гребная флотилия должна была поддерживать сухопутные войска, а Средиземноморская эскадра — блокировать Дарданеллы. В первый год войны Дмитрий Анастасьевич Моцениго, находясь на корабле «Пармен» под командой капитана 1 ранга Скаловского, участвовал в осаде крепости Варна и «за усердие и храбрость» получил Анну 3 ст. с бантом [36, л. 513]. Затем в марте 1829 года он был переведён на линейный парусный корабль «Чесма» под командованием капитана 2 ранга Ф. А. Юрьева. Судно, пройдя из Севастополя в Сизополь, присоединилось к находящемуся там флоту. С мая по август «Чесма» находилась в составе эскадры, крейсировавшей у пролива Босфор, а затем доставила из Сизополя в Севастополь больных моряков и взятые в крепости орудия. В августе 1829 года отряд судов под командованием капитан-лейтенанта Баскакова бомбардировал турецкий порт Инаду на юго-западном берегу Чёрного моря. Высадившийся затем десант овладел крепостью и взял 33 орудия. Ещё одной наградой Дмитрия Моцениго за турецкую войну 1828—1829 годов стала серебряная медаль на Георгиевской ленте.

Иногда враги становятся друзьями. Так случилось в 1832 году, когда Египет захватил Сирию и начал угрожать турецкому султану дальнейшим наступлением. В этот критический для Османской империи момент император Николай I предложил султану помощь. В феврале 1833 года эскадра в составе 9 кораблей с 30-тысячным десантом на борту под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева вошла в Босфор и встала на якорь перед зданием русской миссии. В марте прибыла в Босфор вторая эскадра под командованием контр-адмирала М. Н. Кумани, а затем в апреле третья. Чтобы продемонстрировать силу русского оружия и дружбу с Турцией, был проведён торжественный смотр войск. Дмитрий Моцениго ходил

¹ В 4-ю часть ДРК вносили иностранные роды, прибывшие в Россию и имевшие подтверждение дворянского происхождения.

² Требака — парусное двухмачтовое судно, распространённое в Средиземноморье.

³ Румелия — провинция Османской империи в Европе, частично охватывающая территории современных Албании, Македонии, Сербии, Греции Черногории, Хорватии.

в Константинополь на фрегате «Штандарт» под командованием капитан-лейтенанта Горбачёва «для помоществования Порте Оттоманской».

Поддержка России возымела действие. Египетский владетель ограничился взятием Сирии и отказался от более масштабных планов. Трон султана был сохранён, что, в свою очередь, позволило сохранить выгодные для России итоги русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Турецкий султан Махмуд II пожаловал в память о Босфорской экспедиции русским морякам медали. В числе награждённых золотой медалью был Дмитрий Моцениго.

По Андрианопольскому мирному договору 1829 года Черноморское побережье Кавказа отошло к России.

Не пожелавшие смириться с итогами войны Турция и Англия начали активную подстрекательскую деятельность среди горцев Западного Кавказа. В регион полным ходом нелегально поставлялись военные грузы. Для предотвращения контрабанды оружия была возведена Черноморская береговая линия укреплений. Стремление взять под контроль черкесские земли между Кубанью и морским берегом вплоть до границы с Абхазией активизировало с середины 1830-х годов военные действия. На 1838 год Россия запланировала десантные операции в устье рек Сочи и Туапсе. Николай I распорядился все фортификационные экспедиции осуществлять морским путём. Экспедиционный корпус в количестве 8 тысяч человек ожидал отправки на Таманском полуострове. К побережью прибыла из Севастополя эскадра Черноморского флота. Рекогносцировку предполагаемого занятия участка у устья речки Туапсе спланировал начальник Отделения Черноморской прибрежной линии генерал Н. Н. Раевский. По его плану высадка десанта должна была проходить в три захода под прикрытием морской артиллерии. Глубина моря позволяла судам приблизиться к берегу.

В конце мая на рейде в районе Туапсе находились военные суда — пароход «Язон», бриг «Фемистокл», тендеры¹ «Луч» и «Скорый», транспорт «Ланжерон» и 8 купеческих судов, пришедших с грузами для отряда. «С моря шла юго-западная зыбь и быстро увеличивалась. Моряки ясно видели приближение бури, но парусные суда не могли сняться при совершенном безветрии. С полудня ветер скрепчал и скоро обратился в шторм. Сняться с якоря сделалось

уже невозможным. Ветер гул от Зюг-Веста, т. е. прямо на берег; рейд Туапсе образует углубленные берега, ограниченное с Северо-Востока выступающим мысом; течение в море было юго-восточным. На какой бы галс² ни снялось судно, оно будет выброшено на берег, прежде чем успеет взять ход» [37]. В конечном счёте ветер стал настолько сильным, что заставил корабли дрейфовать с якорями. Волны достигали высотой 4 морских сажени (7,3 м). Первым, как щепка, было выброшено на берег трёхмачтовое судно под австрийским флагом. Экипаж спасся кроме одного матроса, который был раздавлен другим судном, навалившимся на «австрийца». «Суда, качаясь с борта на борт, приближались к берегу; волны ходили через палубы и уносили людей. Те же, которые искали спасения на вантах³ и марса⁴, при наклонении мачт то в одну, то в другую сторону от сотрясения и порывов ветра падали в волны. Иные при этом запутывались ногами в снастях, висели головою вниз, и окровавленные их тела ударялись о мачты и реи. Вслед за тем море стало выбрасывать и остальные, сначала купеческие, а потом военные суда» [38]. Транспорт «Ланжерон» под командованием Дмитрия Моцениго был выброшен внутрь расположения прибрежного лагеря. Судно повалило набок мачтами к берегу. Моряки, балансируя на них, при жестоком ветре и беспощадных ударах волн о борта по очереди перебирались на берег. К счастью, никто не сорвался и не погиб. Последним сошёл командир корабля лейтенант Моцениго. Всего в ночь с 30 на 31 мая (11—12 июня) 1838 года на рейде Туапсе из-за жестокой бури погибли 13 судов — 5 военных кораблей и 8 торговых — и около 70 матросов; на рейде Сочи — ещё 9 кораблей. Доношение военному министру о свершившемся перед его глазами бедствии генерал-майор Раевский начал следующими словами: «Я не моряк; но следующие рассуждения принадлежат всякому: если бы из тринадцати судов, здесь стоявших, спаслось хотя бы одно, то можно было бы подумать, что другие не приняли должных мер для спасения; но они все погибли...» [39]. На всеподданнейшем докладе о бедствии этих семи судов, государь-император собственноручно написал: «Офицерам объявить благоволение в приказе за благоразумные меры при спасении своих экипажей, и им, и нижним чинам выдать полугодовое жалованье» [39].

¹ Тендер — тип парусного судна с косыми парусами.

² Галс — направление движения судна относительно ветра.

³ Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляют мачты с бортов судна.

⁴ Марс — морской термин, площадка на топе мачты.

Д. К. Моцениго «за отличную решительность, самоотверженность и храбрость, оказанные при нападении горцев на вверенный ему транспорт «Ланжерон» был награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом [36, л. 513]. В 1842 году Моцениго стал кавалером ордена Св. Георгия 4 ст. за 18 морских шестимесячных кампаний в составе 33-го флотского экипажа.

Кавказская война продолжалась, и боевые экипажи Черноморского флота несли неустанную патрульную службу вдоль побережья. 11 (23) мая 1848 года контр-адмирал П. С. Нахимов, командир 1-й бригады 4-й флотской дивизии, предписал командиру корвета «Орест» капитану 2 ранга Д. А. Моцениго *«идти к форту Вельяминовский и после высадки имеющих для доставления туда рекрут отправиться в крейсерство на дистанцию от Субаши до Аглера и крейсировать до прихода на смену другого судна; отделиться же тогда, когда будет сигнал»*. [40, с. 157] Следующим предписанием Нахимов направил корвет Моцениго *«оказать пособие при нападении горцев на перестраивающийся форт Головинский»*. На боевом дежурстве «Оресту» следовало находиться до прихода брига «Птоломей», а затем идти в Геленджик [40, с. 158]. Затем контр-адмирал предписал Моцениго наблюдать за контрабандистскими судами у ущелья Вардан, вытасченными на берег ещё в 1846 году, и принять меры в случае попытки отплытия их обратно в Турцию [40, с. 160].

Новая война с Турцией не заставила себя ждать. Император Николай I решил воспользоваться ослаблением военной мощи Турции, недооценив её потенциальных союзников Англию и Францию. Формальным поводом стал дипломатический конфликт между Россией и Францией из-за контроля над церковью Рождества Христова в Вифлееме. Палестина находилась в составе Османской империи. С целью оказания давления на Порту Россия ввела войска в Молдавию и Валахию. Ответ пришёл незамедлительно: Турция в октябре 1853 года, а за ней Великобритания и Франция в марте 1854 года объявили Российской империи войну. Союзники успешно высадили в Крыму десант и взяли в осаду главную базу Черноморского флота Севастополь.

Оборона Севастополя явилась одной из самых драматичных страниц Крымской войны 1853—1856 годов. Городской гарнизон, флотские экипажи и части российской армии в течение 349 дней героически сопротивлялись блокаде англо-французского десанта в количестве 60 тысяч человек и флота, превосходившего русский по количеству боевых кораблей более,

Портрет адмирал П. С. Нахимова.
Гравюра по рисунку худож. В. Ф. Тимма.
Гос. Эрмитаж. С.-Петербург

чем в 3 раза. С сентября 1854 года по август 1855 года Д. А. Моцениго находился в составе гарнизона Севастополя.

Осада Севастополя началась в ночь на 28 сентября 1854 года, когда французы заложили на Рудольфовой горе от 5-го бастиона траншею длиной в 450 сажень. На следующий день англичане вырыли траншею на Зелёной горе в 700 сажень от 3-го до 4-го бастиона, и, таким образом, к 5 октября противник завершил строительство укреплений вокруг города.

Помощником капитана Севастопольского порта по 27 августа (8 сентября) 1855 года являлся капитан 2 ранга М. И. Ставраки. После него на эту должность был назначен капитан 1 ранга Д. А. Моцениго.

Во время 2-го штурма 27 августа 1855 года из 12 атак противника, нанесённых по семи российским фортификационным сооружениям, 11 были отбиты, однако в упорной борьбе французы взяли Малахов курган. Тогда же главком Крымской армии генерал от артиллерии князь М. Д. Горчаков, считая дальнейшее сопротивление бесполезным, отдал приказ войскам оставить Южную сторону Севастополя. Этот день считается окончанием обороны Севастополя.

К утру 28 августа (9 сентября) русские войска по наплавному мосту и на судах переправились на Северную сторону города. Эвакуация завершилась уничтожением пороховых погребов, 3-х береговых батарей, сооружений 7-го бастиона и затоплением на рейде 16 боевых кораблей. После вывода в конце августа 1855 года наших войск из Севастополя Моцениго был на Северных высотах и при речке Бельбек. «За оказанную при обороне г. Севастополя и в особенности во время второго усиленного бомбардирования неприятелем сего города, в звании командира 18-го рабочего экипажа» Дмитрий Анастасьевич был награждён орденом Св. Анны 2 ст. [36, л. 514].

«За особенно полезную деятельность, распорядительность и отличное мужество и храбрость, оказанные при защите в последнее время г. Севастополя, по отбитии штурма 27 августа [8 сентября. — Е. В.] в звании помощника над Севастопольским портом» капитан 1 ранга Моцениго был представлен к награждению Золотой саблей с надписью «За храбрость» [36, л. 514]. Серебряная медаль на Георгиевской ленте за защиту Севастополя и знак за XXX лет отличной беспорочной службы венчали список его наград. В 1857 году Д. А. Моцениго вышел в отставку контр-адмиралом.

Дмитрий Анастасьевич Моцениго по определению Таврического дворянского депутатского собрания от 17 (29) мая 1863 года внесён во 2-ю часть¹ ДРК за чины и ордена, полученные на воинской службе [41].

Предприимчивый Карл Моцениго и его большая семья

Жизнь старшего сына Анастасия Моцениго не была насыщена героическими событиями. Карл родился в январе 1801 года, был крещён в Петропавловской церкви Севастополя. Его восприемниками при крещении стали вице-адмирал Антон Алексиано и капитан-командорша Мария Сарандинаки [42, л. 9—9 об]. После окончания Евпаторийского уездного училища в возрасте 14 лет он был определён канцеляристом в Евпаторийский уездный суд. Затем юноша был переведён в нижний земский суд, а позже получил место переводчика в Евпаторийском частном карантине, где выслужился до коллежского секретаря [42, л. 11 об. — 12]. Служил Карл Анастасьевич «по карантинной части беспорочно и непрерывно», за что был премирован

двухгодичным жалованием² [43] и за 18 лет непрерывных трудов вознаграждён пенсией.

Основной доход Карлу Моцениго давали коммерческие строения. В 1806 году городская дума выделил его отцу пустошь под застройку в пределах городской черты. Предъявив план «приличных зданий», Анастасий Моцениго возвёл на ней несколько строений [44, л. 4—5]. Со временем город разросся, и сооружения оказались недалеко от базарной площади. Карл практически использовал их, разместив трактир, постоялый двор, кафе и 9 лавок. Такой вид предпринимательства был несовместим с дворянским статусом. Право заниматься мелкой торговлей, владеть ремесленным производством и иметь в собственности трактиры и постоялые дворы имело только купеческое сословие (купцы 3-й гильдии). В связи с этим городская дума в 1847 году предъявила Карлу Анастасьевичу претензии на владения торговыми помещениями.

Евпаторийская городская полиция освидетельствовала строения согласно их планам, а суд предписал Моцениго продать лавки в пользу города. Дело приняло серьёзный оборот и дошло до Правительствующего Сената. Сенат издал указ, по которому Карлу следовало заплатить штраф «гильдейских за два года повинностей» в 120 рублей серебром [44, л. 2], а затем отдать постройки Евпатории. Тяжба длилась несколько лет и закончилась, как ни странно, победой Моцениго. После императорского указа от 1854 года «Об освобождении от наложенного взыскания за неправильное владение недвижимым имуществом» министерство финансов согласилось оставить дом с лавками в собственности Моцениго [45].

Проживал Карл Анастасьевич с семьёй в Евпатории в доставшемся от отца доме, который по праву собственности делил с братом Дмитрием. Женат был на Луизе Леонтьевне Кондоставло (в некоторых метрических записях супруга Карла именуется на русский лад Елисаветой). Луиза происходила из греческой семьи благородного происхождения. Дети Луизы и Карла рождались один за одним. В 1839 году — Анастасий [46], в 1840-м — Прасковья [47], в 1841-м — Николай [30, л. 13], в 1843-м — Фёдор [30, л. 13], в 1844-м — София [30, л. 13], в 1846-м — Мария [48, л. 25], в 1847-м — Екатерина [48, лист не нумерован], 1849-м — Яков [49], в 1856-м — Варвара [50].

Греческая община Евпатории была многочисленной и представительной. Среди греков самой выдающейся несомненно была семья Мамуна (Мамуни). Мамуна имели древнее

¹ Во 2-ю часть ДРК вписаны роды военного дворянства.

² Жалование переводчика в карантине составляло 171 рубль серебром в год.

происхождение, в прошлом владели имением на Корфу и в России именовались графами. Родоначальник семьи на российской земле Иван Людвигович переселился в Евпаторию в 1836 году, через 4 года принял присягу на верность российскому престолу и был поставлен во главе Евпаторийской таможни. Его внук Николай Андреевич Мамуна состоял городским головой с 1886 по 1906 года. При нём был разработан генеральный план развития города, сформирован административно-торговый центр, застроены основные улицы, заложены основы для развития Евпатории в качестве курорта и здравницы.

Статус, происхождение и место службы делали Моцениго и Мамуна друзьями. Надворный советник Иван Людвигович Мамуна несколько раз становился восприемником детей Карла Анастасьевича Моцениго.

Высокая детская смертность не обошла стороной семью Моцениго. Анастасий, Прасковья, Мария, Екатерина и Яков умерли в младенчестве.

В 1847 году Карл Моцениго озадачился внесением в ДРК Таврической губернии сыновей Николая и Фёдора [30, л. 53] и попытался восстановить графский титул. Для этого он обратился в «*Высшее Правление Ионической республики*»¹ с просьбой прислать соответствующие документы [30, л. 62]. В ответ он получил свидетельство о том, что его дед и отец были вписаны в дворянскую книгу острова. Послание подписали граф Лоренцо Котували, Анастасий Газта и другие достойные жители Занте [30, л. 110]. Графский титул Моцениго в России подтверждён не был.

Даты смерти Карла и Дмитрия Моцениго не найдены. Вдова коллежского секретаря Карла Моцениго Луиза Леонтьевна умерла в сентябре 1894 года и упокоилась на кладбище у Покровской церкви урочища Качли Симферопольского уезда [51].

Известна судьба двух дочерей Карла Анастасьевича. София Карловна была замужем за коллежским асессором Фёдором Павловичем Вриони и скончалась в возрасте 35 лет от чахотки в Симферополе. Варвара Карловна связала свою судьбу с инженером-путейцем из Выборга Класом Рудольфом Рошиером² (фин. Klas Rudolf Roschier 1840—1919). Семья Рошиер была не менее древнего происхождения, чем Моцениго [52]. Далёкий предок Класа Рудольфа перебрался из Франции в Швецию в разгар гугенотских

войн, не позднее 1601 года. Семья тогда носила фамилию Де-Рожье (фр. De Rogier). Его потомок участвовал в Полтавской битве, попал в плен и находился в заключении в Тобольске. Получив свободу, он поселился в Финляндии, в Паймио, где сделался помещиком и завёл конский завод. Варвара Карловна прожила долгую жизнь, имела четырёх детей, трёх внуков и скончалась 21 июня 1941 года в Хельсинки [53].

Найти информацию о Фёдоре Карловиче не удалось. Рассказ про Николая Карловича в последней главе.

На родине предков. Снова Занте

Прасковья Павловна Моцениго (Сарандинаки) после смерти мужа уехала вместе с дочерьми на остров Занте и поселилась в родовом имении супруга. Сыновья остались в России на попечении близких родственников. Их контакты с матерью не были частыми. Корреспонденция, чтобы попасть в Россию, проходила длинный путь. С Занте почта отправлялась в русскую миссию в Константинополь, а оттуда с оказией в Крым. И Дмитрий, и Карл состояли на государственной службе и прежде, чем покинуть пределы империи, должны были получить разрешение начальства.

В 1819 году Дмитрий отправил матушке Прасковье Павловне на Занте письмо, в котором дал ей полное право самостоятельно распоряжаться его долей в унаследованном от отца имении: «*Я оставляю вам всю власть, если Вы захотите прогнать его и сделать с ним что угодно, я буду удовлетворен и никогда не буду предъявлять к нему претензий. Вы всегда должны быть уверены в уважении и подчинении сына, которые для меня честь всегда иметь, моя дорогая матушка*»³ [54].

Прасковья Павловна продала часть фамильного имения братьям Панайоту и Николасу Кордгианити. Оставшаяся часть земельных владений по-прежнему принадлежала Прасковье Павловне и сыновьям. В 1842 году церковь Во имя Сорока святых мучеников на Занте напомнила братьям Моцениго об их семейном долге пополнять церковную казну.

В октябре 1844 года российский посланник на Занте господин Сандрини известил вице-консула в Константинополе, что «*проживающая*

¹ Имеется ввиду Сенат Ионической республики, государства, возникшего в 1815 году на основе Республики Семи Соединённых Островов и просуществовавшего до 1864 года.

² Другое написание фамилии Рошье.

³ Перевод с итальянского.

с давних лет на Занте российская поганная вдова Моцениго обращалась к нему с просьбой известить состоящих в службе сыновей ея Карла и Дмитрия Моцениго, что она по старости и лишению зрения не может долее заведовать принадлежащим им именем и желает, чтоб один из них приехал на короткое время на Занте для принятия наследства и расплаты долгов» [55]. Пакет с письмом был вручён Карлу в ноябре 1844 года.

В феврале 1845 года переводчик Евпаторийского частного карантинного губернский секретарь Карл Моцениго получил заграничный паспорт для поездки по домашним обстоятельствам на остров Занте [56]. В отпуске он пробыл с 25 мая по 16 сентября и на службу явился в срок [30, л. 13].

В марте 1845 года капитан-лейтенант Дмитрий Моцениго подал на Высочайшее имя прошение о предоставлении ему отпуска для поездки на остров Занте с целью «принятия принадлежащего ему имени». В июне был издан приказ о его увольнении на 4 месяца и выдан ему паспорт [57].

Следующее письмо, проделавшее путь с Занте через Константинополь в Евпаторию, было вручено Карлу под роспись в сентябре 1849 года. Содержание письма неизвестно, но с большой долей вероятности можно говорить о том, что послание с Занте извещало Карла и Дмитрия о кончине матери Прасковьи Павловны [58].

Варвара, дочь Анастасия Моцениго и Прасковьи Сарандинаки, в начале 1830-х годов вышла замуж за греческого аристократа, богатого землевладельца Дионисио Цане (итал. Dionisio Tzanne). В браке родились две дочери — Анастасия и Параскева. На Занте также остались потомки третьего брата Анастасия и Доменико Моцениго — Джованни по прозвищу Дзанетто (итал. Tzanetto).). Российские Моцениго поддерживали контакты со своими греческими родственниками.

На полях Восточной войны.

Иван Гико-Моцениго

России понадобилось 20 лет для восстановления после поражения в Крымской войне. Военная реформа Александра II изменила систему комплектования армии, заменив рекрутские наборы на всеобщую воинскую повинность.

Эта мера при уменьшении численности армии повысила её боеспособность. Ускорившееся экономическое развитие позволило сократить отставание от Европы во многих технических областях.

Политическая обстановка в Европе складывалась в пользу России: возможная быстрая победа исключала присоединение Англии и Франции к будущей войне. На этом фоне задача добиться реванша у Османской империи выглядела вполне реально.

На Балканах наблюдался подъём национально-освободительного движения. Поводом для начала нового противостояния послужило жестокое подавление турками Боснийско-герцеговинского восстания, Апрельского восстания в Болгарии и поражение Сербии в Сербско-черногорской-турецкой войне. Учитывая плюсы от складывающейся ситуации, Россия поспешила на помощь единоверцам.

В новой русско-турецкой войне Российская империя выставила под ружьё около 700 тысяч человек, почти в два раза больше, чем Османская империя. У России были верные союзники — балканские христиане. В арсенале российской армии находились винтовки пяти разных образцов; основная масса линейной пехоты была оснащена винтовками Крнка¹, медленно шёл переход на винтовки конструкции Бердана². Турецкая армия имела в своём распоряжении английское и американское оружие и контролировала Чёрное море.

Император Александр II объявил Турции войну 24 апреля 1877 года. В России война получила название Восточной.

Войну 1877—78 годов капитан Гико-Моцениго, внук пасынка графа Доменико Моцениго, прошёл в составе 63-го Углицкого полка.

Военные действия начали развиваться на двух фронтах — Кавказском и Балканском. Через месяц русские войска вошли в Румынию и, воспользовавшись пассивностью противника, успешно переправились через Дунай. Ещё через месяц началась осада Плевны — одной из ключевых точек на болгарской земле. Первая попытка взятия Плевны успехом не увенчалась. Отряд генерала М. Д. Скобелева ворвался в город, но не удержал его и вынужденно отступил.

Несмотря на то, что 6 тысячам русских солдат и 7 с половиной тысячам болгарских добровольцев противостояло 30-тысячное османское

¹ Однозарядная передельная винтовка системы чешского оружейника С. Крнка, принятая Россией на вооружение в 1869 году.

² Однозарядная винтовка, в просторечии «берданка», с откидным или скользящим затвором конструкции Х. Бердана. Год выпуска 1868.

войско, союзникам удалось занять стратегически важный перевал на горе Шипка. На Кавказском фронте тоже наблюдались успехи — были взяты Сухум, Батум, крепости Баязет и Ардаган.

Осенью началась вторая осада Плевны, и в начале декабря зажатая в кольцо турецкая армия под командованием Осман-паши капитулировала. Овладение Плевной дало возможность продолжить наступательные операции. Западный отряд генерала И. В. Ромейко-Гурко в сложных условиях осуществил переход через Балканы и 23 декабря 1877 года (4 января 1878 года) занял Софию. Путь на Константинополь был открыт.

Южный отряд генерала Ф. Ф. Радецкого, в который входили отряды генералов М. Д. Скобелева и Н. И. Святополк-Мирского, тоже двинулся вперёд и в сражении под Шейново 27—28 декабря 1877 года (8—9 января 1878 года) окружил армию Вессель-паши в 30 тысяч человек.

Деревня Шейново входила в состав лагеря, построенного турками в долине напротив Шипкинского перевала.

Лагерь противника имел 7,5 км в окружности и состоял из отлично укрепленных 14 редутов. Левый турецкий фланг упирался в деревню Шипка, правый — в густой лес, прямо перед вражескими позициями простиралась голая равнина.

Чтобы избежать фронтальной атаки на неприятеля, решено было идти двумя колоннами обходным манёвром через Тревнинский и Имитлийский перевалы и нанести фланговые удары с востока и запада. Одновременно должна была произойти атака армии Радецкого со стороны Шипкинского перевала. Восточную колонну вёл Святополк-Мирский, западную — Скобелев. Сложность задачи усугубляли погодные условия. Идти приходилось через снежные завалы. Высота сугробов достигала двух метров. Несмотря на то, что дорогу расчищали две тысячи болгар, перетащить через перевалы всю артиллерию так и не удалось.

Не имея сведений о Скобелеве, Святополк-Мирский утром 27 декабря в соответствии с предварительным планом повёл атаку на восточный фронт и к часу овладел первой линией укреплений, но взять вторую не смог. Его боковой отряд беспрепятственно занял деревушку Казанлык южнее турецкого лагеря.

Маршрут отряда Скобелева в 16,5 тысяч человек при 14 орудиях был короче, чем у восточной колонны. Однако идти скобелевцам приходилось, отбиваясь от выставленных в горах турецких заслонов. Отряд растянулся в длинную цепь. Люди на каждом шагу по пояс проваливались

Генерал М. Д. Скобелев. 1878 г.
Фото из коллекции Ольги Хорошиловой

в глубокий снег. Порой приходилось с помощью рук карабкаться по крутым скалистым подъёмам. Тем не менее генерал сделал всё возможное, чтобы облегчить движение бойцам: тяжёлые ранцы были заменены на холщовые мешки, каждый солдат имел с собой полено для костра. В результате принятых мер в отряде почти не было обмороженных. Мелкокалиберные орудия солдаты перенесли на руках. К вечеру 27 декабря к деревне Имитлия вышел авангард, состоящий из шести батальонов, и занял её. Основные силы Скобелева продолжали преодолевать перевал.

Утро 28 декабря выдалось сырое и туманное. «Мгла окутывала гали; серое небо точно давило верхушки Балкан. В ущелье курился туман, сады и роци в Долине Роз казались облаками, охваченными отовсюду мглой <...> Ещё свет робко-робко пробивался на востоке, когда Скобелев уже объезжал шейновское поле. С зарею поднялись солдаты. Из Иметли едва-едва доносился грохот орудий, стучавших по окрепшей за ночь почве» — записал свидетель сражения В. И. Немирович-Данченко¹[59, с. 134]. Турки

¹ В. И. Немирович-Данченко — брат режиссёра, писатель, фронтовой корреспондент.

атаковали Святополк-Мирского, но их попытка была отражена. Святополк-Мирский, израсходовав много боеприпасов и потеряв много людей, обратился за помощью к Радецкому. Посланные на выручку батальоны были вынуждены вести наступление по обледенелой дороге под перекрёстным артиллерийским и ружейным огнём и, понеся огромные потери, отступили. Казалось, сражение проиграно. Неожиданно в бой вступили части М. Д. Скобелева.

«Не успело солнце подняться, как полки уже выстроились. Солдаты были очень оживлены; зная их суеверие, Скобелев, объезжая ряды, повторял:

— Поздравляю вас, молодцы! Сегодня, как раз для боя — двадцать восьмое число... Помните, двадцать восьмого мы взяли Зелёные горы, двадцать восьмого ноября сдалась Плевна. А сегодня мы возьмём в плен последнюю турецкую армию! Возьмём ведь?

— Возьмём... ура! — звучало из рядов...

— Заранее благодарю вас, братцы...» [59, с. 134].

Спустившись с перевала, генерал скрытно провёл отряд по двум лощинам.

«В грохоте турецких батарей стали выделяться отдалённые звуки рожков. Турки подавали сигналы. Скобелев усилил наш левый фланг и выдвинул ополчение к Шипке, где, по его мнению, были три табора турок.

— Они подлецы догадаются, что у нас только орудия малого калибра! Нужно обмануть неприятеля. Поставьте людей у орудий! — приказал генерал. Вторая боевая линия вышла на позицию с музыкой и песнями. Развёрнутые знамёна слегка колыхал ветер. Около 11 часов турки сосредоточили свой огонь против нашего левого фланга. Туда Скобелев послал стрелков Углицкого полка. Люди начали падать. По массе пуль, несущихся навстречу, видно, что турки собрались здесь в большом числе, не менее как в количестве пятнадцати таборов¹. Да сколько их ещё позади — в редутах и фортах, защищающих с юга Шипкинские позиции. Скобелев делается всё серьезнее. Лицо его озабочено, как никогда.

— Если меня убьют, — снова обратился он к окружающим, — то слушаться графа Келлера. Я ему сообщил всё...» [59, с. 135].

Угличане перешли линию огня и оказались в самом пекле. Курганы почернели от тысяч человеческих фигур.

«— Граф Толстой ранен! — подъезжает ординарец к Скобелеву.

— Э! — с досадой говорит генерал... Терять Толстого в такую минуту... Он нужен. Жаль, жаль... Пускай полковник Панютин примет общую команду...» [59, с. 134]. Немирович-Данченко продолжал: *«Дело близко к решающему моменту, смотря по обстановке боя; мы любимся стройностью движения угличан, которые разворачиваются, как на параде и с развёрнутыми знамёнами, под музыку, красиво входят в боевую линию. Сражение распространяется по всей линии передового отряда»* [59, с. 134]. Углицкий и Казанский полки и 5 дружин болгарского ополчения под густым огнём неприятеля наступали стройно, без единого выстрела. *«В этот день они не выпустили почти ни одного патрона и исключительно работали штыками. До опушки леса они шли точно церемониальным маршем, под музыку, в ногу. На параде — так не ходят. У опушки они развернулись по-батальонно и почти под сплошным турецким огнём, пронизавшим их, кинулись беглым шагом вперёд. Чтоб меньше было потерь, в известные моменты люди залегали в канавы и потом по команде перебежали к следующей позиции. Один батальон угличан, противу которого был направлен особо сосредоточенный огонь, приостановился. Казалось, подвинуть войска вперёд невозможно. Точно столбняк напал. Тогда полковник Панютин подскакал к батальону, выхватил знамя из рук знаменщика и с ним кинулся в огонь. Как один человек, бросились угличане. Их напор был так неудержим, что первый ряд ложементов и траншей моментально оказался у нас в руках»* [59, с. 137]. Закипел штыковой бой. *«Увлечение солдат росло. Они крошили всё на своём пути. За укрепленным лагерем попался им редут. Никто не знает, вскакивали ли сюда первыми те или другие солдаты, полк как будто прошёл через редут, не останавливаясь. Минуты остановки не было, а между тем позади, когда угличане шли на следующий, остались между брустверами груды тел турок и раненых угличан»* [59, с. 138].

Редут был взят, вторая линия турецкой обороны взломана. С развёрнутыми знамёнами, под звуки полковых оркестров основные силы генерала Скобелева через образовавшуюся брешь двинулись в центр лагеря. Святополк-Мирский возобновил атаку на восточном фланге. Противник был деморализован. Видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, Вессель-паша принял решение сдаться. Без четверти два турецкий лагерь со всеми укреплениями был взят. Шейново-Шипкинское

¹ Табор (табур) в армии Османской империи эквивалент батальона.

сражение стало триумфом генерала М. Д. Скобелева. Именно ему вручил саблю пленённый турецкий военачальник.

В качестве трофеев под Шейново были захвачены 35 тысяч пленных, 98 разных орудий, до 2000 ружей и 7 знамён. Турки потеряли убитыми и ранеными около 6000 человек. Обнаруженные продовольственные запасы позволили обеспечить походное питание войскам на долгое время. *«Наши потери составили 1500 убитых и раненых. Из них на долю Углицкого полка приходится 6 убитых офицеров и 419 нижних чинов. Из офицеров Углицкого полка были убиты и ранены следующие: убиты Гика-Моцениго, штабс-капитан Саенко, поручик Михеев, поручик Беляев, капитан Юсупов, прапорщик Купчинский»* [60]. Отличившийся в сражении Углицкий полк был отмечен наградами. *«Всему полку были пожалованы нагниси на головные уборы. Командир полка полковник [Всеволод. — Е. В.] Панютин получил Георгия 4 класса. Этой же награды удостоены к-р 12 роты пор. Власов, Борзов и прап. Узатис. Прочим назначены очередные награды. Нижним чинам было пожаловано 10 знаков отличия воен. ордена на роту»* [59, с. 161].

В январе последовало сражение под Филиппом (ныне Пловдив). 8 (20) января был взят без сопротивления Андрианопись.

По итогам войны Сербия, Черногория и Румыния подтвердили свою независимость и расширили территории. К России перешла Бессарабия. Турки предоставили независимость Болгарии, Боснии и Герцеговине, заплатили контрибуцию, отказались от притязаний на греческие земли и реформировали управление Арменией и Албанией.

О капитане Углицкого полка Гико-Моцениго, погибшем при штурме Шейново, командование забыло. Забыто было даже его имя. Вдова Любовь Дмитриевна вынужденно обратилась в Главный штаб и лично к Михаилу Дмитриевичу Скобелеву с просьбой о выделении пенсии за погибшего мужа. 30 ноября (12 декабря) 1878 года Скобелев переадресовал её прошение командиру 4-го Армейского корпуса Л. Н. Клугину в Андрианопись, сопроводив словами: *«Ввиду действительно геройского поведения этого штабс-офицера как в предшествующих делах, так и при штурме Шейново 28 декабря 1877 года, прошу зависаго с Вашей стороны содействия о выполнении просьбы названной вдовы, если это окажется возможным»* [61, л. 10]. Пенсия Любови Дмитриевне Гико-Моцениго была назначена в размере 345 руб. в год. Благодаря найденному в РГВИА делу удалось восстановить

полное имя героя Шейново и его биографию [61, л. 25].

Происходивший из архипелагских греков Иван Николаевич Гико-Моцениго родился 30 декабря 1837 года (11 января 1838 года), учился в частном учебном заведении, в службу вступил в Подольский пехотный полк и в 1853 году принял присягу на подданство России. Он участвовал в обороне Севастополя и «в делах и походах против неприятеля» в 1854, 1856 и 1877 годах. Его наградами были ордена Св. Анны 4 ст. с надписью «За отвагу», Св. Станислава 2 ст. с мечами и серебряная медаль на Андреевской ленте в память войны 1853 — 1854 годов. В 1860 году Иван Николаевич вышел в отставку поручиком, но через 7 лет снова попросился на службу. Восточная война стала его последней войной.

Не будучи Моцениго по крови, Иван Николаевич Гико-Моцениго своим ратным подвигом вписал ещё одну славную страницу в семейную историю.

История с фотографией. Николай Карлович Моцениго

Фотография как вид изобразительного искусства зародилась в Европе в начале XIX века и с момента своего появления развивалась семимильными шагами. Самый ранний фотопроцесс — дагеротипия — представлял собой отпечаток объекта съёмки на металлической пластине и имел серьёзный недостаток: дагеротип существовал в единственном экземпляре. Несколькими годами позже была разработана негативно-позитивная технология фотопечати, названная калотипией. Использование бумаги в качестве подложки сделало возможным тиражирование одной фотографии множество раз. Но и этот доступный способ имел минусы: отсутствовали полутона, изображения резали глаз контрастностью. Для того, чтобы приблизить фотографию к оригиналу, требовалась кропотливая работа ретушёра. Дагеротипия и калотипия существовали параллельно, пока во второй половине XIX века им на смену не пришёл коллоидный процесс. Он соединил преимущества негативно-позитивного метода с высокой светочувствительностью. Отпечатки теперь делались со стеклянных коллоидных негативов. Следующим шагом стало использование в качестве подложки вместо стекол гибкого целлулоида. В результате последней инновации появилась листовая и рулонная фотоплёнка. Процесс проявления фотографий сделался дешёвым и доступным.

Эволюция фотопечати породила настоящую «портретоманию». Фотографический портрет быстро вытеснил рисованные миниатюры. Вслед за Европой искусство фотографии получило распространение в России. Сначала в столице, а затем в провинциальных городах стали открываться фотоателье. Фотография из элитарной сделалась доступной всем городским сословиям. Портретные фотографии украшали гостиные и кабинеты знати, стены комнат купцов и разночинцев. Фотоальбомы стали неотъемлемой частью семейных историй.

В портовом Таганроге в конце XIX века работали несколько известных фотомастеров. Одним из самых популярных фотоателье являлась мастерская Иосифа Рубанчика. Переехав из Ростова в Таганрог, Рубанчик открыл в марте 1896 года свою первую мастерскую. Она располагалась в доме купца Гладкова на Петровской улице и назвалась кабинетной. На фотографиях популярного с начала 1870-х годов формата «кабинет-портрет» запечатлевались люди на фоне помещения, в котором происходила съёмка — кабинета или фотостудии. Часто использовались декорации в виде мебели или портьер и реквизит. Фотограф, подобно режиссёру, тщательно продумывал образ модели, правильно выстраивая композицию, подбирая позу, устанавливал верное освещение. На обороте фотокарточки размещалась информация об адресе студии, художественном образовании фотографа, его наградах. Дела у Иосифа Яковлевича шли хорошо, и спустя несколько лет он приобрёл собственный дом на углу Петровской и Деспальдовской улиц. Фотографическая секция Одесского отделения Императорского технического общества обратила внимание на работы Рубанчика, и в 1899 году он был удостоен серебряного знака. С тех пор «знак качества» Императорского технического общества присутствовал на тыльной стороне его фотографий. Иосиф Рубанчик создал галерею портретов таганрожцев — солидных деловых мужчин, дам в изысканных нарядах, юных девиц и гимназистов, чиновников и служащих. Помимо студийных фотографий Рубанчик увлекался видовыми фото. Дошедшие до наших дней почтовые карточки с его работами дают представление о Таганроге конца XIX — начала XX века. Несохранившиеся Греческий монастырь, Успенский собор, Царская беседка на Карантине, ныне утраченный маяк, дворец Александра I, здание окружного суда, Петровская улица, старый и новый базары, пристань и порт, металлургический завод — вот неполный перечень открыток, изданных И. Рубанчиком.

*Николай Карлович Моцениго. 1890-е гг.
Фото из семейного архива проф. Г. Милонакиса.
Греция*

Неудивительно, что посетивший Таганрог Николай Моцениго воспользовался случаем сделать портрет у известного мастера. Отсутствие на оборотной стороне фотографии фирменного «знака качества» И. Рубанчика позволяет датировать фото 1896—1899 годами. Думается, к фотографии приложил руку хороший ретушёр. На портрете в профиль изображён импозантный мужчина средних лет с правильными чертами лица, задумчивым взглядом восточных глаз и щеголевато закрученными усами. Удачно сделанный фотопортрет Николай Карлович отправил родственникам на Занте, и, таким образом, он оказался в семейном архиве Моцениго в Греции.

Работал Николай Моцениго письмоводителем и бухгалтером в 3-м Окружном акцизном управлении [62], старшим смотрителем на соляных приисках [63]. Соледобыча на крупнейшем крымском озере Сасык-Сиваш недалеко от Евпатории велась со времён Крымского ханства. Добыча целебной соли в промышленном масштабе началась с середины XIX века. Н. К. Моцениго выслужил чин титулярного советника и в качестве избирателя по Симферопольском уезду участвовал в 1906 году в выборах в Государственную думу [64].

Николай Карлович представлял интересы отца и дяди в государственных структурах. (Капитан Дмитрий Анастасьевич Моцениго не был

женат и был бездетен). Н. К. Моцениго получил вознаграждение от государства за отмежеванную от фамильного имения Аблан под железную дорогу Лозовая-Севастополь землю. Выплата за отрезанный участок с дикорастущим садом размером 154 квадратных сажени составила 9 руб. 20 коп. [65]. Он обратился в 1857 году в Морское министерство с делом о пенсии для Дмитрия Анастасьевича [66].

Женился Николай Моцениго в 1868 году на дочери титулярного советника, заседателя земского суда города Алешки Георгия (Егора) Ивановича Перича [67]. Анастасия Георгиевна была старше супруга на 6 лет.

А вот по какой необходимости Николай Карлович отправился в Таганрог, нам предстоит только догадываться. Возможно, он поехал в портовый город по служебной необходимости, а может быть его привели туда дела семейные. Николай Моцениго приходился помещикам Сарандинаки, владельцам имения Маргаритовка в Приазовье, кузеном, а его жена — родней полковнику Якову Перичу и баронессе Прасковье Кампенгаузен [68].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лейн Ф. Золотой век Венецианской Республики. Завоеватели, торговцы и первые банкиры Европы. [Пер. с англ. Л. А. Игоревского.] М. : Центрполиграф, 2017. 606, [1] с.
2. Λεωνίδα Χ. Ζώνη. Λεξικόν Ιστορικών και Λαογραφικών Ζακύνθου. Τ. 1 : Ιστορικών-Βιογραφικών. Αθήνα, 1963. Σ. 435—437.
3. Воронцов С. Р. Граф Моцениго. Эпизод из первой Турецкой войны при Екатерине II-й, в рассказе графа С. Р. Воронцова // Русский архив : историко-лит. сб. Вып. 12. М. : Тип. Лебедева, 1878.
4. РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 260. 1782—1785 гг.
5. Там же. Д. 387. 1783 г. Л. 1.
6. Дашкова Е. Записки княгини Екатерины Дашковой. М. : Эксмо, 2023. С. 147.
7. Лаппо-Данилевский К. Ю. Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 г. // XVIII век. Сб. 19 / Рос. акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). СПб. : Наука, 1995. С. 109.
8. Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин. На службе у трёх императоров. Ч. 1. : Государственная деятельность в царствование Екатерины II. 2-е изд., испр. и доп. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2018. С. 98.
9. Notizie del mondo : gazzetta politica. 1793. 11 мая (№ 38).
10. РГИА. Ф. 1341. Оп. 18. Д. 617. 1817 г. Л. 1.
11. Петрунина О. Е., Класунов С. Г. Эволюция государственного устройства республики Семи Соединённых Островов в 1799—1803 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21 : Управление (государство и общество). 2009. № 2. С. 119—147.
12. Вестник Европы. Ч. 12, № 21—22. М. : Университетская тип., 1803. С. 130.
13. РГАВМФ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
14. Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 53. 1804.
15. Там же. Д. 67. Тит. л.
16. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802—1837 / Публ. М. В. Сидоровой и А. А. Литвина; Пер. с фр. О. В. Маринина. М. : Рос. фонд культуры, 2012.
17. РГАВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 93. 1813 г. Л. 3—4.
18. РГВИА. Ф. 35. Оп. 2. Д. 721. Л. 1.
19. Пряхин Ю. Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб. : Алетей, 2004.
20. РГАВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70. Л. 116 об. — 117.
21. Сапожников И. В., Белоусова Л. Г. Греки под Одессой : Очерки истории пос. Александровка с древнейших времён до начала XX века : моногр. / Ин-т археологии НАН Украины, Гос. архив Одесской обл., Александровский поселковый совет народ. депутатов, Ильичёвский морской торговый порт. Одесса — Ильичёвск : Элтон-2 — Гратек, 1999.
22. Цит по: Сапожников И., Аргатюк С. Парafia Александровской Свято-Успенской церкви // Юго-Запад. Одессика : Историко-краевед. науч. альм. Вып. 21. Одесса : Печатный дом, 2016. С. 19—20.
23. ДАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 226. Л. 33 об.
24. Там же. Д. 267.
25. Там же. Д. 245. Л. 87.
26. Там же. Д. 531. Л. 682 об. — 683, 702 об. — 703.
27. Там же. Д. 298. Л. 117.
28. Греки Одессы : Именной указатель по метрическим книгам Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. 1. (Изд. 2-е, доп.). 1799—1831, 1836 / Гос. архив Одесской обл., Одесский филиал Греческого фонда культуры. Одесса, 2014. (Труды Гос. архива Одесской обл. Т. XXXVIII).
29. ДАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 343. Л. 103 об.
30. ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6376. 1847 г.
31. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 868. Л. 1—2.
32. Там же. Ф. 13. Оп. 2. Д. 548 А, Б.
33. Там же. Ф. 468. Оп. 43. Д. 687. Л. 1—2 об.
34. Высоцкая Е. П. Три капитана // Донской временник. Год 2011-й. : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Дон. гос. публич. б-ка.

Вып. 19. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2010. С. 66—91.

35. ГАРК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

36. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2-2. Д. 3477.

37. *Филипсон Г. И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. Вып. 5. М. : Университетская тип., 1883. С. 274.

38. *Фёдоров М. Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. 3. Тифлис : Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1879. С. 127.

39. Летопись крушений и пожаров судов русского флота, от начала его по 1854 год / Сост. А. П. Соколов. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1855. С. 176—177.

40. П. С. Нахимов : Док. и материалы. / Под ред. полк. А. А. Самарова; Глав. арх. упр. МВД СССР, Центр. гос. арх. военно-морского флота. М. : Воениздат. 1954. (Русские флотоводцы).

41. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5957.

42. Там же. Д. 5956.

43. РГИА. Ф. 1297. Оп. 20. Д. 43. 1843 г. Л. 1.

44. ГАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1307.

45. РГИА. Ф. 571. Оп. 4. Д. 978. Л. 6—7.

46. ГАРК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. Л. 428 об.

47. Там же. Д. 3. Листы не нумерованы.

48. Там же. Д. 4.

49. Там же. Д. 5. Листы не нумерованы.

50. Там же. Д. 6. Л. 5.

51. ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 351. Л. 65 об. — 66.

52. Генеалогический форум ВГД : сайт. URL:<https://www.geni.com/people/Klas-Rudolf-Roschier/6000000007269864407> (дата обращения: 29.09.2025).

53. Генеалогический форум ВГД : сайт. URL:<https://www.geni.com/people/Varvara-Montsenigo/6000000007269814925?through=6000000007269864407> (дата обращения: 29.09.2025).

54. Письмо от Г. Милонакиса от 18 янв. 2025 г. // Личный архив Е. П. Высоцкой

55. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 14117. Л. 1.

56. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1845 г. Д. 940. Л. 1.

57. Там же. Д. 1140. Л. 1.

58. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17517. 1849 г. Л. 1.

59. *Немирович-Данченко В. И.* Скобелев. М. : Художественная литература, 2024.

60. *Еленев М. Н.* Историческая хроника 63-го пех. Углицкого полка за 200 лет его существования : 1798—1908 / составил 63-го Углицкого полка штабс-капитан Еленев. Варшава : Типо-литография и переплётная Б. А. Букаты, 1908. С. 161.

61. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 5245.

62. Санктпетербургские сенатские ведомости. 1879. № 3. С. 15.

63. Санктпетербургские сенатские ведомости. 1882. № 20. С. 97.

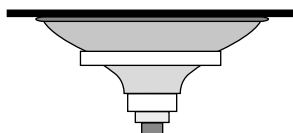
64. Таврические губернские ведомости. 1906. № 92. Приложение. С. 8.

65. РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 21788. Л. 1—1 об.

66. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 3477. Л. 1.

67. ГАРК. Ф. 313. Оп. 1. Д. 8. Л. 94 об. — 95.

68. *Высоцкая Е. П.* Неуловимый полковник Перич // Донской временник : краевед. альм. / Дон. гос. публ. б-ка. Вып. 30. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2021. С. 91—113.

В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ

В. А. МИНОРАНСКИЙ

АКАДЕМИК БЕЗ ДИПЛОМА

В 2026 году исполняется 130 лет со дня рождения Николая Николаевича Архангельского (1896—1984), крупнейшего отечественного энтомолога. Н. Н. Архангельский был участником многих событий своего времени. Его жизнь охватила дореволюционные годы, две мировые войны, революции, восстановление и развитие страны. Не имея диплома о высшем образовании, не являясь членом КПСС и иных партий, Н. Н. Архангельский стал членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, заслуженным деятелем науки РСФСР, почётным членом Всесоюзного энтомологического общества, профессором, доктором сельскохозяйственных наук.

Николай Николаевич был моим научным руководителем в аспирантуре, а в дальнейшем — консультантом, коллегой в образовательной, научной, культурной деятельности [1]. За всё это я ему очень благодарен.

Родился Николай Архангельский 24 февраля 1896 года в семье сельского учителя, ставшего позднее псаломщиком в станице Спокойной на Кубани. Родители привили ему интерес к учёбе, активному приобретению и анализу новых знаний, трудолюбию. С детства у мальчика проявлялся интерес к природе, наблюдениям за жизнью растений и животных. Особенно его привлекали насекомые. Переехав в Ставрополь, Николай поступил в гимназию и стал с увлечением заниматься сбором насекомых, их определением и коллекционированием; регулярно посещал местный краеведческий музей с богатейшей энтомологической коллекцией (только ящиков с насекомыми здесь было более 400!). С коллекцией этого музея в те годы работали Ф. А. Зайцев, Н. Н. Богданов-Катьков, В. Н. Лучник, Н. Н. Плавильщиков и другие ведущие энтомологи из Москвы, Петербурга (Петрограда), Тифлиса, Ставрополя. Часто Николай бывал на Ставропольской станции защиты растений (СТАЗРа). Здесь он в 1914 году познакомился с Борисом Петровичем Уваровым (1888—1970), крупнейшим учёным-энтомологом России,

*Н. Н. Архангельский. 1970-е гг.
Фото из личного архива автора*

а впоследствии — мира. Это знакомство оказало основное влияние на формирование взглядов Н. Н. Архангельского и определило дальнейшую его судьбу. В 1915 году Б. П. Уваров переехал в Тифлис (Тбилиси), стал заведующим Тифлисской станции защиты растений и возглавил отдел энтомологии Кавказского музея. Вслед за ним в Тифлис приехал и Николай Архангельский. В 1917 году он поступил на естественное отделение Закавказского университета. Обучаясь в университете, одновременно работал на Тифлисской станции защиты растений. В 1923 году стал заведующим станцией

Виктор Аркадьевич Миноранский, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Южного федерального университета, председатель президиума ассоциации «Живая природа степи»

и руководителем отдела энтомологии в Кавказском музее Академии наук.

В эти годы в Грузии работали многие крупнейшие учёные-биологи страны, такие как С. Г. Навашин (ботаник, генетик, эмбриолог, цитолог), И. В. Палибин (палеонтолог растений), Д. И. Сосновский (эколог растений), А. А. Гроссгейм (ботаник) и др. Николай Николаевич слушал их лекции, посещал практические занятия, консультировался по различным вопросам. В Тифлисе он познакомился и с К. А. Сатуниным, крупнейшим в России специалистом по млекопитающим. Эти учителя обогатили Н. Н. Архангельского фундаментальными биологическими знаниями, способствовали глубокому пониманию им законов живой природы, формировали его как учёного.

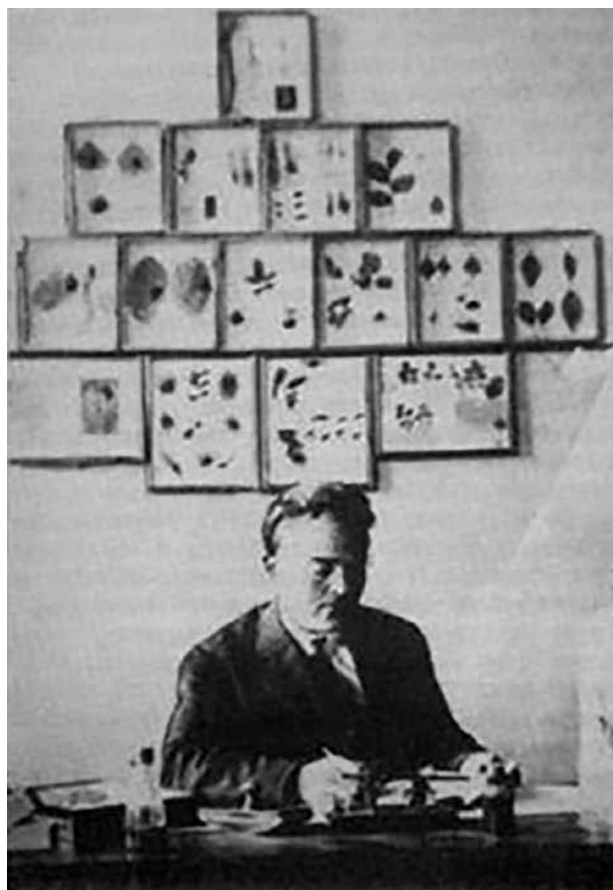
Учась и работая в Тифлисе (1915—1925), он изучал состав насекомых Грузии, их биологию, экологию, распространение, значение. С самого начала производственной и научной деятельности основное внимание Николай Николаевич уделял вредителям сельского хозяйства и разработке приёмов борьбы с ними. Вместе с коллегами из Тифлисской СТАЗРа он проводил защиту возделываемых в разных районах культур, консультировал сельское население и наглядными примерами показывал экономическую целесообразность борьбы с вредителями. По поручению Закавказского реввоенсовета Архангельским был разработан крупномасштабный способ газового обеззараживания полутораmillionного запаса зернопродуктов на складах снабжения Красной Армии.

В эти годы правительство в Грузии часто менялось, устанавливались новые порядки, осложнявшие жизнь населению. В 1922 году очередные власти реорганизовали учебный процесс в университете, заставив вести занятия только на грузинском языке. Не знающие язык преподаватели и студенты вынуждены были покинуть университет. Николай Николаевич получил справку о прослушанных курсах в университете, оставшись без диплома о его окончании.

В 1925 году по приглашению П. А. Свириденко, крупного специалиста по млекопитающим, ставшего позднее академиком АН УССР, Н. Н. Архангельский переехал в Ростов-на-Дону и связал с ним свою дальнейшую жизнь.

В это время в степной зоне Северного Кавказа сельскохозяйственные вредители были стихийным бедствием, наносящим огромный вред сельскому хозяйству. В Ростове Николай Николаевич стал одним из организаторов Северо-Кавказской краевой станции защиты растений.

Краевая СТАЗРа, имея в регионах местные станции, была ведущей научно-производственной организацией по изучению фауны и борьбе

*Н. Н. Архангельский в своём кабинете на Северо-Кавказской станции защиты растений. 1930-е гг.
Фото из личного архива автора*

с вредителями всего Северного Кавказа. С момента её создания сотрудники по единым методикам и программе приступили к обследованию региона [2], изучению фауны, роли её представителей в хозяйственной деятельности, выявлению очагов распространения вредителей и болезней растений, разработке и внедрению приёмов защиты от них различных культур. Северный Кавказ оказался опытным полем страны, где велись работы по сохранению и повышению урожая традиционных культур (например, пшеницы, кукурузы) и выяснению возможности возделывания здесь хлопчатника, риса, клещевины, мандаринов и других растений. Изучались вредители и болезни этих культур, разрабатывались приёмы борьбы с ними. Станция имела энтомологический, фитопатологический и зоологический отделы, энтомологическую и токсикологическую лаборатории, музей, библиотеку. С 1925 года Н. Н. Архангельский работал заведующим отделом энтомологии, с 1927-го — заместителем директора по научной работе; в 1944—1947 годах — директором станции. Характерной особенностью его

деятельности было умение сочетать научную работу с практикой. Он постоянно заботился о внедрении более совершенных средств защиты растений, принимал активное участие в разработке новых организационных форм в этой области и непосредственно руководил многими компаниями по борьбе с массовыми вредителями. Под его руководством выпускались «Известия Северо-Кавказской станции защиты растений», научные и популярные статьи, книги, брошюры, информационные листовки.

На станции собрали крупнейшую на юге страны коллекцию насекомых. Для определения этого материала, разработки отдельных научных проблем, консультаций в Ростов регулярно приглашались крупнейшие в стране специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева. Здесь работали А. А. Штакельберг, Г. Я. Бей-Биенко, Д. А. Оглоблин, А. К. Мордвилко, А. Н. Кириченко, В. Н. Щёголев. Изучался состав и распространение прямокрылых, червецов, трипсов, хлебных жуков, рогахвостов, пилильщиков и других членистоногих. Материалы исследований опубликованы и до настоящего времени для ряда групп остаются единственными в регионе, но слабо известными современным энтомологам. Собранные на станции коллекции насекомых после Великой Отечественной войны попали в музеи кафедр зоологии РГУ, Донского и Кубанского сельскохозяйственных институтов. Часть из них и сегодня используется в учебном и научном процессах.

С созданием крупных хранилищ зерна большое значение приобрели изучение амбарных вредителей (клещей, долгоносиков, чернотелок) и разработка приёмов борьбы с ними. В этом направлении краевая станция стала ведущей в стране. Николай Николаевич с коллегами выяснили состав этих вредителей, их биологические особенности, разработали и внедрили в производство крупномасштабный метод газовой дезинфекции зернопродуктов в дезкамерах и непосредственно в складских помещениях. Использование в борьбе с амбарными вредителями сероводорода и других приёмов защиты позволило решить эту важную проблему. В предвоенные годы Н. Н. Архангельского назначили экспертом государственных стратегических запасов зерна в СССР. Вместе с коллегами учёный изучает вредителей садов, пшеницы, кукурузы, подсолнечника, люцерны, огородных и других культур, разрабатывает и внедряет меры борьбы с ними. Выясняются биологические особенности и меры борьбы с луговым мотыльком, клопом-черепашкой, сусликами, полёвками, мышами. Под руководством Н. Н. Архангельского были выполнены

большие работы по изучению биологии и экологических особенностей, мест размножения исторически опасного на юге вредителя — перелётной саранчи (работы Л. З. Захарова, Д. П. Довнар-Запольского, Ф. Н. Лебедева и других). Здесь впервые в стране и мире для борьбы с вредителями сельского хозяйства начали использовать самолёты. В 1925—1926 годах под руководством П. А. Свириденко и при участии Н. Н. Архангельского, В. Ф. Болдырева и других специалистов был проведён успешный эксперимент по использованию авиационного метода для уничтожения скоплений перелётной саранчи в плавнях Кубани, Терека и Сулака. С тех пор авиация стала надёжным помощником в борьбе с вредителями. Вопрос борьбы с перелётной саранчой также был успешно решён, и до 90-х годов этот вид не представлял на Дону опасности культурным растениям. Большое внимание уделялось акклиматизации энтомофага афелинуса для борьбы с красной кровяной тлёй на плодовых культурах, что позволило отказаться от применения химического метода в борьбе с этой тлёй [3, с. 24—25].

В конце 1920—30-х годов в Сальских, Ставропольских и Калмыцких степях, в районах Манычских озёр наблюдались эпизоотии чумы среди сусликов и массовое размножение носителей этого заболевания. Вместе с сотрудниками Ростовского микробиологического института, противочумных лабораторий Николай Николаевич принимал непосредственное участие в изучении этого явления, в борьбе с чумой и в подавлении численности сусликов. Он был консультантом НИИ малярии (создан в Ростове в 1934 г.), где в предвоенные годы изучили это исторически опасное на юге заболевание людей и разработали успешные меры защиты населения [4].

На выездной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), состоявшейся в 1935 году, на общем собрании рабочих и служащих Кировского (Путиловского) завода в Ленинграде под председательством академика Н. И. Вавилова Николай Николаевич вместе с ведущими зоологами — В. Н. Щёголевым, В. Н. Старком, Н. А. Наумовым отчитался о своей научной, организационной и производственной деятельности. После доклада он ответил на многочисленные вопросы академика Н. И. Вавилова, других членов ВАСХНИЛ и присутствующих, получил их высокую оценку своей деятельности и без защиты диссертации голосованием членов академии ему была присуждена степень доктора сельскохозяйственных наук [3, с. 25—26].

В годы Великой Отечественной войны Н. Н. Архангельский занимается вопросами

Группа студентов-зоологов 4 курса РГУ. Стоят слева: ассистент кафедры Т. И. Шевченко и Н. Н. Архангельский, доц. К. В. Смирнова (справа). 1960 г. Фото из личного архива автора

обеззараживания воинских складов и землянок от вредных организмов и обеспечения правильного хранения продовольствия для армии.

После занятия фашистами Ростова он эвакуируется в Ереван, где работает в Биологическом институте Армянского филиала АН СССР. В 1944 году учёный возвращается в Ростов, участвует в восстановлении СТАЗРа, привлекает к работе по борьбе с вредителями растений специалистов. Под редакцией Н. Н. Архангельского издаётся справочник «Вредители и болезни полевых культур», в котором ему принадлежит авторство основных разделов [5].

Решением Ростовского обкома ВКП(б) Н. Н. Архангельскому поручается налаживание учебной и научной работы в Ростовском государственном университете. В 1944 году он организует кафедру энтомологии и до 1963 года заведует ею и кафедрой зоологии беспозвоночных. В 1945—1947 годах Николай Николаевич одновременно — директор Научно-исследовательского института биологии при РГУ. Здесь создано десять лабораторий, привлечены специалисты, восстановлено основное оборудование. В 1947 году Н. Н. Архангельский получил звание профессора кафедры энтомологии. С этого времени Николай Николаевич — проректор университета по научной работе (1947—1954).

В 1956-м учёный избирается членом-корреспондентом ВАСХНИЛ [6, с. 274] и руководит отделом энтомологии НИИ биологии (1956—1967) [6, с. 315]. В послевоенные годы его деятельность характеризуется разнообразием интересов. Николай Николаевич активно участвует в работе различных структур на общественных началах. Его избирают членом научно-технического совета при Ростовском обкоме КПСС, членом президиума обкома союза высшей школы и научно-исследовательских учреждений, заместителем председателя областного отделения общества по распространению политических и научных знаний, председателем Ростовского отделения Всесоюзного энтомологического общества и членом учёных советов ряда вузов и научно-исследовательских институтов. С 1947 по 1959 год Н. Н. Архангельский — депутат Ростовского областного Совета депутатов трудящихся второго и третьего созывов [3, с. 30].

С середины XX века ситуация с защитой растений, полезных животных и людей от вредных организмов сильно обострилась. Швейцарский химик П. Г. Мюллер, создав в 1937 году пестицид дихлордифенилтрихлорэтан (известен как ДДТ), обнаружил у него инсектицидные свойства и разработал методы борьбы с его помощью с сыпным тифом и вредителями сельского

*Академик ВАСХНИЛ Л. А. Жганов (второй слева), Н. Н. Архангельский (третий) и коллеги во время поездки на катере по Дону в дни прохождения конференции по сельскому хозяйству в Ростове. 1951—1953 гг.
Фото из личного архива автора*

хозяйства, за что в 1948 году получил Нобелевскую премию. В 40—60-х годах ДДТ, гексахлорциклогексан (известен как ГХЦГ), вофатокс и другие новые органосинтетические препараты стали широко применяться во многих странах. На полях, в садах и лесах против вредителей проводили сплошные обработки большими дозировками этих инсектицидов. В быту их применяли против грызунов, тараканов, блох, молей. Уже в первые десятилетия использования пестицидов выяснилась их стойкость, опасность для людей и других живых организмов, накопление в среде. Однако сигналы об энтомологической опасности этих ядохимикатов остались без внимания; они вызвали сенсацию лишь в 1962 году, когда вышла замечательная книга Р. Карсон «Безмолвная весна» [7, с. 564]. Рейчел Карсон в цифрах показала связь возрастающих кривых объёмов применения инсектицидов в США с заболеваемостью и смертностью от них населения; данное загрязнение среды обошлось миллиардами долларов ущерба [7, с. 549—550]. Со временем эту особенность пестицидов начали отмечать и в Ростовской области.

Ситуация в живой природе усугублялась интенсификацией хозяйственной деятельности (распашкой земель, обводнением и облесением степей, загрязнением среды инородными

для природы веществами), что вело к большим изменениям в фаунистических комплексах природных и антропогенных экосистем, в распределении, численности и значении их представителей, особенно вредных для человека и его деятельности. Многие виды исчезали, большое их количество увеличивало или сокращало места распространения, численность, выполняемые в природе функции, значение для человека. Под влиянием широкого применения химических препаратов в природе погибали энтомофаги, пчёлы и иные опылители растений, сапрофаги, другие полезные организмы [8; 9].

Наступил длительный период растерянности с применением пестицидов: без них люди не могли успешно бороться с вредными организмами, а их использование пагубно влияло на биоразнообразие и здоровье населения. Необходимо было преодолеть эти негативные последствия взаимоотношений людей и живой природы, разработать новые подходы к проблемам снижения численности и значения вредных организмов, а для этого требовались более глубокие биологические знания.

На всех уровнях жизни общества (учебной, научной, производственной, культурной) резко усилилось внимание к биологии, и, прежде всего, её разделу экологии — науке

Н. Н. Архангельский с сотрудницей К. П. Иерусалимской в лаборатории энтомологии НИИ биологии при РГУ. 1962 г. Фото из личного архива автора

о взаимоотношениях живых организмов, включая людей, между собой и с окружающей средой.

На юге страны изучение и решение этих проблем связано прежде всего с Ростовским государственным университетом. В 1957 году его ректором назначили Юрия Андреевича Жданова, сделавшим РГУ ведущим учебным и научно-исследовательским центром Юга России. В РГУ организуются новые лаборатории, кафедры и институты. Создаются и развиваются перспективные образовательные и научные направления (экология, вирусология, кибернетика, биофизика, биотехнология, генетика, молекулярная биология). Разрабатываются новые подходы, методы рационального природопользования, охраны природы и здоровья населения. В 1969 году Ю. А. Жданов организует Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ) — уникальную объединяющую созидательную форму интеграции науки и образования на Юге России, позволившую успешно решать многие новые фундаментальные и практические проблемы. В РГУ и СКНЦ ВШ создаются секции по экологии, происходит

экологизация учебной, научной, производственной деятельности. При РГУ открыли Факультеты повышения квалификации «Экология» и «Биология» (1974) и единственный в России спецфакультет «Экология и повышение эффективности использования природных ресурсов» (1975). На последнем с отрывом от работы в течение полугода учились ведущие специалисты страны из администраций регионов, Ростоблкомприроды, производства (Атоммаша, Сельмаша, нефтегазовых предприятий СССР, совхоза Гигант), вузов и иных сфер. Они получали второй диплом о высшем образовании по специальности «Экология» и могли работать в своих структурах только с данным дипломом [10].

Н. Н. Архангельскому удалось объединить усилия специалистов РГУ, НИИ биологии и СТАЗРа на решение важных теоретических и практических вопросов живой природы и, прежде всего, экологизации защиты растений от вредителей и болезней. В 50—60-х годах он в лаборатории энтомологии НИИ биологии провёл исследования по выяснению влияния различных доз ДДТ, ГХЦГ и других инсектицидов на вредных насекомых.

Их летальные дозировки вызывали смерть организмов, а сублетальные — морфологические и физиологические изменения, бесплодие и иные явления, а также — размножение части выживших особей. Последние продолжали существовать, давать потомство, приобретали устойчивость к пестицидам [11]. Под руководством Н. Н. Архангельского было выяснено влияние различных факторов на жизнедеятельность отдельных видов, определена динамика численности их популяций.

Так, количество откладываемых самками яиц, продолжительность жизни и вредоносность многоядного вредителя песчаного медляка зависят от качества и количества корма; влажность, температура и иные факторы влияют на выживаемость его личинок и взрослых особей, суточную активность и другие показатели жизнедеятельности. Анализ содержания тяжёлых металлов в почве, растениях, насекомых на разном расстоянии от автодороги Ростов — Таганрог свидетельствовал о значительном и отличающемся их накоплении в этих компонентах среды, что отражалось на состоянии биоты, на биологических характеристиках отдельных видов, их численности, составе энтомокомплексов. Были выяснены морфологические, физиологические, этологические и другие различия в популяциях вредителей, находящихся

на соседних территориях, но в разных условиях (на пойменных и богарных землях). Было доказано, что все эти особенности оказывают влияние на эффективность используемых инсектицидов, заставляют их изучать и вносить изменения в дозировки, формы и способы применения, перестраивать комплексы борьбы с вредителями [12]. Подобные исследования были выполнены для вредной черепашки, светловых долгоносиков, кравчика-головача.

Николай Николаевич был сторонником снижения доз при применении ядохимикатов и замене химического метода борьбы с вредителями биологическими, физическими, механическими и иными приёмами. Ещё в довоенные годы для защиты колосовых от вредной черепашки он рекомендовал использовать кур. Были установлены нормы и время выпуска птиц в лесополосы и на поля, сконструированы передвижные курятники. Данный приём использовался до 60-х годов. Для борьбы с черепашкой на хлебах на СТАЗРа сконструировали широкозахватные насекомоуловители на моторной тяге. В годы массового размножения вредителя ими в течение 45—60 минут выбиралось по несколько центнеров клопов с гектара. В послевоенное время Н. Н. Архангельский руководил исследованиями микробиологов, физиков и химиков по разработке установки тока

Н. Н. Архангельский на поле с пшеницей в конезаводе им. С. М. Будённого обследует влияние метода отравленных укрытий в борьбе с вредителями. Май 1968 г. Фото из личного архива автора

Участники объединённого заседания АН СССР и ВАСХНИЛ в 1975 г. (слева направо): академик ВАСХНИЛ П. И. Сусидко, академик АН СССР М. С. Гуляров, член-корреспондент ВАСХНИЛ Н. Н. Архангельский, проф. Н. В. Бондаренко, академик ВАСХНИЛ И. М. Поляков. Фото из личного архива автора

ультравысокой частоты (УВЧ) для дезинсекции зерна и стерилизации вина, которую позднее передали в хозяйства. Вместо сплошных обработок полей инсектицидами против черепашек, сверчков, чернотелок и некоторых других вредителей Николай Николаевич разработал метод отравленных укрытий, безопасный для большинства полезных животных. При его использовании вносится незначительное количество инсектицидов, что не приводит к сильному загрязнению окружающей среды ядохимикатами.

Для совершенствования имеющихся и разработки новых приёмов защиты растений от вредителей, сохранения полезного комплекса живой природы, помимо выяснения биологических особенностей отдельных видов и их экологических характеристик, выполнялись серьёзные исследования биот природных и антропогенных экосистем (видового состава, численности, взаимоотношений разных видов, их значений). Под руководством Ю. А. Жданова специалистами Юга России была подготовлена серия монографий «Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа», в том числе «Ресурсы живой фауны», в третьей части которой приводятся материалы по насекомым [8]. В ней ведущими специалистами обобщены сведения о составе, распространении,

роли в экосистемах, хозяйственном значении насекомых, влияние деятельности человека на энтомофауну.

Под руководством Николая Николаевича подробно исследуются вопросы влияния разных крупномасштабных форм «преобразования» природы на биоценозы степной зоны. Так, широкое обводнение и орошение степных земель вызвали изменения во всех компонентах экосистем, включая биоразнообразие отдельных ландшафтов, комплексы вредных и полезных организмов [13]. Одновременно было выявлено, что поливы сельскохозяйственных культур являются эффективным средством по регуляции численности и значения вредных животных. Был издан первый справочник по защите орошаемых полевых культур юга России (хлебных злаков, риса, кукурузы, бобовых культур, свеклы, люцерны) от вредителей с системой мероприятий по защите отдельных культур с минимальным использованием пестицидов [14].

Все эти работы за несколько десятилетий привели к значительным ограничениям используемых в практике пестицидов. В защите растений от вредителей и болезней Николай Николаевич и сотрудники большое внимание уделяли агротехническим и другим приёмам в сокращении численности и роли вредителей, сохранении

полезных организмов. Было запрещено использование многих пестицидов, усилились работы по поиску и внедрению менее вредных для людей и биоразнообразия ядохимикатов. Новые препараты проходили всесторонние испытания. Строго регламентировались виды применяемых инсектицидов, нормы, сроки, формы их использования. Активное развитие получили различные меры по замене химических препаратов другими методами защиты, сохранению ресурсов, редких и исчезающих видов (организация «Особо охраняемых природных территорий» (ООПТ), создание «Красных книг» и т. д.). Если в послевоенные годы для борьбы с вредителями отдельных культур рекомендовали преимущественно химические препараты, то в 1960—80-е годы их заменили комплексами и системами мероприятий, включающих агротехнические, механические, физические, биологические, генетические и иные меры по защите их от вредителей при строго ограниченном применении пестицидов. В конце XX века внедрялись интегрированные системы защиты растений от вредителей и болезней, направленные на регуляцию численности отдельных видов.

Н. Н. Архангельский внёс большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров.

Обладая энциклопедическими знаниями в биологии, медицине, сельском хозяйстве, культуре, истории науки, он щедро передавал эти знания студентам, аспирантам, своим коллегам, научным сотрудникам. Ему удавалось сочетать строгую научность содержания с живой, интересной формой изложения. Лекциям, семинарам, частным беседам учёного была присуща широта освещения наиболее важных и сложных проблем энтомологии, защиты растений, охраны природы. Оценивая современное состояние и перспективы развития отдельных проблемных направлений, Николай Николаевич высказывал своё мнение по вопросам целесообразности переброски воды сибирских рек на юг, необходимости сохранения природы Байкала, строительства Керченской плотины, препятствующей проникновению более солёной воды и черноморских организмов в Азовское море, споров Т. Д. Лысенко и Н. И. Вавилова и многим другим. Учёный никогда не ввязывался в дрязги и скандалы, особое внимание уделял талантливым людям, придерживался принципа — «если можешь — помоги». Под руководством Н. Н. Архангельского выполнены многие кандидатские и докторские диссертации в Ростове, Краснодаре, Воронеже, Москве, Ленинграде. Сотни его

Н. Н. Архангельский вместе с учёными-защитниками растений в редакции журнала «Защита растений». Фото из личного архива автора

бывших учеников работали, а некоторые трудятся и в настоящее время в различных отраслях производства.

Николай Николаевич был членом учёных советов РГУ, НИИ биологии, ВНИИ защиты растений, Ростовского НИИ малярии и медицинской паразитологии, Донского сельскохозяйственного института, Ставропольского зонального НИИ сельского хозяйства, постоянным консультантом ряда учреждений. На протяжении многих лет он был связан с ВАСХНИЛ: в 1946 году стал членом Бюро секции защиты растений, в 1950—1956 годах — председателем секции. Долгие годы учёный являлся председателем координационного совета по защите растений Нижнего Дона и Северного Кавказа.

До последних дней Николай Николаевич активно участвовал в научной, образовательной и общественной жизни. Ежегодно проводил региональные совещания по защите растений, координировал научно-исследовательскую работу многих учреждений, выступал с докладами на различных совещаниях, проводил занятия со студентами, консультировал аспирантов и докторантов. За заслуги перед отечеством был награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями «За освоение целинных земель», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Трижды учёный награждался медалями (одной золотой и двумя бронзовыми) за экспозицию работы на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1967 году Н. Н. Архангельскому присвоили почётное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Жизнь человека исчисляется не возрастом, а суммой совершённых им для людей дел. С этих позиций у Н. Н. Архангельского была большая, сложная, но очень интересная и полезная для страны жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С 1961 г., поступив к Н. Н. Архангельскому в аспирантуру, я до конца его жизни (1984 г.) общался с ним в университете, командировках, полевых и домашних условиях. Неоднократно о нём писал в различных изданиях к юбилейным и иным датам. Источником информации в данной статье являются наши общения, биографические и другие сведения, сообщённые мне Н. Н. Архангельским и лично им подтверждённые. — В. М.

2. Архангельский Н. Н. Энтомологическое обследование сельского хозяйства Северо-Кавказского края : Программа и методы. // Изв. Сев.-Кавказской краевой станции защиты растений. Ростов н/Д., 1926. № 2. С. 103—144.
3. Миноранский В. А. Николай Николаевич Архангельский : Очерки жизни и деятельности / Ростовский гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1989.
4. Его же. История энтомологии на Северном Кавказе. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979. С. 43—44, 91—93.
5. Вредители и болезни полевых культур : справочник / Под ред. проф. Н. Н. Архангельского. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1964. 408 с., 6 л. ил. : ил.
6. Белозёров С. Е. Очерки истории Ростовского университета / Ростов н/Д. гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1959.
7. Огум Ю. Основы экологии : Пер. с 3-го англ. изд. / ред. и предисл. Н. П. Наумова. М. : Мир, 1975.
8. Ресурсы живой фауны : [в 3 ч.] / Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. Ч. 3 : Насекомые / [В. А. Миноранский, А. А. Казагаев, Н. Б. Джумайло и др.]. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1984. С. 254—299.
9. Ростовская область : [моногр. / Хрустальёв Ю. П., Ангреева Е. С., Богучарсков В. Т. и др. ; М-во образования РФ, Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк., Рост. гос. ун-т]. Ростов н/Д., 2002. С. 300—309. (Природные условия и естественные ресурсы. Южный округ).
10. Ростовский государственный университет (1915—1985) : очерки. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1985. С. 90—92.
11. Архангельский Н. Н. Поиск новых способов применения инсектицидов // Вестник сельскохозяйственной науки. 1960. Вып. 7. С. 62—65.
12. Миноранский В. А. Песчаный медляк : (Морфология, цикл развития, экология, популяц. структура, меры борьбы). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1992. 136, [2] с. : ил. (Северо-Кавказский научный центр высшей школы — народному хозяйству).
13. Его же. Орошение и фауна. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1987. 220, [1] с. : ил.
14. Его же. Защита орошаемых полевых культур от вредителей. М. : Агропромиздат, 1989. 204, [1] с. : ил.

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Д. А. ЩЕРБАК

СОЗДАТЕЛЬ ДОНСКОГО МУЗЕЯ

Материалы к биографии Х. И. Попова. Находки последних лет

Харитон Иванович Попов, основатель и первый заведующий Донским музеем (ныне Новочеркасский музей истории донского казачества) — личность известная, упоминаемая в трудах советских историков [1] и публикациях постперестроечного времени [2]. В его послужных списках за 1866—1886 гг. кратко указано, что он грамотен, «воспитание получил домашнее» [3, л. 1 об., 36 об.]. Однако наиболее полный список событий многолетней службы отставного статского советника, заведующего Донским музеем Попова публикуется ниже впервые [4].

В октябре 2025 г. исполнилось 100 лет со дня смерти известного краеведа. За это время современники не однажды предпринимали попытки увековечения его памяти.

К числу ранних публикаций на эту тему следует отнести статью М. Б. Краснянского, вышедшую в свет в 1927 г. [5]. В ней автор касается биографических сведений из детства и юности Харитона Ивановича, отмечая что «недочёты научных знаний ему приходилось пополнять чтением книг исторического и повествовательного содержания, которые ему удавалось доставать из богатой библиотеки местного помещика М. В. Серебрякова» [5, с. 24]. В этой работе обращают внимание и другие детали из биографии Харитона Ивановича. Первое, дата смерти — 24 октября 1925 г. Тогда как в документах архива ЗАГС Ростовской области и ГАРО указана дата смерти 27 октября 1925 г. [3, л. 152], подтверждённая дочерью Ольгой [6]. Второе, место смерти — хутор Благодатный. С таким названием населённого пункта в Черкасском (после 1920 г. Донском) округе по руслу реки Аксай никогда не существовало [7]. Вероятно, М. Б. Краснянский называет местом смерти наименование дачи Поповых, употребляемое в обиходе. В Записи акта о смерти № 15 от 29 октября 1925 года Большелогского сельсовета Аксайского района Донского округа Северо-Кавказского края указано, что Харитон Иванович похоронен на «кладбище г[ачи] Попова» [3, л. 152]. В 1881 г.

Х. И. Попов

(Щербак Д. А. Любящий отец. Ростов н/Д., 2018)

в Черкасском округе Харитону Ивановичу был выделен участок площадью 20 десятин¹ со статусом потомственной собственности. Дача «Благодатная» стала любимым местом отдыха и местом семейных захоронений. В послужном списке коллежского асессора Харитона Попова за 1886 г. также сообщается о наличии у него 200 десятин земли в Хопёрском округе и деревянного дома в юрте станицы Букановской, а у жены его «имение... благоприобретённое» — «дача Александровская в 6 десят[ин] в Черкасском округе» [3, л. 36—36 об., 152 об.]. В списках населённых мест за 1897 год значится «27 поселений по 1 двору

Дмитрий Александрович Щербак, краевед, член экспертного совета комиссии по канонизации святых Донской митрополии, г. Ростов-на-Дону. Сообщение на XI Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.).

¹ Старорусская единица земельной площади, одна десятина равнялась 1,09 га или 109,25 соток.

(*гачи под Аксайскими горами: Попова, Бойченко-ва, Дугарева и др.*)» [8]. В первые годы советской власти территория, где располагалась дача, именовалась «Красный Союз». На этом месте основали трудовую коммуну выходцы-переселенцы из Белоруссии, по состоянию на 1958 год — 4-й квартал Большелогского сельсовета.

Указанные выше ошибки М. Б. Краснянского находим и в статье Е. В. Ситливой и А. Л. Бойко «Новые данные о поместье Х. И. Попова [9]. Авторы в преддверии 180-летия со дня рождения Х. И. Попова для уточнения места его захоронения посетили хутор Пчеловодный в Аксайском районе. Они отметили, что «на месте гачи Поповых — жилые дома и хозяйственные постройки», «в день 160-летия хутора (3 июня 2011 года) установлена самодельная памятная доска: "Здесь жил основатель и заведующий первого музея истории донского казачества г. Новочеркасск. Попов Харитон Иванович. 1834—1925. Умер 24.X.1925 г. в х. Благодатном"» [9, с. 201].

В статье также утверждается, что место захоронения Х. И. Попова и его семьи было известно ещё в 1990-х годах. (Цитата: «Нами установлено, что директор аксайского музея В. Д. Гладченко, а потом и петербургский археолог А. И. Семёнов в конце 1990-х годов определили место захоронения Х. И. Попова и его родных. Однако поскольку их поисковые работы не имели официального статуса мемориальный знак установлен не был» [9, с. 201].

Но соответствует ли это утверждение документам? Как оказалось — нет. В 2023 году А. Л. Бойко в текущем архиве Новочеркасского музея истории донского казачества обнаружил две докладные записки В. Егорова на имя директора музея Л. Г. Шолохова [10] и Акт осмотра В. Егоровым территории 4-го квартала Большелогского с/совета Аксайского района Ростовской области на предмет установления места нахождения могилы Х. И. Попова (октябрь 1958 г.)¹. Одна записка датирована мартом 1957 г. (черновой вариант, без даты), другая — 31 октября 1958 г. Эти документы говорят о том, что уже в конце 1950-х гг. захоронения Харитона Ивановича и других членов его семьи найти не удалось: «могила Х. И. Попова не сохранилась» и «кладбище распахано под огород... Установить точное местонахождение могилы... не представляется возможным».

Историк и краевед Василий Иванович Егоров, известный под псевдонимом Егоров-Хопёрский [11], в 1955—1959 гг. работал научным сотрудником в Новочеркасском музее истории донского

казачества. В это время он и занимался поиском места захоронения Х. И. Попова и увековечением его памяти. В своих докладных записках В. И. Егоров поднимает вопрос о восстановлении забытых памятников, связанных с именем Х. И. Попова, основателя музея в Новочеркасске, и предлагает: «объявить историческим памятником дом, где жил и трудился Х. И. Попов — в г. Новочеркасске по Комсомольскому (бывшему) Хлебному) пер. № 20, установить на доме мемориальную доску. Перенести прах Х. И. Попова с "Больше-логской балки" на Новочеркасское кладбище, установив на могиле скромный памятник или плиту. (Могила Попова в "балке" попала под застройку усадеб колхозника)».

«Мы утратили могилу и памятник на городском кладбище выдающегося историка-донца В. Д. Сухорукова, друга и современника А. С. Пушкина, "прикосновенного" к движению декабристов, — пишет В. И. Егоров. — Считаю необходимым напомнить, что Х. И. Попов является участником Крымской войны и защитником Азовского побережья в период блокады г. Таганрога в 1855 году. Мероприятия по охране

Протоиерей Х. И. Попов, внук. Фото из фонда Государственного архива Ростовской области

¹ Докладные записки и Акт осмотра территории Большелогского сельсовета в 1958 г. публикуются ниже.

культурно-исторических памятников будут иметь большое значение для воспитания нашей молодёжи; поднимут ещё больший интерес к изучению прошлого нашего края».

Из этой культурно-исторической программы стараниями В. И. Егорова выполнен только один пункт: в 1959 г. в Новочеркасске на фасаде дома по пер. Комсомольский № 24 [12], Харитону Ивановичу Попову была установлена мемориальная доска.

23 октября 1958 г. Егоровым вместе с внуком [13] и полным тезкой Харитона Ивановича, принимавшим участие в погребении своего деда в 1925 г., было осмотрено место захоронения.

В акте осмотра местности на предмет установления местонахождения могил и докладных записках (1957—1958 гг.) содержатся особо ценные сведения: «в 1944 г. земельный участок, где было кладбище Поповых, Большелогский с/совет передал гражданке Зенкевич Анастасии Яковлевне [1918—2002] для индивидуальной застройки и огорода». Текст документов также гласит о том, что «грунт соседней усадьбы Матюховой [Харитины Евсеевны. — Д. Щ.]¹, где построен дом, даёт большую осадку, что подтверждает наличием здесь в прошлом кладбища».

Вывод был сделан однозначный: «могила Х. И. Попова не сохранилась. Если возникнет вопрос о постановке памятника Х. И. Попову, то местом для обелиска может явиться граница бывшего сада Х. И. Попова и площадка /холмик/ вблизи путевой будки — 798 км».

В дальнейшем межевые границы участка менялись. Осенью 2021 г. невестка² А. Я. Зенкевич, как наследник и новый владелец оставшейся части, продала земельный участок с домом (1986 г. постройки) семье Чеботарёвых из Ростова-на-Дону. Ныне на месте погребений и дачи находятся жилые дома и хозяйственные постройки, расположенные по адресу: Ростовская обл., Аксайский р-н, хутор Пчеловодный, ул. Подтёлкова № 10 а — 26, 11—29 (территория многократно застраивалась, рассечена проезжей частью и пешеходной дорожкой). В этой местности сохранились топонимы: действующий Попов колодец (Пчеловодный, пер. Северный № 3) и Попова балка. В 2011 г. внутри ограды домовладения № 20 по ул. Подтёлкова установили информационный стенд. Ограждение участка, выполненное из сетки-рабицы, постепенно зарастает садовой

смородиной. Стенд ещё виден с улицы. Его опоры сделаны из металлических труб, а поле из листового железа. Для защиты от осадков — металлический козырёк. Вся конструкция была окрашена краской в бело-голубых тонах, но постепенно ржавеет и кривится. Текст написан синей краской. По состоянию на сегодняшний день территория заброшена.

В настоящее время многочисленные потомки Харитона Ивановича проживают от Сизтла (США) до Магадана. Из носителей фамилии, прямых потомков по мужской линии, лишь в Одессе проживает две семьи Поповых. В исследование родословной Х. И. Попова некоторые из них внесли свой вклад, но наиболее существенный А. М. Помелов. Работу дополнили архивные фонды [14, с. 7—8]. В конечном итоге, можно высказать предположение, что на семейном кладбище Поповых покоятся не менее пяти человек: дочери Мария (1882 — не позднее 1889) и Неонила (1868—1909/1910), сын-священник Иоанн (1874—1920), супруга Александра Петровна (1843 — после 1916) и Харитон Иванович Поповы [14, с. 146—148; 15].

В связи с постановлением администрации города Новочеркасска № 582 от 03.04.2023 г. «О создании рабочей группы по вопросу перенесения в г. Новочеркасск праха основателя и первого заведующего Донским музеем Попова Харитона Ивановича» была достигнута договорённость с рядом домовладельцев, что осенью на их участках археологами будут проведены полевые работы. Но к назначенному времени начались дожди и планы не были реализованы.

Судьба останков Харитона Ивановича и его родных остаётся неизвестной. Найденные Андреем Леонидовичем Бойко документы позволяют локализовать поиск места погребения Поповых. По нашему мнению, поисковые работы необходимо выполнить на территории домовладений по адресу: Пчеловодный, ул. Подтёлкова, 22—22 а, 24 а, 24 (по меже справа от улицы). В своё время к предложению В. И. Егорова не прислушались: «местом для обелиска может явиться граница бывшего сада Х. И. Попова и площадка (холмик) вблизи путевой будки — 798 км».

Сегодня, по ряду причин, этому замыслу не суждено будет сбыться, тогда остаётся ратовать за установку кенотафа на хуторе Пчеловодном. По слову же современника «в Новочеркасском музее Х. И. [Попов] имеет достойный памятник своей более чем пятидесятилетней

¹ В документе — А. Я. (это опечатка).

² Супруга Виктора Михайловича Зинкевич (1950—2010), сына А. Я. Зинкевич. Написание фамилии через «и» взято с надгробий указанных лиц.

неутомимой и бескорыстной деятельности по изучению Донского края» [5, с. 25].

Выражаю благодарность Андрею Леонидовичу Бойко за предоставленные документы 1950-х годов по поиску захоронения Х. И. Попова, жителям хутора Пчеловодный Щуровой Любови Алексеевне, Якименко Любови Михайловне за помощь и содействие в проведении переговоров с домовладельцами и определении местоположения части бывшей дачи Попова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шведова О. И. Историки СССР : Указатель печатных списков их трудов / Под ред. И. Н. Кобленца. М. : Всесоюз. кн. палата, 1941. С. 96.
2. Енина И. А. Исследователь донской старины // Донской временник. Год 2004-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2003. С. 108—111; Камозин Э. Э. Неопубликованные исторические заметки Х. И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX — начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 2. С. 33—36; Чибисова С. П. «Город свой мы отстояли»: свидетельства казака Харитона Попова, участника обороны Таганрога в 1855 году // Донской временник. Год 2015-й. : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 188—198; Перетяшко А. Ю. Роль Х. И. Попова в общественно-политической жизни Дона начала 1860 гг.: малоизвестные факты // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.] / Новочеркас. музей истории дон. казачества. Вып. 14. Ростов н/Д. : Альтаир, 2021. С. 10—16; Щербак Д. А. Харитон Белов. К биографии и родословной Х. И. Попова // Донской временник : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 30. Ростов н/Д., 2021. С. 64—70; Жуков Н., Бережной А. Директор первого донского музея, отец святого // Люди. Нация. 2024. URL: <https://nationmagazine.ru/people/direktor-pervogo-donskogo-muzeya-otets-svyatogo/> (дата обращения: 01.10.2025).
3. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 956.
4. Там же. Ф. 301. Оп. 1. Д. 2226. Л. 111—113.
5. Краснянский М. Б. Памяти Харитона Ивановича Попова // Записки / Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Кн. 1 (т. 3), вып. 2. Ростов н/Д., 1927. С. 24—25.
6. Попова Ольга Харитоновна (1879—1965, Тюмень). Подробно о ней: Щербак Д. А. Любящий отец. Ростов н/Д., 2018. С. 156—157.
7. По состоянию на 1925 г. в Новочеркасском р-не Донского округа значатся Большелогский и Мишкинский сельсоветы. В составе второго числятся населённые пункты без названия общим числом 193 двора. (Генеральный план Области войска Донского по округам : [карты]. М. : Фототипия Шерер, Наболец и Ко, [188?] : в 4 т. [Т. 4] : Ростовский и Черкасский округа. Лист XII; Список населённых мест Области войска Донского по переписи 1873 года / Изд. Обл. войска Дон. стат. ком.; под ред. А. Савельева. Новочеркасск, 1875. С. 3—4, 6—7; Алфавитный список населённых мест Области войска Донского. Новочеркасск, 1915. С. 47; Список населённых мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925. С. 134—135; Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1929. С. 84, 108).
8. Список населённых мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Ч. 1—3. Ч. 1 : [С указанием в поселениях числа дворов и хозяйств, наличного и приписного населения, а также с распределением населения по сословиям, по вероисповеданиям, родному языку и возрастным группам]. Новочеркасск, 1905. С. 32.
9. Ситливая Е. В., Бойко А. Л. Новые данные о поместье Х. И. Попова // Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. С. 200—201.
10. Шолохов Леонид Георгиевич (1926—2009), директор Новочеркасского музея истории донского казачества (1954—1962).
11. Егоров-Хопёрский Василий Иванович (1901—1970), историк, краевед. Подробнее о нём: Коваленко А. Н., Штавакер Л. А. Жить не во времени, а в вечности // Донской временник. Год 2018-й : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 26. Ростов н/Д., 2017. С. 156—165.
12. До революции и в годы Гражданской войны дом принадлежал Х. И. Попову,

находился по адресу: г. Новочеркасск, пер. Хлебный 12 (по состоянию на 1957 г. — Комсомольский 20). Сведения сохранились в источниках за февраль 1917 г. и документах Новочеркасского отделения ВЧК за 1920 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 983. Л. 31 об.; Архив УФСБ России по Ростовской области. Д. П-9455. Л. 18 об.; Окончательный список лиц, имеющих право, на основании 24 ст. городского положения, участвовать в городском избирательном собрании для выбора гласных в Новочеркасскую городскую думу на четырёхлетие 1917—1921 гг. по 1-му избирательному участку города Новочеркаска

// Донские областные ведомости. 1917. № 35. С. 4).

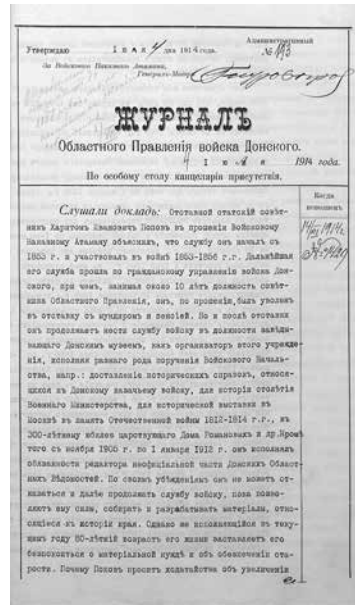
13. Попов Харитон Иванович (1906—1991), священник (1950), служил настоятелем Казанской церкви хутора Яново-Грушевского (Новочеркасский р-н, 1956—1961). Подробно о нём: *Щербак Д.А. Любящий отец... С. 81, 163—165.*
14. *Щербак Д. А. Любящий отец.* Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2018.
15. *Его же.* Земной путь священномученика Николая Попова (к 15-летию со дня канонизации и обретения мощей) // Четырнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. Ростов н/Д.: Альтаир, 2022. С. 401.

Приложение

**Об увеличении пенсии
отставному статскому советнику Х. И. Попову**

*Журнал областного правления войска Донского 4 июля 1914 года
По особому столу канцелярии присутствия*

Отставной статский советник Харитон Иванович Попов в прошении войсковому наказному атаману объяснил, что службу он начал с 1853 г. и участвовал в войне 1853—1856 гг. Дальнейшая его служба прошла по гражданскому управлению войска Донского, при чём, занимая около 10 лет должность советника областного правления, он, по прошению, был уволен в отставку с мундиром и пенсией. Но и после отставки он продолжает нести службу войску в должности заведывающего Донским музеем, как организатор этого учреждения, исполняя разного рода поручения войскового начальства, напр[имер]: доставление исторических справок, относящихся к Донскому казачьему войску, для истории столетия Военного министерства, для исторической выставки в Москве в память Отечественной войны 1812—1814 гг., к 300-летию юбилею царствующего Дома Романовых и др. Кроме того с ноября 1905 г. по 1 января 1912 г. он исполнял обязанности редактора неофициальной части «Донских областных ведомостей»².

Страница из Журнала областного правления войска Донского. 14 июля 1914 г. Из фонда ГАРО

Утверждаю июля 4 дня 1914 года. Административный № 193 за Войскового наказного атамана, генерал-майор Туроверов¹. На первом листе документа слева вверху карандашная помета: «*Определено назначить до 1151 рубля, т. е. по нынешним окладам советников. I/VII*». Документ публикуется в современной орфографии и пунктуации. Некоторые сокращения раскрыты в квадратных скобках.

¹ Туроверов Михаил Александрович (1863—1918), старший помощник войскового наказного атамана войска Донского по гражданской части (1912—1917). Генерал-лейтенант (1916). Уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией. Расстрелян большевиками в Новочеркасске.

По своим убеждениям он не может отказаться и далее продолжать службу войску пока позволяют ему силы собирать и разрабатывать материалы, относящиеся к истории края. Однако же исполняющий в текущем году 80-летний возраст его жизни заставляет его беспокоиться о материальной нужде и об обеспечении старости. Почему Попов просит ходатайства об увеличении ему, во внимание к его свыше 50-летней службе войску Донскому, войсковой пенсии применительно к закону о пенсиях 1912 г.

Из аттестата об отставке статского советника Попова видно, что ему 80 лет, в службу он вступил в Донской казачий полк 10 апреля 1854 г., в котором состоял по 15 января 1856 г.; определён в канцелярию Хопёрского окружного сысского начальства 16 января 1856 г., назначен к окружному стряпчему Хопёрского округа для письмоводства 24 марта 1859 г., к сысскому начальнику Хопёрского округа для того же 1 ноября 1860 г.; среди этого по выбору Преображенского станичного общества — депутатом в комитете Высочайше учреждённом для составления проекта нового положения о войске Донском с 1-го ноября по 18 декабря 1861 г.; назначен членом от казаков в названный комитет 1 июня 1864 г., в этой должности состоял по 27 сентября 1866 г.; избран в члены Донского статистического комитета 10 сентября 1865 г.; прикомандирован к канцелярии комитета Высочайше учреждённого для составления проекта положения о земских учреждениях в Земле войска Донского для исправления должности помощника Правителя дел этой канцелярии с 5 июля 1866 г. по 1-ое ноября 1867 г.; по выбору станичных обществ Хопёрского округа — депутатом от казачьего сословия в том же комитете с 14 декабря 1866 г. по 1 ноября 1867 г.; за отличие по службе произведён в чин коллежского регистратора 26 февраля 1867 г.; назначен делопроизводителем в комиссию, учреждённую с Высочайшего соизволения для обревизования войсковых присутственных мест и управлений войска Донского 1 ноября 1867 г.; и [сполнял] д[олжность] правителя дел этой комиссии с 17 января по 30 сентября 1868 г. Назначен правителем дел особого о земских повинностях Присутствия и письмоводителем Войсковой комиссии народного продовольствия с 30 сентября 1868 г. За отличие по службе произведён в чин губернского секретаря 26-го февраля 1869 г.; в означенной должности состоял по 1 июля 1870 г.; среди этого находился по назначениям Войскового наказного атамана в временных комиссиях и комитетах: а) для разработки вопроса о предоставлении права

гражданства обывателям, не принадлежащим к казачьему сословию, но владеющим в станицах недвижимую собственностью с 25 октября 1869 г. по 6 апреля 1870 г.; б) для составления соображений относительно замены дров каменным углём и другим топливом с 17 ноября 1869 г. по 1 мая 1870 г.; в) для обсуждения способов к улучшению и большему распространению издания «Войсковых ведомостей» с 14 марта по 22 апреля 1870 г.; по назначению Войскового правления — членом комиссии для разбора решённых дел войскового архива с 30 марта 1870 г. по 12 июня 1872 г.; по выборам чиновников войска Донского — членом Областного по поземельному устройству присутствия с 6 июня 1870 г.; среди этого времени, по назначению Войскового наказного атамана, находился: а) членом временной комиссии для пересмотра проекта положения о введении в Области войска Донского земских учреждений с 2 января 1871 г. по 24 января 1872 г.; б) и. д. редактора неофициальной части «Донских войсковых ведомостей» с 12 июля по 6 августа 1871 г.; в) членом Временного комитета для составления проекта положения об учреждении хозяйственного управления в г. Новочеркасске с 23 ноября 1871 г. по 30 декабря 1872 г.; г) членом Комитета по вопросу о достройке соборного храма в г. Новочеркасске с 11-го января по 14 июня 1872 г.; д) и. д. редактора неофициальной части «Донских областных ведомостей» с 4 мая по 20 июля 1872 г.; за выслугу лет произведён в коллежские секретари со старшинством с 26 февраля 1872 г.; по прошению уволен от должности члена Областного войска Донского Особаго по поземельному устройству присутствия 9 февраля 1873 г.; по прошению уволен в отставку 10 июня 1873 г.; по назначению войскового наказного атамана — членом Комитета для пересмотра проекта правил о торговле в войске Донском с 20 августа 1874 г. по 28 сентября 1876 г.; по выбору Областного земского собрания — членом комиссии для составления правил о порядке передачи Донскому земству врачебных и благотворительных учреждений и кредитной части с 12 июня по 2 декабря 1876 г.; участковым заседателем — 20 августа 1877 г.; за участие в деятельности общества попечения о раненых и больных воинах, во время войны 1877—1878 гг., удостоен знаков Красного креста; перемещён на должность секретаря областной земской управы 29 ноября 1879 г.; назначен и. д. помощника управляющего Канцелярией войскового наказного атамана 4 мая 1882 г., в каковой должности состоял по 3-е марта 1888 г.; назначен советником Областного правления 3-го марта 1888 г.; произведён

в статские советники в 1896 г.; уволен от службы, по прошению, 21 декабря 1897 г., с мундиром и пенсией из войскового вспомогательного капитала по 321 р. 64 к. и из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по 386 р. в год. В походах и делах против неприятеля находился в 1854—1856 гг. Имеет в Черкасском округе благоприобретённую дачу в 20 десятин. Второбрачная жена его — Александра Петровна, дети — 4 сына и 5 дочерей, младшая из них родилась в 1879 г.

Полученный Х. И. Поповым от войска по чину участок земли в 200 дес[ятин] перешёл от него по купчей крепости 3 марта 1890 г., утверждённой старшим нотариусом Усть-Медведицкого окружного суда, в другие руки.

Рассмотрев изложенное и принимая во внимание материальную необеспеченность отставного статского советника Харитона Ивановича Попова, преклонный его возраст и дороговизну нынешней жизни, областное правление находит возможным увеличить ему пенсию за продолжительную, свыше 50-летнюю и отличную службу, а потому определяет: с препровождением копии настоящего журнального определения, прошения Попова и указа об его отставке, просить ходатайства Главного штаба об увеличении названному Попову пенсии из войскового вспомогательного капитала, вне правил, в путях Монаршей милости, с 321 руб. 64 коп. до тысячи ста пятидесяти одного рубля в год.

Дело зарешить.

За старшего помощника
войскового наказного атамана,
Действительный статский советник
[подпись]
Советники: [подписи]
Секретарь [подпись]

Об увековечении памяти создателя музея в Новочеркасске

Директору Обл. музея истории донского
казачества
Л. Г. Шолохову
Копия зав. отделом культуры горисполкома
Н. А. Павленко
научного сотрудника музея
Егорова В. И.

Докладная записка

В связи с реэкспозицией музея и увеличением его значения в системе культурно-исторических мероприятий нашего края, считаю целесообразным поставить вопрос о восстановлении забытых памятников, связанных с именем Попова Харитона Ивановича (1834—1925) — основателя музея в Новочеркасске.

Х. И. Попов — крупный историк Дона, археолог и краевед. Его труды по истории донского казачества вошли в сокровищницу истории СССР. Всесоюзной книжной палатой Х. И. Попов включён в список историков общегосударственного значения¹.

Новочеркасский музей — детище Х. И. Попова; он создан его неустанными трудами и заботами. Назрела необходимость сохранить в памяти настоящего и будущих поколений служителей коммунизма имя донского историка и краеведа Х. И. Попова.

Для этого необходимо:

1. Объявить историческим памятником дом, где жил и трудился Х. И. Попов — в г. Новочеркасске по Комсомольскому (б[ывшему] Хлебному) пер. № 20, установить на доме мемориальную доску.
2. Перенести прах Х. И. Попова с Больше-логской балки на Новочеркасское кладбище, установив на могиле скромный памятник или плиту. (Могила Попова в балке попала под застройку усадьбы колхозника).

В Новочеркасске ещё жива дочь Х. И. Попова — Мария Харитоновна² (ул. Ленгника, 4). Вторая его дочь³ живёт в г. Тюмени.

¹ Шведова О. И. Историки СССР : Указатель печатных списков их трудов / Под ред. И. Н. Кобленца; Всесоюз. кн. палата. М. : Всесоюз. кн. палата, 1941. С. 96, 144. (На с. 96 неверно указан год рождения. Вероятно, опечатка. — Д. Щ.)

² Автономова Мария Харитоновна (1877—1958, Новочеркасск) — супруга протоиерея (1924) Павла Петровича Автономова (1877—1960, Новочеркасск). Ныне в Новочеркасске проживает правнучка Х. И. Попова Нина Борисовна Автономова (1954) — заведующая кафедрой иностранных языков (2004—2019) НИМИ ДонГАУ (Новочеркасск). Подробно: Щербак Д. А. Любящий отец. С. 73, 74, 87, 162—163.

³ Попова Ольга Харитоновна.

Мы утратили могилу и памятник на городском кладбище выдающегося историка-донца В. Д. Сухорукова¹, друга и современника А. С. Пушкина, «прикосновенного» к движению декабристов.

Считаю необходимым напомнить, что Х. И. Попов является участником Крымской войны и защитником Азовского побережья в период блокады г. Таганрога в 1855 году.

Мероприятия по охране культурно-исторических памятников будут иметь большое значение для воспитания нашей молодёжи; поднимут ещё больший интерес к изучению прошлого нашего края.

(В. Егоров)

г. Новочеркасск, " " марта 1957 г.

Об установления места нахождения могилы Х. И. Попова

Акт

Ст. Пчеловодная СКЖД,
23 октября 1958 г.

Мы, нижеподписавшиеся: научный сотрудник Музея истории донского казачества Егоров В. И. и житель хутора Яновского Краснокуловского с/совета Новочеркасского района Попов Х. И., являющийся внуком основателя Музея в г. Новочеркасске и участвовавший в погребении Харитона Ивановича Попова в октябре м-це 1925 года, выехали на ст. Пчеловодную СКЖД и осмотрели местность на территории 4-го квартала Большелогского с/совета Аксайского района Ростовской области на предмет установления места нахождения могилы Х. И. Попова.

Были опрошены жители посёлка вблизи 798 км: Матюхова А. Я.², Макаревич М. Ф.³ и Матюхов В. Ф.⁴. В результате осмотра местности и опроса жителей установлено:

Фамильное кладбище Поповых ныне находится на усадьбе жительницы поселка Зенкевич Анастасии Яковлевны. Кладбищенский участок Зенкевич А. Я. разделан на огород. Грунт соседней усадьбы Матюховой [Х. Е.], где построен дом, даёт большую осадку, что подтверждается наличием здесь в прошлом кладбища.

По сохранившимся деревьям, посаженным при жизни Х. И. Попова, могила основателя Музея находилась в центре огороженного участка усадьбы Зенкевич А. Я. По показаниям Макаревич М. Ф. на этом месте росли «кочетки» — ирисы, посаженные вокруг могилы Попова.

Следовательно, могила Х. И. Попова не сохранилась. Если возникнет вопрос о постановке памятника Х. И. Попову, то местом для обелиска может явиться граница бывшего сада⁵ Х. И. Попова и площадка (холмик вблизи путевой будки)⁶ — 798 км.

О вышеизложенном и составили настоящий акт.

Примечание: Отметка в командировочном удостоверении не сделана, т. к. Яновский хутор от Краснокуловского с/совета отстоит в 6 км., а 798 км. ж.д. от Большелогского с/совета в 5 км.

Научный сотрудник музея

В. Егоров

Житель хут. Яновского

Х. Попов

¹ Сухоруков Василий Дмитриевич (1795—1841) — российский историк, статистик, офицер, участник русско-турецкой войны (1828—1829). Подробно о нём: Русский биографический словарь. Т. 20. СПб., 1912. С. 201—202.

² В инициалах Матюховой допущена ошибка. Правильно так: Матюхова Х. Е. (1882—1973).

³ В девичестве Кузнецова (1928—2009).

⁴ Матюхов В. Ф. (1912, местечко Дубровна Могилёвская губерния (с 1924 г. город Дубровно Витебская обл.) — 1981) — учитель труда. В 1939 г. Аксайским РВК призван в ряды РККА. Участник советско-финляндской войны (1939—1940). Ветеран Великой Отечественной войны. Участник штурма Кёнигсберга. Награждён орденом Красной Звезды (1945). (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1066. Л. 95 об., 118—118 об.; Там же. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 711. Л. 140 об. — 141; Там же. Оп. 977521. Д. 2165. Л. 17—17 об.).

⁵ Ныне домовладение супругов Юрия Васильевича и Надежды Васильевны Сачко, находящееся по адресу: х. Пчеловодный ул. Подтёлкова 29. На момент осмотра территории Егоровым этот участок принадлежал семье Макаревич — родителям Н. В. Сачко.

⁶ Ныне деревянная будка путевого обходчика утрачена (сгорела). Сохранилась площадка (холмик) густо поросшая деревьями, её периметр не ухожен и частично замусорен. Доступ к данному месту со стороны домовладения семьи Сачко открыт, но затруднён. Часть пути крайне опасна, т. к. переход через скоростную ж/д магистраль не обустроен.

Могила Х. И. Попова не сохранилась

Директору Обл. музея
истории донского казачества

Л. Г. Шолохову

Копия зав. отделом культуры горисполкома

Н. А. Павленко

научного сотрудника музея

Егорова В. И.

Докладная записка

23 октября 1958 г. я по Вашему поручению провёл обследование местонахождения могилы основателя Новочеркасского музея Харитона Ивановича Попова (1834—1925).

Х. И. Попов, донской казак. Родился в станице Остроуховской на Дону¹. Не получив систематического образования, он самообразованием достиг больших знаний. Двенадцатилетним юношей он познакомился с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. С 15 лет начал работать письмоводителем. Участвовал в обороне Азовского побережья в период Крымской войны 1853—1856 гг.

Состоя на службе в войсковой канцелярии в Новочеркасске, Х. И. неутомимо трудился по сбору предметов древности и старины, послуживших основанием нашему музею. Он принимал деятельное участие в первых раскопках города Танаиса — крупнейшего памятника греческой колонизации Подонья — Приазовья. Коллекции памятников из Танаиса являются золотым фондом нашего музея (некоторые из них имеют мировое значение для археологической науки, как например, мраморная стелла и др.). Х. И. Попов принимал деятельное участие во всероссийских Археологических съездах в Вильне² в 1893 г. и в Харькове в 1902 г.

Х. И. Попов был знатоком местного края, тружеником-историком, он до самой кончины трудился в музее. Его перу принадлежат ряд научных работ по истории Донского края, не потерявших значения до наших дней.

В сборниках, изданных Всесоюзной книжной палатой в Москве, Х. И. Попов значится как историк СССР, и как специалист по истории донского казачества.

Последние дни своей жизни Х. И. Попов провёл на даче в районе хутора Большой Лог Аксайской станицы. На даче было фамильное кладбище Поповых. Там был погребён Х. И. Попов (умер 25 октября³ 1925 г.).

В 1944 году земельный участок, где было кладбище Поповых, Большелогский с/совет передал гражданке Зенкевич Анастасии Яковлевне для индивидуальной застройки и под огород.

Кладбище распаханно под огород, что подтвердили жители хутора Матюхова Харитина Евсеевна, Макаревич Мария Филипповна и Матюхов Виктор Филиппович, живущие по соседству с Зенкевич А. Я.

Установить точное местонахождение могилы Х. И. Попова не представляется возможным. Дом Х. И. Попова, как ветхий, был разобран. На фундаменте этого дома построил новый дом Матюхов В. Ф.

Сохранились в саду старые деревья, посаженные Х. И. Поповым: абрикосы, орешник, тополя. Бывший сад Х. И. Попова граничит с полосой отчуждения Северо-Кавказской ж. д. — 798 км, где расположена будка путевого обходчика. На 800 км находится ж. д. станция Пчеловодная.

Земельный участок, где была расположена дача Х. И. Попова назывался «Благодатное». В первые годы советской власти назывался «Красным Союзом», а ныне 4-й квартал Большелогского с/совета.

На основании вышеизложенного, считаю в порядке предложения, провести в связи с приближающимся 60-летием со дня открытия музея (28 ноября 1899 г.), следующее мероприятие: установить небольшой обелиск-памятник на площадке вблизи откоса против будки путевого обходчика на 798 километре, где растёт старый орех, посаженный Х. И. Поповым.

Лучшего места для обелиска-памятника не найти. С площадки открывается замечательный вид на долину реки Аксай⁴. На горизонте высится громада Старочеркасского собора-музея и знаменитый Монастырский яр. Монастырское урочище — одна из столиц донского казачества.

Памятник в полосе отчуждения лучше сохранится для будущих поколений. Нужно только

¹ Станица располагалась на левом берегу реки Хопёр, выше по течению от места впадения в Дон. Ныне хутор Остроухов Кумылженского р-на Волгоградской области.

² Вильнюс (до 1918 г. — Вильна, в 1919—1939 гг. — Вильно).

³ Дата смерти, указанная В. И. Егоровым, близка к версии из статьи М. Б. Краснянского. Согласно архивным документам Х. И. Попов умер 27 октября 1925 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 956. Л. 152).

⁴ Ныне берега реки Аксай покрыты зарослями тростника, полоса отчуждения между руслом и ж/д магистралью густо заросла деревьями. Указанный с площадки вид утрачен (не просматривается).

добиться разрешения от Управления СКЖД. Средств на постройку такого обелиска-памятника много не потребуется. Камень можно найти среди снятых бесхозных памятников, находящихся на Новочеркасском кладбище.

На обелиске-памятнике выгравировать скромную надпись: «Здесь жил и трудился основатель Новочеркасского музея, историк-археолог Х. И. ПОПОВ. 1834—1925».

Прошу Вас войти с соответствующим ходатайством перед партийно-советскими органами города и области по затронутому вопросу увековечения создателя музея в Новочеркасске.

31 октября 1958 г.

г. Новочеркасск

В. Егоров

Публикация Д. А. Щербака

С. В. СУШКОВА

МИХАИЛ ЯМПОЛЬСКИЙ. ФАКТЫ БИОГРАФИИ

1920-е годы ознаменовались расцветом краеведческого движения в стране. Важным этапом для юго-востока России стало создание в Ростове-на-Дону 18 февраля 1926 года Северо-Кавказского краевого бюро краеведения (СКБК). Его задача заключалась в объединении разрозненных краеведческих центров Северного Кавказа, координации их деятельности и организации новых окружных и районных бюро. *«Ростов, как центр С.-К. Края, сосредоточив в себе все краевые ведомственные учреждения, должен был сосредоточить и краеведное движение, планируя его в тесной связи с советскими задачами строительства Края»* [1, с. 246].

В состав Северо-Кавказского краевого бюро краеведения вошли: члены *«проф. П. И. Лебедев (СКГУниверситет), проф. В. Н. Вершковский (СКГУниверситет), проф. А. И. Воскресенский (Краевой научный совет), Д. Д. Кучинский (Союз Рабпрос), Б. В. Лунин (Краевое о-во археол., истории и этнографии), М. К. Кондуков (Агитпроп крайкома ВКП(б), П. И. Ястребов (КрайОНО), А. Г. Гаврилов (ДОНО) и А. Д. Князев (Крайпролетстуд) и кандидаты — А. Н. Дьячков-Тарасов (КрайОНО) и Н. М. Шерстюков (Дон. о-во натуралистов). Из числа перечисленных лиц сконструирован президиум Бюро: проф. П. И. Лебедев (председатель), Д. Д. Кучинский (зам. председателя) и члены президиума — проф. В. Н. Вершковский и проф. А. И. Воскресенский, А. Н. Дьячков-Тарасов (1-й отв. секретарь), Б. В. Лунин (2-й отв. секретарь) и А. Г. Гаврилов (казначей) [2].*

М. Л. Ямпольский. Ростов-на-Дону, сентябрь 1927 г. (СПбФ АРАН. Ф.155. Оп. 1. Д. 17. Л. 551)

СКБК состояло из нескольких секций: 1) Организационно-инструкторской *«с состоящими при ней редакционной коллегией и студентской подсекцией»*, 2) ... общего краеведения *«с подсекциями а) естественно-производительных сил, б) экономики и хозяйства, в) обществоведения (история, язык, литература и пр.), г) антропологии и г) археологии, этнологии, этнографии и истории искусств, 3) ... школьного краеведения, 4) ... по делам музеев (Музейная секция) и 5) экскурсионная...»* [3].

Светлана Васильевна Сушкова, заместитель директора по научной работе Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника имени А. А. Горбенко. Сообщение на XI Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) под названием: «Учёный секретарь Северо-Кавказского бюро краеведения М. Л. Ямпольский. Факты биографии»

«... Начав работу довольно энергично с февраля по октябрь 1926 г., с октября уже, вследствие отказа Крайисполкома включить СКБК в местный бюджет на 1926—27 хозяйственный год, а также вследствие отъезда некоторых организаторов — председателя и тов. [товарища. — С. С.] председателя СКБК т.т. [товарищей. — С. С.] Лебедева П. И. и Кучинского Д. Д., первого в Ленинград, второго в Москву и ряда других обстоятельств — деятельность СКБК ослабевает» [1, с. 246].

«С января 1927 года Бюро несколько перестроилось и в него влились новые силы. В президиум вошли следующие лица: председатель Бюро проф. А. И. Воскресенский, учёный секретариат А. Н. Дьячков-Тарасов (с правами зам. пред.), М. Л. Ямпольский и Б. В. Лунин; члены президиума — проф. В. Н. Вершковский, А. Г. Гаврилов, И. А. Кануков, М. А. Кундухов, Н. М. Шерстюков и П. И. Ястребов; от студенческих организаций Руденко Г. Ф. С октября 1927 г., когда СКБК было включено в местный бюджет и была учреждена единственная штатная должность, ответственным и учёным секретарём был избран М. Л. Ямпольский» [1, с. 246]. В это время были внесены изменения и в структуру Бюро, включившую в себя следующие секции: «1) изучения естественно-производительных сил с рядом подсекций, 2) организационно-методическую, 3) музейную, 4) школьного краеведения, 5) экскурсионную, 6) историко-археологическую и этнографическую, 7) студенческую и др. [1, с. 248—249].

С апреля 1926 г., до своего избрания, Михаил Леонтьевич занимал должность заместителя председателя экскурсионной секции бюро. Он также входил в состав комиссии, отвечавшей за разработку экскурсионных маршрутов. Результаты работы секции были представлены в отчёте, опубликованном в № 3—4 «Бюллетеня Северо-Кавказского бюро краеведения» за 1926 год [4]. В январе 1927 года Ямпольский возглавил экскурсионную секцию СКБК и по рекомендации краевого отдела народного образования (КрайОНО) вошёл в межведомственную комиссию по разработке проекта развития туристического дела на Северном Кавказе [5].

В период с 1926 по 1929 гг. М. Л. Ямпольский внёс значительный вклад в развитие туризма и краеведения Северо-Кавказского края. Его деятельность охватывала поездки по краю, разработку туристических маршрутов и проведение экскурсий. Параллельно он являлся членом редакционного совета «Бюллетеня», активно публиковался, подготавливал обзоры

тематической литературы и разрабатывал методические пособия для школьников. Являясь членом Центрального бюро краеведения, в числе делегатов от Северо-Кавказского края Михаил Леонтьевич принял участие в работе III Всероссийской конференции по краеведению в Москве. Эта активная деятельность продолжалась вплоть до 1930 г.

11—14 июня 1930 г. в Ростове-на-Дону состоялась Первая Северо-Кавказская краевая конференция по краеведению, секретарём которой был М. Л. Ямпольский. Конференция «... должна была, во-первых, подготовить почву для включения краеведения в общую систему социального строительства, во-вторых — найти формы и методы для широкого вовлечения масс в краеведное движение.<...> Конференция подвергла тщательному анализу старые формы и методы краеведения. Как известно эти методы и формы были приспособлены для иной эпохи, чем эпоха бурно развивающейся индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Ознакомившись с соответствующими материалами, конференция пришла к убеждению, что краеведная работа в пределах С.-Кавказского края ни по своему содержанию, ни по методам, а также формам работы не соответствовала запросам социалистического строительства и поэтому не может быть признана удовлетворительной» [6].

Перед краеведческими организациями края ставились новые задачи. «Совершить решительный переход на классовые пролетарские рельсы в своей работе, решительно отказаться в краеведной работе от формы случайного буржуазного любительства в этом деле. Решительно изгнать элементы буржуазной и мелко-буржуазной идеологии и методов работы. Нужно изгнать элементы замкнутости и индивидуализма в краеведной работе, развернуть последнюю на базе широкой пролетарской советской общественности, на базе активного и максимального привлечения пролетарских и трудящихся масс» [7].

Началась кампания, направленная на отказ от классического краеведения, а затем и на его уничтожение.

После проведения конференции постановлением президиума СКБК от 25 июня 1930 г. была сформирована постоянная редакционно-издательская комиссия. В её состав вошли: профессор П. М. Ерохин, Р. П. Ефремов, Н. Д. Кануков, Э. Р. Петерсон (ответственный редактор) и М. Л. Ямпольский (секретарь). Комиссии было поручено редактирование и издание

как периодических, так и непериодических изданий СКБК [8].

В сентябре вышел единственный номер журнала «Северо-Кавказский краевед». После чего издательская деятельность бюро и работа в нём Михаила Леонтьевича Ямпольского прекратилась.

Появление М. Л. Ямпольского в научных кругах края представляется внезапным, а его дальнейшее исчезновение — стремительным. Биография краеведа остаётся в значительной степени неизвестной, однако предпринятое исследование позволило установить отдельные факты его жизни и деятельности.

Архивные источники свидетельствуют о том, что его деятельность на территории Донской области началась ещё в 1921 г. Подтверждением этому служат документы Государственного архива Ростовской области. В 1921 г. М. Л. Ямпольский был среди делегатов первого краевого съезда музейных и архивных деятелей юга-востока России, который проходил в Ростове-на-Дону. Его фамилия под номером 36 фигурирует в регистрационных листах участников съезда [9]. Согласно этим документам, Ямпольский планировал участвовать в работе архивной, музейной и краеведческой секций. Мандат № 766, выданный ему 9 сентября 1921 г. Ростовским-на-Дону окружным архивным отделением, располагавшимся в Азове по адресу: пр. Петровского и Толстовской ул. №№ 25—75, предоставлял ему на съезде право решающего голоса [10].

11 сентября 1921 г. М. Л. Ямпольский принял участие в расширенном заседании бюро первого краевого музейно-архивного съезда [11, л. 10]. На этом же съезде, 13 сентября, в рамках первого заседания архивной секции, он представил доклад о состоянии архивов Ростовского округа. Особое внимание в докладе было уделено архиву в Азове [12]. Стоит отметить, что ранее, на заседании президиума съезда, кандидатура Ямпольского была предложена на должность товарища председателя архивной секции.

Приведённые данные дают нам возможность предположить, что М. Л. Ямпольский в начале 1920-х годов проживал в Азове, хотя и не являлся коренным азовцем [13]. Он родился 11 июля (по старому стилю) 1874 г. в деревне Маврино Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. До Первой мировой войны и после Революции 1917 г. Ямпольский руководил училищем при заводе Гартмана в Луганске, одновременно преподавал природоведение. Эти сведения он указал в личной карточке участника первого музейно-архивного съезда [11, л.

66 об.]. Завод Гартмана, по сути, был городом в городе. В 1905 г. при заводе открылась школа. Пока неизвестно, когда именно выпускник Высших педагогических курсов Санкт-Петербургского университета Ямпольский возглавил это учебное заведение.

Предположительно, в Азов Ямпольский переехал в 1920 году. Там он продолжил свою педагогическую деятельность. В той же карточке участника упоминается Азовский техникум. Из-за неразборчивого почерка сложно точно установить название учебного учреждения и его должность. Вероятно, речь идет о ремесленно-техническом училище, основанном в конце XIX века.

В апреле 1922 г. азовский архив погиб в пожаре [14]. Вероятно, после этих событий Михаил Леонтьевич переезжает в Ростов-на-Дону. На период 1927 г. его ростовский адрес: Средний проспект, 7, кв. 1 [15].

В анкете, которую М. Л. Ямпольский направил 30 октября 1927 г. в комиссию по подготовке справочника «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда», указана его специальность — общая: биология, методика естествознания, частная — методика экскурсионного дела, инструктор сельскохозяйственной и жилищной кооперации, краевед-организатор [16].

Вероятно, Михаил Леонтьевич переехал в Ленинград в 1931 г. в возрасте 57 лет. Толчком к этому, скорее всего, послужила ликвидация неугодного советским властям краеведческого движения в крае, включая реорганизацию Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии и арест его правления.

О его жизни и деятельности в городе на Неве практически ничего не известно, за исключением отдельных фактов. Благодаря списку жителей, опубликованному в адресной книге «Весь Ленинград», удалось установить, что в 1935 г. Михаил Леонтьевич проживал в Ленинграде по адресу: ул. Батенина, 7, кв. 207 [17]. Список жителей включал в себя работников аппаратов учреждений, предприятий и организаций и был составлен на основе предоставленных ими материалов. В справочнике указывался не только номер телефона и адрес, но также профессия или должность абонента. У Ямпольского информация о профессии отсутствует.

Последняя страница жизни учёного секретаря Северо-Кавказского бюро краеведения отмечена в книге памяти «Блокада. 1941—1944, Ленинград». Т. 35: «Ямпольский Михаил Леонтьевич, 1874 г. р. Место проживания: ул. Скороходова, д. 31/33, кв. 33. Дата смерти: апрель 1942.

Место захоронения: Пискарёвское кладбище, братская могила 11» [18].

Имя замечательного краеведа 1920-х гг. не должно быть забыто. Исследование его биографии будет продолжено.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ямпольский М. Л. Северо-Кавказское бюро краеведения : Отдельный оттиск из журн. «Записки Северо-Кавказского горского института» т. I. 1928 г. Ростов н/Д., 1929. С. 245—249.
2. Цит.: Лунин Б. В. Новые пути северо-кавказского краеведения // Донской временник. Год 2011-й. : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Дон. гос. публ. б-ка. Вып. 19. Ростов н/Д., 2010. С. 138.
3. Структура бюро // Бюллетень / Северо-Кавказское бюро краеведения. 1926. № 1—2. С. 31.
4. В секциях бюро. Экскурсионная секция // Бюллетень / Северо-Кавказское бюро краеведения. 1926. № 3—4. С. 39.
5. По секциям бюро. Экскурсионная секция // Бюллетень / Северо-Кавказское бюро краеведения. 1927. № 1—6. С. 92.
6. Петерсон Э. Первая Северо-Кавказская краевая конференция по краеведению // Северо-Кавказский краевед. 1930. № 1. С. 5.
7. Ефремов Р. П. Задачи социалистического строительства на Сев. Кавказе

и роль краеведения в нём (Доклад на 1-й Сев.-Кавказской краевой конференции по краеведению 11 июля 1930 года) // Северо-Кавказский краевед. 1930. № 1. С. 17.

8. Краеведческим организациям и учреждениям Северо-Кавказского края // Северо-Кавказский краевед. 1930. № 1. С. 3.
9. ГАРО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.
10. Там же. Д. 2а. Л. 33.
11. Там же. Д. 3а.
12. Там же. Д. 6а. Л. 35.
13. Название жителей г. Азова в конце XIX — начале XX века.
14. Лукьяшко Е. П. Прошлое ростовского архива // Донской временник. Год 2005-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2004. С. 94, 96.
15. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда : справ. / Акад. наук СССР. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1928. С. 510. (Наука и научные работники СССР. Ч. VI).
16. СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 805. Л. 44.
17. Весь Ленинград : Адресная и справоч. кн. 1935. Л. : Изд-во Леноблсполкома и Ленсовета, 1935. XIV отдел Алфавитный указ. жителей. С. 474.
18. Возвращённые имена. Книги памяти России. URL: <https://vizz.nlr.ru/blockade/show/1178922> (дата обращения: 01.10.2025).

ВСПОМИНАЯ ИВАНА ГАУСТОВА

Недавно мы с Александрой Коваленко, пятигорским краеведом, вспоминали Ивана Константиновича Гаустова.

«Я рассказывала экскурсоводам о достопримечательностях Пятигорья, — говорила Александра Николаевна, — и посоветовала читать Гаустова, а в ответ услышала: “А кто это?”».

Небольшие книжки И. К. Гаустова — о жизни и деятельности замечательного русского топографа и альпиниста, первого исследователя Кавказских гор А. В. Пастухова [1], о первой в России гидроэлектростанции «Белый уголь» [2], о том, как пришёл на Ставрополье газ [3], рассказы о красоте природы и людях, охраняющих и приумножающих её богатства [4], статьи в защиту природы в газетах и журналах, начиная с 1950-х годов, с упоением читали и дети, и взрослые. Кто-то назвал Гаустова «пятигорским Пришвиным», но уж никак не вязались

И. К. Гаустов. Пятигорск, 1962 г.
Фото из личного архива Л. А. Штавакер

с его именем небрежно брошенные в Интернет слова журналиста о человеке *«не слишком высокого культурного уровня»* [5].

Я знала Ивана Константиновича лично, общалась с ним в юности и поэтому поддержала А. Н. Коваленко в желании рассказать о нём современному читателю, тем более, что Александра Николаевна предоставила мне собственную аннотированную роспись газет «Пятигорская правда» (1948—1959) и «Кавказская здравница» (1960—1961), благодаря которой я смогла восстановить названия и даты публикаций ряда статей. Выражаю также благодарность библиографам

Тамаре Юрьевне Кравцовой (Ставропольская краевая универсальная научная библиотека имени М. Ю. Лермонтова), Ларисе Владимировне Сазановой и Марине Эдиковне Лалаян (Пятигорская центральная городская библиотека имени М. Горького) за библиографические уточнения.

Ниже к 125-летию со дня рождения писателя-краеведа публикуется статья А. Н. Коваленко [6], мои воспоминания об И. К. Гаустове и его письма ко мне 1963—1968 годов.

Л. А. Штавакер

А. Н. КОВАЛЕНКО

МИР УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ГЛУБОКИЙ

Когда сравниваешь творчество писателя и художника, обязательно найдешь какие-то параллели и ассоциации. Среди тех и других мастеров есть как глашатаи, трибуны так и те, кто выражает себя негромко, заставляет прислушиваться и всматриваться. А если сосредоточишь внимание на творчестве таких мастеров, непременно откроешь мир удивительно глубокий и многообразный, а звуки и краски, кажется, созвучны только твоей душе.

Однажды в Государственном архиве Ставропольского края мне попались анкеты членов Терской ассоциации пролетарских писателей — первого Пятигорского литературного объединения. Анкеты датировались 1925 годом. Среди них оказались и скромные данные о писателе Иване Константиновиче Гаустове: родился 10 марта 1901 года в Пятигорске, рабочий, беспартийный, место службы — Госспирт, пишет, имеет печатные труды, три раза публиковался в стенных газетах и четыре в пятигорской газете «Терек». Сочувствует литературной школе «Перевал». Какое-то время жил в станице Боргустанской, является членом Всероссийской ассоциации пролетарских писателей с 1923 года. Жил на улице Подвальной, № 2.

Я очень обрадовалась этой находке. Ведь о личной жизни писателя мне ничего не было известно, кроме даты смерти — 1985 год — и то благодаря коротенькому некрологу в газете «Кавказская здравница». А ведь вся юность и молодость моего поколения проходила рядом с этим человеком, который ходил по тем же улицам, любовался цветением городских клумб, также любил природу и тонко ощущал мир лесов, полей, и гор, окружающих Пятигорск.

Сразу же вспомнилось, как с радостью обнаруживалась в свежем номере «Кавказской здравницы» небольшая, но удивительно светлая и добрая заметка о природе за подписью «И. Гаустов». С удивительным постоянством на протяжении более двадцати лет общекурортная газета публиковала его очерки в рубриках «Заметки фенолога», «Рассказ натуралиста» и других.

Они удивительным образом никогда не терялись среди громко звучащих, трескучих и обширных статей на политические темы, потому что были созвучны душе и настроению.

«Весна — это извечное неповторимое чудо природы. В нём заложена удивительная простота, последовательность событий и вместе с тем необычайная сложность, загадочность процессов пробуждения от зимнего сна растительного и животного мира. Совершите в природу хотя бы небольшую экскурсию, и Вы убедитесь в этом сами.»

Перед Вами извилистая лесная тропинка. Она постепенно уводит в царство Беренгея. Вас пленяет серовато-синяя, с лёгким набрызгом салатной зелени картина весеннего леса. Приятно кружат голову тонкие запахи парящей земли, преющих листьев, замшелых камней, первых росточков. Всюду между пнями, деревьями — яркая зелень первых травинок.

Цветов — множество: голубые пролески, золотистые примулы, полевые хохлатки, синие гиацинты...

И вот что примечательно в эту пору: где бы Вы ни были — в поле, в лесу, в горах — Вы уносите с собой частицу живительных чар, которые «погзаряжают» Вас и помогают потом жить, работать, отдыхать с приятным

настроением». (Кавказская здравница. 1968. 13 апреля).

Только человек, обладающий острой наблюдательностью, глубоким знанием растительного и животного мира и живостью ума мог так тонко подметить наступление весны в Пятигорске.

Но были и другие публикации. Однажды в газете «Пятигорская правда» попался очерк И. Гаустова «Хозяин леса» [7] о лучшем леснике Бештаугорского лесхоза Валентине Трофимовиче Войтове. Сейчас, спустя более полувека представляешь, как вырос, поднялся тот лес из дубов и ясеней, который спасал когда-то лесник от вредителей, как он холил и лелеял молодую рощу. *«Весной лесник заметил на некоторых вырубках всходы губа. Присмотрелся к ним хозяин леса и решил — ни к чему здесь корчевать и пахать землю. Дубовую рощу можно вырастить из естественных всходов ... Там, где всходы были слишком редкими, Войтов высадил жёлуди вручную».*

С таким же уважением написана Иваном Константиновичем и книга об Андрее Васильевиче Пастухове, военном топографе [1].

Свою другую книжку Гаустов назвал «Лесная сказка» [8]. В ней он собрал свои рассказы о природе.

Но не только созерцание природы было свойственно писателю. Будучи членом краеведческого общества, он не мог проходить мимо нарушений экологии и писал об этом с болью и горечью и, пусть негромким голосом, но призывал чиновников прислушаться к его словам и беречь окружающую гармонию мира. *«При подходе к источнику [Баталинский. — А. К.] Вы натываетесь на столбик с надписью: "Запретная санитарная зона. Вход воспрещён". Да не смутит Вас эта строгая надпись. Такая зона была здесь в прошлом... Под обрывом, подпёртым старинной каменной стеной, сутулится деревянное полуразрушенное строение бювета источника. Через речонку повис самодельный мостик для сообщения с жильём сторожа. Вот и вся "запретная зона".*

И невольно напрашивается вывод о бесхозяйственном отношении к народному добру, к богатствам Кавказских Минеральных Вод. Это поистине преступное отношение к целебной воде! Можно ли доводить это добро до такого состояния?» [9].

Беречь и спасать красоту родного края, помогать птицам и растениям, охранять природные богатства Пятигорья — вот главный мотив его многочисленных очерков и рассказов [10; 11; 12; 13; 14, 15 и др].

Один из газетных журналистов отметил, что Гаустова никогда нельзя было застать дома, он был всегда в пути. Благодаря постоянным походам писателя читатели «Кавказской здравницы», курортники открывали для себя горы-лакколиты, узнавали о происхождении минеральных источников, историю городов-курортов.

«А хорошо ли Вы знаете Пятигорье? Были ли у горы Развалки? Возвышается она в 2—3 километрах от Железноводска. Ведёт к ней извилистая тропа через лес. Из-за леса эта необыкновенная гора открывается во всём своём величии и первобытной красоте, с вершиной, увенчанной почти непреступными скалами, над которыми парят пернатые» [16].

А вот ещё одно знакомство в рубрике «Достопримечательные места Кавминвод»:

«Когда под титаническим действием вулканических сил оголилось морское дно, за работу принялись солнце, ветер и вода. Это они в течение долгих лет создали причудливой формы горные склоны, прорезали долины, ущелья, образовали в песчаниках пещеры. Гора Кольцо некогда была также пещерой, но постепенно под действием ветра и воды эта пещера превратилась в сквозное отверстие. Из огромного окна горы хорошо видны синевато-зелёная долина Подкумка, часть Кисловодска» [17].

Благодаря публикации Гаустова мы смогли уточнить дату начала строительства памятника Константиногорской крепости — 1965 год, по предложению краеведов и решению горисполкома — и о его драматической судьбе [18].

Можно ещё приводить множество отрывков из очерков Ивана Константиновича. Как знать, может быть, когда-нибудь найдется энтузиаст, который соберёт под одной обложкой его негромкие, «акварельные» очерки и тем самым познакомит с творчеством этого удивительного писателя подрастающее поколение. А старшее вспомнит безмятежность молодости, когда казалось, что будущее непременно прекрасно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаустов И. К. Отважный исследователь-альпинист. Ставрополь : Кн. изд-во, 1957. 54 с. : ил.; *Его же*. Отважный исследователь-альпинист : [Изд. 2-е, испр. и доп.]. Ставрополь : Кн. изд-во, 1969. 92 с. : ил.
2. *Его же*. Белый уголь. Ставрополь : Кн. изд-во, 1974. 46 с. : ил.; *Его же*. Белый уголь. 2-е изд. Ессентуки : [б. и.], 2012. 56 с. : ил.
3. *Его же*. Сиреневый факел. Ставрополь : Кн. изд-во, 1962. 74 с. : ил.

4. Гаустов И. К. Цветок-невидимка : [повесть для среднего возраста; художник В. А. Каретко]. Ставрополь : Кн. изд-во, 1961. 124 с. : ил.
5. Хачиков В. Пятигорский Пришвин // Пятигорская правда. 2016. 29 июня. URL: <https://pravda-kmv.ru/accost/pyatigorskij-prishvin/?ysclid=m7heujd3i0932670434>; То же. Пятигорская правда. 2017. 30 сент. С. 6. (дата обращения: 15.05.2024).
6. Коваленко А. Н. Иван Константинович Гаустов : (к 110-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2011 год : краевед. сб. Ставрополь, 2011. С. 82—86. Первая публикация.
7. Гаустов И. К. Хозяин леса // Пятигорская правда. 1958. 12 июля. С. 4.
8. Его же. Лесная сказка : рассказы натуралиста. Ставрополь : Кн. изд-во, 1973. 77 с. : ил.
9. Его же. Баталинская в опасности // «Кавказская здравница». 1968. 31 июля. С. 2.
10. Его же. Беречь красоту : [Берёзовское ущелье вблизи Кисловодска] // Кавказская здравница. 1973. 24 авг. С. 2.
11. Его же. Другим нужна помощь : [о зимующих птицах] // Кавказская здравница. 1976. 22 дек. С. 3.
12. Его же. Машук взывает о помощи // Ставропольская правда. 1976. 31 янв. С. 4.
13. Его же. Гора Кольцо в опасности // Ставропольская правда. 1975. 28 авг. С. 4.
14. Его же. Цветы просят помощи // Кавказская здравница. 1977. 10 сент. С. 4.
15. Его же. Леса ждут обновления // Кавказская здравница. 1978. 24 авг. С. 3.
16. Его же. Красота рядом с нами // Кавказская здравница. 1965. 23 мая. С. 4.
17. Его же. Гора Кольцо // Кавказская здравница. 1965. 18 июля. С. 4.
18. Его же. С чего начинался Пятигорск // Кавказская здравница. 1975. 19 февр. С. 3.

Л. А. ШТАВДАКЕР

НАДО ЖИТЬ ДЛЯ РОССИИ!

Писателя-краеведа Ивана Константиновича Гаустова я впервые встретила в июне 1959 года в Пятигорске в Доме пионеров. Он вёл

краеведческий кружок [1]. К тому времени я почти год посещала литературный кружок, которым руководил Н. С-сов, по словам Светланы

Лариса Петелева (слева) в пионерском лагере на ж.-д. ст. Минутка. Кисловодск, 12 июля 1959 г. Фото из личного архива Л. А. Штавдакер

Аркадьевны Михайлевской, нашего классного руководителя 7 «Б» 9-й средней школы — «человек талантливый, но безответственный и пьющий» (она знала его ещё по институту). Я отдала ему свои тетрадки со стихами и маленькими рассказами, и лишь через полгода с трудом смогла их забрать, чтобы передать «на суд» И. К. Гаустову.

«Стихи плохие, — сказал Иван Константинович, а, в рассказах что-то есть, но, чтобы стать писателем, надо много работать».

Иван Константинович с женой Ольгой Романовной жил в Ново-Пятигорске, а я с родителями и братом — в самом последнем доме (№ 272) на улице Мира. Отсюда, миновав шоссе и железную дорогу, я бежала на трамвай и через несколько остановок была уже у Гаустовых. Иногда я встречала у них дочь Нелли и внука Сашу, моего ровесника. Другая их дочь Лидия с мужем и детьми, мальчиком и девочкой, жила в Ленинграде.

Иван Константинович много печатался в «Пятигорской правде» и вскоре привёл меня в редакцию газеты. Но прежде я побывала вместе с ним в нескольких школах города, увидела, как трудятся мои сверстники в ученических бригадах [2], работают в питомнике [3]. Тогда в школах было организовано производственное обучение: своё направление имела каждая школа. В моей, 9-й, производственную практику старшеклассники проходили на телеграфе [4].

Из моего дневника:

«17.02.1960. Я совершенно перестала интересоваться танцами на школьных вечерах и всё свободное время посвящала чтению книг и своей литературной работе...».

Но самыми увлекательными были для меня походы с Иваном Константиновичем на природу — в лес, под Машук и Бештау, к Развалке [5].

«17.08.1961. Вместе с Иваном Константиновичем, братом Валериком и подругой Любой Н. побывала в некоторых чудесных местах... Ходили к подземному озеру на г. Бештау, в Ореховую балку за Кисловодском (где Замок коварства и любви), в Долину очарования (ст. Подкумок), на прогулку по Бештаугорскому лесу. Я чувствовала и понимала сердцем необычайную прелесть природы».

Были и дальние путешествия.

«15 июня 1960. Числа 19-го отправляюсь в поход с И. К. Сначала, вероятно, в Архыз, а потом уже по Ставропольскому краю. Не дожусь того дня. Уже купила рюкзак».

«19.06.60. Выехали в Черкесск. Погода плохая. 20.06. Приехала домой из Черкесска.

Путешествие не удалось, но я не унываю. Пройдут дожди и мы отправимся в поход снова». Яркие впечатления оставила поездка в Кавказский заповедник (14—16 августа 1962 года).

Как надо собирать материал для статьи, брать интервью я училась у Ивана Константиновича.

«23.06.60. С утра мы с И. К. поехали в Ессентуки собирать материалы для "Яблоньки". Побывали у старых большевиков. Морквин указал нам адрес Петра Ивановича Шпака, старого большевика. П. И. Шпак рассказал нам о своей жизни и деятельности, а также о расстреле большевиков на р. Яблоньке. Побывали мы с И. К. на речке Яблоньке. Удивительно интересно, что улица, по которой протекает Яблонька, тоже называется Яблонькой. Поговорили о будущем рассказе "Яблонька". Я сказала, что постараюсь вложить в него всю свою душу».

«4.08.60. Вместе с И. К. я ходила на концерт государственного оркестра СССР. Слушали "7-ю симфонию" Прокофьева, "1-й концерт для фортепиано с оркестром" Чайковского и его же "Итальянское каприччио". Музыка — настоящая музыка произвела на меня неизгладимое впечатление».

Вчера, 3 августа, мы с И. К. были в гостях у писателя А. П. Бибука [6]. Алексей Павлович угощал нас ухой из окуней. Я закончила вчера рассказ "Яблоньку"».

«9.08.60. К вечеру пошла к И. К. Он уже поправил "Яблоньку" и сказал, что если ценить по-писательски, то она сделана на 3+. Это мой большой сдвиг. Но я всё же очень недовольна. Мне обидно на саму себя».

Иван Константинович привёл меня на собрание литературной группы КМВ¹ [7], познакомил с руководителем объединения Натальей Владимировной Капиевой [8] и другими литераторами. Я старалась не пропускать литературные собрания, мне было очень интересно. Они проходили в разных местах — в редакции газеты «Кавказская здравница» (в историческом здании «Эрмитажа», вход с ул. Гоголя, 1), в здании Бальнеологического института.

«14.11.1959. И. К. Гаустов получил открытку из редакции "Пятигорской правды". Мы пошли в Бальнеологический институт, где в 6 часов вечера должен был состояться семинар писателей. В Пятигорск из Ставрополя приехали поэты В. Г. Гнеушев и А. М. Исаков, критик А. В. Попов, П. И. Горецкий. Обсуждалось творчество поэтов Д. И. Сироты, А. В. Борисовой, В. Л. Ступаковой, В. П. Хорольского. Собрание

¹ КМВ (Кавказские Минеральные Воды) — литературное объединение в г. Пятигорске.

разделилось на две группы (заседали в двух разных помещениях). Я и Иван Константинович были и в одной и в другой группе. Я переживала за А. В. Борисову. Критиковали здорово. Собрание кончилось в 11-м часу ночи. Многие мне стало ясным, особенно из того, что сказал В. Г. Гнеушев: «Надо больше писать, работать, чтобы успешно продвигаться вперёд»».

«6 февраля 1960 г. стало самым знаменательным днём в моей жизни. Я впервые выступила на литературном объединении КМВ и прочтала свои рассказы «Первый снег», «Скворцы прилетели», «Дед Мороз», «Кукла». В перерыве ко мне и к Ивану Константиновичу подошёл редактор Ставропольского радио и телевидения и попросил у меня мои рассказы. В «Кавказской здравнице» напечатана моя заметка. Я очень счастлива».

Общение с И. К. Гаустовым сделалось для меня жизненной потребностью.

«9.09.1961. И. К. уехал в Ленинград в клинику. А у меня очень приятная новость: купила собрание сочинений в 10 томах Гейне».

«5 ноября 1961 г. Скоро приедет Иван Константинович. Жду его с нетерпением. Мне нужен друг, с которым я могла бы делиться мыслями, спорить, советоваться. Пока такой друг у меня Иван Константинович. Нужно мне написать рассказ. Какое-то сомнение. Нужен ли он, ведь сначала необходимо знать во имя чего ты пишешь рассказ? Иногда мне кажется, что надо, а иногда я не знаю».

«29 июня 1962 г. Я почему-то снова решила записывать дневник. Вероятно, потому, что слишком много интересного и даже важно-го произошло у меня в жизни...»

Самое важное и замечательное за всё это время — мой уход из 9-й одиннадцатилетней школы в вечернюю. Почему? В последнее время я всё чаще чувствовала, что мне тяжело заниматься пустым делом, т. е. ходишь в школу, очень мало от этого получая, на телеграф, где иногда от скуки хочется завывать, потому что работа не по душе. Как будто бы времени много, а идёт оно всё на пустяки. Заниматься литературой, любимым занятием я не могла. Меня это угнетало и каждый раз я всё говорила об этом Ивану Константиновичу. И вдруг у него родилась замечательная идея: перейти в вечернюю школу и закончить в этом году. Стоит ли говорить о трудностях, о том, как уговаривала свою директоршу и т. д. Факт тот, что я перешла в вечернюю школу № 2. До экзаменов три месяца! Я отстала по программе больше, чем на полгода! Не знаю, откуда у меня взялось мужество. Только любовь к литературе помогла мне. Я шла

утром на уроки, учила то, что задают и догоняла... Вечерами отвечала, сдавала зачёты и учила до полуночи. Уставала страшно. Но мысль о будущем светила мне будто огонёк, и я упорно пробивала себе путь, утешаясь тем, что в жизни может быть будет мне ещё труднее. А мне ли бояться трудностей!

И вот экзамены. Из-за глупого волнения получила четвёрки по литературе и истории. Пятёрки по химии, алгебре, французскому, физике и четвёрку по геометрии. Я победила, но выдохлась. А теперь вот, кажется, прихожу в себя.

Вчера побывала на обсуждении книжки Ивана Константиновича «Цветок-невидимка» [9] в пионерлагере. Была потрясена. Как он умеет завлечь детвору! Рассказать им интересно, завоевать детские сердца! Я видела, как девочки сразу же повисли у него на руках, а мальчишки тоже посматривали на него с любовью и уважением.

Незаметно из-за Машука нагнулся вечер. Мы стояли на перроне маленькой станции Иноземцево и смотрели в сторону шумящего леса. И. К. счастливый так, как может быть счастлив писатель, когда его любят люди, советовал мне перечитывать Пришвина и некоторые вещи Паустовского».

Пока мои одноклассники штурмовали одиннадцатый класс, я решала для себя главный вопрос — куда поступать учиться. Журналистика как профессия уже не казалась такой привлекательной из-за необходимости писать по заданию, на потребу дня (таков был мой маленький опыт).

Тогда Иван Константинович привёл меня в центральную городскую библиотеку к Татьяне Аркадьевне Марутовой [10]. Библиотека находилась на первом этаже старинного здания (бывшей гостиницы «Эрмитаж») по ул. Дзержинского 49, а на одном из верхних этажей располагалась редакция газеты «Кавказская здравница». Татьяна Аркадьевна, директор главной библиотеки города, взяла надо мной шефство и позволила познакомиться со всеми библиотечными процессами, предоставив возможность поработать в каждом подразделении библиотеки. На следующий год я поступила заочно на библиотечное отделение Ростовской областной культурно-просветительной школы (так в 1963—1965 годах назывался Ростовский колледж культуры) и окончила её с красным дипломом. В этом же, 1965-м, уехала в Ленинград и стала студенткой Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской.

Сохранились письма И. К. Гаустова этих лет ко мне, очень личные. Тем не менее, в них

Т. В. Калошина (Петелева) и И. К. Гаустов. Пятигорск, 1970-е гг.

отразилось время, в котором мы жили, его чувства и переживания. В письмах Иван Константинович открывается со своей мятущейся душой, размышляет о природе, о человеке и его месте в жизни. В одном из писем признаётся: «Единственно, что связывает меня с жизнью это связь с природой». Он делится самым сокровенным, тем, что волновало его, о чём он не мог тогда говорить открыто — о России.

3 сентября [1963] года: «... слушал романсы Гурилёва. Очень понравилась песенка "Однозвучно звучит колокольчик..." Как пахнет здесь великой, светлой Россией!».

8 июля [1965 г.]: «Да, надо жить только для России. Салтыков-Щедрин писал: "Я люблю Россию до сердечной боли и не мыслю себя вне её". Вот это патриотизм. А когда теперь говорят "родина, для родины" становится тошно, потому что у этой родины украли её национальность и её чудесное имя».

[16 сентября 1965 г.]: «Собираюсь ехать в Москву. Хочу как русский поклониться русской святыне — Кремлю с его соборами и старинной...».

[1965, октябрь]: «...перечитываю А. Блока и гдую, как этот полурусский человек мог страстно любить Россию. Впрочем, это неудивительно: он получил дворянское русское образование».

[14 января 1966—1967 г.]: «Как жалко, что сейчас нельзя писать так откровенно,

как писал тот же А. Блок. Надо всё примасливать, врать...».

«Я всё такой же, как был русист и им останусь даже в будущей жизни. Это как никогда для меня ясно — Россия! Я всё больше встречаю даже незнакомых людей-единомышленников. Значит, я не один так гдую!».

В эти же годы И. К. Гаустов болел, переживал и личную драму.

31 октября [1965 г.]: «я пришёл к страшному семейному краху. Собираю все свои силы, чтобы не сломаться и буду искать квартиру. Как я ни старался в своём возрасте удержать семью — не удаётся, придётся век доживать одному».

Спасало творчество, но многое задуманное, осуществить не удалось: «Назрело время писать книжку о Фёдоре Баталине [11], прекраснейшем русском человеке, природолюбце. Дело, как видишь, у меня есть, а вот условий должных для работы нет».

В 1970-х годах некоторое время Иван Константинович жил на Дачной улице, 9 в доме моей мамы [12].

Накануне 125-летия со дня рождения И. К. Гаустова, публикуя свои воспоминания и его письма (к сожалению, автор не всегда их датировал; установленные мною даты писем приводятся в квадратных скобках), полагаю, что письма И. К. Густова следует рассматривать как штрихи

к портрету писателя и времени. Он был моим учителем, моим первым наставником в выборе жизненного пути. Я старалась следовать его завету: «*Умей пройти ... жизнь так, чтобы ты, твоё платье осталось чистым навсегда, чтобы светильник твой горел всегда и ярко! И никто никогда не смог бы погасить его! А вся деятельность, горение ума твоего должна быть оправдана яркой любовью к Русской земле, к своему народу, к родной природе. Вне этого я не вижу смысла жизни и работы*» [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаустов И. У юных краеведов // Пятигорская правда. 1958. 14 июня. С. 2.
2. Петелева Л. Щедрая осень // Там же. 1959. 5 сент. С. 3.
3. Её же. У юных мичуринцев // Там же. 29 сент. С. 4.
4. Её же. Знакомимся с производством // Там же. 29 нояб. С. 3.
5. Её же. Оберегать памятники природы [О горе Развалка] // Кавказская здравница. 1960. 22 июня. С. 3; Её же. Привести в порядок памятные места // Там же. 14 сент. С. 3.
6. Бирик Алексей Павлович (1877—1976) жил в г. Минеральные воды. (Подробнее о нём см: Шолохова Т. А. Эх, друже, Георгиопуло! А. П. Бирик и Г. Ф. Шолохов-Синявский в письмах 1920—1960-х гг. // Донской временник : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 211—226).
7. Литературное объединение Кавказских Минеральных Вод в г. Пятигорске.
8. Капиева Наталья Владимировна (1909—2003), литературовед, критик, переводчик, фольклорист (См.: Марутова Т. Жизнь, прожитая на бело // Кавказская здравница. 2003. 22 апр. С. 2).
9. Гаустов И. К. Цветок-невидимка : [повесть для среднего возраста; художник В. А. Каретко]. Ставрополь: Кн. изд-во, 1961.
10. Штавакер Л. А. Подвижник культуры // Донской временник. Год 2005-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публичная б-ка. Ростов н/Д., 2004. С. 211—215.
11. Баталин Фёдор Александрович (1823—1895) — автор труда «Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды» в двух томах с приложением альбома планов и видов. За заслуги как учёного-исследователя в честь Баталина назван открытый им в 1856 г. источник (недалеко от Железноводска). Воду из этого источника стали называть баталинской. В честь Баталина названа и улица в г. Ессентуки. (Об известной династии Баталиных // Мосальская газета. 2022. 5 дек. URL: http://mosalsk-gazeta.ru/news/nasha_territoriya/ob_izvestnoy_dinastii_batalinyh (дата обращения: 10.02.2024)
12. В Пятигорске на ул. Дачная, 9 мама жила после развода с моим отцом. — Л. Ш.
13. Из письма, датированного концом декабря 1967 г. — началом января 1968 г.

«ЖЕЛАЮ ДОЛГОЙ, УМНОЙ, ПОЛЕЗНОЙ ЖИЗНИ...»

*Письма И. К. Гаустова Ларисе Петелевой¹
(1963—1968)*

[Здравствуй], Ларисочка!

25 августа 1963 года для тебя знаменательная дата, которую надо помнить всю жизнь. Тебе восемнадцать лет. У тебя весна в полном цвету. Это бывает только раз в жизни. Такой ты будешь тоже только раз в жизни.

Я всё это прекрасно понимаю и поэтому от души желаю тебе именно в этот день свершения всех твоих прекрасных надежд и всех твоих ярких мечтаний.

Лучше деятельности литератора нет ничего на свете и не просто литератора, а писателя

о природе, бойца за сохранение природы. В отрыве от неё немислима по-настоящему человеческая жизнь. В отрыве от неё человек становится просто автоматом для еды, для добывания денег, для всего эгоистичного, грязного и тёмного. Если ты станешь именно тем, кем ты начала свою дорогу, дело будет свято и жизнь твоя будет оправдана. Я искренне верю, что ты собой, своей деятельностью увеличишь отряд немногих писателей и борцов за сохранение и сближение с матерью-природой.

¹ В квадратных скобках приводятся даты писем, установленные публикатором, и дополненная информация. — Л. Ш.

И. К. Гаустов. Пятигорск, 1964 г. Фото из личного архива Л. А. Штавакер

Смело иди в свою дорогу, усеянную мальвами, одуванчиками, колокольчиками, фиалками, незабудками. Смело, уверенно сей разумное, доброе вечное в сердцах детей, в сердцах тех, кто может ещё воспринять доброе, вечное. Будь другом растений, птиц, животных — это благородно. Гораздо благороднее дружбы с навсегдаемыми душными проспектов, ресторанов и гостиниц.

Когда ты будешь далеко в своём жизненном и писательском пути, пусть тебе эти строки напомнят твою восемнадцатую весну, твоё заветное желание быть писателем. Пусть они всегда будут для тебя гулким набатом, который зовёт только вперёд в торжество твоих идеалов.

Ещё раз сердечно желаю тебе долгой, умной, полезной, поистине человеческой жизни. Желаю тебе быть обязательно тем, кем ты замыслила с детства.

Глубоко уважающий тебя, Иван Константинович Гаустов

Пятигорск, август, 1963 год

Здравствуй, дорогая Ларисочка!

Я был убеждён, что ты доедешь благополучно, но всё же волновался. Очень рад, что ты хорошо устроилась. Лучше того, что тебе послала судьба в лице Прасковьи Ивановны [1] ничего не придумаешь. Разумеется, живи на частной квартире у Александры Ивановны [2]. Уважай её и в случае чего, чтоб не уходить, добавь за квартиру. В общежитие не ходи и по этому вопросу не беспокой начальство техникума — для тебя будет лучше. Думаю, что у Александры Ивановны будет покой, тишина и безопасность, чего не будет в общежитии. Итак, живи на частной квартире. Это разумнее.

Я понемногу работаю. Вчера перечитал «Женитьбу» Гоголя и слушал романсы Гурилёва. Очень понравилась песенка «Однозвучно звучит колокольчик...» Как пахнет здесь великой, светлой Россией!

Погода несколько изменилась, прошелестел дождичек, облачно, но тепло.

Очень прошу тебя быть спокойной, уверенной в себе. Действуй наверняка, с удачей. От сего сердца желаю тебе удачи, удачи и удачи! Это надо тебе, надо мне. Впереди у тебя большая работа. Ради неё надо всё преодолеть, всё пережить.

Обо мне не думай. Все силы мобилизую для своей победы, в которую я верю!

Будь жива, здорова, крепка! Работай во всю мощь своих сил. Я молюсь за тебя всем небесным и земным силам!

Уважающий тебя крепко, Иван Константинович Гаустов.

Письмо получил днём 3 сентября [1963 г.]

Здравствуй, дорогая
Лариса Александровна!

От души поздравляю тебя с победой! Я другого и не ожидал! Множество раз молодец! Я тебе говорил и точно — во всём надо иметь мужество, смекалку! Ну хорошо, что хорошо так всё кончилось. Сессия это уже не то. Прислушай.

Думаю, что ты уже немного походила по Ростову. Это тоже хорошо. Сессия продлится недолго и ты скоро будешь вне всяких чёртовых сессий. Можно будет жизнь строить уже действительно по-своему, так как требует сего собственное я, собственный талант. Жить с талантом — это дело великое, это именно подлинно человеческое, а просто людское — с домостроем, хватками-недхватками, благочадием и многочадием и прочими людскими хамствами. Впрочем, всё это ты прекрасно сама знаешь, потому что всё же должна быть «не от мира сего».

Что у меня и со мной. Опять было резкое падение здоровья, опять сестра ездит ко мне и дырявит мою шкуру своим шприцем. Терплю, разумеется. Рукопись закончил. Надо теперь «белить» окончательно, но прежде, чем заниматься этим большим делом я решил отдохнуть дней десять. Отдыхал, вернее для отдыха я выезжал в Лермонтов и там весь день сидел в тихом парке. Хотел пробраться в Острогорку, но отложил до другого раза. Был два раза в лесу, недалеко от посёлка Машук. Лежал в овраге под кустарниками.

Вышел второй номер «Ставрополя». Там действительно есть очень хвалебная статья в мой адрес [3]. Сейчас в Пятигорске пора

ярких, нарядных астр, на которые то и дело усаживаются отдохнуть бабочки. Чудесная картина! Вчера гремел гром, сверкала молния как летом. Дождь обошёл нас стороной. Получил со всех мест гонорар и думаю, как его пропить. Думал-думал и выпил бутылку лимонада. Вот как!

Письмам твоим я до одури рад, пиши! Ведь другого такого близкого человека как ты нет у меня и не было в жизни. Интересуйся заранее, надо ли предварительно заказывать билет? Побольше и получше ешь. Особенно мясное и фрукты. Желаю тебе, Ларисонька, здоровья, дальнейших успехов в твоей жизни. Я рад за тебя! Разумеется уважающий тебя, И. Гаустов.

15 сентября [1963 г.] День солнечный, с прояснениями и очень солнечный.

Здравствуй, бесценная Ларисонька!

Твоя открыточка доставила мне много радости. Я по-прежнему желаю тебе чудесных успехов, ведь ты умница.

У нас прошло несколько грозовых дождей и даже ливней. Сегодня, например, погода солнечная, вчера же среди дня разразилась гроза и хлынул дождь. Мне пришлось пережить его в одном подъезде. Вообще это романтично чувствовать себя немного беспризорным и забить-ся к чужому порогу.

Эту неделю мне нездоровится и я ничего не пишу, хотя работы по горло. Подожду как устоит самосознание. Выхожу на свою «горку». Она почти сплошь заросла донником, горошками и деревеем. Воздух пахучий. Зелени тоже много. И вся эта милая природа так напоминает тебя с твоей высокой причёской, восторженными глазами и ненаглядной улыбкой. Мне очень нравится, что даже сейчас в пору большой занятости умеешь любоваться природой и не только любоваться — чувствовать её всей душой, впитывать её в себя — это очень важно. Это делает тебя выше толпы.

Крепко надеюсь, что ты никогда в своей жизни не потеряешь этот «драгоценный камень», который ты носишь в своём сердце, а это выше всего в нашей земной маленькой жизни, которая особенно у женщины напичкана всякими дрязгами, сквозь которую нередко трудно распознать человека.

Жду тебя с большой победой и только победой.

Это письмо, наверное, последнее к тебе в Ростов. Будешь выезжать, напиши не открыткой, а закрытым письмом, где я смогу тебя встретить и поздравить тебя. Открыток больше не пиши, их могут прочитать.

Желаю тебе большой удачи, яркой победы!
Только особенно уважающий и более того
вечно преклонённый перед тобой, И. К. Г.
[1964—1965 г.]

Здравствуй, дорогая Ларисонька!

Я получил от тебя два письма, которые меня очень порадовали. Порадую и я тебя: у нас уже появляются цветы — гусиный лук, чистяк и шафран. Посылаю тебе один шафранчик или крокус. Прилетели скворцы. Погода тёплая пока что. Я напечатал и передал по радио «Шествие весны» [4]. Могу сообщить тебе приятное: появилась твоя заметка «Бескорыстие» за 6 марта [5]. Значит тебе должны прислать гонорар, только не знаю как ты уславливалась — домой или в Ростов. А кто дома получит? Это будет во второй половине марта, значит можно написать письмо Прозоровой [6], чтобы переслали тебе или задержали бы до твоего приезда домой. Я бы тоже об этом мог сказать в бухгалтерии. Заметка получилась неплохой. В оригинале я её не помню. Поэтому точного ничего сказать не могу. Заметку я сохранию для тебя, не беспокойся. Получила ли ты моё поздравление? Если нет, то ещё раз поздравляю с праздником Весны и Солнца. Будь здоровой и красивой как весна.

У меня сильно понизилось кровяное давление и поэтому я месяц не выходил из дома — голова кружится. Сейчас как будто бы легче стало. Работаю очень помалу, но всё же работаю. Я вспоминаю слова одного деятеля, который сказал: «Будь светлым лучом для других — вот высшее счастье для человека». Этот лозунг заставляет меня бороться и жить дальше. Этот лозунг советую запомнить и тебе. Ведь ты, как я помню, стремилась и, думаю, стремишься к свету. Я больше не говорю тебе о своих чувствах. Ты их знаешь, они не изменились. Мне только хочется, чтобы ты не прожила свою жизнь впустую. Как дальше быть ты увидишь сама, когда получишь диплом. Сейчас об этом надо не думать. Все силы на учёбу. Сейчас я дома один. Гляжу на твою карточку и мысленно беседую с тобой. Мне это приятно делать. Я говорю тебе только самые светлые, святые слова. Делаю я это потому, что иначе не могу поступить. Не осуждай меня за это. Я молюсь всему святому, чтобы тебе там было хорошо и чтобы у тебя был светлым разум и были бы яркие успехи. Желаю тебе, Ларисонька, доброго здоровья и удачи, удачи, удачи!

Приложение: цветочек.

Уважающий тебя, Иван Константинович
[март 1965 г.]

Здравствуй, Ларисонька!

Сегодня я с утра был в совхозе, а потом целый день мучился нервами. Вечером поглядел в почтовый ящик, а там твоя открыточка. Я ей очень и очень обрадовался. Очень рад, что ты доехала благополучно и приступила к работе. Сделал ряд интереснейших наблюдений в природе и поэтому придётся написать новую вещицу. На днях я через редакцию газеты получил несколько хвалебных писем от своих читателей из Кисловодска. Это меня ко многому обязывает. Думаю в этом месяце побывать в ущелье Адыл-Су. Если поеду, я тебе напишу как и куда мне адресовать письма. В это время моя «половина» [7] будет дома и она может получить и не отдать мне письмо. Пока я сам дома, ты пиши прямо мне. Она приедет к концу месяца.

Я тебя каждый день вспоминаю и сердцем желаю тебе всего-всего хорошего. Не глядя ни на что, я пишу новые маленькие рассказы вроде «Зайчат» [8], которые ты читала. Потом они составят книжку.

Был в лесу. Ах, как там хорошо! Это не лес, а какой-то благоуханный храм природы. Выбрал я покрупнее пенёк, уселся на него и принялся наблюдать за различными лесными обитателями. Больше всех мне понравился жук жужелица. Он смело прилез к носку моего сандаля, ощупал его и как даст в сандалий лбом! Я толкнул его легонько, жук перешёл в атаку и нападавал долго на меня. Убедившись, что «стенку лбом не прошибёшь», он ушёл от меня в траву.

Нашёл раненого очевидно градом чёрного дроздёнка, поймал его, осмотрел: оказалось у него разбита спинка. Я было решил взять птенца с собой, но вскоре услышал вблизи себя шипение — оказалось то родители птенца дрозды. Они метались вокруг меня по кустарникам. Я догадался, что здесь где-то гнездо, из которого раньше времени выпал сам или выбросило ветром птенца. Порядочно исцарапавшись, я всё же нашёл гнездо и посадил в него птенца. В гнезде сидели ещё два дроздёнка. Я пожелал им поскорей вырасти, быть молодцами и на том покинул кустарники.

Желею, что ты всего этого не видела. Это тебе понравилось бы. Вот пока и все мои приключения, пережитые без тебя.

Погода, очевидно, как и в Ростове жаркая, сухая. Это плоховато для хлеборобов.

Желаю тебе ярких успехов. Крепко надеюсь, что всё будет хорошо. Будь как никогда сильной духом, находчивой, умной, спокойной и всё будет в порядке.

Писем от тебя конечно жду. Пиши, как и это письмо прямо домой. Когда я уеду, сообщу тебе.

Вечно уважающий тебя,
Иван Константинович.
Вечер 5 июня [1965 г.]

Здравствуй, Ларисонька!

Я 3 июля получил твою очаровательную открыточку, из которой узнал, что ты благополучно приземлилась в Сочи и что тебе сразу всё здесь понравилось. Постарайся не только купаться, но побольше походить и побывать. Это самое главное. Тогда ты не будешь просто праздным отдыхающим, а побудешь любознательным человеком. В первую очередь осмотри дендрарий. Попытайся найти домик, в котором жил Островский.

Посмотри, цел ли у моря старый маяк. Он находится недалеко от собора, да и уцелел ли сам собор. Он вблизи санатория «Красная Москва». Одним словом постарайся увидеть побольше. Это будет здорово. Я на днях отправляюсь в экскурсию в долину Томузловки осматривать известковые пещеры. Это также интересно. Получил письмо из московского радио. Предлагают писать им. Возможно сумею. Погода жаркая. Остальное всё по-прежнему. Желаю тебе всего хорошего. Постарайся сфотографироваться на сочинском пейзаже. Привет маме.

Искренне уважающий тебя, Иван Константинович.

P.S. Справься, есть ли авиапочта и отправляй авиапочтой. Обязательно пиши в конверте.

Сегодня я бродил по Подкумку и сидел у воды. Удалось увидеть большого ужа, который принимал солнечную ванну вместе с лягушками! Это чертовски здорово!

3 июля [1965 г.]

Здравствуй, Ларисонька!

Получил твоё симпатичное письмецо, которое принесло мне столько света, тепла и радости. Подумал о Сочи: ведь я там был полтора года.

Я с отрядом ребят из Дворца пионеров совершил по лесу большой поход. Было очень жарко и все устали. Видели змею-веретеницу, которую я положил в шляпу. Жара на второй день сменилась облачностью и долгим дождём. Сейчас тоже сыро и облачно, что сильно нарушило мой план работ. «Кумагорск» [9] напечатали.

Очень радуюсь, что ты насыщаешься хорошими переживаниями и впечатлениями. Да, надо жить только для России. Салтыков-Щедрин писал: «я люблю Россию до сердечной боли и не мыслю себя вне её». Вот это патриотизм. А когда теперь говорят «родина, для родины» становится тошно, потому что у этой родины украли её национальность и её чудесное имя.

Без тебя очень скучно и чего-то не хватает в жизни. Я считаю дни, часы...очень скучно.

Получил от ребятшек несколько писем. Тунин делает успехи по части наблюдений за природой. Молодец!

Перечитывал Карамзина. Ещё раз убедился, что это большой писатель и новатор в русской литературе. Жизнь у него была очень интересной. Свою деятельность он закончил «Историей России».

Крепко надеюсь, что ты всё же станешь со знательной и сфотографируешься в Сочи. Это была бы и для тебя память первого свидания с морем. Оттуда хорошо бы тебе поехать железной дорогой. Ты проехала вдоль моря до Туапсе, а потом через тунели. Это очень интересно. Вот кажется и всё. Желаю тебе всех хороших чувств на душу. Симфония работает и у нас. Я ещё не ходил. Привет маме. Уважающий тебя, Иван Константинович

8 июля [1965 г.]

Здравствуй, ясноокая
голубушка Ларисонька!

Больше спасибо за письмо. Радуюсь, что на тебя производит такое хорошее впечатление батюшка Санкт-Петербург. Когда ты пообживёшься там и больше познакомишься с историей этого города, ты поймёшь, что зря его переименовали. Его так и надо было называть в честь Петра, создавшего его, Петроградом. Этот великий человек, патриот России, положил свою жизнь и свой талант на созидание этого города и на созидание России. Каторжно переживаю за тебя. Молюсь Небу и Земле, чтобы у тебя было всё удачно. Куда тебе писать? Я растерялся. Ты, похоже, сообщила два адреса, но я не знаю точно, как называется твой институт. Сообщи точный адрес.

Что делаю я, не глядя на всё развивающуюся болезнь? Я работаю.

Съездил на вершину Машука, а сегодня был в Ессентуках и совершил поход с местными ребятами на гору Бекет.

Напечатал очерк (красивый конечно) о Бештаугорском лесе [10], пишу ещё для газеты. Пишу маленькие рассказы о природе и почти следом печатаю их. Только этим и заполняю жизнь. Без тебя, разумеется, пустынно стало в городе. Не хватает чего-то большого и светлого, но я с этим мирюсь, лишь бы тебе была удача и всё было хорошо.

Мечтаю поехать в ущелье Адыл-Су, наверное в августе, я тогда напишу точно. Приглашали поехать в пионерский лагерь, я отказался. Слишком беспокойно получается, а потом

ребятишки будут писать письма. Это утомительно очень.

Парад на Неве живописное зрелище и жалко, что ливень его расстроил. Эх, Ларисонька, как бы я был счастлив, если бы ты сдала экзамены и поступила. Твоё желание мне дороже всего. Борись за это. Ты мужественная натура, добивайся своего.

Дописываю письмо на следующий день, т. е. 29 июля, так как не мог решить, куда же тебе писать. Название твоего института я забыл. Волей-неволей пришлось идти к Татьяне Аркадьевне [11] за помощью. Она назвала институт и спросила как твои дела. Я о переписке ничего не сказал, хотя она догадывается, что она существует. Сказала, что если я буду писать, то передайте Ларисе привет мой и всех наших сотрудников. Я поблагодарил её.

Вчера было знойно и душно, а сегодня пошёл мелкий, долгий дождик и кстати, потому что земля стала сохнуть и травы желтеть. Сегодня я просидел долго в редакции. Спал очень плохо и потому настроение плохое.

Ещё раз желаю тебе, Ларисонька, только удачи и удачи.

Ежедневно помнящий тебя, Ив. К. Г.
[29 июля 1965 г.]

Здравствуй, дорогая,
чудная Ларисонька!

Вчера я отправил тебе письмо на институт культуры, набережная Дворцовая, 4, а во второй половине дня получил от тебя письмо с новым адресом. Ищи письмо в институте. Я писал, что побывал на вершине Машука, сделал поход на гору Бекет в Ессентуках [12], активно выступал в газете и по телевидению. На новолуние у нас прошёл мелкий дождик и опять установилась хорошая погода. Пишу мелкие рассказы — новеллы о природе. Надумал ехать в ущелье Адыл-Су. Как поеду, сообщу тебе. Болею душой за тебя. Ты очень трудолюбивая, настойчивая, на всё дай Бог тебе удачи! Молюсь за тебя небу и земле, чтобы ты прошла в институт и чтобы твоя мечта сбылась, и чтобы ты была счастлива, а я, глядя на тебя издали, буду тоже счастлив. Сознаю, как тебе, голубка, сейчас трудно. Я всем сердцем возле тебя. Завтра думаю отправиться в лес. Хочется написать об августе. Об июле я не писал. Сегодня напечатали мою зарисовку «Гора Дубровка» [13]. Крепко верю, что ты одолеешь свои трудности, что тебя поймут среди преподавателей и дадут тебе должную дорогу. Пожить в Ленинграде, познакомиться наглядно с историей России — значит намного вырасти душой, совестью и разумом. Борись за это

всеми силами. Это оправдывается потом в жизни. Ещё раз желаю тебе удачи и только удачи. Пусть все добрые силы будут на твоей стороне. Пусть ты будешь счастлива в своих желаниях.

Всей душой уважающий тебя, Иван Константинович.

P.S. Повторяю: вчера я отправил тебе письмо на институт. Дворцовая набережная, 4, студентке Л. Петелевой

[31 июля 1965 г.]

Здравствуй, голубка Ларисонька!

Я очень был рад твоему короткому письму. Большое спасибо. Рад, что ты доехала хорошо и устроилась на месте. Плохо, что устала, а когда отдохнёшь теперь? Осмотрись хорошенько, оцени обстановку и пойми правильно, что от тебя требуется теперь. Ты замахнулась на большой кусок, надо постараться его взять во что бы то ни стало.

Я очень желаю тебе только успеха. Ты это знаешь.

Ростов ты одолела. Надо одолеть и этот чудный город. Надеюсь, Неву ты уже видела. От тебя через Неву хорошо видна Петропавловская крепость с высоким шпилем. Близко от тебя Дворцовая площадь и Зимний дворец. Близок Исаакиевский собор. По свободе всё увидишь. Ездил ли на метро? Это надо отправиться через Литейный мост к Финляндскому вокзалу. Заочница Алла наверное покажет как туда идти. Какова погода? У нас не устойчивая очень. Адрес на письме ты написала отлично. Пиши и впредь так. Новостей никаких. Кое-что потихоньку делаю. Желаю тебе тысячу раз успехов. Не связывайся с дрянными девочками. Будь только умницей. От этого зависит всё. Сегодня и вчера я очень прибалываю, поэтому написать много не смог. Будь здорова и счастлива. Желаю тебе должного мужества. Как всегда только восхищённый тобой, И. К. Г.

Можно писать авиапочтой. Это скорее.

[август 1965 г.]

Здравствуй, солнышко моё,
Ларисонька!

Сегодня 15 августа дождался от тебя весточки. Большое спасибо. Пока это письмо дойдёт до тебя ты закончишь сдачу экзаменов. Наверное, будешь собираться домой. Обязательно напиши мне, когда ты приедешь и как я тебя увижу, вернее где. Я очень рад, что мои письма доставляют тебе что-то хорошее. За последнее время я печатаюсь часто. Вышел рассказ «Лёшка» [14]. Закончил рассказ «Жар-птица» [15]. Собираюсь уехать в горы, но хочется поглядеть на тебя,

услышать твой голос, а без того я уехать не могу. На днях был в Кисловодском лесхозе. Мне дали грузовик, лесничего и я объехал все владения лесхоза. Это было очень интересно. Думаю написать о них очерк. Материал интересный. Здоровье ни шатко, ни валко, стараюсь держаться. Моя дочь [16] в Гаграх, зять и внук в Пятигорске, так что, если бы тебе пришлось остановиться у них, то ты жила на квартире бы одна. Часто мечтаю о тебе — какая ты есть, мечтаю о твоём счастье, которое сложится без меня. Я уже о себе не думаю, думаю, чтобы тебе было хорошо и желаю тебе этого. Ради Аллаха напиши, когда ты будешь дома. Жду очень. Желаю тебе всех благ.

Бесконечно уважающий тебя, И. К. Г.

[15 августа 1965 г.]

Здравствуй, дорогая Ларисонька!

Последнее письмо я послал тебе в конце августа, поздравляя с началом учебного года и вот, ответа никакого нет. Послал на общежитие на улице Баскова, как ты сообщила в последнем письме. В чём дело, что с тобой? Я думал, что ты поехала в колхоз, но и оттуда написать можно, кроме того ты после всего этого написала письмо Татьяне Аркадьевне [11], значит ты жива-здорова, писать можешь, а почему мне не пишешь? — загадка для меня и большая загадка. Уезжая, ты мне обещала писать «каждый день», «Присылать фотографии», а где всё это?

Сообщаю немного о себе: совершил поездку на Сенгилеевское озеро. Был в Ставрополе. У меня напечатаны, говорят люди, хорошие рассказы. Пишу ещё. Собираюсь ехать в Москву. Хочу, как русский, поклониться русской святыне — Кремлю с его соборами и стариной, которую ещё не загадили неграми и другой дрянью.

Погода стоит тёплая, сухая. Правда, числа 12-го пролил грозовой ливень. Как он был красив! В это время я ночевал на озере и видел как оно, озарённое молниями, бушевало. Прошёл много пешком по косограмм и лесам. Всё хорошее, красивое вызывало думы о тебе, такой прекрасной и величественной, какой ты для меня всегда была и есть.

Ты знаешь как мне больно твоё молчание. Очень прошу тебя напиши, почему ты мне перестала писать. Пиши на дом. Я буду эти дни дома и буду сам встречать почтальона.

Сегодня 16/9. Письмо к тебе будет идти три дня, следовательно, ты получишь его 19 числа. В тот же день ты ответишь, ещё три дня — и я могу получить от тебя письмо 22—23/9.

Желаю тебе всего-всего хорошего, успеха в твоей учёбе.

Ещё раз прошу тебя честно написать, почему ты мне не пишешь.

Всегда уважающий тебя, И. К. Г-в
[16 сентября 1965 г.]

Здравствуй, светлейшая Ларисонька!

Числа 15 сентября я послал тебе короткое письмо. Вскоре получил от тебя большое, милое письмо, но отвечать на него я сейчас не буду, потому что не уверен, получишь ли ты мои письма, будучи в колхозе. Писал на институт. Когда не знаешь, будешь ли ты читать эти строки, нет смысла писать по-настоящему. Подожду, когда ты возвратишься в своё учебное заведение, напишешь мне — тогда я в свою очередь напишу тебе многое, что тебя интересует и пришлю кое-что из последнего напечатанного. Пиши скорее, пожалуйста. Мне так не хватает твоего голоса. Рад за тебя, что ты чувствуешь себя хорошо и толково, что время работает на тебя. Я тоже не сижу сложа руки, работаю и хорошо работаю.

Погода стоит солнечная, ветреная, сухая. Начинают кое-где краснеть листья. Я написал отличную зарисовку «Сентябрь дохнул осенним хладом» [17]. Почему «дохнул»? Потому, что прошёл дождь в первых числах и было некоторое похолодание. Возможно, что на новолуние, а оно будет скоро, погода также испортится, но, по-моему, ненадолго. Ведь ещё не было бабьего лета и не летела паутина. Всё время сильно пиликали чёрные сверчки, но сейчас по вечерам слышатся один-два сверчка: их время тоже отходит. Жизнь неумолима и жестока: всё бывает только один раз.

Пиши, Ларисонька, скорее. Я так заждался твоих писем.

Желаю тебе всего-всего отличного.

Преданный тебе, И. К.
24 сентября [1965 г.]

Здравствуй, дорогая,
светлейшая Ларисонька!

Я получил от тебя письмо и, конечно, очень за тебя порадовался: ты молодчина! Не зря я сеял в твоей душе доброе, светлое, вечное. Ради этого всего стоит жить и бороться.

Советую посетить Никольский собор. Он находится недалеко от филармонии и театра оперы и балета. Ты услышишь колокольный звон русского собора. Он двухэтажный, верхняя церковь особенно великолепна. Хорошо посетить её вечером к вечерней службе, в 5 часов, или в 9 часов утра — в обедню. Там было множество голубей, не знаю, сохранились ли они теперь? Ты пишешь мне всё же редко, хотя и говорила,

*Лариса Петелева — студентка.
Ленинград, 1965—1966 гг.*

что писать будешь каждый день. Этого, разумеется, делать не надо, но в десять дней раз написать неплохо. Дружески. Без тебя я очень скучаю и мне кажется, что в городе стоит полумрак. В последнее время сильно захворал. К врачам не иду и дома нет покоя. Куда мне деваться сам не знаю. В работе опять срывы. И когда только я буду жить гладко и спокойно?! Как много гибнет энергии на всё то мелкое и грязное, а мне ведь каждый день дорог, годы ведь не молодые.

Вчера испортилась погода, похолодало, прошёл дождь, сегодня господствуют серые краски. Осень, осень, листва взапуски осыпается. А что поделаешь? Закон природы неумолим.

Подарили мне собрание сочинений Белинского за 1907 год, изданное в Санкт-Петербурге. Вот где правдивые суждения о русской литературе, о самом Белинском!

Напечатали очерк о Сенгилеевском озере [18], где я побывал за тепло. Вообще за это лето я написал и напечатал много. Был у меня представитель географического общества из Ленинграда, предложил участвовать в работе общества, но я отказался. Получил очень интересное письмо от природоведа Дагестана, который, оказывается, знает меня и читает.

Всё это мило, но плохо одно: нет здоровья, без которого и «ни туды и ни сюды». Здоровье обычно даётся людям ограниченным, эгоистам, живущим ради себя только.

Гляди, не теряй своих взглядов, не переделывай даже своей причёски, не подражай пустой моде, ползущей из-за рубежа. Сохранить себя простой и красивой много значит. Я писал тебе: стоит завести «Дневник моих студенческих лет». Это потом пригодится и дороже маленьких

записных книжек. Будь здорова, всегда здорова.
<...>

Всегда помнящий тебя, И. К.
[осень, 1965 г.]

Здравствуй, дорогая, милая,
славная Ларисонька!

Наконец, я получил от тебя настоящее письмо, а не «писульку», написанную на четвертинке бумаги. Письмо получил вчера, но отвечаю сегодня — день провёл в хлопотах в редакции. Ты много, даже очень много думаешь, замышляешь, хочешь, и только. Заметного сдвига нет пока что. Почему? Первое: ты всё сомневаешься в себе. Так можно всю жизнь просомневаться и гадать есть ли во мне талант или нету. На право иметь талант тебе никакой институт, даже академия диплома не даст. Надо просто писать. Дело и время скажет, какой у тебя талант. Я говорил тебе: ты имеешь искру Божью, её надо выносить только и превратить в огонь. Значит надо просто верить в себя и просто работать. Ты пишешь: тебе стало хорошо, многое прояснилось, почему же здесь у тебя существует неясность? Отбрось её, ещё раз веруй и работай. В полную меру сейчас работать нельзя, потому что ты учишься, мало того, ты занимаешь себя другими нагрузками. Не хватайся за многое, чтобы не надорваться. Такое в жизни часто бывает. Бери только то, что необходимо. Всё объять за четыре года невозможно. Значит, на первом плане всё же должна быть учёба с тем, чтобы ты училась отлично, жила и работала бы без горячки. Тогда у тебя останется время на душевные думы о литературе.

Дневник вести надо. Вести его просто, не мудрствуя. Вспомни дневники Толстого как они личны и поэтому интересны. Никакого вступления к нему не надо делать. Вот ты в прошлый раз написала в письме о своих восприятиях природы севера — чудесно. С этого и надо начинать. Ставь число и пиши о своём приезде в большой и красивый город. Какое произвёл на тебя впечатление? Как он своей красотой, историчностью повернул твою душу к чему-то хорошему. Ты посетила театр, концерт симфонической музыки, у тебя есть переживания — запиши их. Ты побывала в Карелии с соснами и берёзками, увидела большое незнакомое озеро — это новый шаг в жизнь — запиши это. Прошла интересная лекция — запиши. Что-то тебе не понравилось — отобрази. Пиши просто как письмо мне и будет толк. Дневник будет личным и вместе с тем он отобразит «многогранную студенческую жизнь» как ты выражаешься. Если он будет написан от души, просто,

последовательно, он будет художественным, он будет насыщен твоею жизнью. Понимаешь в чём дело? Нужна простая, ежедневная, душевная работа без выдумок. Если ты станешь мудрить, ты будешь просто фантазёрка. Ты пишешь «много у меня было и есть надежд на студенческие годы». В чём тут дело? Ты стала студенткой и всё тут. Упиваться этим без меры не надо. Слово студент обязывает тебя просто учиться и просто работать. В этом вся задача. Институту не интересно знать твои чаяния быть писателем.

Это надо носить в себе скромно. *«Очень часто душу переполняют светлые, чистые чувства. Идешь через светлый сад, любишь себя им ...»*. Я и сейчас переполнен светлыми чаяниями, но я не забываю, что жизнь очень коротка, что она очень сурова и что мечтать надо только изредка, в основном надо работать и работать. Иначе сделаешься Маниловым, Обломовым. Я серьёзно тебя предупреждаю на этот счёт. Мечты хороши, когда они ложатся в дело, в основу дела, которое ты любишь, иначе грош им цена. Мечтает воробей и даже бабочка. У тебя собралось много записей. Пусть они пока что будут кладовой. Они потом пригодятся. Ты написала рассказ «Камень». Жалко, что я не вижу его, поэтому судить его не могу. Может быть ты пришлешь его? В многотиражке участвовать надо. Пусть одно им не понравится, понравится другое. Позаниматься в литературоведческом кружке стоит. Не понравится, всегда можно оставить его.

Главное же вот что: 1) все сомнения к чёрту; 2) все излишние розовые мечтания прочь; 3) надо учиться на пятёрки, чтобы окончить институт также, как ты закончила техникум; 4) надо немедленно просто и ясно вести дневник. Сюда войдут твои личные переживания. Твои открытия мира. Твоё становление. Мнения о книгах, о лекциях, о преподавателях, о товарищах, о своём круге твоей жизни. Сюда можно вносить записи из прочитанного. Короче всё-всё ты можешь и должна вносить в дневник. Тогда он станет ценным, интересным и полезным. Если найдётся время без горячки написать короткий рассказик можно и надо написать. В многотиражке участвовать надо. У тебя есть рассказы, написанные раньше, можно их предложить, если они с тобой. Ещё раз: никаких «вечных сомнений». Надо просто работать. Работа и время покажет твои возможности, твои широты.

Повторяю: так можно просомневаться, промечтать, прождать всю жизнь. Ты понимаешь, сейчас у тебя наивыгоднейшая позиция начать

попутно с отличной учёбой, пусть в скромных рамках, хорошую литературную работу. Когда ты закончишь институт, ты закончишь дневник о том, как ты училась, как ты мечтала стать литератором и как ты вплотную подошла к этому любимому поприщу. В дневник надо вписывать и свою биографию, и свой семейный круг, повадки своей кошки, как ты беспокоилась о котятках. Вспомни Аксакова: ведь как хорошо написано о самом себе в воспоминаниях Багрова внука [19]. Возьми эту книгу за образец. Это чертовски хорошо будет. Брось, Ларисочка, «задумываться» и просто работай, просто пиши, потом мне спасибо скажешь. Я лично вложил в тебя многое хорошее. Пусть оно даст пышный рост и цветение.

Немного о себе: перечитываю А. Блока и думаю, как этот полурусский человек мог страстно любить Россию. Впрочем, это неудивительно: он получил дворянское русское образование.

Погода пока что голубая, правда, когда у вас разразилась снежная метель, у нас тоже на цветы просыпал мокрый снежок. Это было очень красиво. Снег в октябре выпадает очень и очень редко. Я мучаюсь по-своему: у меня много тем, мало здоровья и часто приходится болеть. Сегодня через редакцию из Минвод получил лестное письмо. Это я заработал выступлением своих новеллок-рассказиков о природе.

Заканчивая письмо, я очень хочу, чтобы ты поняла меня правильно. Меньше фантазируй, не впадай в розовую мистику, и просто учись, просто пиши и ты увидишь, имея хорошие результаты, что ты живёшь правильно, толково, красиво. Желаю тебе только добра и счастья. Жду твоих писем с большим нетерпением. Искренне любящий тебя, И. К. Г.

[1965 г., октябрь]

Здравствуй, дорогая,
светлая Ларисонька!

Письмо твоё я получил, но отвечаю не сразу — у меня тяжёлое дома положение. Квартира и соседи оказались страшно беспокойными. Я не имею права лечь спать, когда хочу, и встать тоже. Ежедневно в половине седьмого меня будят стуками и адским скрипом полов. Они же говорят, что я беспокою их своей [печатной] машинкой. У нас в доме есть совершенно отдельная от всех квартира о двух комнатах, солнечная сторона и моя «жёнущка» не хочет меняться. Я предложил ей разменять квартиру на две разных комнаты и таким образом разойтись, тоже не желает. Говорит, что ей здесь хорошо и она остаётся здесь. Мне предлагает уйти на частную квартиру. Одним словом я пришёл к страшному

семейному краху. Собираю все свои силы, чтобы не сломаться и буду искать квартиру. Как я ни старался в своём возрасте удержать семью — не удаётся, придётся век доживать одному. Ты, может быть подумаешь: «ему сейчас не до меня и не до моего рассказа». Ничего подобного. Пиши мне и что надо присылай. О перемене адреса я тебе сообщу видимо скоро. Вот такие у меня дела. От чёрной тоски можно закончить жизнь, но я стараюсь удержаться, ведь жизнь один раз даётся на свете.

В воскресном номере напечатан мой очерк о Баталпашинских озёрах [20]. Какой-то мой читатель прислал мне через редакцию в подарок книгу. Подумай только!

Что касается тебя, то советую не распляться, хотя ты и живёшь в большом городе.

У тебя ещё все четыре года впереди, за которые можно многое сделать. Дневник пиши как книгу от собственного имени так, чтобы было детство, первые пробуждения души, первое видение мира, первая школа и постепенное развёртывание событий со включением всего того, что ты приобрела в жизни. Этот дневник может перерасти в хорошую задушевную книгу. Главное не торопись, не хватайся сразу за многое. Так можно быстро сгореть даже в молодости. Всё в жизни даётся только один раз. Плохо, что письма мне ты пишешь на лекциях, между прочим. Это значит, что или лекции пустяковые, или я мало заслуживаю у тебя внимания. Когда я пишу тебе письмо, я забываю обо всём на свете и откладываю все дела.

Больше ничего пока написать не могу, потому что на душе страшная скорбь.

Безгранично уважающий тебя, И. Г.

31 октября [1965 г.]

Здравствуй, моё незакатное солнышко, Ларисонька!

Как плохо, что тебя нет в городе — некому своё горе поведать и не от кого услышать слово поддержки. Перед праздниками я бродил по разным окраинам города в поисках квартиры. То, что попадалось, меня не устраивает — шумно, работать в таких условиях невозможно. Пока что нахожусь дома, так что пиши по-прежнему на дом. Настроение очень подавленное от одного сознания, что я столько лет прожил с женщиной, которая меня не понимает и понять не хочет. Ты понимаешь — у меня получилась потерянная жизнь. Ну почему это случилось именно у меня? Как легко сделать в жизни непоправимую ошибку! Учись на мне, Лариса... Если бы у меня было много денег, я построил бы домишко вблизи лесной

караулки как Паустовский и начихать бы тогда на всё и вся! Временно работа прекратилась, пока на душе не пройдёт «дым», да и не только дым, страшная боль душевная. Лучше быть пьяницей, поддецом, чем иметь душу, которую некуда пристроить. Трудно мне, очень трудно...

Шестого у нас была снежная выюга, седьмого немного прояснило, 9 и 10 — голубая погода, но прохладно. Не помню, писал ли я тебе — ездил на Баталпашинские озёра с Щёкиным и написал очерк, который напечатан 31/10 [20]. Хочется написать о Бештау [21], нашем величественном Бештау, которым любовались и любят сейчас теперь многие любители природы и даже не любители.

Назрело время писать книжку о Фёдоре Баталине [22], прекраснейшем русском человеке, природолюбое. Дело, как видишь у меня есть, а вот условий должных для работы нет.

Я читал, что у Никитина были плохие условия для работы, но он был одинокий человек и, хотя это его выручало. Помнишь его стихи:

Заступом вырыта яма глубокая.
Жизнь ты постылая, жизнь одинокая...
Горько она моя бедная шла
И как степной огонёк замерла.

Крепко я понимаю Никитина...

О тебе: не старайся распыляться, перегружать себя. В два часа ночи ложиться спать не здорово. Это я тебе советую как родному человеку. То, что ты силишься схватить за год, можно узнать за более продолжительное время, что лучше для памяти. Желаю тебе, Ларисонька, доброго здоровья и ярких успехов в твоей учёбе. Ты единственный мой свет на земле и поэтому я тебе одной поклоняюсь, как поклонялся Блок Прекрасной даме.

И. К. Г.

[Ноябрь 1965 г.]

Здравствуй, моё

незакатное солнышко, Ларисонька!

Получил от тебя как всегда маленькое, насмешливое написанное письмецо. Что же и за это большое спасибо. Я тебе до этого отправил очень скорбное и упадническое письмо. Очень грустное письмо, от которого самому хотелось быть волком. Очень хотелось сказать кому-то близкому своё вымученное слово. Вот и написал тебе. Прошу простить. Настроение по-прежнему тяжёлое. Дома плохо, а если дома плохо, это хуже всего. Зверь ищет спокойной берлоги, а у меня этого нет. Я было нашёл квартиру себе, надо было бы поискать топку, а я слёг. Когда пошёл к хозяйке, она уже сдала другим

людям, и я остался с носом. Я потерял всякую охоту жить, ничего меня не интересует. Всё делаю как-нибудь по инерции. В «Кавказской здравнице» напечатали «На пороге зимы» [23], а в «Ставропольской правде» — «Машук» [24]. Вот и все мои радости. А жить, работать надо!

Мне не дают никогда соседи выспаться, а поскольку я пью снотворное мне насильственно пробуждаться очень больно и весь день болят потом нервы и пылает голова, и жена как жена говорит: «терпеть надо», вот и всё тут. А за что, во имя чего должен терпеть? Во мне убивают человека, литератора, яркую мысль, всё убивают какие-то мрази. Как плохо в наше время таким бедолагам как я! Мне даже уйти от своего горя некуда.

Погода сегодня только изменилась и за ночь землю присыпал тонкий снежок. К новолунию погода должна испортиться по-серьёзному. Вот кажется и всё.

Я, кажется, у тебя научился писать: раз-два и готово. Не печалься обо мне, Ларисонька. Делай своё дело. Я понимаю: у тебя своя жизнь. Я сердечно желаю тебе ярких успехов к концу учебного полугодия. Желаю одних пятёрок. А мне что делать? Я потерялся совсем, у меня исчезает мужество, а это очень плохо...

Всегда уважающий тебя, И. К. Г.
[ноябрь ? 1965 г.]

Здравствуй, дорогая,
драгоценная Ларисонька!

Я сейчас вечером 14 января получил твоё письмо и тот же час отвечаю. Прежде всего поздравляю с Новым годом. Желаю здоровья, радости и успехов в твоей учёбе. Я своевременно получил твою новогоднюю открытку, но не мог ответить тем же, потому что был очень болен. Вызывали частного врача и сейчас мне делают какие-то уколы. Дела в общей сложности незавидные. Кроме того в предпоследнем своём письме ты не без раздражения написала: «лучше бы не было этих писем». Я подумал, что мои письма тебя расстраивают, мешают учиться и я решил не писать, чтобы тебя не беспокоить. Я думал, что ты приедешь на каникулы в первых числах января, а ты приедешь гораздо позднее. Ну что же, буду ждать. Желаю все экзамены сдать на отлично.

До сильного приступ болезни у меня были кое-какие творческие радости. Сейчас набираюсь сил, оттаиваю. Погода у нас после Нового года испортилась: туман, сырость. Новый год я встречал один, больной. Долго думал о тебе, вспоминал как мы с тобой путешествовали. Эх, какое это было для меня радостное время!

Девочка Лариса, мечтательная девочка, выходит со мной на свою орбиту жизни. Не так ли это? Теперь эта девочка большая, серьёзная.

Сейчас перечитываю А. Блока. Мне очень нравится поэма «Двенадцать», где говорится с насмешкой в сторону коммунистов: «Ну-ка пальнём в святую Русь...». Я всё такой же как был русист и им останусь даже в будущей жизни. Это как никогда для меня ясно — Россия! Я всё больше встречаю даже незнакомых людей-единомышленников. Значит, я не один так думаю! Как жалко, что сейчас нельзя писать так откровенно, как писал тот же А. Блок. Надо всё примасливать, врать...

В январе я умудрился написать хорошенькую вещицу — «Утро года» [25]. Её, конечно, напечатали и я получил от читателей признательные письма. Боже мой, как много я сделал бы, если бы не болезнь! Как странно устроена жизнь... Ты пока этого всего не видишь, да не желаю тебе знать контрастов жизни. Я рад, что у тебя дела «на мази». Желаю тебе вагон успехов. Коли напишешь, отвечу.

[14 января 1966—1967 г.]

Здравствуй, дорогая Ларисонька!

Буду тебя по старинке называть так. Ты не обижайся. Письмо твоё я получил. Большое спасибо. Только что отзвучала по радио передача «Писатель-натуралист Иван Гаустов в гостях нашей студии». Там был задан мне такой вопрос: каковы ваши планы на ближайшее время? Я ответил: «большие, но по состоянию здоровья их приходится урезывать». Ты понимаешь, как больно мне было это говорить массе слушателей? А что я могу поделать? Болею и только. Ну и работаю по мере возможности. Это, разумеется, мало, но выше носа не прыгнешь.

Беспокоюсь за тебя — тебе очень и очень трудно, как ты сообщила. Я очень бы хотел часть твоего бремени взять на себя, однако, увы! Этого не сделаешь. Я могу только молиться доброму Богу, чтобы ты преодолела весь этот сумбур, который тебе преподносят. Нет! Когда я учился, такой сутолоки среди учащихся не было и среди преподавателей не было, а знаний давалось, причём прочных, осмысленных, больше.

Вот на днях посетила меня ученица 10 класса. Разговорились. Я спрашиваю: «Ну как стихи Алёши Кольцова тебе нравятся?» А она глазками только захлопала в ответ. «А Григорович, Златовратский, Апухтин нравятся?». А девушка отвечает: «Мы не проходили их». А вот чушь некоего Гранина о грозе они проходили.

Нет, много шелухи пихают в головы, а потом она не нужна будет.

Я очень желаю тебе, Лариса, от всей души одолеть твою науку и всё же выйти победителем. Что делать? Впереди всё же лежит никем не писанная, но утверждённая жизнью доктрина: «есть хлеб свой в поте лица своего». Некрасов правильно писал о сути жизни: «В мире есть царь. Голод названье ему...». Все идеи, какие б они не были, подчинены только желудку и неумолимому времени. Прийти в жизнь, пройти её от и до, и до свидания...! Рождённый жить двуногий, четвероногий, многоногий живёт только так. Животные при этом не мудрствуют, а человек что-то придумывает, всячески замусоривает землю-страдалицу и всё же ложится гнить рядом с лягушкой.

Ты, небось, скажешь: «Вот разошёлся, старик!». А что сделаешь? В мои годы эта суть особенно наглядна. Как бы то ни было, а тебе надо жить и ради этого надо бороться за свой кусок хлеба.

Ещё и ещё раз желаю тебе только удач и удач! Когда тебе трудно, помни, что за тебя молится не только мать, но и я! Я очень бы хотел как-то помочь тебе.

О весне. Погода хмурая весь март. Солнца почти не было. Цветы было стали показываться и застряли в росте. Скворцы прилетели и бедствуют от голодовок. Одним словом месяц март ничем нас не порадовал. Похоже, что до новолуния (числа до 15 апреля) погода будет плохая.

Дописываю письмо на второй день. Был в Ессентуках, был в лесу. Нашёл единственный цветочек примулы, маленький, но я его всё же взял для тебя. Если он доедет в приличном виде в Ленинград — хорошо будет. Так-то, Ларисонька.

Одним словом я, где бы ты не была, желаю тебе только счастья и удачи.

Когда весна войдёт в свои законные права, я напишу тебе. Будь здорова.

Уважающий тебя, И. К.

[Март 1966 г. ?]

Здравствуй, дорогая,
прекраснейшая Ларисонька!

Ты должна в пятницу или в субботу получить моё письмо. Я теперь болею душой: резкое ли оно для тебя, может быть оно расстроило тебя? Но ты человек умный, ты должна понять, что я всё сказал тебе потому, что ты не безразлична мне и я болею за твою судьбу. Я ещё и ещё раз обдумал всё, что касается тебя и всё же остался при прежнем мнении. Ты способная, у тебя есть прекрасная душа, но ты слишком мечтательна и недоверчива к себе. Повторяю: диплом на наличие таланта тебе никто не выдаст и ждать такого дня, когда ты увидишь,

что ты талантлива, напрасная трата времени. Надо понемногу писать и писать о том, что близко тебе, волнует тебя. Понятно тебе? Рассказы о чём бы то ни было, особенно большие писать будет трудно, потому что дальше своего учреждения не бываешь. Для этого надо хорошо знать жизнь. Как говорил уже, начни с дневника, с себя, со всеми своими переживаниями, впечатлениями, исканиями, сомнениями. Это будет правдиво точно. Подлинное искусство лжи не терпит, подделки тоже. Пусть дневник, как ты говорила, будет личным, это будет хорошо, значит он будет жизненным, а всё жизненное интересно для всех. Ведь в дневнике отразится много событий, нарисуеться много портретов интересных и отрицательных героев. В дневник лягут события твоих первых лет жизни, вернее первого этапа жизни, когда ты стала решать вопрос: кто ты, каково твоё место в жизни? Это ведь настоящее литературное произведение, которое надо носить под сердцем, жить для него. Дорогая Ларисонька, я думаю, что я говорю и советую тебе то, что надо. Работая над дневником, ты увидишь новые темы данные тебе жизнью, а не высосанные из пальца. Так начнётся твоя литературная жизнь, хотя она уже давно началась, но ты имеешь плохую привычку — откладывать всё, бродить вокруг да около, сомневаться.

В своей газете участвуй, это хорошо. Обязательно пиши мне как ты решила действовать. Повторяю: быть студентом хорошо, но это дело временное, у тебя впереди жизнь и работа, любимая работа, которая останется у тебя навсегда. Я не хочу, чтобы ты как-то затушеввалась чем-то, затерялась в толпе со своими розовыми мечтаниями, а толпа существует. Мечтать надо дельно, а не беспредметно, тогда толк будет. Я хочу, чтобы из тебя обязательно получился дельный литератор. Подумай, библиотечных работников разной величины много, а дельных литераторов как Паустовский, Пришвин, Толстой — мало. Я тебе советовал для образца работы взять Аксакова, советую ещё раз. Тут подлинная русская красота, простота какой не выдумаешь, талант. Можно беседовать с Паустовским, Солоухиным. Четыре года пройдут, так ли иначе. Впереди окажется голая, однообразная работа, связанная с нашей страшной неразберихой и бюрократизмом и здесь можно «засохнуть» сразу, пусть у тебя будет в жизни свет, свет русской литературы. Слушать симфонию надо. Побывай на Волковом кладбище, где похоронены наши лучшие литераторы. Побывай на Литейном проспекте в домике Некрасова, на Мойке в доме Пушкина, общайся со всем этим поистине

великим и бессмертным и ты увидишь много чудного материала для себя. Пиши, не загружая себя, не срывая своих занятий. Окончить институт успешно надо, это во всех случаях, потому что ты сразу писателем-профессионалом не станешь, а надо будет где-то работать.

У нас после «новолунных» казусов с природой наступили опять солнечные дни. У меня что-то временно перерыв в работе: видимо устал. «Ставропольская правда» напечатала мой очерк о Теберде [26]. Ездил на Баталпашинские озёра. Это было интересно. Ездил с фотографом Щёкиным, который сделал несколько фотоэтюдов. Перечитывал Лермонтова. Здоровье с переменным успехом, а что сделаешь? Скучаю по тебе сильно. Никто и ничто не может заменить тебя. Я часто, ежедневно, особенно вечером, думаю и думаю о тебе, Лариса. Мне очень трудно переносить твоё отсутствие, но что сделаешь? Когда очень меня донимают думы и тоска, я уйду в редакцию и здесь провожу дни, глядя как другие работают. Здесь появилось несколько молодых сотрудников, окончивших ВУЗы, и молодые люди и девушки (очень некрасивые). Они принимают на свои плечи тот груз, который несли на себе старые журналисты, и продолжают их работу, однообразную, серую. Нет, труд писателя ни с чем сравнить нельзя. Он труден, но он свободен, разнообразен, красив. Учти это. Жду от тебя, Ларисонька, писем без которых мне так трудно. Желаю тебе ясного света на душу, удачи в делах твоих. <...>

Преданный тебе, И. К. Г.
[1966—1967 г.]

Здравствуй, славная Ларисонька!

Письмо твоё я давно получил, а отвечаю только что. Почему? Сильно простудился и слёг. Температура держалась несколько дней под 40. Потом началось медленное снижение. Это был не грипп, нет. У меня тут сосед, современный помещик, стал строить ванную. Целый день грохот. В ясные дни я принялся бродить по улицам, без всякой цели и пользы, просто убивая время. Вот и доходился. Ну ничего, всё кажется прошло. Погода стоит ясная, но тает плохо. В этом году, на мой взгляд, весна затянется. Очень плохо приходится птицам — есть нечего. Я кормлю сотню воробьёв не меньше. Придерживаюсь старой мудрой пословицы: «Что раздашь — твоё». Стану выходить, постараюсь увидеться с твоей мамой. От дома отказываться вам нельзя, даже принципиально. Почему его надо подарить мелкому бизнесмену нашего времени, да ещё проходимцу (ты извини меня, но это так).

Студентки 2 курса библиотечного отделения Ленинградского института культуры (слева направо): Светлана Плаксина, Лариса Петелева (Штавдакер), Людмила Кравченко, Нина Стремякова (Андреева), Оксана Ересько в «Пенах». Репино, 1967 г. Фото из личного архива Л. А. Штавдакер

С тоски перечитал почти всего Лескова. Если вы его не проходили — преступление. Это талантливый, самобытный, русский писатель. Его надо знать на зубок.

Пишу пока что только мелочь, которая тот час же печатается. Но всё это не то. Самое важное в этом году то, что у меня наступает старость. Мне исполнится 66 лет!!!

Правда, меня утешают тем, что это для мужского пола — ерунда. Может быть. Вот у меня соседи: одному 83 года — бегаёт ещё, другому 92 — не прочь жениться. Значит и в такие годы жить можно. Раскрываю свежий номер «Литературной России». Там портрет К. Федина. У него 75-летний юбилей. Пишут — писатель в расцвете сил!!! Да, а всё-таки старость есть старость. Этого я раньше не ощущал.

Страшно гнетёт моральное одиночество. Как бы хотелось пожить, хотя бы два месяца так, чтобы отогреться за всю жизнь. Да нет, теперь это невозможно...

Цветов пока что нет. Как появится что — пришлю. Вот травку зелёную нашёл на каменной

стене — посылаю. Этой травкой поздравляю тебя с Днём 8 марта!

Желаю здоровья, стойкости, мужества. Мне очень хочется, чтобы ты была счастлива в жизни, ты, Лариса! Посылаю тебе открыточку ещё. Будь здорова и радостна.

С почтением, И. К. Г. [конец февраля — начало марта 1967 г.]

Здравствуй, светлейшая Ларисонька!

Большое спасибо за поздравление. Открытка очень милая. Но ты не пишешь, получила ли моё письмо. Я написал тебе ещё в феврале и зелёную травку приложил, и открыткой поздравил с 8 марта. Очень беспокоюсь за это. Напиши подробнее. Мне-то будет радость. Сообщаю тебе, что весна пока что плохая. Туман, слякоть, ветры, холодно. Появились 1 марта скворцы, но какое их ожидало огорчение. С дальней дороги есть нечего. Сегодня я насыпал во дворе на стол крошек для воробьёв — гляжу, появился скворец. Пугливый такой, жалкий. Воробьи хватают еду, а он глядит на них! По моим прогнозам

весь март будет плохим и мне писать не о чем. Все меня спрашивают: «Бог погоды, когда тепло будет, когда весна будет?» Да, тут я и попал в неловкое положение. Вообще в марте я ещё не печатался, потому что здоровья нет. День рождения [27] отпраздновал один, сидя в кресле. С одной стороны хорошо, что ты прожил на свете 66 лет и видел всякое, а с другой грустно — молодость ушла безвозвратно. И молодость проходила в годы голодные, вшивые, грязные. Ты не имел возможности угостить девушку самой дешёвой конфеткой, потому что её не было!

Простудившись, болел дней десять с температурой в 40 градусов.

Кое-что новое, интересное, связанное с охраной природы, прочитал. Всё же есть люди, которые являются не просто мешками для кишок и не для строительства личных благ, а люди с большой буквы. М. Горький, когда проговорил эту фразу, не имел в виду человека-друга природы, а просто человеколюбца, работающего на себя и на подобных ему.

А за что любить такого человека? Евангелие, коммунисты призывают любить человека. А за что? Человек неустанно застраивает землю, загнивает канализацией, атомной энергией, низводит леса, фауну, флору. Как за мой только век обеднела земля, на которой я живу! Нет, не в этом красота ландшафта, что на месте вырубленной рощи будет выситься 50-этажный дом и вокруг него будут ходить так называемые люди с чёрными очками на носах, люди, которые объявили вредным солнце, которое даёт всему жизнь! Ну, чёрт с ними. Дело в другом. В природе всё застопорилось, приостановилось и у меня жизнь приостановилась: мне без событий в природе тоже дела нет, а это очень тоскливо. Единственно, что связывает меня с жизнью это связь с природой.

Хотел бы я тебе сказать многое другое о себе. Когда-то ты любила меня слушать, но времена эти прошли, да к тому же у тебя свои заботы, свои думы. Потом, когда-либо. Я думаю, что тебе очень трудно преодолевать учёбу, думаю, что тебя отягощает и другое, не нужное тебе. И поэтому я желаю тебе здоровья, железного здоровья. Желаю успехов, желаю мужества. Желаю выйти победителем из всего того, что обременяет тебя. Если бы я мог взять на себя хотя бы часть твоего бремени, я взял бы и нёс его, чтобы тебе было хорошо, но этого я сделать не могу. Одним словом, стремись к победе, к тому, что ты задумала. Надеюсь, что ты найдёшь две минуты, чтобы написать мне. Я буду только рад. Ведь ты всё та же солнечная Лариса, которая так ярко освещала мою жизнь.

С уважением к тебе,

И. К. Г.

P.S. Беспokoуюсь, получила ли ты от меня письмо с открыткой.

[март 1967 г.]

Здравствуй, дорогая, светлая
как весна Ларисонька!

Получил твоё письмецо, спасибо! Погода пока солнечная, но слегка ветреная, а на зорях прохладная очень. Весна явно поздняя. Ходил три раза по нашим лесам. Есть пролески и набирают бутоны примулы. Поют зяблики, крапивницы, щеглы, полевые жаворонки, насвистывают вьюрки. Скворцы живут уже парами. Сегодня как раз передавали мою большую корреспонденцию по радио о цветах и цветоводах. Никак не надоест мне природа и люди близкие к ней!

Здоровье всё то же и при тех же «интересах»: терзает отсутствие сна, именно терзает до страшной боли. Некоторое время я даже не писал, просто решил бездельничать. Получается ещё хуже, заедает какая-то тоска чёрная — едва останешься сам с собой, лезет в голову моя беспутная жизнь, которую я сам загубил...

Позавчера вышел вечером на бульвар, да как-то сам по себе зашёл в театр.

Нахлынули воспоминания как я там работал [28] и потянуло меня поглядеть на своё бывшее «гнездо». Давали как премьеру «Периколау», есть такая оперетта. Вот я и остался, послушал и поглядел. Вышел из театра, а перед пансионатом играет баян и танцуют пары. Я поглядел и подумал очень многое, грустное. Временами меня жжёт желание уехать куда-то, а куда? Стану думать и становлюсь в тупик. Если бы я был здоров, я уехал бы более охотно, а так думаю — где, кто меня ждёт? Кому я нужен? Только не думай обо мне плохо, как думает О. Р. [7].

Печалюсь за себя, но радуюсь за тебя. Молодец, работай, копайся. Пройдёт два года (это не век!) и ты очутишься на вольной дороге, собственно таковой в жизни нет, особенно для женщины. Это ты помни! Не вздумай связаться с кем бы то ни было до тех пор пока не получишь диплом и работу. Хомут на тебя всегда найдётся.

Сегодня я был в лесу, обошёл Машук. Появились фиалки, дикие гиацинты, кое-где примулы. Я сорвал несколько цветочков, но они по дороге сильно увяли и сохранился только один — фиалочка. Я приложил в письмо. Ещё не знаю, буду что писать или нет. Одним словом пока всё. Желаю тебе, Ларисонька, всего доброго и полной силы, чтобы успешно закончить учебный год.

Иван Константинович

12 апреля 67 г.

Ларисонька! В письме трудно сказать то, что нередко можно выразить тёплым, живым словом. Все говорят: поздравляю тебя или вас с Новым годом, при этом желают нового здоровья, нового счастья и всего такого в этом роде. Думаю, что 1 января всё бывает таким же, как и 31 декабря. Даже в декабре больше шансов на настоящий праздник. В декабре состоится день рождения солнца, а с этим светилом связана вся наша жизнь.

Мне хочется пожелать тебе поскорее разделаться с учебным заведением, которое лежит камнем преткновения на твоей дороге. Поскорее выйти на свою собственную дорогу, оглядеться и потом шагать по ней без усталости и жить без усталости, а в этом всё заключается смысл твоего существования, твоей деятельности на земле. Пусть Новый год приблизит тебя к осуществлению твоих стремлений, которые поистине прекрасны и светлы. Пусть в Новом году ты поймёшь больше себя, своё дарование и почувствуешь неодолимую тягу сделаться человеком с большой буквы. Пусть ты ярче полюбишь книги (не все, разумеется, а те, которые следует любить) и пусть они тебе ярче осветят твою жизненную дорогу. Пусть ты станешь не по летам мудрой в суждении, что такое жизнь, что такое та или другая эпоха, то или другое течение. А самое главное, пусть грядущий год тебе твёрдо скажет: иди в русскую литературу, будь её деятелем. Продолжай то, что творили лучшие наши писатели на великой земле Русской. Умей пройти всю жизнь так, чтобы ты, твоё платье осталось чистым навсегда, чтобы светильник твой горел всегда и ярко! И никто никогда не смог бы погасить его! А вся деятельность, горение ума твоего должна быть оправдана яркой любовью к Русской земле, к своему народу, к родной природе. Вне этого я не вижу смысла жизни и работы.

Будь здорова, энергична и нестигаема!
Уважающий тебя, Иван Константинович
Прилагаю открытку.
[конец декабря 1967 г. — ? январь 1968 г.]

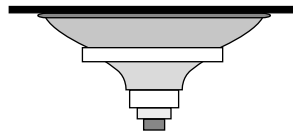
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прасковья Ивановна Козорезова — ростовская знакомая И. К. Гаустова.
2. Ростовская областная культурно-просветительная школа (ныне Ростовский колледж культуры), на заочном отделении которой Л. Петелева (Штавадакер) училась в 1963—1965 гг., находилась по адресу: ул. Мясникова, 12. Напротив неё в доме у Светловых, Александры Ивановны и Ивана Ивановича, она снимала угол в период вступительных экзаменов и сессий в 1963—1965 гг.
3. *Копейкина Н.* Интересно и поучительно // Ставрополье. 1963. № 2. С. 59—60.
4. *Гаустов И. К.* Шествие весны // Кавказская здравница. 1965. 6 марта. С. 4.
5. *Петелева Л.* Бескорыстие // Кавказская здравница. 1965. 6 марта. С. 4.
6. Лариса Прозорова — журналист, сотрудница газеты «Кавказская здравница».
7. Ольга Романовна Гаустова — жена И. К. Гаустова.
8. *Гаустов И. К.* Лесная сказка : рассказы натуралиста. Ставрополь : Кн. изд-во, 1973. С. 16—18.
9. *Его же.* Кумагорск // Ставрополье. 1965. № 1. С. 52—53.
10. *Его же.* И возраст им — века : [скалы в Бештаугорском лесу] // Молодой ленинец. 1965. 20 марта. С. 4. (Люби и знай свой край).
11. Марутова Татьяна Аркадьевна (1930—2014), директор Пятигорской городской центральной библиотеки имени М. Горького (1962—1986).
12. *Гаустов И. К.* Гора Бекет // Кавказская здравница. 1965. 7 авг. С. 4.
13. *Его же.* Гора Дубровка // Кавказская здравница. 1965. 31 июля. С. 4.
14. *Его же.* Лёшка // Кавказская здравница. 1965. 13 авг. С. 3. То же. // Лесная сказка. С. 69—73.
15. *Его же.* Жар-птица // Кавказская здравница. 1965. 7 сент. С. 4; То же. // Лесная сказка. С. 40—44.
16. Речь о дочери И. К. Гаустова Лидии, проживающей с семьёй в Ленинграде.
17. Из письма 24 сентября [1965 г.]: «Я написал отличную зарисовку "Сентябрь дохнул осенним хладом". Дата публикации не установлена. (См.: *Гаустов И. К.* Дохнул осенний хлад // Кавказская здравница. 1976. 9 окт. С. 3; *Его же.* Дохнув

- осенним хладом... // Кавказская здравница. 1980. 1 нояб. С. 4).
18. Гаустов И. К. Сенгилеевское озеро // Кавказская здравница. 1965. 1 окт. С. 4.
 19. Аксаков С. Т. Семейная хроника. — Детские годы Багрова-внука. М. : Правда, 1987. С. 231—532.
 20. Гаустов И. К. Новая жизнь озера : [Баталпашинского] // Кавказская здравница. 1965. 31 окт. С. 4.
 21. Его же. На Бештау \ \ Кавказская здравница. 1967. 25 июля. С. 4.
 22. Баталин Фёдор Александрович (1823—1895) — автор труда «Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды» в двух томах с приложением альбома планов и видов. За заслуги как учёного-исследователя в честь Баталина назван открытый им в 1856 г. источник (недалеко от Железноводска). Воду из этого источника стали называть баталинской. В честь Баталина названа и улица в г. Ессентуки. (Об известной династии Баталиных // Мосальская газета. 2022. 5 дек. URL: http://mosalsk-gazeta.ru/news/nasha_territoriya/ob_izvestnoy_dinastii_batalinyh (дата обращения: 10.02.2024).
 23. Из письма [ноябрь ? 1965 г.]: «В "Кавказской здравнице" напечатали "На пороге зимы"». Дата публикации не установлена. (См.: Гаустов И. К. Зимние картинки // Кавказская здравница. 1965. 23 янв. С. 4).
 24. Гаустов И. К. Машук. Жемчужины родного Ставрополя // Ставропольская правда. 1965. 12 нояб. С. 4. (См. также: Его же. Машук // Кавказская здравница. 1963. 17 марта. С. 4; Его же. Машук взывает о помощи // Ставропольская правда. 1976. 7 июля. С. 4. Его же. Машук, горянка и другие // Кавказская здравница. 1979. 4 дек. С. 4. Его же. Тайна старого Машука // Лесная сказка... С. 63—65).
 25. Из письма [14 января 1966—1967 г.]: «В январе я умудрился написать хорошенькую вещицу — "Утро года"». Источник публикации не установлен.
 26. Из письма [1966—1967г.]: «"Ставропольская правда" напечатала мой очерк о Теберде». (См.: Гаустов И. К. Поговорим о Тебердинском заповеднике // Кавказская здравница. 1967. 12 дек. С. 2).
 27. И. К. Гаустов родился 10 марта 1901 г.
 28. И. К. Гаустов закончил электротехникум, работал осветителем в Театре музыкальной комедии в Пятигорске (ныне Ставропольский государственный театр оперетты). Участник Великой Отечественной войны.

Публикация Л. А. Штавакер

МИР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Л. Ф. ВОЛОШИНОВА

ЗАБЫТЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОСТОВА

В январе 1914 года, когда в Ростове отмечали 25-летие сценической деятельности Г. Ф. Демюра журналист «Приазовского края» писал об актёре:

«Этот человек умирал 530 раз, и все-таки он жив! Этот удивительный человек женился 650 раз, и всё-таки он женат на одной! Этот странный человек проехал более 120 тысяч вёрст, но никто не назовет его бродягой...». Он принадлежит к старому актёрскому типу, который любит театр больше, чем рассуждения о нём.» [1].

Возможно, именно это через полтора года определило главное событие его жизни — он возглавил местный отдел Императорского Русского театрального общества (ИРТО).

Спустя 100-лет Ростовское региональное отделение Союза театральных деятелей России (СТД), продолжившее деятельность ИРТО, отмечало свой юбилей. На странице юбилейного буклета несколько строк было посвящено Григорию Францевичу Демюру. Мне довелось работать в библиотеке СТД с рукописью ростовского театроведа Бориса Анненского «Летопись ростовских театров» [2]. В ней на странице с краткими сведениями о Г. Ф. Демюре была помещена маленькая любительская фотография памятника на его могиле на Братском кладбище.

«Сохранился ли памятник?»: поинтересовалась я у заведующей библиотеки.

«Мы давно не были на его могиле, — последовал ответ, — Это недалеко от церкви. Если пойдёте там, сообщите нам».

Я оказалась на Братском кладбище в феврале, когда памятники были хорошо видны с аллеи, ограничивающей квартал рядом с храмом. Ступенчатый постамент памятника, завершённый вертикальным блоком скруглённым вверху, я узнала сразу. Ограда вокруг могилы не сохранилась. На грани постамента в верхней части было начертано: «Демюр Григорий Францевич. Артист. Род. 1867 г. — сконч. 1939 г.», на нижней части: «Жена. Загорская Вера Александровна. Артистка. Род. 1895 — сконч. 1945 г.» Краткость сведений о жизни и творчестве этого

Г. Ф. Демюр. 1900-е гг.
(Собольщиков-Самарин Н. И. Записки.
Изд. 2-е, гоп. Горький, 1960)

замечательного актёра, режиссёра, педагога и театрального деятеля заставляет привести те немногие сведения, которые сообщают нам ростовские газеты первой половины XX века (скупые воспоминания театральных деятелей, цитаты из его статей). Но даже эта информация говорит о масштабе его личности, её значении в театральной жизни Ростова дореволюционного и первых десятилетий советского времени.

Григорий Францевич Демюр принадлежал к тому поколению молодёжи конца XIX века, представители которого, будучи из обеспеченных семей, выбирали путь служения просвещению и искусству. О начале его творческого пути Борис Анненский (псевдоним — Б. Перлин) сообщает: «Отец Демюра — француз, известный ботаник. По окончании реального училища Фидлера в Москве (где Демюр родился) он поступил в 1885 году в театральную школу Филармонического общества, в класс О. А. Правдина. Началась актёрская служба Демюра в антрепризе М. В. Лентовского, а первый зимний сезон он служил в Казани на ролях первых простак. «За годы своей работы в театрах Москвы,

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону

Петербурга, Харькова, Саратова, Нижнего Новгорода, Варшавы и многих других городов Демюр переиграл роли всех амплуа, значительно расширив свой репертуар от Глумова ("На всякого мудреца — довольно простоты") до Тартюфа и от Жоржа Дорси ("Гувернёр") до "Короля Лира". Свыше 40 лет своей жизни и сценической работы Демюр отдал Ростову, за исключением двух лет, когда он работал в Вятке...» [2, с. 325—326].

Антрепренёр Н. Н. Соболецкиков-Самарин, вспоминая о Г. Ф. Демюре, писал: «Начав с ролей простаков и фатов, вскоре же расширил своё амплуа и с успехом исполнял также и характерно-драматические роли. Театральная общественность гор. Вятки в 1927 году с большой теплотой отметила 40-летний юбилей талантливого артиста, выступившего в заглавной роли трагедии Шекспира "Король Лир"» [3, с. 257—258].

Отметил режиссёр и творческие возможности актёра: «Молодой Демюр легко и весело играл комедийные роли и воевали с пенем. В случае надобности он с успехом переключался и на другие амплуа. В один из своих бенефисов он играл Франца Моора в "Разбойниках" и Пьера Куку в воевиле-оперетте "Женское любопытство"» [3, с. 101].

8 ноября 1916 года на сцене Ростовского театра (бывшего Асмоловского) состоялся бенефис Г. Ф. Демюра в драме «Парижские нищие». За несколько дней до события, беседуя с сотрудником газеты «Приазовский край», актёр пояснил выбор именно этой пьесы: «Так как в этом сезоне мало хороших пьес я решил возобновить милую, добрую мелодраму. Ставлю я её так, как она шла 30 лет тому назад, так как я сам застал её на сцене в исполнении лучших артистов доброго времени. Очень ложное мнение, что в то время артисты завывали, говорили с пафосом. Ничего подобного. Царил простой естественный тон, но бодрый: не было современных полутонов и шептаний, которых половина театра не слышит. Правда, были некоторые дефекты в постановке, которые убивают, затушёвывают игру актёра. Первое место, как оно и быть должно, отведено было актёру. Не было недомолвок, намёков — всё было ярко, театрально. Да иначе и быть не может: театр должен быть театрален. Зато сколько было здорового смеха, сколько тёплых слёз проливалось зрителями и какими бодрыми, удовлетворёнными уходили они из театра. Все эти соображения навели меня на мысль поставить мелодраму. "Парижские нищие" считаются классическим образцом мелодрам. При

постановке сохранены музыка и оркестровые антракты. Даже афиша списана с подлинника 70-х годов» [4].

В том же году Григорий Францевич пробует себя как режиссёр в артистическом кружке гимназии Н. П. Степанова в постановке комедии «Княгиня Капучидзе» и ведущего кабаре, организованного гимназистами, среди которых был его сын [5]. Одновременно Демюр выступает как режиссёр на сцене Ростовского театра (бывшего Асмоловского) во время дирекции там О. П. Зарайской и А. И. Гришина [6].

Но рядовая постановочная деятельность не удовлетворяет Г. Ф. Демюра. Осенью того же года он осуществляет постановку первого в Ростове детского спектакля «Багдадские пирожники». Вот как доброжелательно отзывалась на эту постановку газета «Приазовский край» в рубрике «Театр и музыка»: «Первый в сезоне детский спектакль привлёк в театр не только детвору, но и много учащейся молодёжи. Зрительный зал был переполнен, и в нём царил такое оживление и лихорадочное ожидание, какого ещё не было ни на одной ростовской "премьеры". Юная аудитория с захватывающим интересом следила за всем происходящим на сцене, за многочисленными сценическими эффектами, за всеми трюками режиссёра, которому было наг чем поработать в "Багдадских пирожниках". И приятно было смотреть, с какой непосредственностью воспринимала детвора незатейливую сказку, как весело смеялась при неудачах героев, радовалась их успехам. Разыграна сказка была гружно и с достаточным оживлением г-жой Евелиновой, гг. Изольдовым, Демюром-младшим, Юровским и др.» [7].

В том же предреволюционном году начинающий режиссёр и опытный актёр включается в общественную деятельность.

Об этом 16 октября 1916 года газета «Приазовский край» сообщала: «На днях в Ростовском театре открыт местный отдел ИРТО. Председателем избран Г. Ф. Демюр, товарищем председателя К. К. Гусачёв и секретарём В. М. Шумский» [8].

В те же дни на специальном заседании были обозначены вопросы, которыми предстояло заниматься ростовскому отделению Императорского Русского театрального общества. Среди них были названы:

«1. Вопрос об установлении определённых общих правил для театральных предпринимателей (антрепренеров, товариществ).

2. Вопрос об установлении определённых общих правил во взаимных отношениях между сценическими деятелями и антрепризой или товариществом.

3. *Вопрос об общедоступности театров.*

4. *Вопрос о серьёзном репертуаре, о воспитательных и художественных задачах театра, о необходимости исключения из понятия о театре всех учреждений, служащих не художественным целям, и об изыскании средств для развития и поддержки художественного театра.*

5. *Вопрос о норме вознаграждения сценических деятелей»* [9, с. 4].

Свою деятельность местное отделение ИРТО начало с проведения благотворительных вечеров. О первом, проходившем 24 ноября, ростовцы читали на странице «Приазовского края»:

«Вечер в пользу Императорского русского театрального общества прошёл в ростовском театре и дал блестящие материальные результаты <...>. Сбор вечера ещё не сведён окончательно в известность, но как полагают устроители, в пользу театрального общества отчислится около 4000 руб.» [10].

Сам же Григорий Фрацевич в эти переломные годы в журнале «Сцена и экран» выступал с небольшими статьями, посвящёнными проблемам современного театра.

В декабрьском номере журнала в 1917 году в разделе «Обозрение театров» Г. Ф. Демюр писал: *«В былое время зрительный зал жил единой жизнью со сценой <...>. Прежде зритель волновался и спорил о достоинствах пьесы, разбирался в игре артистов, а теперь об этом говорит мимоходом, не до искусства; впрочем, когда пушки грохочут — искусство молчит. Теперь публика пришла новая мятущаяся, не знающая куда ей направиться — и величайшая задача театра направить, развить её вкус, облагородить. Горе тому театру, который потакает вкусам толпы. Пусть театр и жрицы искусства помнят, какую великую роль они должны играть, и какую великую пользу должны приносить бедному измученному народу»* [Цит по: 9, с. 5].

В это тревожное время после окончания зимнего сезона 1917/1918 года артисты труппы О. П. Зарайской и А. И. Гришина создали драматический театр «кооператива сценических деятелей», который стал первым коллективным хозяином Ростовского театра. В состав его правления вошли гг. Стефанов, Васильев, Демюр, Изольдов и Захаров. В художественно-репертуарную комиссию гг. Вересанов, Демюр, Изольдов [11]. В таком кооперативном ведении театр работал до установления советской власти.

А местное отделение ИРТО в Ростове в 1919 году ненадолго сменяет Ростово-Нахичеванский союз сценических деятелей [12]. В начале 1920-х вновь действует местное отделение

Русского театрального общества, которое в 1932 году переименовывается во Всероссийское театральное общество (ВТО). В этих театральных сообществах неперенным членом и руководителем остаётся Г. Ф. Демюр.

17 марта 1920 года вышло постановление о национализации Ростовского театра. Театру присвоили имя народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, а для управления им создали коллегию-директорию, которая возглавлялась председателем теосекции Нарпросвета (позже — подотдела искусств Донского отдела народного образования, ДОНО), остальные два члена директории избирались творческим составом и служащими театра.

Труппа первого ростовского советского государственного театра имени Луначарского была скомплектована в основном из актёров, служащих у Зарайской, а затем работавших в «кооперативном товариществе», среди которых был Г. Ф. Демюр [13, с. 82—83].

В эти переломные годы в жизни страны Григорий Францевич, не покидая актёрского поприща, остаётся верным традициям классического театра. В ноябре 1919-го он исполняет главную роль в «Смерти Иоанна Грозного» Толстого [14], в июле 1921-го — в трагедии Мережковского «Пётр и Алексей» играет Петра I [15], в августе 1921-го — Тартюфа в одноимённой пьесе Мольера [16].

Начиная с зимнего сезона 1924/25 года, театр имени Луначарского вновь переходит в ведение кооперативного коллектива под художественным руководством Н. Н. Синельникова [13, с. 84]. Такая ситуация сохраняется до конца НЭПа, когда театр окончательно становится государственным.

В 1920-е годы по свидетельству Б. Анненского Демюр «преподавал сценическое искусство во многих рабочих клубах и красноармейских частях, в которых неоднократно ставил спектакли. Близкое участие ... принимал и в профессиональных сценических объединениях» [2, с. 327]. А началась его педагогическая деятельность ещё в сентябре 1919-го, тогда на сцене Ростовского театра действовали «Курсы драмы Г. Ф. Демюра» [17]. С конца 1920-х он преподавал драматическое искусство сначала в музыкальном техникуме, продолжил в 1930-е — в музыкальном училище.

На должности председателя местного отделения ВТО Демюра сменил в 1936 году А. М. Максимов, ведущий актер театра имени М. Горького.

В последние годы жизни Григорий Францевич, несмотря на подступившие болезни,

Памятник Г. Ф. Демюру на Братском кладбище.
Ростов-на-Дону. Фото автора 2021 г.

увлекался живописью, помогал Б. Анненскому в собирании сведений для составления истории ростовских дореволюционных театров [2, с. 327].

О кончине актёра 3 апреля 1939 года сообщила газета «Молот»:

«Областной комитет союза работников искусств и Областное управление по делам искусств с глубоким прискорбием извещает о смерти старейшего актёра и педагога Демюра Григория Францевича, последовавшей 1 апреля после продолжительной болезни, и выражает глубокое соболезнование семье покойного.

Вынос тела 3 апреля в 3 час. дня из квартиры: пр. Ворошиловский, 83» [18].

В 2026 году в Ростове будут отмечать 110-летие основания местного отделения театрального общества. Хочется надеяться, что, юбилейная

дата станет поводом вспомнить забытого театрального деятеля Ростова Григория Францевича Демюра и рассказать о его творчестве молодым служителям Талии и Мельпомены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пессимист. Листочки* : Г. Ф. Демюр // Приазовский край. 1914. 23 янв. (№ 21). С. 2.
2. *Анненский Бор. Летопись ростовских театров* : Материалы для истории рост. театров : [рукоп.] // Библиотека Рост. отделения Союза театр. деятелей.
3. *Собольщиков-Самарин Н. И. Записки*. Изд. 2-е, доп. Горький : Кн. изд-во. 1960.
4. К предстоящему бенефису Г. Ф. Демюра // Приазовский край. 1916. 6 нояб. (№ 293). С. 4.
5. Приазовский край. 1916. 14 апр. (№ 97). С. 1.
6. Ростовский театр // Приазовский край. 1916. 14 авг. (№ 214). С. 5.
7. Детский спектакль // Приазовский край. 1916. 24 окт. (№ 280). С. 3.
8. Ростовский театр // Приазовский край. 1916. 16 окт. (№ 273). С. 4.
9. 90 лет СТА. Ростовское отделение : [буклет] / Авт. текста: В. Борзенко, М. Бушнов. Ростов н/Д., 2006.
10. Вечер ИРТО // Приазовский край. 1916. 24 нояб. (№ 310). С. 4.
11. Хроника // Сцена и экран. (Ростов-на-Дону). 1918. № 6—7 (15—28 апр.). С. 2.
12. Союз сценических деятелей // Вечернее время. 1919. 13 сент. (№ 362). С. 4.
13. *Перлин Б. Далёкое — близкое (Хроника театральной жизни)* // Век театральной культуры. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1963. С. 49—126.
14. *Михайлов А. Ростовский городской театр «Смерть Иоанна Грозного»* // Парус. 1919. 5 (18) нояб. (№ 10). С. 2.
15. *Борисоглебский Н. Трагедия Мережковского* // Советский юг. 1921. 2 июля. С. 2.
16. Извещения. Театральные // Советский юг. 1921. 2 авг. С. 2.
17. Курсы драмы Г. Ф. Демюр // Вечернее время. 1919. 13 сент. (№ 362). С. 4.
18. Молот. 1939. 3 апр. С. 4.

О. В. ВАЛУЙСКОВА

«ПАХНУТ ПОРОХОМ ЖИЗНИ СТРАНИЦЫ...»

Памяти А. Г. Гончарова

Во время подготовки к изданию сборника документов «Летопись Победы и хроника чувств. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны» к 80-летию освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков сотрудникам Центра документации новейшей истории Ростовской области посчастливилось встретиться с дочерью и внучкой нашего земляка, военного корреспондента, журналиста, писателя Александра Георгиевича Гончарова. Фрагменты его переписки с семьей и коллегами вошли в упомянутый сборник как бесценные свидетельства огненных военных лет [1].

В год 115-летия со дня рождения А. Г. Гончарова с помощью архивных документов, личных дневниковых записок, воспоминаний родственников мы попробовали воссоздать страницы его безвременно оборвавшейся жизни и творческой судьбы.

Александр Георгиевич Гончаров родился 28 сентября 1910 года в городе Ейске в семье рабочих — революционеров-подпольщиков. Внучка Александра Георгиевича Лада Владимировна Шевченко рассказывала, что родителей своих Саша Гончаров не помнил, оставшись сиротой в пятилетнем возрасте. Воспитывали мальчика родственники со стороны матери, жившие в Ростове-на-Дону.

Трудовая деятельность будущего писателя началась с пятнадцати лет в качестве подручного слесаря на электростанции. В 1928 году молодой рабочий вступил в ряды ВЛКСМ. Александру Гончарову поручают работу с пионерами в Северо-Кавказском Доме коммунистического движения.

В конце 1920-х годов юнкорскому движению придавалось особое значение в условиях строительства молодого советского государства. Атмосфера времени отражена в архивных документах. Так, в докладной записке отдела печати Северо-Кавказского крайкома ВЛКСМ от 14 января 1928 года указывалось: «Комсомол должен взять решительный курс на развитие сети юнкорских кружков и стенгазет молодежи, в первую очередь, организуя их на предприятиях» [2].

А. Г. Гончаров. 1930-е гг.

Из беседы с Л. В. Шевченко:

«Одна из первых книг А. Г. Гончарова "Ровесники Октября" о пионерском движении на Дону вышла в 1932 году в соавторстве с В. Баскаковым, дружба с которым сохранилась на всю жизнь».

В 1932 году склонность к литературному творчеству привела Александра Гончарова в редакцию газеты «Рабочий Ростов», а затем в газету «Ударник». В 1933 году горком ВЛКСМ направил активного комсомольца и способного журналиста в Управление Северо-Кавказской железной дороги для организации новой газеты «Звезда».

В довоенное время в Ростиздате вышли книги Гончарова «Белое золото» [3] и «Долг» [4].

Ольга Владимировна Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области. Сообщение на XI Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) к 115-летию со дня рождения А. Г. Гончарова

Страницы из газеты «За нашу Родину». (5 апр. 1942 г. № 164; 12 апр. 1942 г. № 171; 27 апр. 1942 г. № 186. ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 63)

Информация об этих изданиях отражена в документах ЦДНИРО [5]. Тогда же Александр Георгиевич подружился с Виталием Закруткиным, с которым позже прошёл трудными военными дорогами.

В сентябре 1941 года парторганизация Управления Северо-Кавказской железной дороги принимает Гончарова кандидатом в члены партии. В марте 1942-го, несмотря на полагающуюся бронь по состоянию здоровья (А. Г. Гончаров был болен туберкулёзом), он добровольно уходит на фронт и становится военным корреспондентом ежедневной газеты «За нашу Родину». Среди фронтовых материалов Александра Георгиевича, бережно хранящихся в семейном архиве, есть «Творческий отчёт литературного работника редакции армейской газеты "За нашу Родину" капитана А. Гончарова». Начинается он так: «Наряду с выполнением обязанностей инструктора отдела армейской жизни — организацией военкоровского материала (статей, тематических полос, информации, обработки писем военкоров и т. п.) я систематически веду в газете литературную работу. Эту работу можно разложить на три раздела: сатира и юмор, очерки и литературные записки, стихи и стихотворные лозунги».

Гончаров организует в газете рубрику «Беглым огнём», средствами сатиры и юмора раскрывает «бандитское аморальное нутро гитлеровцев, обречённость гитлеровской клики, неизбежность её поражения». В то же время показывает боевую хватку, смекалку и умение побеждать в бою советского солдата, о чём свидетельствуют меткие заголовки публикаций: «Стёпа Донской в бою», «Гостеприимство по-кавказски», «Бей врага в любую пору, летом крепче, чем зимой!» и другие.

Сам он в кратком отчёте поясняет: «Для отдела "Беглым огнём" я стремился как можно шире использовать местный материал: показания пленных, взятых на участке нашей армии, рассказы бойцов и офицеров о поведении противника, которые я слышал, находясь в частях и т. п. На конкретном местном материале были написаны фельетоны "Подходящая поза", "Шабаш на Лысой горе", "Румынский солдаты", "Вредный климат", "Рогатое счастье" и другие».

В Центре документации новейшей истории Ростовской области хранится подшивка номеров газеты «За нашу Родину» с сатирическими текстами Гончарова для рубрики «Фронт смеётся»: «Весенние моды», «Календарь охотника»,

А. Г. и Л. Ф. Гончаровы с В. А. Закруткиным. 1948 г.

«Приключения Ганса Швабера», «Балаган четырёх "Г"» [6].

На местах боёв рождались стихи военкора об отличившихся воинах. Так, стихотворение Гончарова «За Отчизну», посвящённое Иосифу Лаару, закрывшему собой амбразуру вражеского дзота, многие бойцы гвардейской дивизии вырезали из газеты и хранили, как память о товарище (Из заметок А. Г. Гончарова, хранящихся в семейном архиве).

Александр Георгиевич стал участником битвы за Кавказ и обороны Крыма. Часто бывал на передовой, беседовал с бойцами в землянках, стараясь понять и запомнить их душевное состояние, записать подробности фронтовых будней. Виталий Закруткин вспоминал: *«Полюбили его сразу. Он никогда не терял самообладания, был отважен, исполнитель, умел, как никто, подбодрить товарищей незлобивой, остроумной шуткой, песней под гитару, с которой он не расставался <...>. К своей работе фронтового корреспондента он относился горячо и самозабвенно. В сбитой набок пилотке, в запylённой гимнастёрке с растёгнутым воротом, Саша Гончаров шагал*

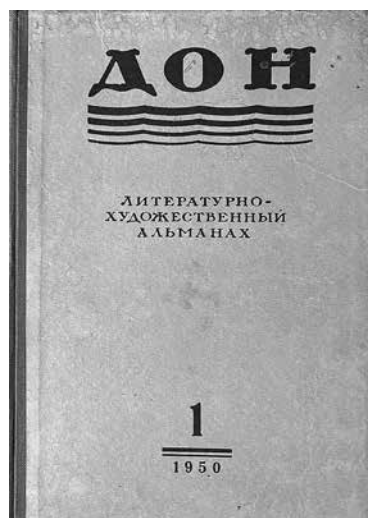
из роты в роту, носился на подножках грузовых машин, пробирался в затерянные в лесах блиндажи, доставляя в редакцию свежую информацию о последних боях, о новых героях. Отмеченные неподдельным юмором фельетоны Гончарова, его очерки и корреспонденции знали во всех полках нашей действующей армии» [7].

В октябре 1942 года А. Г. Гончаров был принят в ряды ВКП(б). А через год за неутомимую корреспондентскую деятельность в армейской газете командование наградило его медалью «За боевые заслуги», позднее — медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Несмотря на слабое здоровье, Александр Георгиевич мужественно переносил тяготы фронтовой жизни. Незаменимой поддержкой для него всегда оставалась связь с любимой семьёй — женой Лидией Фёдоровной и дочуркой Таней.

В одном из писем от 17 августа 1943 года он посвящает жене строки *«собственноручного изготовления»*:

Над фронтом пала ночь. Под боком
 Лежит солдатская шинель.
 А мысли перед сном далёко,
 В тылу, за тридевять земель.
 Всё вспомнишь, что далёким стало,
 Что так бесценно для тебя,
 И женщину с лицом усталым,
 Что ждёт, надеясь и любя.
 Стремясь к тебе, моя родная,
 Наутро вновь пойду я в бой,
 Ведь самый близкий путь я знаю,
 Чтоб снова быть вдвоём с тобой.
 Путь этот сквозь огонь проведен
 В жестокой, яростной борьбе,
 Что шаг вперёд — то шаг к победе,
 А значит, к счастью и к тебе.

Обложка альманаха «Дон». 1950 г.

Туберкулёз лёгких, который во время войны капитан Гончаров долго скрывал, принудил его оставить службу в рядах Красной армии. В декабре 1943 года он вернулся в редакцию газеты «Звезда» на должность заместителя ответственного редактора. За два года литературной деятельности Александр Георгиевич написал новые рассказы, которые впоследствии были изданы отдельной книгой «Перед праздником» [8].

13 августа 1945 года бюро Ростовского обкома ВКП(б) утвердило А. Г. Гончарова инструктором отдела пропаганды и агитации обкома партии [9], а 17 октября 1946 года — заведующим сектором печати того же отдела [10, л. 18]. Одновременно он был назначен ответственным редактором литературно-художественного альманаха «Дон» [10, л. 8 об.]. Наряду с А. Г. Гончаровым в обновленный состав редколлегии альманаха вошли его собратья по перу: В. А. Закруткин, Л. Г. Самарцев, И. Н. Стальский, Г. Ф. Шолохов-Синявский.

В послевоенные годы руководство области считало одной из главных задач в деятельности правления Ростовского отделения Союза советских писателей и редколлегии альманаха «Дон» отображение в произведениях на высоком идейном и художественном уровне героических дел трудящихся советского Дона в дни Великой Отечественной войны и в борьбе за хозяйственное и культурное возрождение Ростовской области.

В архивных документах отдела пропаганды и агитации Ростовского обкома ВКП(б) отложились отчётные материалы, составленные А. Г. Гончаровым: «Докладная записка о результатах обследования Ростиздата» 1945 года [11, л. 7—11], «Справка о выполнении постановления бюро обкома ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению областного книгоиздательства «Ростиздат» от 13 июня 1946 года [11,

л. 34—36], «Докладная записка об ошибках, допущенных Ростиздатом» от 7 декабря 1946 года [11, л. 37—41].

С 1947 года неизлечимая болезнь приковала Александра Гончарова к постели. 1 августа 1947 года бюро Ростовского обкома ВКП(б) постановило: «В связи с тяжёлым состоянием здоровья т. Гончарова А. Г. удовлетворить его просьбу об освобождении от должности зав. сектором печати отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б), оставив в должности ответ. редактора альманаха «Дон»» [12].

Заседания послевоенной редакции альманаха «Дон», ответственным редактором которого до последнего дня жизни был А. Гончаров, зачастую проходили в его доме, у его постели. Жена Лидия рассказывала дочке Тане, что в их доме никогда не чувствовалось отчаяния. Напротив, хозяин всегда был приветлив, много шутил, и только близкие догадывались, как ему было тяжело.

В архивном фонде первичной партийной организации Ростовского отделения Союза писателей СССР сохранилось выступление Александра Георгиевича на открытом партсобрании, проходившем с 9 по 11 марта 1949 года под председательством В. Д. Фоменко. Ответственный редактор альманаха «Дон» утверждал: «Вскрывая и критикуя ошибки, допущенные альманахом, было бы неправильно замалчивать то хорошее, что в нём есть. Ибо альманах — это кровное дело писательской организации и только злопыхательствующие люди могут начисто отрицать рост и движение вперёд нашей ростовской литературы. В альманахе растут молодые силы. Радостно, например, что в результате большой работы с каменским автором

Обложки разных изданий повести А. Гончарова «Наш корреспондент»

Галицким, который печатался в альманахе, создана большая производственная повесть на очень актуальную тему, повесть, которая принята редколлегией и будет печататься в следующем номере. Нельзя не занести в актив альманаха его любовное отношение к грамматургии. Достаточно сказать, что альманах, выходящий четыре раза в год, напечатал за два года четыре пьесы, чем не могут похвастаться и московские ежемесячники. Но это не проходит без борьбы, без противодействия...» [13].

В последние годы жизни, преодолевая тяжкий недуг, Гончаров создаёт своё лучшее произведение — повесть «Наш корреспондент». Книга написана на живом материале, собранном автором в дни войны. А. Г. Гончаров без прикрас рассказывает о работе редакции армейской газеты на Южном фронте и нелёгком труде военкоров: «Корреспонденту приходится общаться с великим множеством людей. Вся его жизнь — это непрерывная цепь поездок, разговоров, быстрая смена впечатлений, неустанные поиски новых тем, фактов, героев. Сегодня он пишет о работе разведчиков, завтра изучает организацию артиллерийского огня передовой батареи, послезавтра освещает опыт лучшего снайпера. И всё это, если, конечно, он настоящий журналист,

а не равнодушный регистратор, его кровно волнует, всем этим он живёт, каждый раз с новой силой загораясь интересами и делами встреченных им людей [14, с. 84].

В центре повести — образ начинающего военного корреспондента Михаила Серёгина, добровольцем ушедшего в действующую армию. «Суровая будничная обстановка фронта постепенно отрезвила Серёгина, вытравив в нём мечту о личной славе, но закалила готовность вместе со всем народом беззаветно служить Отчизне», — так охарактеризовал становление главного героя книги «Наш корреспондент» В. А. Закруткин [15].

Первая часть повести была опубликована в 1951 году в 1-м и 2-м номерах альманаха «Дон», вторая часть — в 4-м номере «Дона» за 1952 год.

Александр Георгиевич Гончаров умер в Крыму, находясь в санатории, 4 ноября 1952 года. В день похорон писателя на Братском кладбище в Ростове-на-Дону в киосках появился свежий номер журнала «Октябрь» с первой частью повести «Наш корреспондент». Она вызвала массу отзывов в различных газетах и журналах от Советской Литвы до Дальнего Востока. «Наш корреспондент» выдержал пять изданий на родине [16], был переведён и издан в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Китае.

Самой высшей наградой для настоящего журналиста, по словам А. Г. Гончарова, является похвала читателя: *«Читатель — это судья строгий, беспристрастный, безжалостный и внимательный. Ему неизвестны никакие побочные мотивы, и поэтому в суждениях о газетных материалах он всегда правдив и прямолинеен. Знать, что твоя статья или очерк понравились читателю, что их с увлечением прочитали бойцы или офицеры, что эта статья помогла им, ради этого стоит потрудиться, ползая по горам до ломоты в суставах, побывать под обстрелом, терзаться муками творчества»* [14, с. 17].

«Человек жив, пока его помнят», — так говорят в народе. Память об Александре Гончарове трепетно сохраняется его дочерью, внучкой и правнуком. Ниже публикуем четыре письма Александра Георгиевича жене Лидии Фёдоровне и дочери Тане (1943 г.) и часть военного дневника писателя, ярко отразившего тяжелейший период отступления из Ростова наших войск в 1942 году.

Благодарю Ладугу Владимировну Шевченко за эти бесценные материалы и фотографии из семейного архива Гончаровых — Шевченко.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Летопись Победы и хроника чувств : Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны : сб. док., посвящённый 80-летию полного освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков.* Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2023. С. 95, 96,

105, 106, 111, 114, 120, 122, 123, 128, 130, 131.

2. ЦДНИРО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 167. Л. 41.
3. *Гончаров А. Г., Баскаков В.* Белое золото : [Пионеры в борьбе за хлопок]. Ростов н/Д. : Сев. Кавказ, 1931 [на обл.: 1932] (гостип. им. Коминтерна). 48 с. : ил.
4. *Гончаров А. Г.* Долг : [рассказ]. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1941. 29, [3] с.
5. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 5. Д. 279. Л. 155.
6. Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 63. Л. 62 об., 76 об., 92 об., 94 об.
7. *Закруткин В. А.* Александр Гончаров // *Гончаров А. Г.* Наш корреспондент: повесть. М. : Советский писатель, 1953. С. 1.
8. *Гончаров А. Г.* Перед праздником : рассказы. Ростов н/Д. : Рост. обл. кн. изд-во (Ростиздат), 1946. 72 с. ; ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 5. Д. 228. Л. 29.
9. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 617. Л. 22 об.
10. Там же. Д. 716.
11. Там же. Оп. 5. Д. 277.
12. Там же. Оп. 1. Д. 773. Л. 34.
13. Там же. Ф. Р-1225. Оп. 1. Д. 4. Л. 92—93.
14. *Гончаров А. Г.* Наш корреспондент: повесть. М. : Главлитиздат, 1953.
15. *Закруткин В. А.* Александр Гончаров и его книга // *Правда.* 1953. 16 февр. С. 2.
16. *Гончаров А. Г.* Наш корреспондент : повесть. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1951. 140 с., [1] л. ил. ; То же. — М. : Гослитиздат, 1953. 96 с. (Роман-газета ; 5 (89)). То же. — М. : Сов. писатель, 1953. 304 с., 2 л. ил.; То же. — М. : Воениздат, 1953. 271 с., 1 л. ил.; То же. — М. : Советский писатель, 1960. 294 с.

А. Г. ГОНЧАРОВ

ОТ РОСТОВА ДО ШАПШУГСКОЙ

*Из военного дневника
Июль — сентябрь 1942 год*

16/7. Пошли купаться, попали под бомбёжку. Лежали в 100 метрах от места падения бомбы. Неприятное ощущение, когда она свистит. Укрылись в доте. Сорвавшаяся упряжка.

17/7. С утра до вечера непрерывные тревоги. Кидает, сука. Пожар академички.

18/7. Бомба в 1000 кг угодила в гост[иницу] «Интернациональная», т. е. напротив нас. В 7 утра, когда после тревоги спустились в подвал и там спали, погас свет, раздался оглушительный лопающийся звук, наш подвал наполнился

пылью и дымом. Долго не выходили. Потом осмотрели. 4-этажное здание развалено пополам. Капитальные стены рассыпались, как детские кубики. Уцелевшая сетка лифта, надпись «Парикмахерская». Поглядев на это, мы призадумались. Стало быть, подвал мало спасает. Решили перебазироваться. Пока что сидим, трудимся и с тревогой ждём: не бросит ли ещё такую пилюлю в наш дом.

19/7. Ночью перебрались в здание школы. Одноэтажный дом без подвала. Ночь прошла

спокойно. Утром с 6-ти до 9-ти слышали, как ожесточённо бомбили центр города. Днём бомбили в нашем районе. Непрерывная тревога, воздушные бои. Под вечер мы были свидетелями воздушного боя, в котором было сбито два самолёта. Один из них запылал, как факел. Пламя полотнищем расстелилось по синему небу. Лётчик выпрыгнул с парашютом. Вечером над городом стояло багровое зарево. Немцы решили стереть город с лица земли. С убийственной педантичностью они бомбят центральные улицы: ул. Энгельса, Будён[новский] проспект превращены в груды развалин и горы пепла. Сгорели академическая библиотека, физмат. Центр города мёртв. На улицах, усеянных осколками, битым стеклом, кирпичами, кусками жести, ни души. Все либо [нрзб.], либо прячутся в убежищах. Тревога уже не объявляется, ибо с утра до глубокой ночи палят зенитки, гудят вражеские самолёты и наши истребители, слышатся раскаты взрывов. Чтобы терроризировать население, немец избрал такую тактику: два-три раза в день он делает массированные налёты (10—15 самолётов), а в промежутках летают одиночки и звенья по 3 «хенкеля». Бомбят мосты, переправы, большие здания. Горе немецким лётчикам, они будут истреблены до последнего человека. Слишком много слёз пролилось из-за них, слишком много крови. Народ переживает трагические испытания. Жаль Ростов. Это был очень хороший город.

20/7 Утром разбудили выстрелы. Снова бомбят центр и переправу. Над нашим районом пока только пролетают. Очень плохо, что нет ни щелей, ни надёжного бомбоубежища. Подвал по соседству годен только для хранения картошки. Надо переезжать. Но что-то медлят. А если переезд оттягивать, то надо заботиться об укрытии, иначе армия в один прекрасный день может оказаться без газеты и без редакции. Лотерея! Днём получили приказ перебазироваваться в Н. Б.¹ Решили машины с вещами отправить вечером, поскольку на переправе очередь, а самим идти пешком часов в 12 ночи. С таким расчётом, чтобы к утру миновать Батайск. День прошёл в сборах. Выпотрошили матрасы, привели вещи в соответствие, несколько раз за день были налёты. Наша халупа дрожит и колебается. Сегодня я переживаю всё это с отменным спокойствием, а вчера были даже небольшие сердечные приступы. В конце концов, если бомба попадёт прямо в дом, то всё будет кончено в несколько секунд, так что тревожиться нечего. Если же упадёт рядом, то 90 шансов,

А. Г. Гончаров. 1943 г.

что мы останемся живы. Одним словом, опять же лотерея. Элементарные правила требуют укрываться, но поскольку те, коим ведать надлежит, не тревожатся, то и чёрт с ним, будем играть в лотерею. Ведут себя во время налёта люди разно. Если рассматривать по восходящей, получается больше всех боится Рина Зелёная, во время одной сильной бомбёжки она присела у стенки, накрылась пальто. Когда всё кончилось, и пальто было снято, мы увидели совершенно круглые глаза на бледном, как бумага, лице. Она смотрела на всех невидящим взглядом и перебирала пальцами подкладку пальто. Совершенно бессмысленный жест. Следующий Фатиев. Его во время налётов бьёт крупной дрожью, а унылые глаза становятся ещё грустней. Дитя природы тоже дуже нервничает. Спокойно держат себя Валя Старицын, Кононенко, который любит находиться на свежем воздухе и наблюдать, куда летят самолёты и бомбы. Наиболее спокойны М. и Бэби. М. подчёркнуто спокоен.

Вечером погрузили машины и отправили. День был сравнительно спокоен. Но вот, когда стемнело, фриц снова начал летать. Мы были

¹ Н. Б. — авторское сокращение села Новобатайск.

в чудесном садике, где имелась хорошая щель. В небе висела молодая луна, похожая на большую осветительную ракету. Послышалось гуденье самолёта, а вскоре и недалёкие разрывы бомб. Самолёт ушёл, потом снова вернулся. На этот раз его поймали прожекторы. Фриц увидел, что ему от них не скрыться, и сбросил весь бомбовый запас. Прожекторы ещё дважды ловили самолёты врага, но зенитчики почему-то этим не пользовались.

Мы тронулись в 00.30 через В. м.¹ Опять над головами загудел фриц. Один раз разрыв хлестнул совсем неподалёку. Укрылись в доте и убежище. Вышли на полотно ж. д. и увидели, что Ростов горит. Мы насчитали 7 очагов пожаров. Как потом выяснилось, горели дома на Энгельса, в районе гостиницы, в районе обкома, особенно сильно горел не то хлебозавод, не то мельница Гурвича. Через переправу перешли быстро. Потом стали гадать: идти ли прямо, по какой-то неизвестной дороге или известным шляхом на БТК.² Сторонники прямого пути — Закруткин, Донченко — видимо, боялись идти через дамбу. Если бы последовали их совету, то утопали где-нибудь бы в болоте между Ростовом и Батайском. Дважды мы возвращались. Было много споров и очень мало порядка. Командовать поручили Коп., но он не умеет командовать. Наконец, решили идти по дамбе. В песчаном, вязком грунте тяжело ворочаются гружёные машины. Восток уже сереет. Над городом кровавое зарево и столбы дыма, отражающиеся в тихой глади Дона.

Мы идём, тяжело дыша и спотыкаясь. На мне полевая сумка, в которой четыре плотных блока и 70 патронов, противогаз, наган, планшет. Ремни режут плечи. Без остановки идём по шоссе. Уже светло. Машины идут редко. Мы с тревогой поглядываем на небо, но на наше счастье фриц ещё спит. На полпути нас подбирает машина, едем до БТК. Всюду воронки от бомб, провода спутаны. Саманные хаты превращены в груды развалин. Я заметил одну хату, у которой взрывной волной сорвало целиком одну стену. Видна внутренность дома, люди копошатся у стола.

Доехали до лесопитомника, а затем пошли с километр пешком. Устроили в кустах привал. Стали палить зенитки и над БТК появились «хенкели». Сбросили бомбы. Немного отдохнув, пошли дальше. Снова привал. На этот раз длительный. Опять самолёты. Солнце поднялось.

21/7 Мы идём по раскалённой пыльной дороге. Изредка встречаются беженцы. Одна

женщина особенно врезалась мне в память. Босиком, в синем пальто с меховым воротником. Лицо измученное, но упрямое. На руках девочка лет пяти. Девочка, видимо, очень устала и хочет спать, головка её безвольно падает на плечо матери. Женщина идёт по дороге, а за её спиной видны столбы дыма над горящим Ростовом. Вот картина для художника. Притомившись от жары и долгого пути, прилегли отдохнуть под кусты. Высокий кустарник и деревья окаймляют дорогу метров на 400. Возле кустов и в них замаскированы самолёты. Лежим. Вдруг подъезжает машина. Валя Старицын отчаянно машет руками, мы спешим. Дрожащими от волнения губами он говорит:

— Вы с ума сошли, здесь отдыхать! Фрицы бомбят этот аэродром по шесть раз на день. И вылетает по 20 самолётов!

Приехали в Н.Б. На самом краю села, на отшибе несколько домиков. Ни одного деревца. Вблизи речка Кагальник. Благостная тишина. Широкие поля, огороды. Самое село утопает в зелени. Речка течёт в оправе высоких густых камышей. Купались в речке, отдыхали. Устраивали машины. Мы — возле огромных огородов, очень культурно возделанных. Зреет исключительно богатый урожай, но колхоз лишён возможности этот урожай реализовать. Остаток дня и вечер прошли тихо, по крайней мере, у нас. Бомбили БТК.

22/7. Ездил на аэродром. Неудачно. Ст[арые] уже перебазировались, а новые истр[ебители] ещё не прибыли.

23/7. Сегодня густо пошли отходящие одиночки. Один мл[адший] лейт[енант] без личного оружия, без знаков различия рассказывал невероятные вещи, будто немцы прошли три линии обороны, которые ростовчане сооружали в течение многих месяцев, почти без боёв. Не были взорваны даже перемычки противотанковых рвов.

Подшли три танка. Танкисты рассказали, что нем[ецкие] машины в количестве 42-х прорвались к Каменке. На Каменке был небольшой бой. Что же будет с нашей армией? Окружение? Вечером беседовал с танкистами из 14-го корпуса. Корпус нанёс очень большие потери немцам, но и сам потерял много. Рассказали о боях под Новочеркасском. Ростов они прошли сходу. Судя по данным, которые сообщил М., наши части заняли круговую оборону вокруг Ростова.

24/7. Страшное пробуждение. Над Новобатайском в 5 ч. утра появились бомбардировщики.

¹ В. м. — Ворошиловский мост, авторское сокращение.

² БТК — авторское сокращение г. Батайска.

Без пяти шесть засвистели бомбы. Я спал под скирдой. Пока натягивал штаны, прошло два эшелона. Они шли один за другим, в воздухе непрерывный свист, земля содрогается. Фриц взялся за Н. Батайск¹. Срочно погрузились. Машины отправили, а сами весь день сидели под кустами. Бомбили всё вокруг. Несколько раз мессеры обстреливали дорогу. Убили четырёх командиров около мельницы. Нас бесит отсутствие в воздухе наших истребителей. «Юнкеры» летают, как хозяева. К вечеру переехали в Цукорову балку. Остановились в райском саду. Машина стала, и я, не сходя с неё, сорвал вкусное яблоко. Но этот дивный сад сегодня уже бомбили и обстреливали. Но это ерунда. Здесь мне сказали, что Ростов уже занят немцами, что две бригады нашей армии в окружении, а две дивизии с боями отходили по Пушкинской в сторону Аксяя. Командующего нет. Начпоарма тоже. Командование принял генерал Баранов.

Все остались на том берегу. Это — катастрофа.

25/7. Положение несколько выправилось. Все части армии перешли Дон и заняли оборону. Части в потрёпанном состоянии, но всё же части. Сегодня в 00.30 мы переехали в Екатериновскую, потому что с нашей базой невозможно переезжать каждый день. Надо устраиваться более или менее основательно. Екатериновская в 140 км от Батайска, но сегодня над ней пролетали фрицы. Видимо, шли на Краснодар или Кавказ. Как там Светик, радость моя, счастье моё? Лучше бы они были в Нальчике. Она, бедняжка, волнуется и за меня, и за дочку, и за себя. С её сердцем жить в глубоком тылу.

Всё, что мы знаем о положении на фронте, можно изложить в короткой фразе: «Никто толком ничего не знает». Военный совет перебрался за Дон. Рассказывают так: немец Ростов занял опять со стороны вокзала, потом группы автоматчиков шли по берегу и заняли переправу. Бойцы и командиры переправлялись вплавь. Группы красноармейцев ещё дрались в городе, но с расчётом додержаться до ночи, чтобы переправится через Дон. Авиация врага свирепствует. Непрерывные бомбёжки. Штурмовики обрабатывают пойму между Доном и Батайском. Мосты, говорят, взорваны.

26/7. Сегодня воскресенье. За прошедшую неделю я сильно отощал и сегодня решил отъедаться. Начал лёгким завтраком. Сыр, мёд и белый хлеб. Потом пошли купаться. Речка, камыши, маленький залив, на берегу лодка-душгубка. Подошёл синеглазый светловолосый мальчик лет шести. В короткой рубашонке.

Звать его Толя. Какие у нас чудесные дети! Ради их счастья надо истреблять немцев, всех, до единого, под корень. Чтобы от этой проклятой нации не осталось и следа. Впрочем, можно оставить девушек и выдать их замуж за евреев, как остроумно предложил крестьянский писатель.

Вернулся с купанья. Перед обедом я ещё покушал сыру и мёду. Потом наши привезли трёх баранов, картошки, пшеницы, капусты. Здесь богатейшие колхозы. К ним рвётся отощавшее фашистское воинство.

Обед был очень обильный. Приехали Никитин и Коган. Вылили на нас ушат холодной воды. Рассказали, что немцы на лодках переправили два батальона и заняли Койсуг. 30-я дивизия, которая дралась за Ростов героически, организовала оборону и контрудар. Мало боеприпасов. Дивизия ведёт наступление, а приказ — стрелять только в случае необходимости. В остальных частях — пожар во время наводнения. Связи нет, управления нет. Кто где стоит — толком неизвестно. На этом берегу должно находиться 6 армий: наша, 18, 24, 27 и др., а фактически везде прорехи. Никитин рассказал любопытный факт. Мальченко наводил порядок на переправе. Какой-то тип дважды ударил его дышлом, намереваясь столкнуть в воду. Мальченко дважды пытался выстрелить в него из маузера, но дважды осечка. Потом вложил маузер в колодку: сердце остыло.

А те, кто был рядом с Мальченко, стояли, значит, как свидетели?!

Рассказывают, что авиация немцев парализует всякое движение на дорогах. Где же наши лётчики? Где воздушная армия? Голова идёт кругом.

Сегодня после обеда выехали с Неверовым на фронт. Мы сменим Липшица, который ждёт нас в Цукоровой балке, и, пользуясь газиком, объездим части.

Ночью плутали по просёлкам. Приехали в Балку в третьем часу.

27/7. Липшица нет — уехал вчера вечером. Газика нет. Сведений, где какие части стоят, тоже нет. Говорят, что в 9 утра должен приехать Мануков, но его тоже нет. Теряем день в ожидании. Сеня подложил нам свинью.

Зенин сказал, что есть какие-то указания для редакции. Вечером приехали Мануков и Кривицкий. Пошли в политотдел, где уже грузились для перебазирования. Зенин рассказал о положении на фронте. Решено, что мы поедем на КП. Завтра за нами заедет Мануков. Наша армия расформируется. Остаётся одна

¹ Н. Батайск — авторское сокращение с. Новобатайск.

дивизия и две бригады, причём в половинном состоянии.

28/7. Спали в хате. Рано утром прибежала хозяйка: «Вставайте, все уехали, и самолёты летят».

Надел сапоги, вышел. Самолёты, действительно, летели, но не бомбили. Пришла новая часть. 17 кав. корпус, который должен занять оборону в Новобатайске. Ждём Манукова. В 2 часа нет, в 3 тоже. 4, 5, 6, 7... Сидеть нечего. Вышли. Встретили раненых. Наши батареи (полковые) стоят в 3—5 км. Встретили сержанта из 30-й. Едет на пролётке вкуче с бойцами. Пошли пешком. Через пару км нагоняет обоз. Оказывается, 16-й бригады первого батальона, где Десов и Кришталюк. О Десове ничего неизвестно. Кришталюк, говорят, жив. Дошли пешком до Водяной Балки. Там покормили коней и поскакали на Кущёвку. В обозе встретил Жорку Берсенева, гниловчанина. Он был связным. Приехали в Кущёвку в 3 часа ночи. Станица производит впечатление вымершей. Всюду воронки от бомб, развалины.

Неверов отстал где-то в Подкущёвке. Ума не приложу, куда он мог деться. Шинель его здесь. Обоз долго плутал по Кущёвке, заехал куда-то на край и остановился на ночлег. Мне оставаться нет смысла, надо спешить в редакцию. Решаю идти пешком. Надеваю скатку. Шинель Неверова, свою плащ-палатку. На мне почти полная сумка. Выхожу на просёлок. В степи — ни души. Я иду один.

В 5.30 два взрыва. Я вижу уходящий на восток немецкий бомбардировщик. За ним в метрах 500 наш ЛАГ.

29/7. Иду степью мимо тучных полей. Зреет тучный урожай, но не видно, чтобы его убирали. Колхозы эвакуируются. Как дорого обходится отступление! Не доходя Кисляковки, встретил две пролётки. Подсел. Начполит МТС и его заместитель. Нач. меня знает. Работал на ж/д. В Кисляковке ничего не мог выяснить. На окраине остановился. Помыл голову, попил молока.

Зной невыносимый. Скатки оттянули мне плечо, в сапогах полно пыли, подмётки прохудились. По лицу течет солёный пот. Минутами кажется, что дальше идти не хватит сил. Зашёл в один двор попить. Девочка лет 12-ти купается в корыте у колодца. Мать её что-то буркнула и ушла в огород. Прошу у девочки ведро, достать воды. Она протягивает мне посудину сомнительной чистоты.

— Оно же грязное.

Тогда девочка полоскает ведро в том же корыте, где купалась. Плюнул и пошёл дальше. Машины не останавливаются. Две-три я всё же

остановил, но шофёры сказали, что едут недалеко. Врут.

Завернул к одной хате напиться. Три женщины, эвакуированные из Крыловской. Попил воды, присел отдохнуть. Подошли ещё женщины.

— Что же нам делать, если придут немцы?»

Вскоре собралось человек десять. На меня смотрят с состраданием. Я им кажусь юным лейтенантом, а у них сыновья лейтенанты. Подошли четыре раненых из 30-й СД. Рассказывают о боях. Одна женщина, типа шолоховской Аксиньи, очень красивая, кареглазая, румяная, с чёрными, как уголь, волосами, гладко зачёсанными под белоснежной косынкой, подпёрла кулаками щеку и с тоской спрашивает: «Так вас и на подводы не берут?»

— Не берут, — отвечают раненые.

— «Значит, вы нужны, пока здоровы», — и залилась слезами молча, без всхлипываний.

А хозяйка принесла ещё хлеба, малосольных огурцов. И пока мы ели, женщины, пригорюнившись, смотрели на нас. Сколько горя принесла нашим женщинам война! У каждой или муж, или брат на фронте, каждая думает о его судьбе. Глядя на хозяев, я подумал о Светике. Бедная моя! Она сейчас волнуется и за меня, и за тётю Аню, и за нашу крошечку. Сколько слёз пролила моя маленькая ласточка! А я здесь не имею возможности известить её, что у нас всё в порядке. Я покрываюсь холодным потом, когда подумаю, что фрицы могут бомбить Армавир. Неужели Светик ещё не переменила квартиру?

Часов в 5 добрался до Екатериновской. Вид у меня был настолько страшный, что лоснящийся Коган, попавшийся мне навстречу, меня не узнал. Лицо чёрное с бороздами от пота. Манукова нет. Вечером прошёл грозовой дождь, но мы уезжаем. Ехали всю ночь, а проехали мало. Подолгу останавливались. Ночью ещё была гроза. Намок.

30/7. Остановились в Н. Павловке. На окраине, в саду. Сделали номер, который до читателей не дошёл, поскольку неизвестно ни их нахождение, ни нахождение ППС.¹ Вечером мы — Закруткин, я, Неверов, Кононенко, Донченко — попали на чай. Вернее, днём мы напросились, а вечером пошли. Был поставлен никелированный самовар, мёд и пышки. Спели наши любимые песни: «Землянку», «Ростов-город».

31/7. Утром едем дальше. Говорят, что армия собирается в Курганной, другие называют Белореченскую. На ночь сделали остановку в Гулькевичи. Спали в саду.

¹ ППС — патрульно-постовая служба.

1/8. Затемно двинулись в дальнейший путь. Я еду в газике с Липщицем и Старицыным. За рулём Костя Климин — здоровенный рыжий оптимист в тапочках, шведке и командирском поясе с портупейей.

Примчались в Курганную. Побывали в райисполкоме, военкомате. Никто не знает, где штаб армии. Без четверти 7 мы проходили мимо собора. Я услышал знакомый гул и только хотел сказать: «Летят фрицы», — как послышался характерный вой падающей бомбы, а затем и взрыв. Мы бросились в садик. Бомбы рвались минут 5 одна за другой. Высоко в небе (километра два) я увидел самолёт с жёлтыми крыльями. Он был не одинок. В налёте участвовали 7 самолётов. Бомбили станцию Курганная. Часа два ещё были слышны разрывы. Мерзавцы угодили в состав с боеприпасами. Вагоны горели, над станцией клубился дым. Затем раздался оглушительный взрыв, и небо выбросило чёрный гриб дыма. Взорвалась цистерна.

Выехали в Михайловскую и видели воронки и пожар на станции. В Михайловской остановились позавтракать у одного старика-колхозника. Он встретил нас, держа на руках годовалого внука, толстенького и ужасно серьёзного. Маленький дворик. На столе застывает абрикосовое повидло. За низеньким плетнём, под вишней, густо усыпанной плодами, 6 ульев. Мирно жужжат пчёлы. Ещё дальше — огород. Высятся длиннейшие, как бамбук, стебли кукурузы. Подсолнухи растут развесисто: на одном стебле 5—6 шляпок. Какая силища у кубанской плодородной земли! Гонит она из себя могучую зелень, питает её обильными соками. Здесь всегда урожай. Нас угощали огурцами размером с небольшую дыню! Нам нажарили молодой картошки на сале, поставили тарелку с мёдом в сотах. Позавтракав, я угостил старика табачком, и он начал рассказывать о войне. Старик воевал 7 лет — с 14-го по 21-й год. Был в Турции, в горах, где не видно солнца. Старик болен, занимается пчёлами.

— Нам-то всё равно, а молодых жалко. Я как подумаю, аж заплачу. Слабый я. И кто эту технику выдумал? Лучше всего врукопашную.

Днём нашли своих. Пред. РК сказал нам, что есть приказ Сталина о том, что отступать дальше нельзя, что дезертиров надо расстреливать на месте. При этом он так смотрел на нас, что было ясно: человек подозревает нас в дезертирстве. Посмеялись горьким смехом. Очень больно и очень тяжело отступать.

2/8. Мы едем дальше. Маршрут уже известен. Нам нужно в Майкоп. О городе этом я храню хорошие воспоминания. Я помню его как зелёный, чистый городок, в котором после дождя приятно

алеют тротуары, вымощенные кирпичом. Помню густой парк, обрыв, бурную речку Белую.

Доехали до Родниковской. Машина дальше не может идти: всё время кипит вода в радиаторе, и может лопнуть мотор. Машину оставляют в МТС, чтобы чистить радиатор, и я остаюсь с ней. Не пойму только, оказывают мне этим большое доверие, или никто больше не хочет оставаться. Старшим на машине ехал Кононенко. Пока чистили радиатор, прошёл квартал, увидел в окне миловидную женщину, спросил, есть ли вода, напиток. В доме живут две семьи командиров из Ленинграда. Вывезены отсюда 4 месяца назад. Накормили меня завтраком и дали яблок. Рассказывают, что часть населения настроена враждебно по отношению к армии. С военных берут на рынке больше. Они-де, много зарабатывают. Есть такие, что ждут немцев. Кулацкие недобитки и переселенцы. Есть ещё на нашей земле немало сволочей.

Тронулись в путь ровно в 12. Машина идёт отлично. Я в кабине. Проехали мост через Кубань. Дальше дорога идёт в горы. В станице Ярославской остановились у колодца. Две женщины набирали воду. Черкесов спросил у них, как заправиться, выразительно похлопал себя по животу. Женщины пригласили к себе. Поставили на стол огурчики, помидорчики, яблоки, сливы и пол-литра, а мы горячего не пили очень давно. У Нины муж в Красной Армии. Вторая учительница. Муж глухой.

Прибыли в Майкоп в 18.00. Остановились в школе. Вечером дал телеграмму Светику. Как подумаю о ней, становится жутко. Надо бы им переехать куда-нибудь подальше. Готов себя избить, что вывез их из Нальчика — там сейчас тишина и спокойствие, а Армавир, говорят, бомбят чуть ли не каждый день.

3/8. Манукова до сих пор нет. Исполняю обязанности секретаря. В городе побывать не удалось. Здесь пока тихо.

4/8. Ещё в Майкопе. Ходил на речку, постирался. Сегодня выезжаем в Имеретинскую. Дивная лесная дорога, к сожалению, усталая толстым слоем пыли. Едем на газике. В Гурьинской я взялся организовать питание. Есть огурцы, помидоры, мёд, Немного молока. Одна беда — нет хлеба. Кухарка из дет. ясель стряпает нам лепёшки из просяной муки. Все едят и плюются. Лепёшки, действительно, гнусные. Ночью выехали дальше. Бродили по Имеретинской в поисках пристанища. Нашли искомый дом, совершенно свободную комнату. Принесли в неё душистого сена и со вкусом поспали.

5/8. Утром увидели Манукова и Сашу Кривицкого. Они, разыскивая нас, пережили

тысячу приключений. Мы едем в Саратовскую. Это в километрах 50 от Краснодара. Там — второй эшелон. КП — в Краснодаре. В середине дня уже были на месте. Остановились в чудесном маленьком садике. Наши машины стали под раскидистыми густыми грушами. Не надо и маскировать. Спим здесь же, под деревьями. Купались в речке Псекупс. Мелкая и тихая.

Население в станице хреновое. Сплошь евангелисты. Молока и то трудно достать. Ждут немцев с тупой покорностью. Уверены, что немец станицы и вообще мирных жителей не бомбит. Положение на фронте такое, что части нашей армии заняли оборону перед Краснодаром. В соприкосновение с противником не входили. Впереди нас никаких войск нет. Стало быть, армия будет ждать, пока немцы приблизятся. Бригадный сказал Манукову, что мы должны здесь умереть, но не отойти. Это, конечно, правильно, но у немца свой расчёт. Говорят, что крупные силы немцев окружили 2 авг[уста] Армавир. Вот вопрос, который не давал мне покоя. И так, немцы рвутся по магистрали. 18-я, 24-я, 37-я, 12-я и другие армии Северо-Кавказского фронта всё время отходят. Зачем немцу лезть в горы, оттягивать силы на фланг, когда у него прямая гладкая дорога до самого Грозного? Мне кажется, что наша армия очутится снова в таком же положении, как и во время боёв в Ростове. Её обойдут с фланга, и придётся снова отходить. А куда отходить? Сзади нас горы без шоссе дорог, а за горами море. Если придётся, будем бросать технику и партизанить. Иного выхода нет.

7/8. В 12 часов выехали в Краснодар: я, Горбань, Закруткин и Донченко. Может, удастся узнать что-нибудь о судьбе дорогих мне людей? Дорога на Краснодар хороша. Всё время навстречу нам движется эвакуант. Очень много юношей и пожилых мужчин, идущих без вещей. Очевидно, мобилизованные. Народ валит по шоссе довольно беспечно. Видимо, их ещё жареный кочет в зад не клевал. Въехали в Краснодар и сразу отправились на нефтебазу. Симпатичное местечко. Справа нефтебазы с огромными баками. Слева, за железной дорогой, налив, тоже с огромными баками.

Вдруг завывали гудки. Оказывается, отбой. Мы въехали в город по тревоге. Всё-таки я не знал Краснодара. Какой это зелёный уютный город! Мы проехали его вдоль и поперёк. Потом въехали в рощу на КП. Роща — мачтовое леса, прохладная.

Обстановка такая. Немец занял Армавир и идёт к Невинномысску. Сегодня разведка 30-й СД вошла в соприкосновение с разведкой противника. Немцы идут мелкими группами, очень

осторожно и трусливо. Быстрое продвижение вперёд вселяет в них панику. Они боятся ловушки. Увы!

Вечером мы выехали в 30-ю СД. Там как раз был генерал-майор Рыжов, костистый мужчина с массивным подбородком, седовласый, в очках с бесцветной целлулоидной оправой. При нас командир дивизии доложил ему обстановку. Немцы заняли Динскую, приближаются к Новотиторовской. Командующий предложил потревожить немцев, напасть на них ночью. Комдив отказался. Для такой операции у него нет людей. Дивизия боится отрываться от оборонительного рубежа. На просьбу комдива, чтобы командующий приказал отделу боепитания дать миномётов, командующий добродушно ответил: «А что он их ... вы, что ли?».

После этих понятных всем нам разговоров, они склонились над камерой (так пишется во всех романах) и погрузились в стратегически-тактические дебри. В хате было очень жарко. С нас градом лил пот. Мы вышли. Поехали в КП 71-го полка. Ехали в темноте. Дорогу показывал политрук. КП расположился в винограднике. Политрук стал будить мл. политрука Мизина: «Приехали товарищи из редакции. — Вставай, расскажи им».

Он, между прочим, рассказал о героической смерти майора Плюто. Майор оказался бесстрашным воином. Мизин рассказывал о нём с неподдельным восхищением: «Вот это был командир!»

Ночью вернулись в Краснодар. Сазонов сказал мне, что Управление дороги эвакуировано в Минводы или Орджоникидзе. Как гора с плеч свалилась!

8/8. После бессонной ночи я пошёл на речку с Закруткиным. Он умылся и уснул под кустом. Пришли Бэби и Шура с неизменной спутницей Марьей Васильевной, которая неотступно тащится за ними всюду. Девушки купались. А я грел на солнышке благоприобретённый фурнкул, вскочивший два дня назад на правом колене. Совершенно неожиданно загудели немецкие самолёты. Я поднял голову и увидел три юнкерса. Они шли уже над станцией. Шура и М. В. драпанули в кусты. Бэби причёсывалась, а я продолжал наблюдать. Самолёты уже были почти над нашими головами, когда я увидел, что передний клюнул носом вниз и стал пикировать, а левый ведомый спикировал влево. Мы тоже бросились в кусты. Опять мы услышали знакомый вой бомб. Где-то неподалёку слышались взрывы, и кусты, в которых мы прятались, рвануло взрывной волной. Когда самолёты скрылись, мы вышли и увидели столбы пыли

над станцией и по соседству с нашей квартирой. Пришёл домой и увидел наш газик, у которого в корпусе, как раз против шофёра, круглая пробоина. Заднее стекло совсем выбило, в тенте рваные пробоины. Фрицы бросили бомбы на дорогу и мосты. Много жертв. Опять над нами, как кошмар, висит вражеская авиация. «Юнкерсы» летают совершенно нахально и безнаказанно. Я удивляюсь, почему они не снижаются до 150 метров. Ведь их никто не тревожит. Сегодня Саратовскую бомбили ещё дважды. За всё время, что мы здесь, я видел только наших «кукурузников» и никаких других самолётов. Где же наша авиация? Допустим, что мы на второстепенном участке, но ведь в Новобатайске мы были на основном, не говоря уже о Ростове. И тоже видели слишком мало наших самолётов. Столько лет у нас шумели об авиации, да разве только об авиации! Считалось, что у нас больше всех самолётов, больше, чем у всех, танков, а фактически все удары принимает на себя многострадальная «царица полей» — пехота. Не лучше ли было бы нам иметь поменьше ансамблей, лауреатов, выставок и прочих эффектных вещей, а побольше самолётов и танков? Или мы не учитывали сил возможного противника? Ведь после финской кампании прошло много времени. При нашей централизованной системе управления можно было всё повернуть на военный лад и вооружить армию до зубов.

Вечером мне стало очень плохо. Высокая температура. Простудился я ещё до отъезда в Краснодар, поспав под шинелью и простыв. Выпил два глотка вина и заснул. Проснулся часов в 11. Температура упала. Мы меняем квартиру. Ночью переехали.

9/8. Новая квартира очень уютна. Балочка у Псекупса, вся в кустах. Машины хорошо замаскировали. Народ расселился под кустиками, так что трудно и найти нас. Прекрасное место для купания. Глубоко. Весь день я лежал, сняв штаны, и сушил свой фурункул. Вечером Сеня сообщил новость: бои в Майкопе.

10, 11 и 12/8. Живём пока тихо и мирно. События развиваются с кинематографической быстротой. Занят Краснодар, Майкоп, Черкесск. Немецкая армия движется семимильными шагами. Представляю, какой вой сейчас подняла гитлеровская пресса! Теперь ясно, что несмотря ни на какие договоры Англия остаётся верной своей неизменной традиционной политике: воевать чужими солдатами. И если она собрала сейчас четырёхмиллионную армию, то только для того, чтобы в подходящий момент, когда и мы, и Германия будем достаточно ослаблены, использовать её для захвата жирных кусков.

9-го был занят Пятигорск. Ночью на 11-е я дежурил по лагерю. Клейман рассказывал мне, как он служил в румынской армии. Сравнивая состояние дисциплины у нас с дисциплиной в румынской армии, Клейман удивляется, почему наши командиры и бойцы не приветствуют старших. Капитан в румынской армии — это огромная величина, а полковник — бог.

13/8. После длительного (сравнительно) пребывания на одном месте сегодня снова движемся в путь. Едем в Шапсугское. Это по дороге на Джубгу. Говорили о поездке в Туапсе, но потом стало известно, что в нём десант, и дорога закрыта. Немец берёт нас в кольцо. Рассказывают подробности сдачи Краснодара. Там были упорные, тяжёлые бои. Часть 30 СД оставалась в городе и после того, как он был сдан. Наши бойцы кололи штыками надвигавшихся немцев. Все предприятия были перед отходом взорваны.

Вечером мы прибыли в Горячий Ключ и сходу тронулись дальше.

14/8. Преодолевали хребтовый перевал. Толкали машины. Горные дороги созданы не для ЗИЛов, на которых смонтирована типография. В Шапсугской (или Молдаванской) всюду фруктовые деревья. Наши ребята набрасываются на них, как саранча. Едим молодые орехи, вяжущие нёбо груши, кислые яблоки. С питанием дела обстоят так себе. Фрицы, может, кормятся куда лучше. Мы прошли от Ростова до этой самой Шапсугской, видели десятки тысяч гусей, кур, уток, но не съели ни одной птицы. А сколько их осталось немцам? В этом отношении мы соблюдаем совершенно ненужный и вредный гуманизм, а наши АХО и Военторг — безрукость.

Ночуем в саду. Но это не тот сад, что в Цукоровой балке, но всё же фруктовый сад. Я взял охапку сена и устроил себе ложе под грушей. Спал хорошо. Не знаю, чем это объяснить, но здесь ночи теплей, чем в Саратовской.

15/8. Вокруг нас горы, поросшие густыми лесами. Издавна любимая мною природа. Куда не кинешь взгляд, всюду зелень. Дубы, орех, груши, яблони, граб, клён, бук. Богатейшие листовые леса. Долго ли мы здесь проживём? Вероятно, долго, потому что драпать отсюда можно, но только на Туапсе, а в Туапсе, говорят, немцы.

16/8. Немцев в Туапсе нет. Туда была сброшена небольшая диверсионная группа, которую уничтожили. Климат в нашей квартире весьма неважен. Весь день стоит удушливая липкая жара. У всех разбитое, апатичное состояние. Целый день лопаем вяжущие, терпкие груши. С питанием неважно. Мало хлеба. Не ужинаем.

17/8. В лагере эпидемия москитки. Заболели Шульженко, Васильев, Жмайлов. Высокая температура. Слабость.

18/8. Сегодня День авиации. Когда-то это был радостный праздник. Сейчас мы с тревогой поглядываем на небо. Фрицы летают редко и очень высоко. Отрадное явление — в воздухе наши самолёты. Прошли 9 штурмовиков, потом двумя эшелонами 18 бомбардировщиков. Такая комбинация повторялась несколько раз за день. Шапсутскую пока фриц не трогает.

20/8. После завтрака мы выехали на новую квартиру поближе к побережью. Дорогою восхищались, как дети, великолепными горными пейзажами. Просёлок всё время вьётся по долине реки Шапсухо. В одном месте мы, спустившись с крутого склона, въехали прямо на середину реки. Глубина в этом месте была не больше полметра. Мотор заглох, потому что в глушитель налилась вода. В прозрачной зеркальной воде отражались крутые склоны, чистое, ослепительно голубое небо, густые деревья, склонившиеся к воде. Река делала поворот и исчезала среди зелени.

Прибыли в Шапсутское в конце дня. Поселились возле божьего храма в клубе. Составили скамейки и устроили постели я, Старицын, Горбань и [нрзб].

21/8. Приехал комиссар гвардейского полка Хитин. Приглашает к ним. Вызвался поехать я. Оказывается, они стоят совсем близко. Познакомился с ком. полка — Героем Советского Союза и нагр[аждённому] орденом Красной Звезды подполковником Родичевым. Был в дивизионе, которым командует гвардии майор Васильев. Уселся на бурке с Васильевым, чтобы побеседовать. Вдруг он говорит: «Не шевелитесь», — и вынимает из кобуры пистолет. Я не шевелюсь, а он становится сзади меня и стреляет в кусты. Встаю и вижу здоровенную змею цвета кофе с молоком. У неё перебит хребет, но она продолжает извиваться и хочет ползти. Её вытащили палкой, и начштаба размозил ей пулей голову.

Провёл у гвардейцев сутки. Беседовал с Родичевым. Ему 30 лет, а он уже подполковник, Герой Советского Союза. Очень энергичный человек, отчаянный матершинник, очень симпатичный. Похож на доктора Рождественского. Комиссар Хитин — низенький крепыш, компанейский весёлый парень, которому везёт на встречи с друзьями. Случайно он встретил Манукова, случайно на дороге встретил бат. ком. Бориса Песецкого — друга детства и зрелых лет. По этому поводу были, конечно, возлияния и длительные рассказы о пережитом.

Предметом разговоров после ужина и во время оно́го была война. В голосе и Родичева, и Хитина, и Песецкого сквозила горечь. Удивлялись, почему у нас многое делается так бестолково, так бездарно? Почему получается так, что наши танки давят нашу пехоту, как это было в мартовских боях, а наша артиллерия эти танки подбивает. Почему так плохо используются залпы РС? Дают заявку на залп и цель — пять автоматчиков! Васильев мне рассказал случай ещё хлеще. В районе Армавира ком[андование] полка дало заявку на залп по селу. Чепельчук сделал разведку. Оказалось, что в селе нет ни одного немца. Дивизион даёт залп, уничтожает живую силу и технику врага, а пехота не использует это, не идёт вперёд. Очень бездарно мы иногда воюем.

Вечером было кино. Смотрели «Антон Иванович сердится» и киноконцерт. Меня восхитила Симочка, она мне очень напомнила Нину. И фигура отличная, и пляшет изумительно.

После ужина легли спать. Комиссар с другом в палатке, а я с Родичевым под тентом. Ночью хлынул дождь. Записев — вешовой Родичева — укрыл нас плащ-палаткой, и мы продолжали спать. После завтрака опять дождь. Мы с Песецким залезли в палатку, спали до 3 ч. дня, потом поехал в редакцию. У меня большая охота поехать с Родичевым на передовую и посмотреть, как катюша «поёт» песни.

24/8. Вечером был у гвардейцев. Я полюбил многих из этого славного полка. Вот где люди — гвозди, с крепкими нервами, неустрашимые воины. Смотрели кино «Разгром Юденича». Война давно минувших лет. Наступают густыми цепями. Гвардейцы громко высказывают своё мнение: «Вот если бы сейчас так наступали!». Увидев танки, красноармейцы бегут. Мариничев считает, что этот эпизод следовало вырезать. При неверном свете кинолуча я увидел девушку, которую уже однажды встречал у гвардейцев. Очень нежное лицо, припухлые сочные губы. Когда улыбается, на щеках чудесные ямочки. Стройная и беленькая, как берёзка. Предложил ей место около себя на бревне. Почему-то я почувствовал себя стеснённо. Что-то вроде блаженного обалдения. Давно я уже не сидел в кино рядом с такой девушкой. Понемножку разговорились. Ленинградка. Уехала из родного города год назад. Мать умерла, тётка осталась в Ростове. Девушке всего 18 лет. Работает машинисткой в интенд[анском] управлении. Имени её я не узнал и с сожалением расстался, когда кончился сеанс. После кино состоялся гвардейский ужин. Я договорился с подполковником поехать завтра с ними на передовые.

25/8. Ужасное невезение. Валя терзается животными переживаниями и не может работать. Поездка отпадает, хотя я сделал всё возможное. Пошёл предупредить подполковника. Позавтракали у него. Была стопка румяных блинов с мёдом, баранина с вермишелью и компот, и, безусловно, вино.

Днём я шёл в столовую и встретил вчерашнюю девушку. Она слушала какого-то неизвестного, шедшего рядом, и не подняла на меня глаз. Я был ужасно огорчён.

К вечеру в ущелье разыгрался воздушный бой. Над [нрзб.] кружились юнкерсы, бомбили, потом пролетели два [нрзб.], следом за ними двухмоторный немецкий истребитель. Наши спецы утверждают, что это был МИГ, захваченный немцами. Полетели к морю. Навстречу ринулся наш истребитель, а второй зашёл сверху. Треск пулемётов, взрыв зенитного снаряда. Потом немец над самой землёй рванул назад.

26/8. Устроил большую стирку. Натёр руки и смылил огромный кусок мыла.

Гвардейцы меняют квартиру. Зашли после обеда попрощаться. Очень довольны газетой, в которой я дал подробную информацию и передовую. Договорился с уполномоченным. С военным инженером Котельниковым завтра ехать на фронт. Там сейчас Родичев.

Котельников рассказал, что под Пятигорском идут «красивые» бои.

Вечером у нас состоялось кино. Опять сиделся Антон Иванович, а вместе с ним и все работники редакции, потому что в наше помещение пришло минимум 100 работников БО, ос. отд., политотдела и ещё многих отделов. Жара была, как в китайском театре. Чай и полотенец, к сожалению, не было.

27/8. Котельников подвёл меня самым бессовестным образом. Я ждал до [нрзб.] часов, потом поехал к нему и узнал, что он отбыл рано утром. Сказали, якобы за мной посылали в 7 утра офицера связи, но это, конечно, сказки. Зол я до чрезвычайности. Тем более, что Семин сообщил, что 30-й и 49-я перешли в наступление и теснят немцев. Действительно, «красивые» бои. И в это время сиди в редакции, не имея возможности попасть ближе к событиям.

Минувшей ночью я проснулся от громких криков. Читали в «Последний час» о прорыве на Западном и Калининском фронтах войск генералов Конева и Жукова. Это пролило бальзам на наши израненные бесконечным отступлением души. Но когда же такие сообщения будут о нашей армии?

Германская армия ползёт, как разрубленная пополам змея: она наносит обрубком удары

и может ужалить, но уже обречена на гибель, и ничто её не спасёт.

День прошёл невыразительно. Ждал, когда же заедут гвардейцы, но они продолжают меня подводить. В редакции сидеть уже тошно. Удивляет меня группа информации, которая уже 9 дней никуда не выезжает, черпает информацию из сводок, которые получает второй эшелон. И тоже не тревожится о том, чтобы послать кого-либо на фронт. Газета печатает материалы, никак не связанные с событиями на фронте, и откликается на обстановку только теоретическими статьями, не подкреплёнными конкретными примерами. Неверов поехал в первый эшелон писать политинформацию политотделу. Закруткин с ним вместе. Очевидно, тоже будет возвращаться на КП. Только сегодня В. поставил вопрос о необходимости послать людей на фронт. А посылать не на чем. Козёл в плохом состоянии, и полуторку берегут. Всё это, как писалось в мирное время в газетах, несколько не тревожит и т. д. и т. п.

Народ у нас очень хороший, но почему-то коллективной жизни не получается. У нас люди часто забывают, что они политработники, а действуют, как командиры, т. е. приказом. Но командирского опыта и знаний у них нет. Получается так, что приказы дебатированы, оспариваются или исполняются с неохотой. А ведь не единым приказом движется Кр[асная] арм[ия], иначе зачем бы создавался институт политработников?

29/8. Сегодня капитан Федоренко испытал, пожалуй, самые яркие впечатления за всё время войны. В 6 часов утра меня разбудили. Пришёл гвардеец и сказал, что идёт машина-полуторка, на которой ехал офицер связи. Я добрался до Х.. где стоит дивизион.

Я едва успел обмолвиться двумя словами с комиссаром дивиз[ии] Манакиным и комиссаром батареи Дроговских, как был получен приказ выехать на ОП. Дроговских пригласил меня, и я, безусловно, изъявил желание. Я ехал на боевой машине рядом с шофёром. У водителя длинные баки, крючковатый нос и не без лихо-сти надвинутая набекрень пилотка. Лицо у него вообще такое, каким описывал Холмса Конан Дойл. На стенке кабины рядом с сиденьем шофёра висит в чехле мандолина. Едва мы выехали на большую поляну, как встречный обозник показал на воздух. Навстречу нам, чуть правее, летел фокке-вульф. Он выпустил кучу листовок и стал разворачиваться в нашем направлении.

— Самолёт! — сказал я. А надо заметить, что на брезенте, покрывающем систему,

выведен огромный гвардейский знак, вероятно, хорошо видимый с воздуха.

— Где? — спросил шофёр и выглянул в окошко, после чего хладнокровно продолжал вести установку через поляну. «Фока» летел параллельным курсом. Тогда шофёр открыл окошечко в задней стенке кабины и крикнул сидящим на установке: «Последите за "кочергой", чтобы он не заметил, где мы остановимся».

Мы приехали на поляну. Машину поставили под кустами и сейчас же замаскировали. Расчёты начали рыть укрытия, связист протянул провод. Комбат ст[арший] лейт[енант] Филяев сидит у телефона, ждёт приказа. Видя, что залп будет не скоро, я пошёл побеседовать со ст[аршим] лейт[енантом], участником боя за высоту 349,5. В это время раздались оглушительные взрывы, следующие один за другим, с промежутками, примерно, в четверть секунды. Мы вскочили, думая, что прозевали залп, но оказалось, это был соседний дивизион. В 13.45 получили приказ дать два снаряда пристрелочных. Я

увидел две молнии и услышал два раската грома. В 14.00 был дан залп двумя установками. На этот раз грохотало и сверкало без перерыва. В небо улетали огненные змеи. Грохот сумасшедший. Сзади установок завяли все листья. Земля выгорела, и опалённая трава склонилась на одну сторону, как приглаженная горячим утюгом. Командир орудия вылез из кабины мокрый, будто из парной.

7/9. Ужасно запустил записи. 30-го был у гвардейцев, 31-го вернулся в редакцию.

За эти дни, как говорится, не произошло ничего существенного. В работе у меня застой. Фельетон писал 10 дней, а размер всего одна страничка. Собираемся с Виктором на фронт. Там жизнь, там кипение и чувствуешь себя иначе.

Мне надо «смеяться» — сочинять хохмы, а у меня тяга к эпическим, героическим и т. п. жанрам. В общем, временный творческий кризис, почему, сам не знаю. Пишу частушки, только что-то они не смешные.

«ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЯ ЖЕЛАННАЯ!»

*Письма А. Г. Гончарова жене Лидии и дочери Тане
Январь — октябрь 1943 год*

А. Г. Гончаров. 1943 г.

17 января 1943 г.

Ласточка, дорогая!

Сегодня вернулся из длительной поездки и получил сразу два письма и семь открыток — от вас и от Нины. Ваши письма — твои и папкины, меня очень обеспокоили, а одна твоя открытка просто обидела. Светик мой, маленькая, разве я не понимаю, что вам сейчас трудно, что вы терпите и неудобства и лишения! И я нервничаю от того, что не в состоянии вам помочь. Ты просишь дать тебе совет, но твоё письмо я получил ровно через месяц, стало быть

моё тоже дойдёт через столько же времени, и совет, полученный через два месяца после того, как в нём была нужда, может сильно обесцениться. Да и трудно советовать, не зная обстановки, в которой вы сейчас находитесь, и той, которая вас ожидает на новом месте. Во всяком случае, моё мнение такое: ехать вам в Сочи зимой, безусловно, тяжело. В Сочи трудно и с квартирами, и с питанием. Ты пишешь, что хотела бы быть ближе ко мне. Я и сам этого хочу. Но пока ты доедешь до Сочи, я уже буду опять далеко от тебя. Вам лучше оставаться на месте и устраиваться, сколько возможно лучше. Сегодня я напишу письмо Калабухову и Бочарову с просьбой помочь вам в этом. Кроме того, я уже с месяц назад послал тебе справки и просьбу Фрунзенскому военкомату помочь вам устроиться с квартирой. А когда кончится война, я приеду за вами, мои дорогие. Ехать же вам зимой с маленькой крошкой очень тяжело и нежелательно. Папка тоже пишет мне о том, что ему не хочется ехать. Вот мой совет. Я буду помогать тебе, чем смогу, т. е. посылать денег. Нина пишет, что она тоже кое-что вам послала. Продавай мои вещи. Оставь один костюм (который подарила Нина), одну рубашку и туфли, а остальное продавай или меняй. После войны наживём. Мне, Светик,

сейчас ничего не нужно. Я хорошо одет, обут. Носков и носовых платков достаточно. Посылать мне ничего не надо, кроме писем. Хотел бы иметь Танюшкину фотографию, ибо я с трудом представляю какая сейчас эта барышня.

Доченька моя, птенчик, получил рисунок твоей лапочки-коротышечки и привет, и поцелуй. Целую тебя крепко-крепко, твои маленькие пальчики. Жди папку, он скоро приедет, потому что немцев бьют с каждым днем всё сильнее и скоро совсем прикончат. Слушайся мамочку. Она у тебя очень хорошая.

Любимая моя, ласточка. С каждым днём всё радостнее и радостнее на душе. С каждым днём всё растёт уверенность, что мы уже скоро встретимся. Сегодня утром получил сообщение о новом наступлении наших войск южнее Воронежа, о ликвидации окружённых под Сталинградом немецких дивизий. Всюду наши войска успешно продвигаются. Скоро ты услышишь и о нашем продвижении вперёд. Вот когда проклятая гитлеровская свора заплатит нам за всё. Не будет этим мерзавцам пощады. Вспомним мы им и Ростов, и Краснодар, и Армавир. Я думаю, что пока это письмо дойдёт до тебя, а это будет через месяц, наш родной Ростов снова станет советским. А как хочется вернуться в родной город. Хоть и разрушен он, хоть и холодно в нём сейчас и темно, а всё же хочется скорей в него попасть.

Я себя чувствую очень хорошо, дорогая, и ты не беспокойся о моём здоровье. Пробыл десять дней в командировке, очень много ходил пешком по горам. В один день пришлось пройти около 40 километров, преодолеть крутые перевалы, идти по скользким тропам. И ничего. Шёл и сам удивлялся. Ведь раньше я, бывало, уставал от прогулки по городу. Так что, как видишь, здоровье у меня стало лучше, чем было. Очень много нахожусь на свежем воздухе, а это полезно. Наконец-то мы дождались зимы. Уже четыре дня стоит морозец градусов на 5, и выпал снег. И все повеселели, потому что непрестанные дожди и непролазная грязь надоели до чёртиков. Но скоро мы вообще выберемся из гор на равнину. Тогда дело пойдет ещё лучше. Работаю я в прежнем коллективе. Только раньше я день и ночь сидел в редакции, а сейчас больше нахожусь в командировках, что для меня гораздо лучше. Товарищи те же. Нет Закругкина. Он перешёл в другую редакцию. Поступил он не совсем хорошо. Почему именно — рассказывать долго, расскажу, когда встретимся.

Светинька, родная моя, ненаглядная, мы встретимся скоро. Потерпи ещё, любимая. Не думай о том, что я не найду в тебе того,

что когда-то мне нравилось, меня пленяло. Если ты похудела, то ведь и я полюбил тебя худенькую и чёрненькую. Я знал только одно, что ты была, есть и будешь верной подругой, любящей и любимой женой и заботливой матерью нашей дорогой Танюшечки. Люблю тебя, думаю о тебе, жду встречи с тобой, моя хорошая, моя желанная. Не думай обо мне плохо, не сердись на меня, если иногда редко будут приходить письма. Ведь когда я бываю на передовой, там не бывает возможности написать, да если и напишешь, то трудно отправить. Поэтому обычно и пишешь, когда возвратишься в редакцию. Ну, лапочка, заканчиваю письмо. Ещё надо написать Калабухову, и Нина ругается, что ей не пишу (а она мне тоже, как и вам, часто присылает открытки), и ещё много надо писать для газеты. Светик, скажи папке, что в адресе не надо писать название редакции и мое звание. Надо писать только: 1530 пол. почта, часть 579 Гончарову и всё. Завтра высылаю тебе 500 р. Это третий перевод. Первый был на 500 р., второй на 800.

Целую тебя, любимая, сто тысяч раз крепко-крепко, и Таньку тоже. Поцелуй за меня мамку и папку. Любящий тебя Саша.

7 апреля 1943 г.

Здравствуй, любимая!

Получил от тебя столько хорошего. Во-первых, письмо от 4 марта, большущее, ласковое, нежное. Во-вторых, открытку и письмо с фотографией Танечки. Сколько радости доставили мне твои письма, хорошие-хорошие. Я прочёл их и увидел тебя такой, как ты и сохранилась в моей памяти: нежной, любящей, одним словом, такой, какой и должна быть, Светик.

А дочка-то у нас, какая чудесная! Я всего несколько дней назад послал тебе письмо с просьбой прислать мне фотографию твою с Танюшкой. И вот половина моего желания выполнена. Ну, твои фотографии у меня есть. И хотя ты и уверяешь меня в письмах, что стала худой и страшной, но я знаю, что ты всё равно красивая и желанная и лучше тебя нет.

Все говорят, что дочка похожа очень на меня. Это потому, что они не видели тебя. По-моему, Танкетка вся в маму. Ласточка, я сейчас очень беспокоюсь, не будучи уверен, где вы находитесь. Послал тебе три телеграммы и денежный перевод телеграфом, а ответа не получил, и решил, что вы уже выехали из Фрунзе. Позже как от 8 марта писем от тебя не получал. Значит, вы могли выехать в 20-х числах, и узнаю я об этом только через две недели. Опять получится нежелательный разрыв. Очень плохо,

Таня Гончарова. 1943 г.

если тебя не застали в Пишпеке мои телеграммы. Вот пишу это письмо и тоже не уверен, получишь ли ты его.

Целую тебя, любовь моя, радость моя, Светик мой ненаглядный, тысячу тысяч раз за то, что ты такая хорошая, за нашу дочечку. Поцелуй за меня дорогих отцов.

Любящий тебя Саша.

У меня теперь новый адрес: полевая почта 69791-а.

22 апреля 1943 г.

Здравствуй, любимая!

Насилу смог сделать свою фотографию и теперь посылаю её тебе и доченьке. Снимок получился страшенький: сплошные губы и нос, но ничего не поделаешь, такой уж я всегда получаюсь на фото. Зато ты у меня всегда хорошо получалась. А вообще, я умею фотографировать других, а мне как-то не везёт со снимками. Ну, ладно. Доченьке ты мой портрет показывай не сразу и сперва издали, чтобы ребенок не испугался и чтобы не подрывался родительский авторитет.

Как видишь по фотографиям, я жив и здоров. Выражение лица объясняется не плохим

настроением, а ветром и солнцем. Что меня огорчает, так это большие перебои в получении от тебя писем. До сих пор я не знаю, по-прежнему ли ты в Пишпеке. Не знаю, куда посылать аттестат, хотя срок старого аттестата кончается 1 мая. Почта всё-таки очень медленно доставляет письма.

Получила ли ты письмо от стариков из Ростова? В прошлом письме я писал тебе, что они живы и здоровы. У всех наших дела обстоят благополучно. Нина пишет, что она и Виктор ждут скорой встречи с нами в Ростове. Наверяд ли эта встреча скоро состоится. Слишком далеко разбросала нас война, но рано или поздно эта встреча будет, и хочется, конечно, чтобы она была пораньше, поскорее.

О том, как мы воюем, ты можешь узнавать из сводок Информбюро. Они доходят к тебе на месяц раньше, чем мои письма. Все мы полны уверенности, что хоть враг и ожесточённо сопротивляется, но долго он не выдержит, добьём мы его окончательно и бесповоротно.

Родная моя, хорошая, пиши мне чаще. Каждый день жду письма и очень беспокоюсь, если ничего от тебя не получаю. Крепко-крепко целую тебя, ненаглядная, и Таньку и дорогих отцов.

Твой Саша.

11 октября 1943 г.

Светик, любимая!

Поздравляю тебя с освобождением Таманского полуострова. У нас большой праздник. Позавчера вечером все собрались у радиоприёмника и напряженно ждали: будет приказ или нет? И услышали приказ, да какой! Москва салютовала 20-ю залпами. Прослушав приказ, я с новой энергией взялся за работу. А работать пришлось до утра. В общем, пять суток я спал только урывками. Зато получил огромное удовлетворение: поэма всем понравилась. Вот её начало:

Солёный ветер алые знамёна
Кольшет на Таманском берегу.
Ещё стволы орудий накалённых
Дыхание победы берегут.
Ещё не стихли отголоски боя,
Ещё в проливе пенилась волна,
Когда была стоустою молвою
Нам радостная весть принесена.
И ярким светом озарились лица.
Мы на земле, что вырвали из мглы,
Услышали салют родной столицы
И сталинское слово похвалы.

Ласточка, сейчас опять начинаю просить отпуска. Надеюсь, что теперь мне его дадут.

Как хочется скорее увидеть тебя и Таньку, и отцов, вновь побывать в Ростове! Какой он сейчас?

Родная моя, хорошая, вчера получил от тебя открыточку и письмо. И это ещё более сделало день праздничным. Спасибо за поздравление с днём моего рождения. Конечно, я уже старенький, но ей-богу, хороший.

Целую тебя тоже так же крепко, как целовал, когда мы отмечали этот день дома. Ещё и ещё целую. Твой Саша.

Публикация О. В. Валуйской

Ж. П. ГРИДАСОВА

ВЛАДИМИР КУЛИШОВ В НОВОЧЕРКАССКЕ

Сейчас осознаёшь, какой мне выпал счастливый билет от судьбы: почти 26 лет дружбы с этим легендарным человеком! Я была в курсе его дел и проблем, познавала рядом с ним историю города и страны, говорила о сокровенном, участвовала во многих важных беседах и всё время чему-то училась. Его доверие дорого стоило! И все последующие четверть века нашего

знакомства, профессиональной дружбы были постоянным открытием талантов этой личности и истории нашего Новочеркасска, города, который он полюбил всем сердцем и берёт до своего последнего вздоха.

Владимир Иванович Кулишов (25.03.1942—16.06.2009) — член Союза художников СССР, заслуженный работник культуры РСФСР,

В. И. Кулишов в домашней библиотеке. Декабрь 2004 г. Фото С. Лозовского

Женета Петровна Гридасова, журналист, г. Новочеркасск. Сообщение на XI Коршиковских чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) под названием: «Вклад искусствоведа и общественного деятеля Владимира Кулишова в художественную жизнь и историческую память Новочеркасска»

почётный гражданин Новочеркасска. У каждого, кто его знал, он был разный, но свой. Владимир Иванович — величина в прямом понимании этого слова, многоликая и уникальная по своей человеческой сути. Многогранность его таланта была столь универсальна, что охватить всю её — задача непростая.

Четыре десятилетия он был для людей знакомой фигурой, авторитетом, той орбитой, вокруг которой вращались тысячи, а то и более, жизней. Педагог. Художник. Искусствовед. Директор. Организатор. Писатель. Публицист. Краевед. И это далеко не всё [1]. С его присутствием сами собой разрешались многие вопросы. Владимир Иванович находил на них ответы, оставаясь честным и перед самим собой и перед людьми, которые ему доверяли.

Да, он не всегда был удобным, потому что ни под кого не подстраивался, говорил правду только в глаза, а это не всем нравилось. Он был личностью, из когорты щедро одарённых природой людей, которые своей жизнью оказывают влияние на общественное мнение [2].

Владимир Иванович был негласным лидером и рупором горожан, открыто говорил всё то, что многие хотели сказать, но боялись в силу разных причин. Он был ярким примером того, как можно оставаться самим собой в любые времена вопреки различным обстоятельствам. Находясь рядом с ним, начинал и сам ощущать себя гражданином своей Родины, начинал понимать, что наше будущее зависит только от усилий людей разных поколений, разной национальности, разной профессиональной принадлежности. В одном из последних телеинтервью в 2009 году в защиту площади Ермака от перестройки Владимир Иванович сказал: *«Я живу не по принципу, сколько человеку лет, а по тому, что сделал. Нужно спешить жить!»* [3].

Кулишова многие жители Новочеркасска считали своим земляком. Однако он родился в марте 1942 года в селе Горькая Балка [4], которое раскинулось на привольной степной равнине Кубани, расчерченной прямоугольниками полей и извилистыми нитями рек Горькой и Еи. В славном месте, богатом своим историческим прошлым и фольклорными традициями. Отец успел увидеть младшего сына, забежав домой, когда в числе отступавших бойцов Красной армии оказался в этих местах. Мальчику будет всего 5 месяцев, когда старший Кулишов погибнет при обороне Таманского полуострова. Маме, Таисии Фёдоровне, двух сыновей — старшего Алексея и младшего Володю — будет помогать воспитывать дед, бывший кавалерист,

служивший в Гражданскую под командованием Котовского.

Дети военных и послевоенных лет росли одинаково: одни ботинки на всех, кусок хлеба на всех. Но вопреки трудностям детство было радостным ощущением пришедшего мира, который подвигал к созиданию, раскрывал такие волшебные перспективы! Вот чего Володя не мог понять с детства, так это несуразности действительности. В запустении находилась бывшая помещичья усадьба, мимо которой он дважды в день проходил по пути в школу и обратно. Или руины церкви, некогда красивой по рассказам деда. Может быть, из детства идёт в нём желание сохранять по частицам историю малой родины?

В каком точно возрасте паренёк стал мечтать о живописи, сказать трудно. Но уже тогда он выделялся среди подрастающей ребятни. За внешней весёлостью скрывалась острая наблюдательность. Вглядываясь в тонкие прожилки сорванного листа, он поражался уникальному творению, стараясь впитать в себя всю эту красоту. Дома стремился запечатлеть увиденное на бумаге. А советчиком и юным арбитром был близкий друг на всю жизнь Сашка Золотарёв, в будущем ещё и коллега, член Союза художников России Александр Иванович Золотарёв [5].

Окончательно закрепила выбор профессии Владимира поездка по Волге. Чувство восторга охватывало от всего увиденного. Поразил своей красотой Нижний Новгород; ещё больше эмоций добавила столица Родины Москва и одна из её сокровищниц — Третьяковская галерея. Он понял, что тоже мечтает вот так же воплощать всю окружающую красоту на холсте, чтобы передавать и её, и свои эмоции другим.

После окончания школы поступал в Горьковское художественное училище, но не совладал с акварелью. Всё же попыток не оставил и стал через два года учащимся Краснодарского художественного училища. Однако вскоре оказался в армии: ракетные войска, сержантская школа, Куба, Сумские леса. Каждая свободная минута — занятие изобразительным искусством [6].

Судьбоносная встреча со столицей донского казачества произошла в 1969 году. К этому времени Кулишов уже семейный человек. В Новочеркасске они с супругой завернули по дороге: были в гостях у свояченицы, которая жила в станице Мишкинской. Когда увидел город на холме с Мишкинских бугров, первой пришедшей мыслью была: она вблизи такая же, вся та красота? Казачья донская столица очаровала той гармоничной аурой, которая ещё тут витала, тихими переулками, утопающими в зелени

Н. А. Павленко. Рисунок В. И. Кулишова. Июнь 1982 г.

сирени и садов, особым колоритом старинных особняков, кружевной вязью крылечек и решёток. Казалось, что она ждала его, приглашая не только насладиться этим творением рук человеческих, но и самому попробовать себя в роли создателя.

Произошло в Новочеркасске и важное знакомство с Нинэль Афанасьевной Павленко, бывшей тогда заведующей отделом культуры горисполкома. Она умела собирать вокруг себя молодые таланты и толк в людях знала! Она и сама была человеком беззаветно преданным и городу, и своему делу. И такого же отношения требовала от своих сподвижников.

Благодаря её неуёмной энергии в Новочеркасске проходила самая настоящая «культурная революция». За четверть века кипучей деятельности «железной Нинэлью» были построены пять библиотек в отдалённых районах, ещё пять получили новые, более просторные помещения, открыты две музыкальные и две художественные школы, два мемориальных дома-музея (Крылова и Грекова), планетарий, городской дом культуры, Дворцы культуры НЭВЗа и ГРЭС. Помимо этого, при её активной поддержке

появилось несколько ярких творческих объединений — художников, кинолюбителей, фотолюбителей, межведомственный библиотечный союз [7].

Для реализации масштабных задач деятельной начальнице, бесспорно, нужна была команда единомышленников. Попал в эпицентр её энергии и Владимир Кулишов, который, знакомясь с городом, зашёл в отдел культуры. Нинэль Афанасьевна, много лет вынашивавшая идею открытия в Новочеркасске художественной школы, поняла, что перед ней тот человек, на которого она может делать большие ставки в решении сложных вопросов. Через год чета Кулишовых с девятимесячной дочерью Людмилой переезжает в Новочеркассск. Так началась точка отсчёта деяний Кулишова во славу столицы донского казачества.

Осев на новом месте со своей семьёй, кубанский казак Кулишов за очень короткий срок узнал о бывшей столице донского казачества больше, чем некоторые его долгожители за всю свою жизнь. Любил пешие прогулки, которые завершались изучением исторической и краеведческой литературы. Его часто видели в разных точках города: на центральных улицах, когда он переходил из музея в библиотеку, из библиотеки в редакцию городской газеты, спешащим в горисполком, или на окраинах. Всегда в окружении людей, которые могли запросто остановить и о чём-то расспросить. И внешне Владимир Иванович был колоритной фигурой — красавец, под два метра ростом, светловолос, косая сажень в плечах — всем его наделила природа! Слово добавила красок и за погибшего отца.

В 1971-м мечта о создании детской художественной школы начала осуществляться. Учебное заведение организовали [8], правда, пока у него не имелось своего помещения. Поэтому школа долго колесила по городу. Она находилась то в Доме офицеров, то в Доме культуры, то ещё на какой-то чужой территории. Преподавателем Кулишов стал сразу, со дня открытия учреждения, а вот возглавил его в 1977 году после ухода первого директора Николая Яковлевича Лисименко на пенсию [9].

На счету Владимира Ивановича не только руководство учебным заведением в течение почти 27 лет. Разбросанность учебного заведения по всему городу не способствовала улучшению учебного процесса. Поэтому рабочий день директора начинался со встречи в горисполкоме: Кулишов выхаживал под учебное заведение недостроенный промтоварный магазин на первом этаже 14-этажки. Решив этот вопрос, поменял

В. И. Кулишов с учениками школы. 2007 год. Фото Е. Нагтоки

утренний маршрут на встречи с руководителем кирпичного завода М. К. Васильевым, износив, по словам супруги Нины Борисовны, пары две ботинок, ведь предприятие располагалось на практически бездорожной окраине города. Перепланировку и реконструкцию переданного здания завершили не быстро, как намечалось, лишь в 1988 году учебное заведение, наконец, получило постоянное место жительства в доме под номером 79 на проспекте Баклановском [10]. Школа расположена на одном из углов площади Юбилейной. В апреле 2009 года усилиями Владимира Ивановича, который успел порадоваться этому событию, учреждению присвоили имя выдающего живописца, уроженца Новочеркаска Н. Н. Дубовского [11]. А через два года у входной двери в ДХШ появилась и памятная доска самому В. И. Кулишову [12].

С учениками у преподавателя Кулишова складывались тёплые отношения, многие дети приходили на «имя», стараясь попасть в его класс. Что же в нём было особенное? Он уважал в ребёнке личность, легко находил с ребятами общий язык, помогал отстаивать своё мнение, учил видеть прекрасное, считая,

что художниками станут не все, но у всех в руках компасом будет культура. Дети ему доверяли. Как педагог он посвятил свою жизнь формированию у молодёжи не только чувства прекрасного, но и воспитывал любовь к родному городу, бережному отношению к его истории. Многие делал для её учёбы. Положил начало пленэрам, выезжая с ребятами в станицу Грушевскую. Организовал класс керамики, выбив для него необходимое оборудование.

С лёгкой руки Владимира Ивановича 20 лет назад в школе появился конкурс «Пейзаж-настроение», приуроченный ко дню рождения знаменитого земляка. Таким образом, Кулишов соединил имя Дубовского с родным городом и учёбой, с историей и культурой страны. Этот конкурс-выставка давно уже вышел за рамки донского региона, став международным, в нём участвуют более 40 школ Ростовской, Астраханской, Брянской, Иркутской, Омской областей, Краснодарского края, Луганской и Донецкой народных республик, Крыма, Дагестана, Беларуси и Казахстана [13].

Как-то в разговоре со мной Владимир Иванович подчеркнул, что историю цивилизации

Каталог выставки-конкурса «Пейзаж-настроение» ДХШ им. Н. Н. Дубовского. Фото Ж. Гридасовой

можно выразить шестью словами: чем больше знаешь, тем больше можешь. И жил по этому принципу. К 1971 году Кулишов серьёзно окунулся в историю донского казачества и историю его столицы, изучал жизнь и творчество знаменитых новочеркасских художников Н. Н. Дубовского, М. Б. Грекова, И. И. Крылова, народного художника СССР Н. В. Овечкина, их педагогическую и общественную деятельность. Считал себя обязанным не стоять в стороне, а участвовать в сохранении всего того, что было оставлено нам в наследство предыдущими поколениями. В 1975-м он блестяще завершил заочную учёбу на искусствоведческом отделении Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Диплом посвятил анализу творчества М. Б. Грекова, его методу работы над батальной картиной.

Но до этого произошло ещё одно важное для города событие. Для понимания этого вопроса мы совершим небольшое путешествие в прошлое.

В начале 40-х годов с отъездом в Москву М. Б. Грекова (1882—1934) и смертью И. И. Крылова (1860—1936) выставочная и художественная деятельность в городе, связанная с этими личностями, затихает. И лишь в 1955 году возобновляется, благодаря активности заведующей отделом культуры горисполкома Н. А. Павленко (1925—2019) и преподавателя НПИ Г. В. Беды (1924—1992), который работал на знаменитой Крыловской кафедре, где формы работы соответствовали традициям донской художественной школы. Кафедру превратили в штаб-квартиру художественных сил города. Создали объединённую студию, где постигали программу

трёхлетнего обучения [14]. Отчёты о работе руководитель публиковал на страницах городской газеты «Знамя коммуны» [15], которую он возглавлял до 1959 года [16], при этом поднимая вопрос, что если студия называется городской, то должна существовать при отделе культуры горисполкома [17].

1955 год даёт начальный отсчёт городским художественным выставкам [18]. Их размещали то в центральной городской библиотеке, то в Доме пионеров, то в других местах. Когда Г. В. Беда уехал из города, студия распалась, городские выставки не проводились. Но в 1961 году в Новочеркасск возвращается выпускник Московского Суриковского института Николай Овечкин, который собирает большую группу художников и организует вторую городскую студию. Он покидает город в 1964-м, выиграв конкурс в Студию военных художников имени М. Б. Грекова; и художественная жизнь вновь замирает до появления в Новочеркасске Владимира Кулишова — лидера, способного увлечь и объединить, заинтересовать и повести за собой.

Идея возрождения выставок и объединения художников города в один творческий союз появилась у Кулишова сразу, как только он начал изучать художественное наследие казачьего края и его столичного города. Гордей Петрович Таранов (1916—1990), бывший в то время главным художником Новочеркасска и участником выставок, оказал своё благотворное влияние на молодого художника и педагога. Он глубоко знал эту проблему, был хорошо знаком

В первом ряду (слева направо) Н. В. Овечкин и Г. П. Таранов с молодыми художниками Ростова-на-Дону. 1963 г. Фото из архива семьи Тарановых

«Мишкинцы» на пленэре: (слева направо) К. Сигенин, А. Глущенко, В. Канаев, В. Золоторенко, В. Кулишов, И. Пруцаков. Присел А. Шевченко. Поздравления коллеге — Ивану Пруцакову. 2007 г. Фото В. Сосницкого

с Г. В. Бедой, дружил с Н. В. Овечкиным, поэтому Гордей Петрович всячески помогал советами и конкретными действиями, как сотрудник горрисполкома, способствуя появлению городского клуба художников в декабре 1971 года [19].

Кулишов единодушно был избран руководителем творческого объединения и возглавлял его 33 года! При детской художественной школе, а располагалась она тогда в городском Доме культуры, стали работать секции графики, живописи, скульптуры и прикладного искусства. Возобновились более-менее регулярные отчёты художников перед горожанами в форме городских художественных выставок.

В январе 2009 года за несколько месяцев до смерти Кулишова в выставочном зале Дома-музея Крылова состоялась уже 54-я городская художественная выставка! Все эти годы он патронировал клуб, опекал, руководил, брал на себя все сложные и организационные вопросы. В январе 2025 года в том же выставочном зале открылась юбилейная, 70-я выставка [20], посвящённая 220-летию Новочеркасска. Традиции живы!

Дважды (1992, 2002) выставлялся тут и сам Владимир Иванович. А всего при жизни у него

было пять персональных выставок. Ещё две выставки состоялись уже после смерти художника: в апреле 2012 — совместно с любимой группой «Мишкинские бугры», которую посвятили 70-летию со дня рождения маэстро [21]; выставку в феврале 2019-го приурочили к 10-летию смерти В. И. Кулишова [22].

Так с 1971 года городские выставки становятся ежегодными. В Доме-музее Крылова проходят персональные, и не только новочеркасцев, тематические выставки, посвящённые знакомым датам в истории города и региона [16]. Это продолжение лучших традиций донской художественной школы: Дубовского, Крылова, Грекова, Овечкина. В память о последнем — народном художнике СССР Н. В. Овечкине — администрацией города в 1995 году была учреждена премия его имени [23]. Первую награду за большой весомый вклад в сохранение художественного наследия Новочеркасска на следующий год вручили самому Кулишову (Владимир Иванович удостоивался её дважды).

В середине 1970-х годов образуется небольшая группа художников, которая часто выезжает на этюды в окрестные места, главным образом в Большой Мишкин. Непременными

участниками вылазок на природу были Пётр Степанович Келлер, Пётр Николаевич Толстых и сам Владимир Иванович, академист и приверженец русской классической школы живописи. А вдохновителем поездок стал Пётр Степанович Келлер (1909—1997), тонкий живописец и колорист. Хотя он и жил в Ростове, но с Новочеркасском его многое связывало. Для самого Кулишова он был образцом преемственности современной живописи с традицией русской пейзажной школы.

Когда в 90-е годы в стране шёл тяжелейший переходный период в политической и экономической сферах, то резко стали меняться и культурные ориентиры. Художники почувствовали себя ненужными, выпавшими из поля зрения государства. Вот тогда выходы на пленэрные этюды у них стали регулярными и объединяющими. К троице — Келлеру, Кулишову и Толстых присоединились многие живописцы из клуба. Так появилась группа «Мишкинские бугры», от имени места, куда особенно любили выезжать живописцы, искавшие вдохновения в живой природе. После смерти Владимира Ивановича руководит пленэрной группой, ядро которой составляют профессионалы, его ученик Александр Алексеевич Глущенко. Он, как и

возглавляющий теперь городской клуб художников Константин Евгеньевич Сиденин, — члены Союза художников России.

Любители живописи часто задают вопрос: почему в экспозициях клубных выставок преобладает пейзаж? Сам Кулишов объяснял это мощным влиянием знаменитых предшественников Н. Н. Дубовского и И. И. Крылова. Даже у выдающихся баталистов-донцов М. Б. Грекова и Н. В. Овечкина не получилось изменить доминирующую направленность творчества новочеркасских художников.

На каких пленэрах черпают вдохновение «мишкинцы»? На своих излюбленных местах в разное время года и в любую погоду — в окрестностях Новочеркасска, хуторах Малый и Большой Мишкин, посёлках Александровская и Пчеловодная, станицах Раздорская и Старочеркасская, хуторе Пухляковский и на Павло-Очаковской косе. Природа для художников — извечная и всегда современная тема, ибо она неотъемлема от самой жизни и бытия человека. В мае 1997 года в выставочном зале Дома-музея Крылова открылась и первая выставка группы [24].

Владимир Иванович считал, что объединение в пленэрную группу очень важно: эпизодические

В. И. Кулишов проводит писателя А. В. Калинина по выставке «Город Платова — Новочеркасск». Пухляковская картинная галерея. Август 2003 г. Фото К. Сиденина

На открытии выставки В. И. Кулишова и А. П. Токарева «Две столицы» в Музее современного изобразительного искусства на Дмитровской. Слева направо: О. Игнатов, С. Крузе, А. П. Токарев, В. И. Кулишов. 2007 г. Фото Ж. Григасовой

«налёты» на природу, как поиск красивых, эффектных мест и сюжетов мало что дают для развития настоящего художника-пейзажиста. Необходимы постоянство и одержимость, приверженность к родным местам. Не только живое общение с природой, но и друг с другом, чтобы получить какие-то результаты. Именно это составляет духовную общность художнических устремлений всей группы и каждого живописца в отдельности. При этом одинаковость пейзажных мотивов подстёгивает художника в поисках выражения своего внутреннего «я» [25].

Ярких выставочных проектов у «мишкинцев» было немало: в хуторе Пухляковском [26] и станице Раздорской, в Музее современного изобразительного искусства на Дмитровской [27], Ростовском музее изобразительных искусств [28], в Москве [29]. И после ухода Кулишова в городском клубе художников остаётся рожденная при нём традиция: завершают итоговый год живописцы выставкой «Мишкинских бугров», а новый начинают экспозицией всего городского клуба художников и художников-прикладников [30].

Оглядываясь назад, понимаешь, сколько интересных и важных событий вместила в себя

жизнь Владимира Ивановича. Всё время при нём и уже семнадцатый год без него художественная жизнь города продолжает интенсивно развиваться, гармонично сочетая в себе фундаментальные основы живописи классической и различные авангардистские течения. Ещё в его бытность в городском клубе художников, кроме «Мишкинских бугров», сформировались и другие самостоятельные творческие группы: «Женская палитра», «Мольберт», «Творческие люди», молодёжное отделение. Систематическая творческая работа членов объединений позволила выступать с персональными экспозициями, участвовать в областных, зональных и международных выставках. Все годы своего бытия городской клуб художников вносит достойный вклад в формирование культурного пространства города и региона. Своей выставкой он блестяще представил казачью столицу во французском городе Ля-Валетт, партнёре Новочеркаска в 1992 году.

В 80-е годы началось и многолетнее знакомство Кулишова с семьей Дубовских. Его очень интересовал и сам живописец и всё, что было с ним связано. Владимир Иванович стал погружаться в увлекшую его тему с мыслью о будущей

книге о знаменитом земляке. Он неоднократно бывал в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, где жил сын Николая Никаноровича, переписывался с Сергеем Николаевичем, консультировался по разным моментам биографии его отца. Не единожды поднимал вопрос организации в Новочеркасске художественной галереи на основе той замечательной коллекции, которую Николай Никанорович завещал родному городу [31]. На всех уровнях, где только это было возможно, он говорил об этом [32].

По словам Кулишова, книга о Дубовском была главной книгой его жизни. Писал он её не спеша, трепетно относясь к фактам, собирая и анализируя их, скрупулёзно изучая биографию Николая Никаноровича. Не только его поездки к родным в Ленинград/Санкт-Петербург, но и работа в архивах музеев дали замечательный результат. Забегаю вперёд: осенью 2008 года рукопись (далеко не первый вариант) была сдана в Ростовское издательство «Омега-Принт». Книга издана при поддержке правительства Ростовской области, к сожалению, небольшим тиражом 600 экземпляров и уже стала библиографической редкостью [33].

Первая заметка Кулишова в единственной тогда городской газете «Знамя коммуны» (с 90-х — «Донская речь») напечатана в декабре 1971 года, и с этого времени её страницы стали для маэстро постоянной трибуной. Тут публиковались блестящие заметки и очерки о достопримечательностях города [34], об архитектурных ценностях [35], о новочеркасских художниках [36]. Они воспитывали уважительное отношение к наследию наших предков.

Очень плодотворными были и 90-е в жизни Кулишова. В 1985 году Владимир Иванович стал членом Союза художников СССР. Позднее по его рекомендации в Союз художников уже России было принято тринадцать его соclubников, среди них: Павел Коротченко, Владимир Канаев, Константин Сиденин, Александр Глуценко, Антонина Гловацкая, Владимир Грезунов, супруги преподаватели ДХШ Валериан и Людмила Лазаренко, Татьяна Родионова. На сегодняшний день клуб — это впечатляющее объединение, насчитывающее пятнадцать членов Союза художников России и четырнадцать членов Творческого союза художников России.

Формирование в человеке чувства прекрасного Кулишов считал важным делом своей жизни. На протяжении десятилетий его публикации можно было встретить в центральных изданиях — журналах «Огонёк» [37], «Художник» [38], областных газетах — «Молоте» [39], «Нашем времени» [40], «Культуре Дона» [41]. И

бесспорно, в местной прессе — газетах «Донская речь», «Новочеркасские ведомости», журнале «Новочеркасск» [42].

Журналистская братия боготворила Кулишова. В нём сразу почувствовали своего, лишь только он появился в редакции газеты «Знамя коммуны». Обладая энциклопедическими знаниями об истории города и края, он мог в любой ситуации ответить на вопрос, увлекательно вести беседу, в кратчайшие сроки написать материал в газету. Позднее, когда число городских еженедельников увеличилось, появились свои местные телеканалы, представители СМИ любили общаться с Владимиром Ивановичем. У него всегда для них было и время, и что рассказать, и какими новостями поделиться! А поскольку он сам был в эпицентре событий, закручивая их своей энергетикой, любому корреспонденту можно было запросто остановить его на улице, включить диктофон или расчехлить камеру и писать.

Многолетняя просветительская деятельность в этом направлении отмечена премией имени первого редактора газеты «Знамя коммуны» Михаила Осиповича Пантюхова. Но эта деятельность проявлялась не только публикацией материалов в периодических изданиях. Процесс вранения в творческое наследие известных новочеркасских художников был глубоким и результативным. В 1979 году в Ростиздате выходит книга «Певцы донского края», которая явилась коллективным трудом новочеркасских художников В. Кулишова и Б. Плевакина и ростовчанки Л. Соловьёвой. Очерк Кулишова посвящён М. Б. Грекову [43].

Длительное время Владимир Иванович изучал историю архитектуры Дона. Он побывал во многих местах области, стараясь описать все наиболее ценные архитектурные памятники. Результатом многолетнего труда стали посвящения двум городам Дона, Таганрогу и Новочеркаску. Но рукопись книги о Таганроге, сданная в издательство «Искусство», была утеряна. Правда, часть материалов позднее войдёт в «Энциклопедию Таганрога» [44]. А вот посвящение Новочеркаску «В низовьях Дона» [45] ждала счастливая участь. Оно выйдет в издательстве «Искусство» в 1987 году самостоятельной книгой с хорошим, массовым тиражом в 150 тысяч экземпляров!

Писал Владимир Иванович много, легко и понятно. Исторические темы были интересны не только ему, но и многим людям, которые уважали его за уникальность и многообразие знаний, за умение преподнести их изящно и доступно. Поэтому его привлекали к крупным

издательским проектам. Так, к 190-летию в 1995 году казачьей столицы администрацией города выпущен подарочный фотоальбом со вступительной статьёй Кулишова [46]. Когда творческая группа занялась подготовкой энциклопедии о Новочеркасске, которую выпустили к 200-летию города, то памятуя об активном и плодотворном участии Владимира Ивановича в создании краткой энциклопедии о городе в 2001 году, статьи о градостроительной культуре [47] и скульптурных памятниках города [48] поручили написать Кулишову. Он и сам как яркая личность удостоился данных в энциклопедических изданиях Новочеркаска и Ростова-на-Дону [49].

За что бы ни брался Кулишов, у него всё получалось. Его одержимость идеей сохранения и пропаганды творческого наследия знаменитых донских художников поражала. Несколько лет Владимир Иванович был почасовиком Музея истории донского казачества, архивы которого помогали ему в изучении важных вопросов, давали возможность находить ответы на неизведанные ранее загадки и писать более фундаментальные работы о донских мастерах. Важна для него была и издательская деятельность музея, позволяющая иметь более широкую читательскую аудиторию. Опубликовать главный труд своей жизни — монографию о Н. Н. Дубовском, по словам Владимира Ивановича, не удалось, она затерялась в анналах Ленинградского издательства в 1983 году. Частично мечта Кулишова всё же осуществилась, и был издан популярный вариант книги о Дубовском, названной почему-то альбомом [33]. Благодаря музейным проектам увидели свет и книга о Грекове [50] и альбом о Крылове [51]. Страницы ежегодника музея «Краеведческие записки» также были очень привлекательны своей возможностью ещё раз сказать веское слово в защиту истории казачьей столицы и её культуры [52].

В 1989 году Указом Верховного Совета РСФСР «За заслуги в области советской культуры и многолетнюю плодотворную работу» В. И. Кулишову присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» [53]. Вот оценка деятельности Владимира Ивановича искусствоведам В. В. Рязановым: «...многолетние труды [Кулишова] ещё долго будут приносить пользу и вдохновлять к творчеству всех тех, кто любит родной край, его историю и искусство» [2, с. 174].

Жизнь Кулишова и сама подобна увлекательной книге. Все главы в ней значительны! Как он совмещал в себе педагога и администратора, исследователя и публициста, искусствоведа

*Платовский комитет после открытия памятника основателю Новочеркаска. Май 1993 г.
Фото И. Скоморохова*

и краеведа, мужа, отца и общественного деятеля? Да ещё регулярно выходил с «мишкинцами» на пленэры. Многоплановость творческих идей и задумок Кулишова втягивала в этот творческий водоворот огромное количество близких по духу людей.

Бесспорно, одна из ярчайших глав книги жизни Владимира Ивановича — воссоздание памятника атаману М. И. Платову (1988—1995). Это была сложная, длительная борьба, продолжавшаяся несколько лет. Чтобы победить, активисты создали объединение единомышленников, названное Платовским комитетом. Возглавлял эту рабочую группу заместитель председателя горисполкома Н. Н. Чайковский. Его заместителем по комитету стал В. И. Кулишов. Причём вся группа действовала на общественных началах. Успеху команды, прежде всего, способствовало то, что Владимир Иванович был общественным деятелем — личностью широко известной и уважаемой не только в пределах Новочеркаска — к его мнению «отцы города» прислушивались. Чайковский доверял и Владимиру Ивановичу

и комитету, был единодушен с ними во всех поднимаемых вопросах. Как настоящий администратор, решал организационные проблемы. Во всём остальном — исторических моментах и нюансах — оставлял право за комитетчиками.

Все «платовцы» стояли на том, чтобы памятник был воссоздан, то есть, должен быть точной копией переплавленного в 30-е годы. Во-вторых, должен стоять на своём законном месте, куда его поставили благодарные донцы в 1853 году к 100-летию атамана. Но областные чиновники от культуры не давали на это добро, пытались вписать монумент то в рощу, то на пересечение дальних улиц, то в места, не имеющие никакого отношения к истории вопроса. Спорили и о новом варианте памятника, проталкивая «своих», столичных архитекторов с их идеями. К тому же оставался открытым вопрос: что делать с памятником Ленину, который стоял на историческом платовском постаменте? Большие сложности были и в том, что в годы революции уничтожили все документы и фото, связанные с возведением памятника в 1853 году. Словом, копий переломали немало!

Именно Владимир Иванович помог мне и моим коллегам по «Пресс-центру» администрации города донести эту важную страницу из истории казачьей столицы и донского края новочеркасцам. Он заходил к нам после заседаний и эмоционально делился новостями, которые потом шли в эфир местного ТВ. Мы знали, всех не в меру пылких оппонентов Кулишов всегда отсылал к историческим документам. Постоянно доказывал: историческую целостность города необходимо сохранять, несмотря на всевозможные ветры перемен и временщиков, стоящих у власти. Проявлял при этом принципиальность и твердость духа. Власть прибегала к различным ухищрениям: запугивала снятием с должности, исключением из очереди на получение жилья, обещала строгача по партийной линии. Разве можно материальными благами напугать человека, который имел духовные приоритеты и ценности?! Многочисленные бои группа выдержала достойно, без потерь [54].

Занимался воссозданием монумента заслуженный художник РСФСР, профессор скульптуры, член Академии художеств Александр Васильевич Тарасенко (22.03.1947—30.12.2013), который вернул ему первоначанный облик. Платов встал на своё законное место, а скульптуру В. И. Ленина переместили в пос. Октябрьский — рабочий микрорайон города. Это ли не пример уважения к истории своего Отечества? Более того, главной улице города и главному проспекту были возвращены их прежние

названия — улица Ленина снова стала Московской, а проспект Подтёлковский — Платовским.

Торжества в столице донского казачества в мае 1993 года, куда съехались гости со всей России, не прекращались три дня! Были также перезахоронены останки атаманов в усыпальнице Войскового кафедрального собора [55]. Вслед за возвращением Платова при активном содействии Платовского комитета был восстановлен и памятник Бакланову. Хотя оба монумента начали новую жизнь совсем недавно, кажется, что они всегда стояли, там, куда их поставили наши благодарные предки, отдавая должное прославленным патриотам своей Родины. Памятники являются не только настоящим украшением города, но и лицом столицы донского казачества.

Важна и деятельность Кулишова в Ростовском региональном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Последние восемь лет своей жизни он находился в серьёзном противостоянии с мэром А. П. Волковым, бывшим генералом. Как профессионала и гражданина, его задевало желание нового мэра перестраивать город в угоду себе, не считаясь с историческими фактами. Владимир Иванович очень болезненно воспринимал любые нарушения, касающиеся старинных зданий и сложившихся архитектурных ансамблей конца XIX — начала XX века, появление в центральной части города низкокачественных памятников и несуразных новоделов. Он считал, что власть должна бережно относиться к историческим ценностям столицы донского казачества. В категоричной форме выступал против перепланировки центральной, исторической части города, против строительства в Александровском саду гостиничного комплекса и реконструкции площади Ермака.

Свои соображения Кулишов высказывал в печати, на телевидении, в публичных выступлениях. За выступления на градостроительном совете против нововведений по перекройке города, в который он входил как искусствовед и художник, Владимир Иванович был выведен из этого значимого общественного института. Последним делом Кулишова, как члена Всероссийского общества охраны памятников, стала акция по остановке в июне 2009 года так называемой реконструкции исторической площади Ермака, когда мэр принял решение выложить вечернюю площадь казаков тротуарной плиткой, предварительно удалив исторический бульжник. Это мероприятие стоило Кулишову жизни. Обширный инфаркт унёс его жизнь 16 июня [56].

Как люди, хорошо знавшие Кулишова и его дела, могли почтить память этого человека? В своё время силами общественности начался сбор средств на возведение памятников Платову и Бакланову, перенос памятника Бакланову из Санкт-Петербурга в Новочеркасск. И группа активистов решила идти по такому же пути. Сразу был создан общественный совет из представителей двух творческих союзов — Союза художников РФ и Союза журналистов РФ. Усилиями Владимира Канаева, Константина Сиденина, Александра Глущенко, Елены Надтоки и автора этих строк была разработана долгосрочная программа действий, куда входили сбор средств на памятник общественному деятелю, установка памятной доски, присвоение Кулишовой звания «Почётный гражданин Новочеркаска» [57].

2011 год стал годом наших побед! 24 мая заслуженному работнику культуры России Владимиру Ивановичу Кулишову было посмертно присвоено звание «Почётный гражданин Новочеркаска» (действиями общественного совета были внесены необходимые корректировки в Устав города). Мэр города А. И. Кондратенко вручил соответствующее удостоверение вдове Н. Б. Кулишовой во время празднования Дня города [58]. Появился надгробный памятник на Мишкинском участке Новочеркасского кладбища [59]. 18 июня 2012 года открыли памятную доску на здании городского Дома культуры [60], где 13 лет размещалась детская художественная школа до того, как получила постоянное место жительства. Осознавая, что здание является памятником архитектуры начала XX века (Палата судебных установлений, архитектор А. Н. Бекетов), общественный совет предварительно обсудил этот вопрос с председателем Ростовского отделения ВООПИК А. О. Кожиным и министерством культуры области и получил положительный ответ. Бронзовую отливку для памятной доски бесплатно выполнил друг Кулишова народный художник России, академик С. Н. Олешня.

У каждого поколения есть свои лидеры. Только одних выдвигает власть, а других выбирает время. Масштабность личности познается чаще всего после ухода человека. Как живописец, искусствовед, организатор, педагог, писатель, журналист, старший научный сотрудник Музея истории донского казачества Владимир Иванович Кулишов своей жизнью и своими делами оказывал заметное влияние на формирование общественного мнения. Неутомимая деятельность Кулишова была на благо города, на обеспечение его духовного и культурного

потенциала. Он отстаивал самобытность Новочеркаска и боролся за её сохранение. Коллега и друг Кулишова, заслуженный учитель школы РСФСР В. Н. Репников писал: «*В нашей памяти Владимир Иванович останется разным — строгий руководитель и чуткий воспитатель, непримиримый полемист и добрый советчик, знаток искусства и любитель природы. Не забудется его приветливая улыбка и пожатие большой тёплой лагони*» [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жизнь как пример. Владимир Иванович Кулишов — художник, искусствовед, учитель, краевед : библиогр. указ. / Сост. Кондратюк И. И.; Центр. б-ка им. А. С. Пушкина. Новочеркасск, 2013. 16 с. : ил.
2. *Рязанов В. В.* Гражданин, учитель, художник, искусствовед // Краеведческие записки / Новочеркас. музей истории дон. казачества : [сб. науч. тр.] Вып. 10. : 200 лет Отечественной войне 1812 г. Ростов н/Д. : Альтаир, 2012. С. 172—174.
3. *Григасова Ж. П.* Сорок лет на орбите Новочеркаска // Деловой Новочеркасск. 2022. 6 апр. С. 4.
4. Достояние Горькой Балки : [о знаменитых уроженцах села, в числе которых В. И. Кулишов]. // Сельская газета : сайт [газ. Новопокровского р-на Краснодар. края]. URL : <https://selgazeta.ru/na-karte-rayona/dostoyanie-gorkoy-balki.html> (дата обращения: 15.08.25).
5. *Суркова Л.А.* Вечный поиск Александра Золотарёва // Музей современного изобразительного искусства на Дмитровской : [сайт]. URL : <http://msiid.ru/events/show/5a27eea3040ae0f802af2487> (дата обращения: 05.07.2025).
6. *Репников В. Н.* Щедрый талант // Частная лавочка. 2009. 25 июня. С. 2.
7. *Виноградова В. Н.* «Культурная революция» Нинэль Павленко // Новочеркасские ведомости. 2015. 28 янв. — 3 февр. С. 1.
8. *Павленко Н. А.* Школа юных художников : [в Новочеркасске] // Знамя коммуны. 1971. 16 апр. С. 4.
9. Полвека художка рисует свою историю // Деловой Новочеркасск. 2021. 13 окт. С. 3.
10. *Чернов П. Н.* Этот неуёмный Кулишов... // Частная лавочка. 2012. 12 апр. С. 9.

11. О присвоении имени Николая Никоноровича Дубовского муниципальному учреждению дополнительного образования детей «Детская художественная школа» города Новочеркаска / Городская дума 4-го созыва г. Новочеркаска Рост. обл. : Решение № 564 от 24.04.2009 г. URL: http://novochgrad.ru/acts_doc/cat_list/id/3/type/doc/start/80.html (дата обращения: 13.07.25).
12. *Мартынов М. В.* В память о художнике // Новочеркасские ведомости. 2011. 30 марта — 5 апр. С. 9.
13. *Григасова Ж. П.* Пейзаж настроения — пейзаж души // Деловой Новочеркасск. 2020. 23 дек. С. 4—5; *Её же.* Окно, распахнутое в настроение // Деловой Новочеркасск. 2022. 14 дек. С. 6.
14. *Бега Г. В.* Художественная студия организована // Знамя коммуны. 1956. 4 дек. С. 2; *Житков В.* Художественная студия института // Там же. 1955. 1 окт. С. 2.
15. *Его же.* Воспитание эстетических вкусов // Знамя коммуны. 1956. 3 янв. С. 3; *Его же.* Возрождаются славные традиции // Знамя коммуны. 1957. 12 нояб. С. 2.
16. *Репников В. Н.* Городскому клубу художников — 40 лет // Новочеркасские ведомости. 2011. 21—27 дек. С. 21.
17. *Бега Г. В.* Создать художественную студию // Знамя коммуны. 1958. 23 дек. С. 2.
18. *Репников В. Н.* Всплески. Художественные традиции Новочеркаска // Донская речь. 1993. 6 авг. С. 6—7.
19. *Таранов Г. П., Кулишов В. И.* Создадим клуб художников // Знамя коммуны. 1971. 4 нояб. С. 2; Клуб художников открыт // Знамя коммуны. 1971. 15 дек. С. 2.
20. *Храновский Д. В.* Юбилейная выставка городского клуба художников // Новочеркасские ведомости. 2025. 22—28 янв. С. 11.
21. Владимир Кулишов. Живопись. Статьи. Графика : К 70-летию со дня рождения : [Каталог выставки] / Вступ. ст. В. В. Рязанова. Новочеркасск. 2012. 16 с. : ил.
22. *Хомутова Е. Н.* Детище Кулишова — в музее М. Б. Грекова открылась выставка объединения «Мишкинские бугры» // Новочеркасские ведомости. 2019. 19—25 июня. С. 7; *Григасова Ж.* Дань Мастеру // Молот. 2019. 21 июня. С. 16.
23. *Григасова Ж. П.* Возвращена из забвения премия Николая Овечкина // Молот. 2014. 7 мая. С. 12.
24. Групповая выставка «Мишкинские бугры» : Живопись. Прикладное искусство. Графика : [каталог выставки] / В. И. Кулишов, сост., вступ. ст. Новочеркасск : НПП «НОК». 1998. 16 с.
25. Творческая группа «Мишкинские бугры» : Живопись / Вступ. ст. В. И. Кулишова. Ростов н/Д. : ТИТАН-ИНВЕСТ, 2005. 16 с. : цв. ил.
26. *Кулишов В. И.* Пухляковская весна // Донская речь. 1994. 15 июня. С. 1.
27. Творческая группа новочеркасских художников «Мишкинские бугры» : Каталог выставки в Музее современного изобраз. искусства на Дмитровской / Вступ. ст. В. И. Кулишова. Ростов н/Д. 2005. 16 с. цв. ил.
28. Мишкинские бугры // Ростовский областной музей изобразительных искусств : [сайт]. URL: https://romii.ru/exhibitions/?ELEMENT_ID=933 (дата обращения: 06.08.25).
29. *Григасова Ж. П.* На земле Тихого Дона: [в Царской башне Казанского вокзала представлены произведения двух донских творческих групп — новочеркасской «Мишкинские бугры» и ростовской «Лебяжий яр»] // Частная лавочка. 2016. 23 июня. С. 9.
30. *Её же.* «Мишкинские бугры»: двадцать лет спустя : [об открытии выставки, посвящённой 20-летию со дня основания творческого объединения художников Новочеркаска] // Частная лавочка. 2017. 28 дек. С. 8; Городской клуб художников Новочеркаска отмечает своё 45-летие выставкой // ИА «Дон24». URL: <https://don24.ru/special/gorodskoy-klub-hudozhnikov-novocherkasska-otmechaet-svoe-45-letie-vystavkoj.html> (дата обращения: 06.08.25).
31. *Репников В. Н.* Мечтаем о Новочеркасской Третьяковке: творческое наследие Н. Н. Дубовского // Донская речь. 1994. 29 апр. С. 7.
32. *Кулишов В. И.* Дубовской и передвижники в коллекции Музея истории донского казачества // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.] / Новочеркасский музей истории донского казачества. Вып. 1. Новочеркасск, 1994. С.74—81; *Его же.* Рок непризнания витает над Н. Н. Дубовским : [о судьбе коллекции картин худож.] // Донская речь. 1993. 30 апр. С. 3.
33. Н. Н. Дубовской : [альбом] / [авт. текстов, сост. Кулишов В. И.]. Ростов н/Д., 2008. 159 [1] с., [1] л. портр. : ил., портр., цв. ил.

- (Мастера изобразительного искусства Дона).
34. Кулишов В. И. Ограда Александроневской церкви // Знамя коммуны. 1991. 14 марта. С.3; *Его же*. Декоративное кружево Новочеркасска: [железная решётка колокольни Новочеркас. Вознесенского собора] // Знамя коммуны. 1991. 14 дек. С. 2.
 35. *Его же*. Из прошлого — в будущее города // Знамя коммуны. 1981. 9 июля. С. 2; *Его же*. «Ладушки» // Знамя коммуны. 1987. 21 янв. С.4; *Его же*. Дом архитектора В. Н. Куликова // Знамя коммуны. 1991. 26 февр. С. 3.
 36. *Его же*. Откровение. Рассказы о художниках-земляках : [П. С. Келлер] // Знамя коммуны. 1980. 2 февр. С. 4; *Его же*. Живописцы Донского края // Знамя коммуны. 1982. 20 марта. С. 3; 25 марта. С. 2, 26 марта. С. 4; *Его же*. Дружба с Репиным // Знамя коммуны. 1984. 25 дек. С. 4; *Его же*. Щедрость души : [памяти худож. Г. П. Таранова] // Донская речь. 1994. 17 окт. С. 1—2, 4; *Его же*. Влюблённый в свой город : [В. Н. Репников] // Частная лавочка. 2003. 30 апр. С. 4.
 37. *Его же*. Николай Дубовской // Огонёк. 1985. №5. С. 9.
 38. *Его же*. Атаман Войска Донского : [об утраченном памятнике М. И. Платову] // Художник. 1990. № 5. С. 54—58.
 39. Конюхов В., Кулишов В. Памяти нашей колокола : [о памятниках и истории Новочеркасска] // Молот. 1989. 6—7 янв. С. 5; Кулишов В. Летописец своего времени : [о худож. А. В. Тимофееве] // Молот. 1999. 10 авг. С.4; *Его же*. И целый мир в подарок : [о В. Н. Лемешеве] // Молот. 2007. 21 сент. С. 12.
 40. Кулишов В. И. Знамя Дубовского: [о выставке в Ростове] // Наше время. 2001. 20 июля. С. 12.
 41. *Его же*. Продолжатель традиций : [к 10-летию со дня смерти народного художника СССР Н. В. Овечкина] // Культура Дона. 2003. № 5—6, С. 3; *Его же*. Люди — годы — жизнь: [о персон. выставке В. Н. Лемешева] // Культура Дона. 2007. Окт. (№ 10). С. 5; *Его же*. Летописец Гражданской войны: [М. Б. Греков] // Культура Дона. 2008. Янв. (№ 1). С. 4; Кулишов В., Науменко В. Раскрепощать людское чувство : [о Н. Н. Дубовском] // Культура Дона. 2005. Июль (№ 7). С. 5.
 42. Кулишов В. И. Фемида уступила Мельпомене : [о театре и ГДК] // Новочеркассък. 2002. №1. С. 35; *Его же*. Забытое имя — живописец Фрикке // Новочеркассък. 2004. № 1(8). С. 32—33.
 43. *Его же*. Митрофан Борисович Греков // Певцы донского края : очерки о художниках. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, С. 67—111.
 44. *Его же*. Градостроительство Таганрога // Энциклопедия Таганрога. Ростов н/Д., 2003. С. 120—122.
 45. *Его же*. В низовьях Дона. М. : Искусство. 1987, 175 с.: ил. (Дороги к прекрасному).
 46. Новочеркассък: город, история, архитектура /авт.текста и сост. В. И. Кулишов. Новочеркассък : Дон-ЛБЛ, 1995. 33 с.: цв. ил.
 47. Кулишов В. И. Градостроительная культура : [Новочеркасска] // Новочеркассък : энцикл. Новочеркассък : НОВОПРИНТ, 2005. С.53—57.
 48. *Его же*. Скульптурные памятники : [Новочеркасска] // Новочеркассък : энцикл. Новочеркассък : НОВОПРИНТ, 2005. С.105—108.
 49. Кулишов Владимир Иванович // Культура Дона третьего тысячелетия. Т. 1. Ростов н/Д, 2004. С. 103; Кулишов Владимир Иванович // Новочеркассък : энцикл. Новочеркассък : NOVOPRINT, 2005. С. 459.
 50. М. Б. Греков / Авт.текста, сост. В. И. Кулишов. Ростов н/Д. : Омега-принт. 2008. 120 с.: цв. ил. (Мастера изобразительного искусства Дона).
 51. Художник И. И. Крылов — певец донской степи : межмузейный проект : монограф. выставка : Живопись, графика, мемор. фото, док. из коллекций Новочеркас. музея истории дон. казачества, Дома-музея И. И. Крылова, Рост. обл. музея изобраз. искусств, Рост. обл. музея краеведения / Сост.: В. И. Кулишов, Е. А. Григоренко; Авт. ст. В. И. Кулишов. Ростов н/Д. : NB, 2006. 30 с.: цв. ил.
 52. Кулишов В. И. Архитекторы — строители Новочеркасска : [краткие биограф. сведения] // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.]. Вып. 4. Новочеркассък, 1999. С. 124—131; *Его же*. Художник-степняк : [об И. И. Крылове] // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.]. Вып. 5. Новочеркассък, 2002. С. 91—95; *Его же*. Забытое имя: живописец Л. Х. Фрикке // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.]. Вып. 7. Новочеркассък : Полиграф-Маркет, 2005. С. 33—41; *Его же*. Казачья

мемориальная тема в архитектуре Новочеркаска // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.]. Вып. 8. Ростов н/Д. : NV, 2006. С. 57—68.

53. *Терновский И.* Заслуженный работник // Знамя коммуны. 1989. 12 апр. С. 1.
54. *Кулишов В. И.* Баталии вокруг... Платова // Комсомолец. 1989. 28 окт. С. 6; *Его же.* Памятник М. И. Платову: история создания и воссоздания // Краеведческие записки : [сб. науч. тр.]. Вып. 6. Новочеркасск : НОК, 2003. С. 75—89.
55. *Григасова Ж. П.* Не прерывайся, связь времён : [к 25-летию воссоздания памятника атаману Платову] // Частная лавочка. 2018. 17 мая. С. 7.
56. *Её же.* Обоюдное притяжение, или Год без Владимира Кулишова // Частная лавочка. 2010. 17 июня. С. 4, 9.

57. *Нагтока Е. М.* Памятник — категория нравственная // Частная лавочка. 2009. 25 июня. С. 3; *Её же.* Установим памятник Владимиру Кулишову // Частная лавочка. 2010. 30 сент. С. 4.
58. *Её же.* Владимир Кулишов — почётный гражданин Новочеркаска // Частная лавочка. 2011. 2 июня. С. 9.
59. *Её же.* Учителю — этюды и сирень: [об открытии надгробного памятника В. И. Кулишову] // Частная лавочка. 2011. 19 мая. С. 9.
60. *Мартынов М. В.* Человеку. Гражданину. Художнику: [открытие мемор. доски В. И. Кулишову] // Новочеркасские ведомости. 2012. 20—26 июня. С. 18.

А. Н. ПЕРЕПЕЧ

МУЗЫКАНТ И ПОЭТ

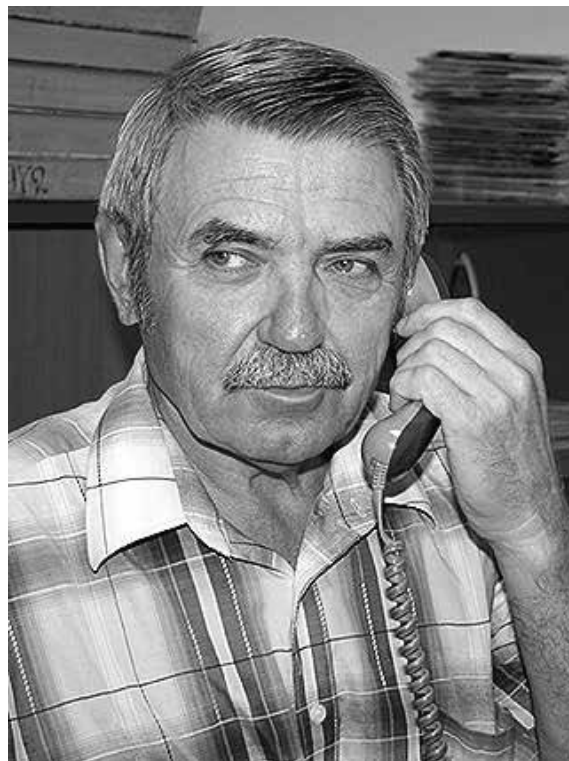
Памяти В. А. Костенко

«Вы знаете, что будет концерт, — говорил Владимир Костенко (и называл фамилию исполнителя). — Вы обязательно должны прийти, иначе я Вас не пойму».

И я хочу поведать о сальчанине с его особенным отношением к музыке и литературному слову.

Родился 9 января 1941 года на хуторе Шевцов Вейделевского района Белгородской области. Семилетку окончил в родном хуторе, десять классов — в селе Николаевка. Рос без отца. Отец в 1943-м погиб на фронте. На долю Владимира Костенко выпали все трудности послевоенного мальчишки. Однако, как он писал, было там тепло как «в прошлом том раю» [1]. Пятерых детей поднимала мама, к которой у него осталось особенно трепетное отношение. Мама научила мудрым законам жизни: «Держать надо голову прямо». По материнским заветам он и прожил.

С детства проявилась тяга к поэтическому слову. Сочинение на аттестат зрелости Володя написал в стихах. Он вспоминал, что об этом в июне 1958 года сообщила районная газета «За новую жизнь». А любовь к народному инструменту балалайке привил, вернувшийся с фронта, старший брат. В стихах балалайку Владимир

В. А. Костенко в редакции газеты «Сальская степь». Фото редакции

Людмила Николаевна Перепеч, краевед. г. Сальск

с любовью называл не иначе, как балалаечка, веселушечка, озорнушечка, россиянушка.

Окончил Воронежскую областную культурно-просветительную школу, затем с отличием Московский государственный институт культуры, Краснодарское музыкальное училище имени Н. А. Римского-Корсакова, Саратовскую государственную консерваторию имени Л. В. Собинова по классу народных инструментов.

В жизни Владимира Александровича можно выделить несколько творческих этапов: музыка, журналистика, поэтическое творчество и краеведение.

Обучаясь в институте культуры, активно сотрудничал со студенческой многотиражкой «Ленинец». Занимался в институтском литературном объединении.

В Сальск приехал из Москвы студентом на преддипломную практику во Дворец культуры железнодорожников. Сначала отремонтировал инструменты, доставшиеся от первого руководителя оркестра народных инструментов, музыканта-балалаечника Бориса Владимировича Харкевича, а затем собрал и сплотил самодеятельный коллектив играющих на русских народных инструментах. Подбадривающим отзывом от Владимира Моисеевича Рубинштейна, преподавателя по классу дирижирования Московского государственного института культуры, и наградой за хорошую организацию оркестра народных инструментов от председателя райпрофсожа Сальского отделения Северо-Кавказской железной дороги Д. М. Басова отмечен его первый профессиональный успех.

В 1964 году Владимир Костенко получил диплом по специальности «клубный работник высшей квалификации». После защиты диплома молодой специалист решил вернуться в Сальск, поскольку за месяцы преддипломной практики успел полюбить южный город с его обилием в то время дешёвых помидоров, арбузов, винограда.

В 1967 году его оркестр участвовал в смотре художественной самодеятельности Северо-Кавказской железной дороги. В оркестре к тому времени было уже 30 человек — большой творческий коллектив.

В мае 1971 года Владимира Александровича назначили директором городского дома культуры «Коммунар». Но народная музыка привела его 1 сентября 1972 года в детскую музыкальную школу (ныне школа искусств № 1), где он начал обучать ребят игре на балалайке. Вскоре Владимир Александрович был назначен завучем школы. Вот как охарактеризовал его вклад

в развитие музыкальной школы преподаватель В. Н. Безруков: «Период вступления в должность завуча школы Владимира Александровича Костенко, человека, влюбленного в русскую балалайку, в оркестр народных инструментов, был ознаменован подъёмом работы отдела русских народных инструментов. В школе были открыты классы балалайки и домры. Плодотворно работал педагогический ансамбль русских народных инструментов» [2, с. 139].

С 1977 года В. А. Костенко принял активное участие в создании детской музыкальной школы № 2 в микрорайоне Ново-Сальска — открывались классы струнных народных инструментов. Красоту народной культуры передавали мелодичные звуки его балалайки и домры.

Город Сальск стал родным. Сочинив более двухсот песен (он автор музыки и слов), из них свыше тридцати произведений посвятил Сальску.

«Над степью зависла весенняя дымка,
Над полем стрела журавлей пронеслась...

Как в стоге соломы игла-невидимка,
На карте страны затерялся мой Сальск.

Припев:

А зори над Сальском синии,
Простор для ветров степных,
А девушки в Сальске красивые —
Не сыщешь нигде таких» [3].

Живя в степном краю, впитал в себя многоцветье южной степи, неповторимый, настоящий на степных травах, её аромат: «Люблю я всем сердцем степные просторы» [4, с. 75].

В Сальске Владимир Костенко встретил свою судьбу — Людмилу Михайловну Куксину, такого же творческого работника культуры. Их сыновья пошли по стопам родителей. В 2020 году семью наградили знаком Губернатора Ростовской области «Во благо семьи и общества».

Как музыкант по первой профессии — не только преподавал в детских музыкальных школах № 1 и № 2 города Сальска, но и руководил оркестром народных инструментов школы № 1 и ансамблем профессиональных музыкантов «Ковыль-струна» в Доме культуры железнодорожников. О Владимире Костенко говорили: «Человек влюблённый в балалайку». С концертами выезжали на МТФ Сальского района, на Атоммаш, участвовали в областных и всероссийских конкурсах и фестивалях. В 1970-м руководимая Костенко агитбригада «Живая газета из Сальска» прославляла наш город на ВДНХ в столице [2, с. 240—251].

В 1964 году Владимир Александрович пришёл в Сальское литературное объединение (в

*А. А. Костенко на открытии мемориальной доски писателю Г. С. Колесникову. Сальск, 2007 г.
Фото А. Н. Перепеч*

дальнейшем литобъединение получило название «Степные колокольчики»). В 1985-м его избрали руководителем литобъединения.

А первая публикация «Приглашаем любителей музыки» ещё студента-практиканта Московского государственного института культуры Владимира Костенко в газете «На подъёме» (в настоящее время «Сальская степь») опубликована 15 сентября 1964 года. С того времени он сотрудничал с газетой в качестве рабкора. Подробно этот период своей творческой жизни Костенко описал в своей книге «Одержимая натура — стиль подвижников культуры» [2, с. 12—140].

Второй профессией для Владимира Александровича стала журналистика. С 1 сентября 1987 года он штатный сотрудник «Сальской степи». Окончил Ростовский региональный учебный центр журналистики. В газете заведовал отделом культуры и спорта. За годы работы в редакции ни в одной статье не написал плохо о людях, не заклеил позором и не подверг критике. Он показывал достижения сальчан и раскрывал восходящие таланты.

Охотно встречался с работниками предприятий и хозяйств района. На одной из встреч, как мастер слова, получил в награду мастеров с именной надписью.

Владимир Александрович — инициатор создания и редактор ежемесячного литературного приложения «Степная лира» (с 2003) к газете «Сальская степь». На страницах «Степной лиры» получали путёвку в литературу начинающие авторы, утверждались в своём творчестве опытные литераторы, а сальчане имели возможность познакомиться с новыми произведениями своих земляков. В. Костенко умел находить таланты: «Так это ж интереснейший человек, — говорил он, делая ударение на слово «интереснейший»».

Член Союза журналистов России (1989), лауреат премии областной журналистской организации имени Николая Погодина (1991), «Человек года» Сальского района в номинации «Журналист года» (2004). За заслуги перед донской литературой награждён юбилейной медалью к 100-летию М. А. Шолохова.

Публиковался Владимир Александрович в альманахе «Истоки» (издательство «Молодая гвардия»), в коллективных сборниках Ростиздата «Открытое письмо» и «Синий голос», в журналах «Смена», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Дон», «Литературная Осетия», газетах «Книжное обозрение», «Молот», «Комсомолец Калмыкии», «Ленинская смена».

Пробовал себя и как переводчик. В 1992 году в издательстве «Ир» (Владикавказ) вышла книга стихотворений осетинского поэта Чермена Айларова «Вот как вырасту большим...» в переводе В. А. Костенко.

Человек многогранный, постоянно ищущий. Книги его названы так, будто читая название уже слышишь льющуюся со страниц музыку: «Косинус клавишей» [5], «Солнечная флейта» [6].

Хитроватый прищур глаз, короткий ежик волос на голове и неизменный фотоаппарат. А улыбка лёгкая в усы, обаятельная и, тоже кажется, с хитринкой, как бы говорящая: «А вот я узнаю, что ты за собеседник». Спокоен, мудр, философичен. Таким его запомнили сальчане. Внешнее спокойствие удивительно уживалось с буйством чувств. Они в стихах! Ни дня без строчки — решил для себя Костенко:

«Писать!
Ежедневно писать!
Как брёвна большие тесать.
Как борону полем тянуть.
Как невод в реку окунуть.
Писать!
Ежедневно писать!
Как уголья в топку бросать.
Как глину ногами месить.
Как в поле пшеницу косить» [7, с.190].

Владимир Александрович — автор восемнадцати книг, в большинстве изданных за свой счёт и отпечатанных в местной типографии «Талер». Творчество его разнообразно: стихи, песни, поэмы, новеллы, миниатюры, проза. Первый

поэтический сборник «Солнечная флейта» читатели увидели в 1995 году [6]. Затем появились сборники стихов «Теплынь-лето» [8], «Цвет осенний» [3], «Женщина средних лет» [9], «Ах, чистое озеро — мамин портрет» [7], «Разговор с сердцем» [10], «Когда поднимается солнце» [11], «Счастье — кони и поезд, и движенье, и поиск» [4], «Огонёк в окне» [12], «Если в руке рука» [1], «Мы ценим молодость потом...» [13]. О чём стихи? — о самом дорогом и близком: родителях, родине в большом и малом её понимании, русской природе, в них философия и любовь автора к жизни. В стихах много афоризмов: «Надо сначала любовь потерять, чтобы по ней спохватиться», «Из песни слов не выкинешь, как из души — любовь», «Но знай, что ты нужен обществу, пока тебя любит женщина», «Каждый человек — он всегда подлинник. Беспольный труг — отыскать копию».

Среди прозаических произведений отметим повесть и рассказы «Косинус клавишей» [5], очерки о культуре и работниках культуры («У чистого родника культуры» [14], «Лирические мгновения культуры» [15], «Одержимая натура — стиль подвижников культуры» [2], «Город кудесников — город гостей» [16]), очерки о знаменитых гостях в разные годы выступавших на сценических площадках города: почётном гражданине Сальска и Сальского района Игоре Лученке [14, с. 137—147; 16, с. 3—70], певицах Марии Мордасовой [16, с. 112—117] и Эдите Пъехе [14, с. 148—155; 16, с. 138—144], актёре Евгении Леонове [16, с. 124—130] и многих других.

Возвратил на малую родину имена почти забытых современников. Например, Олега

Николаевича Хромушина, композитора и дирижёра [2, с. 252—260]. Он родился в нашем городе. Писал музыку для эстрадных оркестров ленинградского и Гостелерадио, возглавлял кафедру духовых инструментов Ленинградского института культуры. Теперь произведения Хромушина исполняют учащиеся музыкальных школ в Сальске. А книга «Жизнь сложилась, жизнь продолжается» [17] — о хирурге Анатолии Партолине и его семье! Здесь мы можем говорить о Владимире Костенко как о краеведе, о его вкладе в сальское краеведение.

К своему 75-летию Владимир Александрович подготовил книгу «Не мною сказано» [18], в которой собрал отзывы коллег по перу и почитателей творчества из Ростова, Москвы, Калмыкии, Большой Мартыновки, Владикавказа, Белгорода. «Творческая жизнь Владимира Костенко настолько богата на внутреннюю доброту, сердечный жар, — писала Ольга Губарева, — что, прикоснувшись ... любой из нас испытывает трепет и душевное волнение» [7, с. 3].

Таким он останется в нашей памяти. Замечательный человек, поистине русский, с русской душой, болеющий за будущее России, открывшийся с этой стороны в одном из стихотворений «Я в России родился» [4, с. 83].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Костенко В. Если в руке рука. Сальск : Талер, 2018. С. 19.
2. Его же. Одержимая натура — стиль подвижников культуры. Сальск : Талер, 2017.
3. Его же. Цвет осенний : Стихи и песни. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2002. С. 178.

4. Его же. Счастье — кони и поезд, и движение, и поиск. Сальск : Талер, 2009.
5. Его же. Косинус клавишей : повесть и рассказы. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2002. 127 с. : ил.
6. Его же. Солнечная флейта : Стихи. Сальск : Талер, 1995. 242 с.
7. Его же. Ах, чистое озеро — мамин портрет : Стихотворения разных лет. Сальск : Талер, 2009.
8. Его же. Теплынь-лето. Ростов н/Д. : МП Книга, 1999. 104 с.
9. Его же. Женщина средних лет : Стихи и поэма. Сальск : Талер, 2006. 216 с.
10. Его же. Разговор с сердцем : Стихотворения и поэма. Сальск : Талер, 2010. 363 с.
11. Его же. Когда поднимается солнце : Стихотворения разных лет. Сальск : Талер, 2010. 360 с.
12. Его же. Огонёк в окне : Стихотворения. Сальск : Талер, 2013. 339 с.
13. Его же. Мы ценим молодость потом... : Стихотворения разных лет. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2008. 416 с.
14. Его же. У чистого родника культуры. Сальск : Талер, 2011.
15. Его же. Лирические мгновения культуры : В ритме фоторифмы. Сальск : Талер, 2012. 240 с. : ил.
16. Его же. Город кудесников, город гостей. Сальск : Талер, 2007.
17. Его же. Жизнь сложилась, жизнь продолжается : Лирический очерк о замечательной семье. Сальск : Талер, 2009. 127 с.
18. Его же. Не мною сказано : Хроника жизни и деятельности. Сальск : Талер, 2016. 522 с. : ил.

А. А. СУРКОВА

ДО И ПОСЛЕ МИЛЛЕНИУМА

В 2026 году исполняется 35 лет телевизионному художественно-публицистическому проекту ГТРК «ДОН-ТР» «Провинциальный салон». Для регионального телевидения России дата беспрецедентная.

В последнее время неожиданно часто — на ваших передачах». Одни — постарше, кто-то — совсем взрослый, или очевидно молодой. Дальше, как правило, следуют воспоминания

Любовь Александровна Суркова, журналист, редактор телевизионных программ ГТРК «Дон-ТР» на канале «Россия-1», заслуженный работник культуры РФ, почётный член Российской академии художеств, кандидат философских наук. Сообщение на XI Коршиковских чтениях под названием: «"Провинциальный салон" — краеведческий художественно-публицистический проект телерадиокомпании "Дон-ТР". К 35-летию создания»

и благодарности. Приятно, конечно. Смущают только слова: «Я вырос на...». Неужели мы так давно общаемся через экран?

Безусловно, годы размывают картину, но всё же попытаемся вспомнить.

Эта телевизионная история началась, когда в центре Ростова ещё высились две, огороженные забором, стройки — библиотеки и театра; когда в молодом Волгодонске властителем дум был Николай Николаевич Задорожный, а главным местом притяжения — его театр; когда в древнем Танаисе свили гнездо талантливые поэты, а остроумные художники из группы «Искусство или смерть» проводили свои эпатажные вернисажи в самых неожиданных местах донской столицы. Точнее, это было за десять лет до смены тысячелетий.

В ту пору старейшая на Дону студия телевидения (позже она трансформируется в государственную телерадиокомпанию «Дон-ТР») помимо знаменитой информационной программы «День Дона» готовила детские, молодёжные, музыкальные, спортивные, сельские, промышленные и, даже, атеистические программы; транслировала в прямом эфире футбольные матчи, театральные спектакли и концерты. Мэтры — режиссёры «Донтеlevisionа» не на видео, а на настоящей киноплёнке снимали документальное кино.

Неотвратимо наступало время перемен, под горячую руку в революционном порыве, сметая и дурное, и доброе. Однажды мы проснулись в другой стране. Стремительно менялась шкала приоритетов, рухнули многие, ещё недавно казавшиеся незыблемыми, ценности. Наконец, в публичных дискуссиях, едва ли не родовым признаком наших сограждан, была признана ненормативная лексика (это этих дней мы слышим в лексиконе сегодняшних школьников).

В таком контексте телевидение никак не могло оставаться прежним, на глазах обретая новую миссию. Мы с режиссёром Людмилой Рублевской ещё работали в молодёжной редакции, где нашими героями были не только молодые механизаторы, передовики производства, учёные, студенты, но и хорошо нам знакомые (поскольку в редакции собрались театралы, любители музыки, вернисажей и книжных новинок) их ровесники — актёры, музыканты, поэты, художники. В пору, когда менялся весь алгоритм телевизионного эфира, придумалась программа, которую мы назвали «Провинциальный салон». Сегодня не вспомню из чьей песни эти слова. Но нам было важно уже в названии заявить позицию, дать понять, что речь пойдёт

Съёмки на родине М. А. Шолохова. Слева направо: Л. Суркова, Л. Рублевская, оператор С. Ковалёв, А. Шолохов, внук писателя. 2000 г.

не о столичных звёздах, что программу интересует именно наша донская история, культура и её люди. А слово «салон» обозначало только, что наш эфир — не тусовка.

До сих пор на стене в редакции висит большая чёрно-белая фотография, сделанная в праздничной студии сразу после первого эфира. Под новогодней ёлкой усталые и счастливые создатели передачи и наши друзья, замечательные художники Вячеслав Козлов и Анатолий Решетов, подарившие первую заставку программы, которую мы несколько лет возили на съёмки в архивы, библиотеки, музеи, актёрские гримёрки, мастерские художников и реставраторов, превращая их на время эфира в «Провинциальный салон». Среди гостей и ныне уже легендарный поэт Геннадий Жуков, один из создателей «заозёрной школы», о которой Люся Рублевская снимет обошедший всю страну фильм «Здесь, под античным небом Танаиса» [1]. Но это уже потом.

С той поры в эфир вышли около двух тысяч программ и фильмов, которые создавала компания единомышленников. Не могу не назвать имена талантливых и бескорыстных товарищей: Люся Рублевская, Саша Расторгуев, Сусанна Баранжиева, Аллочка Иванова, Ника Богма, Наташа Соколова, Саша Вахнин, Серёжа Смирнов, Лена Пономарёва, Эдик Кечеджиян, Серёжа Ковалёв, Лёня Ковалевский, Наташа Седакина, Вера Горбатова, Лена Ленкова,

Рабочий момент первого эфира программы «Провинциальный салон». 1991 г.

Виталик Дедогрюк, Олег Пудов. Они принесли на Дон многие престижные награды профессионального теле- и кино сообщества. Связанные с ними весёлые и добрые истории вспоминаются часто.

Снова и снова повторяю с благодарностью, что «Провинциальный салон» щедро дарил нам встречи с невероятными нашими современниками. Нередко это были люди, творящие в далёкой от мегаполисов глубинке, как, легендарный Зимовниковский любительский кукольный театр или фольклорный ансамбль Геннадия Вечёркина «Православный Дон» из станицы Боковской, и приносящие высокий смысл в жизнь своих земляков. Хотя бывало по-разному. Суровое время перестройки не щадило культуру — библиотеки не получали денег на подписку и новую литературу, музыкальные школы — на инструменты, клубы — на ремонт, музеи — на реставрацию, театры — на премьеры. В азарте передела собственности лишился выставочных залов Ростов-на-Дону. О символических зарплатах тех, кого называют работниками культуры, и говорить не приходилось. К счастью, в эти смутные времена нашим современником был мудрый Юрий Андреевич Жданов, не устававший повторять, что не рынок, не бизнес, только «культура — это остров

человеческого спасения. Русская культура — это один из немногих островков духовности в бездушном океане современной цивилизации» [2]. И как-то само собой становилось очевидным, что мало только рассказывать о талантливых земляках, их победах и проблемах, о происходящем в наши дни в профессиональном и самодеятельном искусстве области. Надо пытаться помочь. Возможно, это и есть — миссия телевидения?

Так, в нашем эфире задолго до появления на Дону фестиваля «Мельпомена» родилось ежегодное обозрение «Театральная площадь». Родилось из желания не пропустить уникальные творческие находки в нестоличной театральной среде. И вот уже четвёртый десяток лет, каждый сентябрь, мы вручаем эксклюзивные награды — колокольчики, созданные специально для проекта замечательными семикаракорскими художниками Верой и Игорем Овчинниковыми [3] за самые яркие работы театрального сезона. Лауреатов уже добрая сотня — актёры, режиссёры, сценографы, дирижёры, композиторы, художники по свету. И как же мы радуемся, когда через годы замеченные нами таланты становятся признанными в стране мастерами сцены — Татьяна Шкрабак, Владислав Ветров, Степан Зограбян, Николай Ханжаров, Игорь

В редакции «Провинциального салона». 1998 г.

Левин, Валерия Искворина, Анна Шаповалова, Наталья Дмитриевская, Пётр Макаров — всех не перечислить!

Мне уже приходилось рассказывать, что ещё одна любимая традиция — Рождественская встреча в «Провинциальном салоне» тоже выросла из желания помочь. Музею нужны были

деньги для реставрации редчайшего экспоната. Нас попросили провести телемарафон, но понятно, что это всегда только единичная акция, а культуре нужны верные друзья. В те далёкие времена в России тема благотворительности законодательно ещё не была разработана. И мы предложили в канун Рождества собирать деятелей донской культуры, создавших нечто уникальное. Придумали приз «Авторам невероятной идеи» — это когда тебе не поручали, у тебя нет бюджета, но ты не можешь не сделать музей, памятник, спектакль, книгу — воплотить заветную мечту. Специальные гости на этих праздниках — меценаты.

На Рождественских встречах родилось немало новых творческих затей и союзов. Разумеется, у нас никогда не было бюджета на такие праздники. Но, недаром говорится — не имей 100 рублей. И хотя не все спонсоры были готовы появляться публично, благотворителям года мы вручаем медали, созданные теми же художниками.

Сегодня трудно представить какой бывала обстановка в лихие 90-е. Никогда не забуду, как в канун миллениума один бизнесмен, щедро поддержавший ростовских артистов, получил на нашей Рождественской встрече в Таганрогском музее-заповеднике медаль. Атмосфера на записи программы и такое количество вдохновенных людей его настолько поразили, что в благодарность он пригласил всю нашу большую съёмочную группу с семьями на праздник в ресторан. Это был замечательный вечер, душой которого стал наш новый

«Провинциальный салон» 10 лет в эфире. Рождественская встреча. 2001 г.

20 лет в эфире. С лауреатами программы. 2011 г.

знакомый. Через несколько месяцев из криминальной хроники мы узнали, что его застрелили.

Разумеется, очень многое рождалось вопреки циничному времени: в Ростове играл джаз-оркестр Кима Назаретова и собирал театры всего мира, первый в стране, задуманный Володей Чигишевым, фестиваль спектаклей для детей «Минифест»; в Таганроге неутомимый Александр Гуревич объединил талантливых музыкантов в камерный оркестр, ставший сегодня визитной карточкой города; вчерашние выпускники РГУ, историки по призванию Володя Гладченко, Валера Чеснок, Толик Горбенко превращали скромные провинциальные музеи Аксая, Танаиса, Азова в мощные культурные центры Юга России.

Помню, как вместе с Любой Захарченко, той самой, которой Булат Окуджава вручил за её незабываемые песни Гран-при, мы в редакции придумывали первый на Дону фестиваль бардовской песни «Ростовское метро». Это было в год, когда Донская публичная библиотека обрела свой долгожданный новый дом на улице Пушкинской, и самые любимые барды России стали её первыми гостями. Кадры этих дней — бесценный архив редакции.

В Новошахтинске и сегодня с благодарностью говорят о том, что только после нашей передачи четверть века назад старейший любительский театр получил, наконец, собственный кров, где и по сей день обитает, известный едва ли не всей стране муниципальный театр этого

маленького шахтёрского городка. Теперь он носит имя старейшины донской сцены, народного артиста СССР Михаила Ильича Бушнова и почти десять лет проводит Международный театральный фестиваль.

Как-то тепло становится на душе, когда вспоминаешь, что с подачи «Провинциального салона» была построена картинная галерея рядом с усадьбой А. В. Калинина в хуторе Пухляковском и издан её каталог; родился ныне знаменитый фестиваль в честь Азовского осажденного сидения; в Великокняжеском конезаводе — международный художественный фестиваль «Удивительный мир лошади»; совместная с ДГПБ акция «Заветная книжная полка»; в Ростове-на-Дону установлен памятник основателю отечественного кино казаку Ханжонкову, а ещё мемориальные доски на гимназии, где он учился, и кинотеатре, где он увидел первый в жизни фильм.

Из каких то программ выросли фильмы — о Платове [4], Шолохове [5], Назаретове [6], Закруткине [7], Бушнове [8], Калинине [9], Чехове [10]. Из каких-то — издательские проекты: «Прогулка по любимому городу из XVIII в XXI век» [11], «Наши» [12], «Театральный Дон» [13], «Всё, что было не со мной, помню» [14] и др.

Сегодня как-то даже забавно вспоминать о том, сколько в конце XX века было споров, самых невероятных прогнозов о будущем, которое ждёт в третьем тысячелетии человечество! Словно и впрямь комбинация цифр способна

Презентация фильма «Казачьи вёрсты 1812 года». Ростов-на-Дону, ДГПБ. 2012 г.

повлиять на жизнь людей. Правда, одно невероятное событие на Дону в самый канун миллениума всё же случилось — появилась опера, а следом — и балет. «Провинциальный салон» с первых шагов стал летописцем Ростовского музыкального театра, а его бессменный генеральный директор и художественный руководитель Вячеслав Митрофанович Кущёв, безусловно по справедливости обладатель нашего заветного колокольчика.

Было и ещё знаковое событие. Наши ребята — режиссёр Саша Расторгуев и оператор Эдик Кечеджиян — первыми на Дону получили ТЭФФИ за фильм «Твой род» [15].

Возможно, на общую культурную ситуацию повлияло и то, что эпиграфом к миллениуму стало 200-летие Александра Сергеевича Пушкина, которое так грандиозно отметили по всей стране и на Дону, конечно. Весь юбилейный год мы вели в эфире цикл программ «Импровизация на пушкинскую тему», где знакомились с замечательными и, как оказалось, многочисленными — от мала до велика — почитателями великого поэта. Камертоном этой эфирной истории был Ю. А. Жданов, для которого Пушкин — любимый собеседник и точка отсчёта национальной культуры. Помню в тот год в селе «Привольное» местный почтальон подписала 100 дворов на пушкинскую газету «Дар», редактором которой была невероятная Нина Забабурова. А когда холодным зимним днём мы туда приехали, хуторяне прямо на улице читали нам

на память пушкинские строки. Тогда же глава Волгодонского района Виктор Мельников затеял бардовский фестиваль «Струны души», двадцать лет собиравший в старой казачьей станице Романовской поющий люд со всей страны. С той поры в редакции живёт изящный бюст поэта, подаренный после нашей программы коллекционером Лаптевым.

Обаяние этого проекта было так велико, что два десятилетия спустя, уже в эпоху интернета и искусственного интеллекта, мы рискнули к нему вернуться. В год 220-летия поэта мы создали пять программ цикла «Импровизация на пушкинскую тему»; объехали всю область, побывали на чудесном празднике «Пушкин и древности», который с лёгкой руки поэтов и художников продолжает жить в Танаисе; увидели целый хоровод пушкинских спектаклей в больших и малых театрах Дона. Какая же была радость познакомиться с новым поколением наших земляков, для которых юбиляр — это опять «Мой Пушкин». Так назывался спектакль юных воспитанников студии при самом молодом в области Волгодонском молодёжном театре. Они победили на всероссийском фестивале и играли его в Москве.

Это был год счастливых открытий. И, пожалуй, самое незабываемое из них — проект Донской публичной библиотеки «Онегин, добрый мой приятель», созданный недавней выпускницей ЮФУ Дашей Цепкало. То ли лекция, то ли спектакль, но так влюблённо эти молодые

люди вводили своих сначала случайных собеседников в мир Пушкина, что к финалу встречи все говорили на одном языке. А таких встреч в течение года, при неизменном аншлаге, было немало. Вот уж, поистине, «Да здравствуют музы, да здравствует разум!».

Надеюсь, что мы понемногу учились у наших героев. Но был среди них один, в рабочем порядке преподавший нам урок. Я имею в виду Тура Хейердала, выдающегося норвежского путешественника и исследователя. Во Франции он побывал на выставке сокровищ из Азовского музея-заповедника и так впечатлился, что на склоне лет организовал в Азове за свой счёт археологическую экспедицию. В мае 2001 года он побывал на городском кладбище и принёс цветы на могилы солдат Великой Отечественной. У нас был договор о съёмках фильма. В один из дней я принесла любимую книжку сына «В поисках рая», чтобы взять автограф, и спросила автора: «Вы так давно начали искать рай, удалось?». На что Хейердал ответил: «Удалось узнать, что рай — это не географическое понятие. Если хочешь жить в раю, надо искать не врагов, а друзей» [16].

Думаю, что за свои 35 лет «Провинциальный салон» создал видеолетопись большинства эксклюзивных донских фестивалей — фольклорных, театральных, литературных, хореографических, музыкальных, исторических: «Минифест», «На родине Чехова», «Русская комедия», «Завтра была война», «Любовь, что движет солнце и светила», «Шолоховская весна», «Калининское лето», «Ростовский джаз приглашает», «МОСТ», «Воздух», «Песни над Чиром», «Ростовские премьеры», «Аккордеон плюс», хореографический фестиваль имени Ольги Спесивцевой — всего не перечислишь.

Первые 25 лет нового тысячелетия запомнятся свершениями. Теперь на Дону есть полный цикл джазового образования — от детской джазовой школы до консерватории; в Волгодонске открыт молодёжный драматический театр; на месте жестоких боёв в годы Великой Отечественной создан народный музей «Самбекские высоты»; стало реальностью Южное отделение Российской академии художеств; уже два десятилетия в культурный календарь страны включён уникальный таганрогский Чеховский книжный фестиваль. Нам повезло быть современниками, а порой и соучастниками этих событий. Но главное, что начал, наконец, меняться взгляд на культуру. В 2014 году впервые был подписан Указ об основах государственной культурной политики, где культура впервые названа гарантом национальной безопасности

Съёмки фильма в доме А. В. Калинина.
Худор Пухляковский. 2006 г.

России» [17]. Ровно так, как настаивал много лет назад Жданов.

В редакцию пришли молодые талантливые люди: Даша Ныркова, Руслан Трофимов, Иван Вево, Глеб Зубахин, для которых такая формула — безусловная аксиома.

С ними вместе за постпандемийное время по заказу Российского фонда культуры мы создали 26 фильмов, объединённых в цикл «Донское наследие».

Пару лет назад, когда мы снимали фильм «Рецепт доктора Чехова», на глаза попались строчки Антона Павловича, написанные им в память о Пржевальском:

«В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определённой цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что ... кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанный цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой цены. <...>Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав» [18].

В. Дедогрюк, Л. Суркова и Д. Ныркова на съёмках Дней культуры Ростовской области в Беларуси. 2023 г.

Не правда ли, это сказано о наших героях, которые и до и после миллениума нужны человечеству, как солнце.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь, под античным небом Танаиса : [докум. фильм] / Авт. сцен. В. Калашников, Л. Рублевская; реж. Л. Рублевская; оператор Э. Кечеджиян. Ростов н/Д. : Донтелефильм, 1991.
2. Жданов Ю. А. Гордость Дона. Ростов н/Д. : Наука-пресс, 2007. С. 5—6.
3. Суркова Л.А. Осенние колокольчики : Несколько страниц новейшей театральной истории // Донской временник. Год 2019-й : краевед. альманах / Донская гос. публ. б-ка. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 143—146.
4. Портрет атамана в исторических декорациях : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова, реж. Л. Рублевская; оператор Э. Кечеджиян; композитор П. Назаретов. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 1997.
5. Эпиграф : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. Л. Рублевская; оператор В. Яблоков. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2005.
6. Созвездие Кима : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. А. Расторгуев, оператор В. Богма. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2002.
7. Конспект сотворения мира : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. Л. Рублевская; оператор Л. Ковалевский. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2008.

8. Бенефис народного артиста : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. Л. Рублевская; операторы Э. Кечеджиян и Л. Ковалевский. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2013.
9. Анатолий Калинин. От первого лица : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. А. Иванова, операторы Е. Ленкова, В. Дедогрюк. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2016.
10. Рецепт доктора Чехова : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. Д. Ныркова, операторы В. Дедогрюк, О. Пудов, Е. Ленкова. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2022.
11. Прогулка по любимому городу из XVIII в XXI век = A walk around my dear city from the XVIII to the XXI century / [авт. проекта Л. Суркова ; фот.: М. Дзябенко и др.]. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. : Ростовкнига, 2016. 111 с. : ил., цв. ил., портр.
12. Наши : [фотоальбом / авт. проекта Л. А. Суркова]. Т. 1. Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2009. 111 с. : ил., цв. ил., портр. фот. ; Т. 2. 95 с. : фот., портр.
13. Театральный Дон : Избранные страницы летописи / [авт. текста Л. Суркова]. Ростов н/Д. : [б. и.], 2019. 104 с. : ил., портр., фотоил.
14. Всё, что было не со мной, помню : [докум. рассказ о том, почему и как создавался Народный военно-ист. музейный комплекс Великой Отечеств. войны «Самбекские высоты» / авт. проекта Л. Суркова; ред. М. Ходырева; фот.: П. Сапрыкин, М. Иванова]. Ростов н/Д. : [ИП Ютишев А. С.], 2023. 167 с. : ил., портр.
15. Твой род [докум. фильм] / Авт. сцен. С. Баранжиева; реж. А. Расторгуев; оператор Э. Кечеджиян. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2000.
16. Сага о том, как Тур Хейердал искал в Азове следы бога Одина : [докум. фильм] / Авт. сцен. Л. Суркова; реж. Л. Рублевская, оператор Л. Ковалевский. Ростов н/Д. : ГТРК «Дон-ТР», 2002.
17. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 дек. 2014 г. N 808). URL:<https://maxcollege.ru/wp-content/uploads/doc/antiterror/Указ-Президента-РФ-от-24-декабря-2014.pdf>.
18. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 10. М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1963. С. 410.

ОДИННАДЦАТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Ростов-на-Дону — Таганрог, 18—19 сентября 2025 г.)

Н. А. КАЗАРОВА, С. А. КИСЛИЦЫН

ВКЛАД ИСТОРИКОВ РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ НА ДОНУ

В сборник «Историки Ростовского университета» [1] вошли биографические очерки об учёных, работавших в университете с момента его появления на Донской земле. Особенностью третьего издания сборника является тот факт, что к моменту его выхода ряд авторов предшествующего издания ушли из жизни и в этот сборник были включены мемориальные очерки о них (А. И. Агафонов [2], А. И. Козлов [3], А. В. Лубский [4], В. В. Черноус [5]). В данной статье представлен обзор краеведческих достижений учёных университета на основе этих очерков. Следует отметить, что большинство историков РГУ затрагивало в той или иной степени вопросы истории Донского края, но в центре нашего внимания будут находиться наиболее заметные работы профессиональных историков.

В первом разделе сборника «Историки Варшавского русского императорского университета, переведённого в Ростов-на-Дону» освещён вклад в становление краеведения 1920-х годов профессоров А. И. Яцимирского и И. П. Козловского. Одним из направлений краеведческой деятельности профессоров университета была подготовка специалистов музейного, архивного, библиотечного дела, историков-краеведов и археологов. Особое место в работе на этом направлении принадлежит А. И. Яцимирскому, одному из инициаторов создания Донского археологического института, учреждённого 1 мая 1918 года. Институт прекратил своё существование в июле 1922 года, и его сотрудники приняли решение организовать Донское общество археологии и истории искусств. Это была третья по счёту попытка создания краеведческого общества на Дону, но впервые инициаторами выступили профессиональные историки. После смерти профессора Яцимирского в 1925 году

Общество возглавил профессор И. П. Козловский. Он руководил Центральным историческим архивом Донской области и в результате его многочисленных поездок по Донскому краю были пополнены фонды ростовского архива [6].

На базе Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии в декабре 1926 года была создана Танаидская комиссия

Нина Акоповна Казарова, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Государственного университета управления, г. Москва. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.); Сергей Алексеевич Кислицын, доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЮРИУ РАН-ХиГС), г. Ростов-на-Дону

для разработки вопросов, связанных с изучением Танаиса. Председателем комиссии избран И. П. Козловский, а в её состав вошли наряду с краеведами М. Б. Краснянским, А. Т. Стефановым, А. М. Ильиным, С. А. Вязигиным и Б. В. Луниным профессора Н. Н. Любич, П. Н. Черняев, А. Ф. Семёнов и Е. А. Черноусов. В 1930 году началось наступление на краеведческие организации, «чистка» кадров в вузах и в итоге краеведческая деятельность была насильственно прервана. В феврале 1931 года руководителей Общества профессоров И. П. Козловского, Е. А. Черноусова и А. М. Ладыженского, а также А. Т. Стефанова арестовали и выслали из Ростова на три года. Возрождение интереса к краеведению началось только в конце 1940 — начале 1950-х годов.

Реальным воплощением связи и преемственности школы донского краеведения 1920-х годов и послевоенной исторической науки на Дону был выпускник Археологического института и Северо-Кавказского госуниверситета Г. А. Иноземцев [7]. Он внёс значительный вклад в исследование археологии на Дону и в возрождение и развитие донского краеведения. Участник Великой Отечественной войны, прошедший путь от комвзвода до командира дивизии, Георгий Александрович отличился во время стратегической операции советских войск «Багратион» и стал Героем Советского Союза. В 1955 году Г. А. Иноземцева назначили деканом историко-филологического факультета РГУ. Он опубликовал более 30 статей и книг по краеведению, в том числе брошюру «200 лет Ростова-на-Дону» [8], стал ведущим автором официального издания «Ростов-на-Дону» [9], вышедшего к 200-летию юбилею города. В обобщённом и систематизированном виде фактически впервые была представлена история донского региона, поскольку практически все ключевые события области были связаны с Ростовом-на-Дону. В этой работе Г. А. Иноземцев осветил дореволюционную историю города, а также период Великой Отечественной войны. (В последующем историю Дона в годы войны изучал И. С. Маркусенко).

Г. А. Иноземцев в кандидатской диссертации по теме: «Бронзовый век Нижнего Дона» проанализировал достижения как дореволюционных исследователей (Х. И. Попов, А. М. Ильин), так и советских археологов (С. А. Вязигин, Б. В. Лунин, С. А. Локтюшев), включая результаты собственных раскопок. В 1956 году первая археологическая экспедиция во главе с Г. А. Иноземцевым раскопала курганы эпохи бронзы в Аксайском районе.

Ученик Г. А. Иноземцева профессор В. Я. Кияшко развернул полевые работы в районах Ростовской области. В 1966 году учёный открыл уникальное поселение эпохи энеолита (IV тыс. до н. э.) у г. Константиновска на Дону и провёл многолетние его раскопки. В 1981—1996 годах он руководил раскопками ещё одного уникального многослойного поселения у станицы Раздорской. Этот памятник оказался настоящей энциклопедией донских древностей. Владимир Яковлевич читал в РГУ курс «Основы археологии» и проводил летние полевые археологические практики. Его лекционный курс прослушали тысячи студентов [10].

Традиции, заложенные Иноземцевым, продолжил профессор В. Е. Максименко. Он занимался изучением погребений раннего железного века в Койсугских курганах, других памятников жизнедеятельности кочевого населения Нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Владимир Евгеньевич — автор около 140 публикаций, в том числе монографий: «Савроматы и сарматы на Нижнем Дону» и «Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)». С 1986 года был заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков, в 1986—1991 годах — деканом исторического факультета РГУ. Максименко руководил спецсеминарами «Актуальные проблемы древней истории», «Северное Причерноморье в античную эпоху», «Скифская археология» и «Сарматская археология» [11].

Монографию «Ростов-на-Дону» [9] написали вместе с Г. А. Иноземцевым старый большевик Г. Н. Захарьянц и известный историк П. В. Семернин, освещавшие революционную и советскую историю города (кроме военного периода).

Профессор РГУ Пётр Васильевич Семернин в 1920-е годы был сотрудником истпарта и партийного архива. Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) были созданы с целью сбора документов, их обработки и написания истории партии и революции в центре и на местах. В 1920-х гг. истпартами были подготовлены сборники документов и воспоминаний «Пролетарская революция на Дону» [12], ряд трудов по истории Гражданской войны в регионе (Н. Л. Янчевский [13] и И. П. Борисенко [14]). Истпартовские авторы в период становления культа Сталина подверглись административно-политическим гонениям вплоть до репрессий. Начиная историк Семернин был освобождён от работы «за отсутствие бдительности к троцкистам», но со временем вновь стал работать в вузах и в партийном архиве Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). П. В. Семернин опубликовал труды: «Рабочий класс в революции 1905—07 годов

в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях» (1935), «1905 год на Дону» (1940), в соавторстве с Я. Н. Раенко и М. Н. Корчиным «Серго Орджоникидзе в Азово-Черноморье» (1937) и «Серго Орджоникидзе на Дону» (1940). В годы войны он был на партийной работе в Новочеркасске. В 1948 году заведующий кафедрой марксизма-ленинизма РГУ П. В. Семернин в соавторстве с Я. Н. Раенко и М. Н. Корчиным издал «Очерки истории большевистских организаций на Дону». Это было обобщающее историческое произведение. Новые «Очерки истории большевистских организаций Дона (1898—1920 гг.)» под редакцией П. В. Семернина вышли в 1965 году [15]. Учениками П. В. Семернина являлись Е. Н. Осколков, Е. В. Олесейук, Ю. П. Денисов, П. В. Дзюбенко, Г. П. Сопов, В. П. Таран и др. [16].

П. В. Семернин дал своему аспиранту Я. А. Перехову инновационную по тем временам тему об отношении партии к казачеству в годы нэпа. На её основе Я. А. Перехов выпустил монографию «Власть и казачество: Поиск согласия: (1920—1926 гг.)» (Изд-во РГУ, 1997). Эта тема на долгие годы стала центральной в его научном творчестве. Основными направлениями научных исследований Якова Абрамовича стали актуальные в то время проблемы: политика Российского государства по отношению к казачеству (XX в.) и революция и Гражданская война в России (1917—1922 гг.) [17]. Профессор Я. А. Перехов заведовал кафедрой политической истории РГУ [18].

Одним из главных направлений научных исследований А. П. Пронштейна, Б. В. Чеботарёва, Н. С. Коршикова, В. Н. Королёва, А. И. Агафонова была история Донского края в средние века и в начале нового времени.

Ведущая роль в возрождении интереса к истории Дона и донского казачества принадлежала профессору А. П. Пронштейну. В 1961 году была опубликована монография А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке», в которой были реконструированы особенности социально-экономического развития Дона, изменения в управлении Войском Донским; особенности и формы классовой борьбы на Дону. Появление этой монографии способствовало преодолению пренебрежительного отношения к региональной истории и к казачеству. В 1962 году монография «Земля Донская в XVIII веке» была защищена в качестве докторской диссертации. В последующие годы Александр Павлович постоянно возвращался к донской тематике, прежде всего, к истории казачества [19].

Известным учёным-краеведом был Б. В. Чеботарёв, один из организаторов в области Общества охраны памятников истории и культуры.

В 1965 году Б. В. Чеботарёв исследовал колониационные и хозяйственные процессы на Дону и Приазовье. Важнейшим направлением научно-исследовательской работы Б. В. Чеботарёва в течение многих лет являлись занятия исторической картографией. Б. В. Чеботарёв проследил сложную судьбу архива крепости Св. Димитрия Ростовского. Авторитет Бориса Владимировича как знатока донской истории был подтверждён публикацией статьи «Темерницкая таможня» в «Большой советской энциклопедии» (2-е изд., т. 42; 3-е изд., т. 25) [20].

В 1950—60-е годы определились основные направления изучения истории Дона историками РГУ. В результате была создана серия крупных коллективных трудов по истории Дона с древнейших времен до современности. Авторами разделов были В. А. Золотов, Ю. И. Серый, Е. И. Демешина, В. С. Панченко, К. А. Хмелевский, А. Г. Беспалова, М. И. Овчинникова, П. Г. Чернопицкий, И. С. Маркусенко, И. П. Хлыстов и др. Среди них монографии «Дон и степное Предкавказье XVIII — первая половина XIX века» (1977) под руководством А. П. Пронштейна [21] и исторические очерки «Ростов-на-Дону», подготовленные коллективом учёных-историков, краеведов и журналистов к 230-летию основания города [22]. Важным направлением работы всего профессорско-преподавательского коллектива стало создание популярной истории родного края и продвижение её для изучения в учебных заведениях области. Первым опытом создания популярной истории региона стала книга «История Донского края» под редакцией В. И. Кузнецова [23], одного из ответственных руководителей РГУ в то время [24]. В её создании приняли участие учёные-историки университета В. Я. Кияшко, В. С. Панченко, Е. И. Демешина, К. А. Хмелевский, А. Г. Беспалова, П. Г. Чернопицкий, И. С. Маркусенко и Б. В. Чеботарёв. Издание вышло массовым тиражом в 50 тыс. экземпляров.

Профессор А. И. Агафонов продолжил в 1970-х годах разработку вопросов экономического, социального и политического развития Земли войска Донского и Приазовского края в дореформенный период, проанализировал процессы разложения казачьего и крестьянского натурального хозяйства и распространения на донской территории простой капиталистической кооперации и мелкотоварного производства. В сфере масштабных научных интересов Анатолия Ивановича оказывались различные вопросы донского краеведения, анализ таких значимых и своеобразных источников, как картографические материалы по истории Дона.

Среди его трудов монография, посвящённая донской геральдике [25]. А. И. Агафонов был одним из инициаторов создания фундаментальной трёхтомной «Истории донского казачества» [26], ответственным редактором и автором значительного количества глав и параграфов [2].

А. И. Агафонов на заключительном этапе своей жизни написал очерк о профессоре В. Н. Королёве, показал значение его исследований для развития донского краеведения. Работы В. Н. Королёва по морской (мореходной) истории и этногенезу донского казачества позволили пересмотреть и дополнить некоторые положения российской истории. В монографии «Босфорская война» [27] Владимир Николаевич показал, что это противостояние было комплексом военных, внешне и внутривосточных, экономических, социальных мероприятий донского казачества против Османской империи и её вассалов в 1615—1654 годах. Большое место в исследованиях учёного занимала история повседневности донского казачества — происхождение городков, жилища, пища, одежда, религиозные верования и культовые предпочтения казаков в поликонфессиональном окружении. Начало данной теме положили «Старые Вёшки» [28], в дальнейшем автор представил в монографии «Донские казачьи городки» [29] широкую картину донских казачьих городков в XVI—XVIII веках.

В 2003 году историк обратился к генеалогии и семейной истории донского казачества [30]. Агафонов отметил, что важной вехой в жизни В. Н. Королёва стало его творческое сотрудничество с Н. С. Коршиковым. Учёные издали сочинение В. Д. Сухорукова «Историческое описание Земли Войска Донского» на страницах журнала «Дон» в 1988—1990 гг., а затем отдельным изданием с развёрнутыми комментариями [31]. Навсегда отпали сомнения в том, что В. Д. Сухоруков не только стоял у истоков изучения истории донского казачества, но и являлся членом Северного общества декабристов. В архивах были найдены военно-судное дело декабриста полковника Е. О. Грузинова, а также военно-судные дела его товарищей-казаков. Н. С. Коршиков и В. И. Лесин опубликовали часть военно-судного дела Е. О. Грузинова, прежде всего «Записку» о преобразовании Российской империи, которая по своему содержанию являлась призывом к государственному перевороту, программой свержения самодержавия и создания казачьей республики [32].

Профессор В. И. Лесин работал в РГУ, руководил кафедрой отечественной истории в Ростовском педагогическом институте в конце

1980-х — начале 1990-х годов. В издательстве «Феникс» в 1997 году вышла книга Лесина «Бунтари и воины» [33]. В ней отражены не только бунты и мятежи, но и деятельность русских полководцев. Книга В. И. Лесина относится к жанру научного исследования, в то же время она написана языком художественной прозы. Его ученик С. Горяйнов особо отмечал изысканный, неповторимый, уникальный стиль изложения, в сочетании с тонкой авторской иронией, изредка переходящей в сарказм, что превращает труды историка в «литературу высокого уровня». В. И. Лесин продолжил работу над серией книг по военной проблематике. Это книги «Атаман Платов» [34], «Исторические портреты» [35], «Ваше величество, это казаки...» [36], «Генерал Ермолов» [37] и другие [38].

Изучение проблем пореформенной истории Дона (вторая половина XIX — начало XX вв.) находилось в сфере научных интересов профессоров В. А. Золотова, И. П. Хлыстова, Ю. И. Серого, Е. И. Демешинной, В. С. Панченко, доцентов Э. Г. Алавердова, А. Г. Задёры. Одной из первых научных работ в этом направлении была диссертация А. Г. Задёры в 1951 году, в которой на конкретном историческом материале проанализирована роль иностранного капитала в тяжёлой промышленности Дона в 1890—1917 годах [39].

Большую известность получили монографии профессора, декана исторического факультета В. А. Золотова «Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века» (1963) и «Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX в.» (1966). Они стали основой докторской диссертации «Внешняя торговля России через порты Чёрного и Азовского морей в конце XVIII—XIX вв.», успешно защищённой В. А. Золотовым в 1967 году [40]. В дальнейшем изучение этой темы продолжили ученики Владимира Александровича. В развитие концепции В. А. Золотова Э. Г. Алавердов подготовил кандидатскую диссертацию, в которой выявил взаимосвязь между ростом торгового земледелия на юге России и хлебным экспортом через порты Чёрного и Азовского морей в конце XIX — начале XX века [41].

В контексте исторической науки на Дону в 1960-е годы несомненный интерес для всех, кто интересовался историей Донского края, представляла книга очерков из истории юга России профессора И. П. Хлыстова «Дон в эпоху капитализма. 60-е — середина 90-х годов XIX в.» (1962) и диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук [42]. Работы И. П. Хлыстова получили известность

на общесоюзном уровне и многократно цитировались в литературе [43].

Проблемы рабочего класса Дона нашли отражение в диссертации профессора Е. И. Демешинной «Рабочий класс Дона в годы реакции и начала революционного подъёма (1907—1912 гг.)», защищенной в 1959 году, публикациях о положении, облике, социальной психологии рабочего класса Дона, рабочем движении на Дону в период империализма [44].

Профессор В. С. Панченко разрабатывала социально-экономические и общественно-политические научные проблемы истории России, Дона и Северного Кавказа. Занималась изучением вопросов истории внешней и внутренней политики России в XIX веке, промышленности, общественного и рабочего движения [45], казачества. О разнообразии её научных интересов говорят названия статей: «Страховая кампания и создание больничных касс на Дону в 1912—1917 гг.», «Военно-учебная реформа Донского войска в 60—70 гг. XIX в.», «Введение судебных уставов 1864 г. в Донском крае» и др. Вместе с Демешинной она публиковалась в фундаментальных трудах: «История Донского края» [23], «Очерки экономического развития Дона» [47], «Ростов-на-Дону: исторические очерки» [22; 46], «История Дона: эпоха капитализма» [48] и других [49].

Научные интересы профессора Ю. И. Серого были связаны в первую очередь с проблемами социально-экономической истории России начала XX века. В 1950 году он защитил кандидатскую диссертацию «Рабочие Владикавказской железной дороги в революции 1905—1907 гг.», в 1972 г. — докторскую диссертацию «Горнометаллургическая промышленность Юга России и её рабочие в период империализма (1900—1913 гг.)». В работах учёного показано развитие не только промышленности, но и транспорта на Юге России в начале XX века. Ю. И. Серый обосновал положение о том, что Владикавказская железная дорога — главная стальная артерия Северного Кавказа — была крупнейшим монополистическим объединением России, тесно связанным с экономической политикой царского правительства [50].

Ученик Ю. И. Серого профессор А. В. Лубский был необыкновенно многогранным учёным, оставившим заметный след в истории, регионоведении, социальной философии, социологии, политологии. Начал трудовую деятельность на историческом факультете Ростовского государственного университета, заведовал кафедрой истории СССР в Ставропольском государственном педагогическом институте. В 1975 году Лубский защитил в РГУ кандидатскую диссертацию

на тему: «Южно-российская промышленность во второй половине XIX в. (технико-экономическая структура)», в которой показал особенности капиталистического развития региона, далеко выходящие за пределы традиционной схемы освещения этого процесса. А. В. Лубскому и его ученикам удалось разработать методологический конструкт изучения предпринимательского менталитета горнопромышленников Юга России в конце XIX — начале XX века, на основе которого выявлено конкретное содержание социально-политических и экономических представлений, ценностей и установок южно-российских горнопромышленников в рассматриваемый период. Стремление заниматься философией исторической науки, методологией исторического сознания, закономерно увело учёного в сторону от конкретно-исторических исследований, тем не менее, он отметился в области исторического казачеведения. А. В. Лубский принял участие в написании коллективной монографии «Донские казаки в прошлом и настоящем» [51]. В 2005 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация» [4].

Учеником Ю. И. Серого был также доцент В. В. Черноус. Он занимался историей революции 1905 года на Дону, но по причинам концептуальных разногласий с устоявшейся тогда точкой зрения по вопросам революции 1905 года дело до защиты диссертации не дошло. Предметом исследования была деятельность большевистских боевых дружин — наиболее радикальной части революционеров. Вслед за Ю. И. Серым В. В. Черноус оценивал рабочих большевиков-революционеров не столь однозначно восхищённо, как тогда было принято в политической истории. Черноус выражал сомнение в тезисе о причине революционной активности, связанной с абсолютным и относительным обнищанием рабочего класса. В рамках «нового направления» исторической науки, которому он следовал, считалось, что в революцию шла наиболее образованная и подготовленная часть рабочего класса, а не люмпен-пролетарии. Но это противоречило консервативным догматам, сопротивляться которым было очень трудно. В тех условиях Виктор Владимирович отошёл от исследования темы революции 1905 года, хотя иногда вспоминал свои наработки. В таком ключе, в частности, он позднее написал очерк о декабрьском (1905 г.) вооружённом восстании в Ростове-на-Дону [52]. Следует отметить, что В. В. Черноус с 2000 года до последнего дня своей жизни работал в Институте социологии и регионоведения ЮФУ заместителем директора этого института по науке,

заведующим кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, директором Центра системных региональных исследований и прогнозирования [5].

Предпринимательство на Дону изучал профессор В. А. Сущенко. Он написал и опубликовал учебник «История российского предпринимательства» (1997), ряд работ о предпринимательской деятельности казаков, роли греков в экономическом развитии Донского края и особенности их предпринимательской деятельности» [53].

Свой вклад в изучение Октябрьской революции и Гражданской войны на Дону, особой роли в ней донского казачества внесли труды профессора Г. В. Малашенко [54]. В 1973 году вышла в свет его монография «Из истории борьбы большевистских организаций Дона и Донбасса за большевизацию Советов (март—октябрь 1917 г.)». В ней с новых позиций была показана тактика донских большевиков по отношению к другим левым партиям. Г. В. Малашенко уделял внимание краеведческому направлению исторических исследований. Под его руководством вышли коллективные монографии «Новочеркасский политехнический» [55] и историко-краеведческий очерк «Шахты» [56].

В 1960-х годах в издательстве Ростовского университета вышел цикл монографий профессора К. А. Хмелевского [57], в которых он подробно охарактеризовал расстановку различных сил на Дону в годы Гражданской войны. Константин Абрамович привёл фактические данные о белоказачьем терроре, жертвами которого в 1918 году стали более 40 тысяч большевиков и их сторонников. Большой заслугой автора стало детальное раскрытие темы германской интервенции на Дону. Перу К. А. Хмелевского принадлежат главы в «Очерках истории большевистских организаций Дона» [15] и сборнике «История Донского края» [23], исторический очерк «Буря над Тихим Доном» (в соавторстве) [58]. Он ведущий составитель сборника воспоминаний участников Октябрьской революции на Дону «Помнят степи донские» [59].

К. А. Хмелевский был членом научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» и председателем секции этого совета в Северо-Кавказском научном центре высшей школы. Показателем его авторитета в научной среде явилось участие в «Советской исторической энциклопедии», где размещены три его статьи [60].

Под руководством К. А. Хмелевского начал путь в науку профессор А. И. Козлов. В монографии «На историческом повороте» (1977 г.)

учёный исследовал развитие промышленности и сельского хозяйства конца XIX — начала XX века Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Им была разработана методика научного определения социального состава населения в целом, крестьянства и казачества в частности, в специфических условиях казачьей окраины России. Он на конкретном материале доказал, что значительные «колебания» казачества в период революции были детерминированы его реальным полупривилегированным социальным положением. А. И. Козлова можно назвать одним из виднейших представителей донской школы современного казаковедения, которая, с одной стороны, опирается на историографическую базу, созданную историками 1920-х — начала 1930-х годов, с другой стороны, имеет своей основой собственную методологию исследования, предложенную А. П. Пронштейном и применительно к советскому времени — К. А. Хмелевским. Он явился автором значительных монографий о М. А. Шолохове [61; 62]. Под научным руководством А. И. Козлова начали свой путь в науке профессор В. Н. Сергеев, А. В. Венков, В. П. Трут и др. [3].

Изучением новой экономической политики (нэп) занималась профессор Э. Д. Осколкова. Её диссертация «Партийное строительство на селе в первые годы нэпа (1921—1925) (по материалам Дона)» [63] включала анализ всей общественной жизни донских станиц в период нэпа. В дальнейшем Эмма Дмитриевна исследовала нэп через призму историографии, методологии и источниковедения [64; 65]. Она включила в орбиту своей научной деятельности студентов и аспирантов исторического факультета, в том числе авторов данной статьи. С 1985 года Э. Д. Осколкова создала в структуре исторического факультета новую кафедру, которая впоследствии получила название кафедры истории политических партий и движений, позднее — исторической политологии [66].

Последователь Э. Д. Осколковой профессор С. М. Смагина защитила в 1972 году кандидатскую диссертацию «Освещение в советской исторической литературе тактики Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в первые годы нэпа (по материалам Северного Кавказа)» [67].

История партийного руководства коллективизацией сельского хозяйства была темой исследований профессора Е. Н. Осколкова [68; 69]. Уже в то время Е. Н. Осколков в монографиях и докторской диссертации отмечал большие трудности и проблемы в этом процессе,

но не мог по политическим причинам раскрывать их в полном объёме. В 1991 году он издал книгу «Голод 1932/1933», написанную на основе документов, многие из которых были введены в научный оборот впервые [70]. Анализируя ситуацию с проведением хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае в этот период Е. Н. Осколков отмечал: «Хлебозаготовки на Дону... осуществлялись мерами администрирования, принуждения и насилия. <...> И станицы, сёла охватил голод, который унёс много жизней». Врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства были объявлены не только кулаки, но и коммунисты — руководители и рядовые, не обеспечившие выполнения заданий по хлебозаготовкам. Многие из них были привлечены к суду, высланы из края. В этом подходе было главное отличие его позиции от взглядов тех историков, которые примитивно видели в компартии только сталинизм, забывая об оппозиции, о том, что тысячи коммунистов были расстреляны за несогласие со сталинизмом. Е. Н. Осколков был учеником и преемником П. В. Семернина, признанным лидером ростовской школы историков-аграрников, в состав которой входили историки Ю. П. Денисов, П. Г. Чернопицкий, Я. А. Перехов, А. И. Филатов, А. П. Кожанов и др. Вокруг Е. Н. Осколкова сгруппировалось целое сообщество коллег и учеников, таких как В. В. Гаташов, Г. А. Матвеев, Л. И. Лакизо. Под руководством Е. Н. Осколкова С. А. Кислицын написал монографию о видных донских революционерах С. И. Сырцове, С. Ф. Васильченко, М. П. Жакове [71].

В трудах профессора Ю. П. Денисова раскрывалась послевоенная общественно-политическая история Дона и Северного Кавказа. В 1975 году на материалах региона он подготовил монографию «Развитие колхозной демократии в 1946—1976 гг.» [72].

Труды профессора П. Г. Чернопицкого содержат богатейший фактический материал о положении в деревне Дона и Северного Кавказа накануне коллективизации [73]. Следует отметить его роль, как зачинателя и организатора движения «Поиск» в РГУ. Под его руководством в середине 1960-х годов начался процесс восстановления имён погибших в годы войны преподавателей, сотрудников и студентов университета. Работа группы была отражена в книге «Это нужно живым», которая издавалась трижды: в 1977, 1985 и 1995 годах [74].

Многие персонажи очерков внесли значительную лепту в становление и развитие исторического краеведения на Дону, поставив

на научную основу разработку проблем истории Дона от древности до современности. На первом этапе, в 1920-е годы была подготовлена научная база, кадры, инструментарий для её написания. На следующих этапах шаг за шагом вырисовывались контуры древней и средневековой, пореформенной и советской истории Донского края. Усилиями историков фактически была в основном создана историография донской истории как самостоятельная отрасль исторической науки. Все периоды исторического процесса в регионе были относительно проработаны. Особенно тщательно изучены такие проблемы, как история казачества периода феодализма, развитие промышленности и рабочего класса, история революций и Гражданской войны, новая экономическая политика, история коллективизации и Великой Отечественной войны. В меньшей степени были изучены вопросы истории культуры, образования, просвещения, краеведения, церкви, непролетарских партий и контрреволюционных движений. Введение на современном этапе в научный оборот этих направлений, уточнение, детализация всех ранее затронутых объектов, персонажей и сюжетов позволили исторической картине заиграть всеми красками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историки Ростовского университета / Сост. Н. А. Казарова, С. А. Кислицын. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : ООО «Мини-Тайп», 2025. 347 с.
2. Кислицын С. А., Трут В. П. Агафонов Анатолий Иванович (1947—2025) // Историки Ростовского университета. С. 90—94.
3. Кислицын С. А., Перехов Я. А. Козлов Александр Иванович (1930—2009) // Историки Ростовского университета. С. 59—68.
4. Кислицын С. А. Лубский Анатолий Владимирович (1947—2020) // Историки Ростовского университета. С. 195—202.
5. Его же. Черноус Виктор Владимирович (1949—2019) // Историки Ростовского университета. С. 342—344.
6. Казарова Н. А. Козловский Иван Павлович (1869—1942) // Историки Ростовского университета. С. 15—20.
7. Кислицын С. А., Кислицына И. Г. Иноземцев Георгий Александрович (1902—1957) // Историки Ростовского университета. С. 47—53.
8. Иноземцев Г. А. 200 лет : [Ростову-на-Дону]. Ростов н/Д. : Ростовское обл. изд-во, 1949. 82, [2] с. : ил.

9. Ростов-на-Дону 200 / Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1949. [2], 377, [1] с. : ил., портр.
10. Кияшко А. В. Кияшко Владимир Яковлевич (1937—2021) // Историки Ростовского университета. С. 146—156.
11. Кореняко В. А. Максименко Владимир Евгеньевич (1939—2014) // Историки Ростовского университета. С. 69—83.
12. Пролетарская революция на Дону [в 4-х т.] / Изд. Донской комис. по истории революционного движения и РКП(б). Ростов н/Д., 1922—1924.
13. Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе / Сев.-Кавк. юбилейная комис. по проведению празднования 10-й годовщины Октябр. революции и Сев.-Кавк. крайиспарт. Ростов н/Д., : Севкавказ, 1927; Его же. Краткий очерк истории революции на юго-востоке : (1917—1920 г.). Ростов н/Д., : [Изд-во «Советский Юг»], 1924. [2] с., 74 стб. (Библиотека краеведения. Вып. 1); Его же. От победы к победе : краткий очерк истории Гражданской войны на Северном Кавказе / Истпарт Сев.-Кав. краевого комитета ВКП(б). Ростов н/Д. : Северный Кавказ, 1931. 78, [2] с.
14. Борисенко И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году : краткая история республик / под ред. Н. Лихницкого. [в 2-х т.] Ростов н/Д. : Северный Кавказ, 1930; Его же. Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д. : Северный Кавказ, 1930. 110, [1] с. : ил., портр.
15. Очерки истории большевистских организаций Дона, 1898—1920 / [под ред. П. В. Семернина]; Парт. архив Рост. обкома КПСС. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1965. 496 с., [1] л. портр. : ил.
16. Кислицын С. А., Нарезный А. И. Семернин Пётр Васильевич (1904—1966) // Историки Ростовского университета. С. 264—269.
17. Перехов Я. А. История России (IX—XX вв.) : Учеб. пособие для вузов по гуманитар. специальностям / [Отв. ред. Я. А. Перехов]. М. : Гардарики, 1999. 621 с. ; Его же. История России : IX—XXI века от Рюрика до Путина : Учеб. пособие для студентов вузов по гуманитар. специальностям / [Я. А. Перехов, А. В. Корневский, Л. В. Мининкова и др. ; Редкол.: канд. ист. наук, проф. Я. А. Перехов (отв. ред. и др.)]. 2-е изд., доп. и перераб. М. : МарТ, 2003. 670, [1] с. : ил. ; Его же. История России: IX—XXI века. От Рюрика до Медведева : [учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по гуманитар. специальностям / Я. А. Перехов и др.; редкол.: Я. А. Перехов (отв. ред. и сост.) и др.]. Изд. 5-е, доп. и перераб. Ростов н/Д. : Феникс ; М. ; Ростов н/Д., : Издат. центр «МарТ», 2010. 717, [1] с. : ил.,
18. Берлявский Л. Г. Перехов Яков Абрамович (1934—2022) // Историки Ростовского университета. С. 240—244.
19. Лубский А. В. Пронштейн Александр Павлович (1919—1998) // Историки Ростовского университета. С. 244—263.
20. Кислицына И. Г. Чеботарёв Борис Владимирович (1918—2002) // Историки Ростовского университета. С. 319—324.
21. Дон и степное Предкавказье, XVIII — первая половина XIX века : социальные отношения, управление, классовая борьба / [А. П. Пронштейн, В. А. Золотов, С. А. Чекменев и др. ; Отв. ред. А. П. Пронштейн] ; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. Ростов н/Д., : Изд-во Рост. ун-та, 1977. 205, [2] с.
22. Ростов-на-Дону : исторические очерки / [Б. В. Чеботарёв, В. А. Золотов, В. С. Панченко и др. ; редкол.: П. В. Дзюбенко и др.]. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1979. 317, [2] с. : ил.
23. История Донского края : [учеб. пособие для средней шк. / науч. ред. канд. ист. наук В. И. Кузнецов]. Ростов н/Д., : Кн. изд-во, 1971. 340, [1] с., 5 карт : ил. В огл. авт.: В. Я. Кияшко, Б. В. Чеботарёв, В. С. Панченко и др.
24. Кислева Н. В. Кузнецов Владимир Иванович (1905—1987) // Историки Ростовского университета. С. 44—46.
25. Агафонов А. И. Донская геральдика. Ростов н/Д., : Омега Паблишер, 2016. 405, [2] с. : цв. ил., фотопортр., гербы.
26. История донского казачества : коллективная монография : в 3-х т. / отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов н/Д., : Омега Паблишер, 2020.
27. Королёв В. Н. Босфорская война. М. : Вече, 2013. 637, [1] с., [8] л. ил. (История казачества).
28. Его же. Старые Вёшки : повествование о казаках. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1991. 461, [1] с.
29. Его же. Донские казачьи городки. Новочеркасск : Дончак, 2007. 239 с.

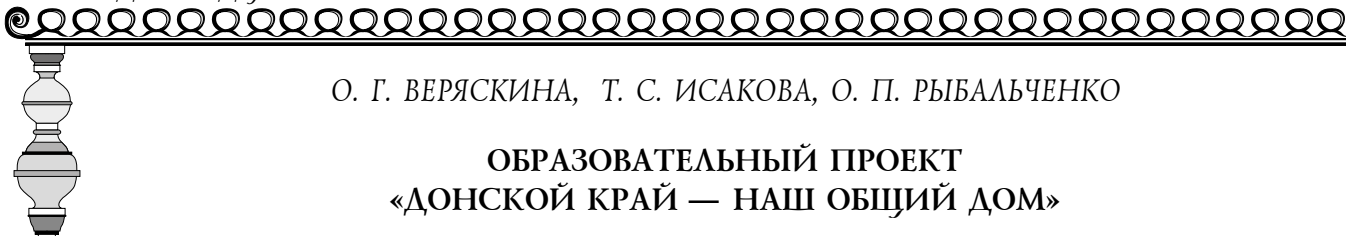

30. *Агафонов А. И.* Королёв Владимир Николаевич (1940—2005) // *Историки Ростовского университета*. С. 169—177.
31. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание Земли Войска Донского = The historical description of the Land of the Don Army / *Коммент., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова, В. Н. Королёва*. Ростов н/Д. : ГинГо, 2001. 514 с., 28 л. ил.
32. *Агафонов А. И.* Коршиков Николай Семёнович (1935—2001) // *Историки Ростовского университета*. С. 177—186.
33. *Лесин В. И.* Бунтари и воины : Очерки истории дон. казачества : А. В. Суворов. Г. А. Потёмкин. В. П. Орлов. М. И. Платов. Е. И. Пугачёв. Е. О. Грузинов. М. И. Кутузов. П. И. Багратион. А. К. Денисов. В. В. Орлов-Денисов. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 509 с. : ил. (Исторические силуэты).
34. *Его же.* Атаман Платов. М. : Молодая гвардия, 2005. 403 с., [16] л. ил. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1126 (926)).
35. *Его же.* Исторические портреты : Михаил Кутузов, Матвей Платов, Алексей Ермолов. М. : АСТ ; Транзиткнига, 2006. 461, [2] с. : портр. (Русские полководцы).
36. *Его же.* «Ваше величество, это казаки...» : [военная история дон. казачества в период 1799—1814 гг.]. М. : Центрполиграф, 2007. 493, [2] с., [12] л. ил., портр. (Россия забытая и неизвестная. Российский образ жизни).
37. *Его же.* Генерал Ермолов. М. : Вече, 2011. 541, [1] с., [8] л. ил. (Война и армия) (Великие исторические персоны).
38. *Казарова Н. А., Кислицын С. А.* Владимир Иванович (1936—2020) // *Историки Ростовского университета*. С. 187—194.
39. *Казарова Н. А.* Задёра Ангелина Григорьевна (1903—1987) // *Историки Ростовского университета*. С. 139—145.
40. *Нарежный А. И., Пятикова М. В.* Золотов Владимир Александрович (1922—1992) // *Историки Ростовского университета*. С. 53—58.
41. *Алавердов Э. Г.* Внешняя торговля России через порты Чёрного и Азовского морей в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук : специальность 07.00.02 — История СССР. Ростов н/Д., : [Б.и.], 1975.
42. *Хлыстов И. П.* Дон в эпоху капитализма [60-е — середина 90-х гг. XIX в.] : автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1965. 64 с.
43. *Бородин С. В.* Хлыстов Иван Павлович (1905—1994) // *Историки Ростовского университета*. С. 307—310.
44. *Рылова Н. Е., Черноус В. В.* Демешина Елена Ивановна (1921—2006) // *Историки Ростовского университета*. С. 119—123.
45. *Панченко В. С.* Подпольная печать большевиков в борьбе за массы в годы нового революционного подъёма (1910—1914) / *Ростовский-на-Дону гос. ун-т*. Ростов н/Д., : Изд-во Рост. ун-та, 1974. 206 с.
46. *Ростов-на-Дону : исторические очерки* / [Б. В. Чеботарёв, В. А. Золотов, В. С. Панченко и др. ; редкол. : А. И. Зубков (отв. ред.) и др.]. [2-е изд., доп.]. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1984. 270, [2] с., [18] л. ил.
47. *Очерки экономического развития Дона (1861—1917)*. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1960. 173 с.
48. *История Дона : эпоха капитализма* / *Ростовский гос. ун-т* ; [Отв. ред. В. А. Золотов]. Ростов н/Д., : Изд-во Рост. ун-та, 1974. 294, [1] с.
49. *Трусова Е. М.* Панченко Вера Сергеевна (1921—2007) // *Историки Ростовского университета*. С. 234—240.
50. *Лубский А. В.* Серый Юзеф Иосифович (1922—1986) // *Историки Ростовского университета*. С. 270—286.
51. *Донские казаки в прошлом и настоящем* / [А. В. Лубский и др.] ; *Акад. гуманитар. наук России, Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преп. гуманитар. и соц. наук при Рост. гос. ун-те* ; Под общ. ред. Ю. Г. Волкова. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та ; ГинГо, 1998. 503 с., [6] л. ил.
52. *Черноус В. В.* Как происходило Декабрьское вооружено восстание 1905 г. в Ростове-на-Дону? // *Донская история в вопросах и ответах*. Т. 1. / Под ред. Е. И. Дулимова и С. А. Кислицына. Ростов н/Д., 1997. С. 153—155.
53. *Култышев П. Г.* Сущенко Виктор Алексеевич (1954—2020) // *Историки Ростовского университета*. С. 298—302.
54. *Витюк О. Г.* Малашенко Григорий Васильевич (1919—1989) // *Историки Ростовского университета*. С. 216—219.
55. *Новочеркасский политехнический* / [Г. В. Малашенко, Л. Г. Шолохов, Б. А. Федев, А. В. Сысоев; отв. ред. А. Г. Кобилев]. Ростов н/Д., : Изд-во Рост. ун-та, 1974. 110 с. : ил.

56. Шахты : историко-краевед. очерк о городе / [А. Н. Богатырёв, Б. Н. Васильев, Г. В. Малашенко и др.]. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1974. 231, [1] с., [7] л. ил. : ил.
57. Берз Л. И., Хмелевский К. А. Героические годы : Октябрьская революция и Гражданская война на Дону : ист. очерк. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1964. 337, [3] с., [2] л. карт.; Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 — март 1919) / Рост. гос. ун-т.]. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1965. 224, [2] с.;
58. Хмелевский К. А., Хмелевский С. К. Буря над Тихим Доном : ист. очерк о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д., : Кн. изд-во, 1984. 176 с.
59. Хмелевский К. А. Сыны степей донских : о Ф. Г. Подтёлкове и М. В. Кривошлыкове. М. : Политиздат, 1985. 126, [2] с. : ил.. (Герои советской родины).
60. Кислицын С. А. Хмелевский Константин Абрамович (1920—2014) // Историки Ростовского университета. С. 311—318.
61. Козлов А. И. М. А. Шолохов: времена и творчество. По архивам ФСБ / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2005. 478, [1] с.
62. Её же. Правда и мифы о М. А. Шолохове. Владикавказ : Литера, 2012. 620 с.
63. Осколкова Э. Д. Партийное строительство на селе в первые годы нэпа (1921—1925 гг.) : (по материалам Дона) : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д., 1963. 22 с.
64. Её же. Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа / Отв. ред. Ф. И. Поташев. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1981. 192 с.
65. Её же. Ленинская концепция нэпа. Проблемы методологии и историографии : автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1982. 47 с.
66. Казарова Н. А., Кислицын С. А. Осколкова Эмма Дмитриевна (1929—2013) // Историки Ростовского университета. С. 229—234.
67. Шангулин Е. В. Смагина Светлана Михайловна(1936—2024) // Историки Ростовского университета. С. 286—291.
68. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе. (1927—1937 гг.) : [док. и материалы / Главное архив. упр. при Совете министров СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институты истории СССР и экономики АН СССР], Гос. и парт. архивы Краснодарского и Ставропольского краёв, Ростовской обл., Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР; [сост. Н. С. Вертышева, М. Я. Левина, А. А. Прохорова] ; под ред. П. В. Семернина, Е. Н. Осколкова. Краснодар : Кн. изд-во, 1972. 823 с. (История коллективизации сельского хозяйства СССР).
69. Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа : (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств) / Рост. н/Д гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та,, 1973. 311 с.
70. Её же. Голод 1932/1933 : хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае / Ростовский-на-Дону гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1991. 92 с.
71. Кислицын С. А. Осколков Евгений Николаевич (1925—1995) // Историки Ростовского университета. С. 220—228.
72. Её же. Денисов Юрий Павлович (1929—2013) // Историки Ростовского университета. С. 124—129.
73. Козлов А. И. Павел Григорьевич Чернопицкий (1925—2002) // Историки Ростовского университета. С. 337—339.
74. Еремеева Т. А. [П. Г. Чернопицкий] // Историки Ростовского университета. С. 340—341.

О. Г. ВЕРЯСКИНА, Т. С. ИСАКОВА, О. П. РЫБАЛЬЧЕНКО

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ДОНСКОЙ КРАЙ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ»

Как это начиналось

Четверть века назад у донских краеведов появилась возможность воплотить свои мечты о создании полного, основанного на достижениях науки, художественно иллюстрированного краеведческого курса по истории Донского края для школьников. Периодически выходили в свет книги по отдельным периодам истории нашего края или об отдельных социальных группах населения. Но целостного курса, охватывающего историю края с древнейших времен до современности, не было. Инициаторами проекта стали неравнодушные, творческие люди, увлечённые краеведением: Л. А. Штавакер, заведующая отделом краеведения Донской публичной библиотеки в 1977—2004 гг., О. Г. Веряскина, методист по истории кафедры общественных дисциплин Ростовского областного института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (РО ИПК и ППРО), О. П. Рыбальченко, директор «Донского издательского дома». Идея проекта получила одобрение заведующей кафедрой общественных дисциплин РО ИПК и ППРО О. Г. Витюк и ведущего специалиста Министерства общего и профессионального образования Ростовской области Е. И. Луниной.

Был создан авторский коллектив для разработки учебных пособий, которые должны были соответствовать федеральным и региональным нормативным документам, в том числе, утверждённому Министерством общего и профессионального образования Ростовской области образовательному стандарту по региональной истории (Истории Донского края) [1, с. 6—19]. Началась кропотливая работа над основными идеями, фактологическим материалом, художественным оформлением, справочно-методическим аппаратом будущих учебников. Вся издательская и полиграфическая работа легла на плечи «Донского издательского дома».

К этому времени, начиная с 90-х годов, у методистов кафедры общественных дисциплин

РО ИПК и ППРО уже был накоплен опыт плодотворного сотрудничества с учреждениями культуры, занимающимися распространением краеведческих знаний среди учителей и учащихся, в частности с отделом «Музейная педагогика» (заведующая О. П. Рычкова) Ростовского областного музея краеведения (РОМК) и краеведческим отделом Донской государственной публичной библиотеки (ДГПБ). В этих учреждениях для учителей, повышающих свою квалификацию на курсах РО ИПК и ППРО, регулярно проводились занятия, расширяющие кругозор учителя в плане краеведения. Неудивительно, что это сотрудничество нашло отражение и в учебно-методических материалах для учителей истории [1], ведущих курс «История Донского края» (См.: Приложение 1: «Музей и дети: музейная педагогика в образовательном пространстве региона». Авторы Е. Ю. Григорьян и О. П. Рычкова [1, с. 200—205]; Приложение 2: «Библиотека и школа в системе распространения краеведческих знаний». Автор Л. А. Штавакер).

Таким образом, в 2004—2005 году вышли в свет программы [1] и учебники по истории Донского края: для 5—6 классов — с древнейших времён до конца XVI века [2]; для 7—8-х, охватывающие период XVII—XIX век [3]; для 9-х — освещающие XX век [4].

Это стало своего рода событием для учителей, увлечённых краеведением и их питомцев. В статье «Клады краеведения» Владислав Смирнов писал: *«Три тома из серии "Донской край — наш общий дом" охватывают историю Донщины с древних времён до наших дней и предназначены в первую очередь школьникам. Издание вышло под авторитетной редакцией члена-корреспондента РАН Ю. А. Жганова и допущено Министерством общего и профессионального образования Ростовской области в качестве учебников для 5-х — 9-х классов. Тома богато иллюстрированы (карты, схемы, рисунки, ксерокопии полотен живописцев, фотографии). Первый, открывающий серию, рассказывает*

Ольга Георгиевна Веряскина, экс-методист кафедры общественных дисциплин Ростовского областного института повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования. Сообщение на Чтениях (Таганрог, 19 сентября 2025 г.); Татьяна Семёновна Исакова, старший методист ГАУ ДПО РО «Институт развития образования»; Ольга Петровна Рыбальченко, директор «Донского издательского дома», г. Ростов-на-Дону

о "зарождении" истории и культуры на Дону от первых стоянок древних людей до похода Ермака. Автор тома О. Г. Верякина всё время активизирует внимание маленьких читателей. Доступные сведения обогащаются фрагментами различных литературных источников — летописей, мифов, легенд. Иллюстрации настолько разнообразны, что напоминают экскурсию в небольшой музей. Вторая часть (XVII—XIX вв., авторы Н. В. Самарина и О. Г. Витюк) знакомит школьников 7—8 классов с более сложными, динамичными историческими процессами. Третий том (авторы С. А. Кислицын, И. Г. Кислицына) посвящён XX веку. В нём уже больше системности, стилистической строгости (написан для учеников 9-х классов). История Дона рассматривается в контексте крупных событий России. События и факты поданы без умалчивания: здесь рядом и Бугённый, и Думенко, и Миронов, и генералы Краснов и Корнилов, и атаман Каледин. Подобные книги — клад не только для тех, кто увлечён краеведением, но и для широкого круга читателей. Они обогащают знаниями о силе и величии наших предков, о грамотности путей, которыми они шли, о деяниях, которые легли в основу современной — нашей с вами — жизни» [5].

Учителя в своих оценках учебников подошли с профессиональной точки зрения, отметив, что «книги имеют, как и положено пособиям основной и дополнительные тексты,... иллюстрации здесь вовлекаются в образовательный процесс, задания носят разноуровневый характер, среди них много творческих, направленных не на воспроизведение готовой информации, а на анализ, сравнение, высказывание собственных версий и оценочных суждений, то есть на развитие компетентности школьников» [6].

Этапы пути

Этот учебно-методический комплекс оказался востребован педагогическим сообществом и стал активно использоваться в школах Ростовской области. Каждая школьная библиотека получила по несколько комплектов учебников, из вариативной части базисного учебного плана выделялись часы на изучение истории родного края. Для реализации краеведческого курса были организованы курсы повышения квалификации учителей истории, проводились открытые уроки, семинары-практикумы. Учебные пособия, в которых увлекательно и вместе с тем научно рассказывалось о богатой историей Донского края, мотивировали школьников на углубление своих знаний, написание

исследовательских работ, участие в краеведческих викторинах.

Появление такого курса активизировало интерес к сокровищам донских краеведческих музеев, посещению музейных экскурсий и уроков, которые проводила Ольга Павловна Рычкова, заведующая отделом музейной педагогики РОМК, разработавшая более 50 сценариев разнообразных интерактивных мероприятий для школьников и учителей.

В краеведческом отделе ДГПБ этот учебно-методический комплекс использовался наряду с краеведческой литературой при подготовке сотрудниками уроков краеведения по программе факультативных занятий с учащимися [7]. Программа прошла апробацию в 5—8 классах муниципальной школы № 22 г. Ростова-на-Дону [8]. Уроки краеведения по авторской программе «Донской край — твоя малая Родина» в Донской публичной библиотеке посещали учащиеся 7—11 классов школ города: № 21 (учитель истории В. Г. Бурдакова), № 43 (учитель истории Т. Г. Нечипуренко), № 84 (учитель истории В. В. Гончарова), № 106 (учитель литературы Н. А. Емельянова).

«Включение в образовательные программы школы различных форм взаимодействия с учреждениями культуры» было отмечено как положительный опыт в Резолюции областной конференции на тему «Историческое образование как фактор формирования толерантного сознания личности», организованной в октябре 2004 года РО ИПК и ППРО под эгидой Министерства общего и профессионального образования Ростовской области совместно с Ростовским государственным университетом, Донской государственной публичной библиотекой и областным музеем краеведения. Пленарное заседание конференции состоялось 21 октября в Ростовском государственном университете; секционные заседания проходили 22 октября в ДГПБ (секции: «Учебные издания "нового поколения" и преподавание истории в поликультурном обществе в контексте модернизации образования»; «Роль самостоятельных исторических исследований в развитии социальной компетентности личности. Краеведение и устная история») и областном краеведческом музее (секция: «Музей в едином образовательном и культурном пространстве. Музейная педагогика») [9].

Шло время, менялись образовательные ориентиры и сокращались часы на изучение истории родного края в рамках урочного времени. В конце концов краеведение стало уделом энтузиастов, краеведческая работа в школах перестала носить системный характер.

Обновление и совершенствование курса было вызвано появлением Концепции преподавания истории России [10] и Историко-культурного стандарта [11], что потребовало осмысления миссии формирования целостного культурно-исторического и воспитательно-пространства на основе изучения истории родного края. Появилась возможность совершенствовать начатую работу, превратив её не только в учебный курс, но в современный образовательный проект.

Проект «Донской край — наш общий дом» в новом формате осуществляется с 2019 года в расширенном составе авторского коллектива. В него влились ведущие учёные ЮФУ и других вузов Ростовской области, продолжившие разработку курса «История Донского края с древнейших времен до начала XXI века». Обновлённые учебные пособия по истории Донского края созданы в контексте линейного изучения истории России и синхронизированы с содержанием единого государственного учебника [12]. Учебно-методический комплекс по истории Донского края включает следующие пособия: для 5 классов — с древнейших времён до конца V века н. э. [13] и рабочую тетрадь [14]; для 6 классов, охватывающие период с конца V века до XV в. [15] и тетрадь-практикум [16]; для 7 классов — освещающие период XVI—XVII веков [17] и тетрадь-практикум [18]; для 8 классов — с конца XVII по XVIII век [19]; для 9-х — освещающие период с начала XIX века до 1914 года [20]; для 10-х — охватывающие XX и первую четверть XXI века [21]. Учебное пособие С. А. Кислицына и И. Г. Кислицыной [21] в 2024 году получило Диплом 1-й степени международного конкурса научных, методических, творческих работ «Родина: общество и приоритеты».

В обновлённом формате к каждому периоду донской истории методистами и учителями О. Г. Веряскиной, Т. С. Исаковой, Т. Г. Нечепуренко, О. В. Грибченко разработано методическое сопровождение в формате рабочих тетрадей и тетрадей-практикумов [14; 16; 18]. В них предусмотрены разнообразные виды деятельности школьников: рисование, создание презентаций, интервьюирование собеседников, составление схем/таблиц, работа с архивными материалами, фотографиями, открытками и другими иллюстративными материалами, разработка туристических маршрутов, ментальных карт, написание эссе, решение исторических загадок и ребусов и многое другое.

Начиная с 2020 года «Донской издательский дом» печатает и безвозмездно передаёт

названные пособия школам, участвующим в их апробации: МБОУ СОШ № 5 г. Батайска, МБОУ СОШ № 43 г. и МБОУ гимназии № 36 г. Ростова-на-Дону, МОБУ лицея № 7 г. Таганрога, МБОУ СОШ №№ 21 и 27 г. Шахты, ГБОУ РО Шахтинского генерала Я. П. Бакланова казачьего кадетского корпуса; МБОУ Вареновской СОШ и МБОУ Покровской СОШ «НОК» Неклиновского района, МБОУ Верхнедонской гимназии станицы Казанской, МБОУ Маркинской СОШ Цимлянского района, МБОУ Дальненской СОШ Пролетарского района, МБОУ ЛСОШ № 16 Песчанокопского района Ростовской области.

Учащиеся этих школ изучают историю родного края и включаются в интерактивную деятельность. В 2021 году в историческом парке «Россия — моя история» г. Ростова-на-Дону с успехом прошёл финальный областной этап интеллектуальной игры «Из глубины веков» (возрастная группа 11—12 лет), в 2023-м в ДГПБ была проведена историческая интеллектуальная игра «Знатоки истории Донского края средних веков», где встретились команды участников из Шахт, Таганрога, Неклиновского района (возрастная группа 13—14 лет) в количестве 60 человек очно и дистанционно к ним присоединились учащиеся Верхнедонской гимназии станицы Казанской и Маркинской СОШ Цимлянского района. В качестве ведущих игры и их помощников выступали ученики 10 класса МБОУ гимназии № 10 г. Шахты.

Популяризация проекта осуществлялась на следующих площадках: в Ростове — видеоконференция «Краеведение в образовательном пространстве Ростовской области» (ДГПБ, 02.03.2021); в Таганроге — в рамках XV международного Чеховского книжного фестиваля (20—22.05.2022) [22] и Восьмых Коршиковских чтений «Краеведение на Дону: история и современность (Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал РГЭУ (РИНХ) 30.09.2022) [23]; в Санкт-Петербурге — на Втором международном Петербургском историческом форуме РГПУ им. А. И. Герцена (секция: «Преподавание истории постсоветского пространства в школе» 10—16.10.2022); видео-презентация учебных пособий состоялась в Народном военно-историческом музее Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» (Таганрог, 10.03.2023). В рамках интерактивной выставки «История Донского края от древности до наших дней» в историческом парке «Россия — моя история» (Ростов-на-Дону, сентябрь 2022 г.) для взрослых слушателей и школьников прочитаны научно-популярные лекции.

Авторы учебных и методических пособий были награждены благодарственными письмами Комитета по образованию и науке Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (ДГПБ, 02.03.2021) за высокий профессионализм и большой вклад в реализацию проекта «Донской край — наш общий дом».

Мы смотрим в будущее

Мы с оптимизмом смотрим в будущее. Сейчас заметно вырос интерес к истории малой родины, имеющей огромный воспитательный потенциал. С 1 сентября 2025 года в школах вводится отдельный предмет «История нашего края», что, несомненно, должно повлечь расширение состава участников проекта на основе организации взаимодействия с педагогическим и родительским сообществом Ростовской области и соседних регионов. Становится актуальным создание единого образовательного пространства посредством сетевого взаимодействия участников проекта. С этой целью ведётся работа по совершенствованию сайта idk-ro.ru [24], на котором представлены разнообразные материалы по истории Донского края в помощь учителям и школьникам, в том числе и методические разработки, предлагаемые в качестве альтернативных [25].

Организаторы проекта видят его продолжение в новых продуктивных формах, таких как проведение видеоконференций, создание банка педагогического опыта по преподаванию краеведения, оказание методической помощи учителям-краеведам из ДНР и ЛНР. Новым перспективным направлением продолжения проекта становится выпуск пособий по изучению истории своего родного города, села, станицы, района. Уже появились первые разработки [26; 27].

В последнее время происходит укрепление связей с учреждениями культуры, в том числе с детскими библиотеками Ростовской области. Ростовская областная детская библиотека имени В. М. Величкиной объявила в 2025—2026 гг. марафон краеведческих знаний «Донской край — наш общий дом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Веряскина О. Г., Саяпин В. В.* История Донского края с древнейших времён до конца XVI века : Учебно-метод. материалы. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2005.
2. *Веряскина О. Г.* История Донского края с древнейшего времени до конца

XVI в. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2004. 292 с.

3. *Самарина Н. В., Витюк О. Г.* История Донского края. XVII—XIX вв. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2004. 159 с.
4. *Кислицын С. А., Кислицына И. Г.* История Донского края : XX век. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2004. 183 с.
5. *Смирнов В.* Клады краеведения // Донской временник. Год 2006-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2005. С. 233—234.
6. *Губанова Е. Г., Мумикова С. И.* Земля Этелькузу, или Тайны учебных пособий // Донской временник. Год 2008-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2007. С. 226.
7. *Штавгакер Л. А.* Донской край — твоя малая Родина : программа факультатив. занятий с учащимися в школе и библиотеке / М-во культуры Рост. обл., Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 1999. 29 с.
8. *Штавгакер Л. А.* Книжные истории, или Полвека в библиотеке // Донской временник : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 73—74.
9. Программа областной конференции «Историческое образование как фактор формирования толерантного сознания личности». 21—22 окт. 2024 г. / М-во общего и профессион. образования Рост. обл., Рост. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, Рост. гос. ун-т, Донская гос. публич. б-ка, Рост. обл. краевед. музей. Ростов н/Д., 2004.
10. «Концепция преподавания учебного курса „История России“ в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» утверждена решением Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации протокол от 23 окт. 2020 г. № ПК-1вн
11. Историко-культурный стандарт утверждён Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации 23 окт. 2020 г. (протокол №ПК-1вн).
12. *Медцинский В. Р., Торкунов А. В.* История России, IX — начало XVI в. : 6-й класс : учебник. М. : Просвещение, 2025. 239, [1] с. : ил., карты; *Их же.* История России, XVI—XVII вв. : 7-й класс : учебник.

- М. : Просвещение, 2025. 271, [1] с. : ил., карты; *Их же*. История России, XVIII — начало XIX в. : 8-й класс : учебник. М. : Просвещение, 2025. 383, [1] с. : ил., карты; *Их же*. История России, 1825—1914 гг. : 9-й класс : учебник. М. : Просвещение, 2025. 399, [1] с. : ил., карты; *Их же*. История России, 1914—1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. М. : Просвещение, 2025. 496 с.; *Их же*. История России, 1945 — начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень. М. : Просвещение, 2025. 448 с.
13. *Кияшко А. В., Кияшко Ю. Г., Коваленко А. Н.* История Донского края с древнейших времён до конца V века. Кн. 1. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2023. 184 с.
 14. *Грибченко О. В., Кияшко А. В., Кияшко Ю. Г., Нечепуренко Т. Г.* Рабочая тетрадь к учебному пособию «История Донского края с древнейших времён до конца V века». [Кн. 1]. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2023. 114 с.
 15. *Ларенок В. А.* История Донского края с конца V века до XV века. [Кн. 2]. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2022. 144 с.
 16. *Веряскина О. Г., Исакова Т. С.* Тетрадь-практикум по истории Донского края с конца V века до XV века. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2022. 128 с.
 17. *Шалак М. Е., Кияшко Ю. Г.* История Донского края в XVI—XVII веках. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2025. 134 с.
 18. *Веряскина О. Г., Исакова Т. С.* Тетрадь-практикум по истории Донского края XVI—XVII веков. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2025. 192 с.
 19. *Агеева В. А., Трапш Н. А.* История Донского края : конец XVII—XVIII век. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2022. 276 с. : ил.
 20. *Самарина Н. В.* История Донского края : с начала XIX в. до 1914 г. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2022. 276 с. : ил.
 21. *Кислицын С. А., Кислицына И. Г.* История Донского края : XX — первая четверть XXI в. : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2025. 346 с. : ил.
 22. *Агеева В. А.* «Донской краевед» в Таганроге // Донской временник : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 113.
 23. *Зайцева А. С., Наливайченко И. В.* Краеведение на Дону: история и современность // Донской временник : краевед. альм. / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 31. Ростов н/Д., 2022. С. 118.
 24. Донской издательский дом : [сайт]. URL: <https://idk-ro.ru/> (дата обращения: 24.09.2025).
 25. *Осагченко Н. Г.* Примерная рабочая программа «История Донского края с древнейших времён до начала XX века (Основное общее образование). Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2023. 84 с. URL: <https://cloud.mail.ru/public/EvKR/3WLa1zAUX> (дата обращения: 24.09.2025).
 26. *Исакова Т. С.* Прогулка по городской улице : Тетрадь для творческих работ и проектной деятельности). Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2021. 24 с.
 27. *Загорожня И. В., Чежегова О. И.* История Ремонтненского района с начала XIX до середины XX века : Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2021. 132 с.

А. А. ГРАНКИНА

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЕЙ ЧУМЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(1803—1819)

Начало XIX века стало для Российской империи периодом активного освоения и интеграции Северного Кавказа — стратегически важного, но слабо контролируемого пограничья. В ходе включения региона в имперское административное и цивилизационное пространство российские власти столкнулись не только с вооружённым сопротивлением местного населения, но и с рядом природных угроз, среди которых особое место занимали эпидемические заболевания, в первую очередь — бубонная чума.

Эпидемия «моровой язвы» в 1803—1819 годах не только уносила тысячи жизней, но и выступала мощным дестабилизирующим фактором, подрывая устойчивость государственной власти в условиях слабой инфраструктуры и низкого уровня медицинской осведомлённости. Карантинные посты, военные кордоны и санитарные инструкции были не просто медицинскими мерами, но и элементами колониальной политики, направленной на интеграцию периферии в имперскую систему.

Проблема борьбы с эпидемиями в контексте освоения Кавказа имеет определённую степень научной разработанности. В. Г. Василенко рассмотрел развитие здравоохранения и медицинского образования в регионе [1], К. Г. Васильев и Л. Е. Сегал изучили общую историю эпидемий в России [2], а Е. С. Котенёв и его коллеги — природные очаги чумы на Северном Кавказе [3]. Отдельные аспекты деятельности врачей освещены в работах Р. В. Нутрихина [4], А. М. Адаменко и В. П. Кошелева [5]. Особое внимание вкладу медиков в борьбу с эпидемиями уделено в статье Р. Э. Германа, где подчёркивается роль санитарной политики как инструмента интеграции приграничных территорий [6].

Однако систематизированного анализа мер санитарной изоляции, организации карантинных пунктов и методов дезинфекции на Кавказской линии — в частности, в зоне Константинопольской крепости, а также на границе Кавказской губернии с Войском Донским — до сих пор не предпринималось.

Источниковой базой исследования выступают не только опубликованные акты Кавказской

археографической комиссии, воспоминания, рапорты военачальников, медицинские отчёты и картографические материалы, но и неопубликованные документы из центральных (РГИА) и региональных архивов (ГАСК). Среди важных свидетельств современников — труды врачей, непосредственно участвовавших в противоэпидемических мероприятиях, включая работы Л. К. Пикулина [7], а также мемуары К. Г. Киммеля [8] и Ф. П. Конради [9] переведённые автором статьи с французского и немецкого языков соответственно. Особую ценность представляет «Lettres écrites dans un voyage de Moscou au Caucase» К. Г. Киммеля — источник, содержащий детальные описания карантинных практик.

Цель данной статьи — рассмотреть борьбу с эпидемиями чумы как часть процесса интеграции Северного Кавказа в имперскую систему управления, с акцентом на организацию карантинной линии, методы санитарной обработки, а также на факторы, способствовавшие распространению или сдерживанию инфекции. Особое внимание уделяется локализации карантинных пунктов, их функционированию и взаимодействию с военными и торговыми структурами.

Для выстраивания последовательности событий и отслеживания динамики эпидемии чумы применён хронологический метод. Историко-генетический метод позволил проследить происхождение и развитие карантинной системы. Историко-сравнительный метод использован для сопоставления карантинных практик в разных регионах. Метод реконструкции позволил воссоздать быт и условия функционирования карантинных пунктов на основе мемуаров очевидцев и архивных документов. Историко-системный подход обеспечил анализ карантина как сложного интегрированно-го механизма, объединяющего медицинские, военные, экономические и административные аспекты.

Дополнительно применены архивно-историко-лингвистический анализ — с опорой на широкий круг архивных документов (рапорты, указы, прошения, письма), критика источников

Анна Алексеевна Гранкина, эколог-природопользователь, г. Пятигорск. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) под названием: «Организация противоэпидемических мероприятий на Юге России. 1803—1819 гг. (на примере карантинной системы на границе с Войском Донским)»

— для проверки достоверности сведений, включая опровержение ошибочного приписывания авторства карантинной методики В. П. Крейтону, картографический и визуальный анализ — с использованием исторических планов, карт и спутниковых снимков для локализации карантинных пунктов.

Начало эпидемии (1798—1803 гг.)

Первые вспышки чумы в российских владениях на Кавказе были зафиксированы в 1798 году. Считается, что инфекция могла быть занесена из Османской империи [2]. Среди современников существовала альтернативная версия проникновения инфекции на Кавказ. Доктор К. Г. Киммель отмечал, что чума была занесена паломниками, возвращавшимися из Мекки [10, с. 92].

Эта гипотеза, не подтверждённая научно, отражает типичные представления того времени о путях распространения инфекций. Современные исследования, однако, указывают, что большинство вспышек чумы на Северном Кавказе были связаны с природными очагами, где штамм бактерии *Yersinia pestis* циркулирует в популяциях грызунов и блох. Этим частично может быть объяснена неэффективность карантинных мер, так как заражение чумой могло происходить непосредственно из природных очагов [3].

В конце 1802 года в Грузии начались вспышки моровой язвы. Однако заболевание изначально было классифицировано властями и медицинской управой как «заразная горячка», что привело к поздней диагностике и задержке противоэпидемических мер. Только к августу 1803 года болезнь была официально признана чумой, к тому времени погибло свыше 200 человек в Тифлисе, включая гражданских и военных [11, с. 255].

Опыт Франции, особенно после тяжёлой вспышки чумы в Марселе в 1720—1721 годах, продемонстрировал эффективность строгих и централизованных карантинных порядков, которые затем стали образцом для многих европейских государств, в том числе и Российской империи. В 1800 году по указу императора Павла I был разработан первый устав карантинных мер. Эти меры легли в основу формирования системы карантинной безопасности на юге России.

Расположение организованных карантинных пунктов, на строительство каждого из которых из казны выделялось по 10 000 рублей,

не было случайным. Они контролировали основные торговые пути, по которым могли проникать инфекционные заболевания: моровая язва и другие «прилипчивые наносные недуги» [11, с. 239]. Параллельно с карантинными учреждались таможенные посты, что позволяло совместить санитарный контроль с усилением контроля за внешней и внутренней торговлей, а также увеличивать доходы казны.

В 1803 году для сдерживания эпидемии были приняты жёсткие санитарные меры: разрешался выход жителей из заражённых городов, но строго запрещалось выносить вещи умерших. Всю казённую амуницию и личные предметы, кроме кожаных, деревянных, железных и медных, предписывалось сжигать. Одежду следовало окуривать (обработка дымом серы, трав и смол) и обрабатывать уксусом, а тела заражённых — хоронить в глубоких ямах. Были организованы карантинные посты на дорогах от Тифлиса до Душет и далее до Моздока для дезинфекции проезжающих [11, с. 259].

Первоначально карантинный срок составлял шесть дней и применялся без исключений, включая представителей высшей знати. В ноябре 1803 года грузинская царица Дарья Георгиевна прошла полный карантин в Моздоке, что подтверждало систематичность и универсальность санитарных мер на южных рубежах Российской империи [11, с. 106].

Эффективность противоэпидемических мер ограничивалась слабостью административных и медицинских институтов, нехваткой квалифицированного персонала и отсутствием поддержки со стороны местных элит. Побег духовенства из городов, подававший пример паники, подрывал авторитет власти, а массовый уход населения в горы, тайная перепродажа заражённого имущества затрудняли реализацию карантинных мер.

Несмотря на демонстративные репрессии и попытки утвердить легитимность власти, эпидемия сохраняла высокую активность. Оптимистичные отчёты о спаде заболеваемости в конце 1803 года не соответствовали реальной ситуации: вспышки продолжались в Телави, Душетах, Гори и других районах. К 1804 году число жертв в Грузии достигло 1570 человек [11, с. 261].

Распространение эпидемии на Северном Кавказе (1804—1806 гг.)

Проникновение чумы в район Константиногорской крепости¹ и Георгиевска связывали

¹ Константиногорская крепость — первое военное сооружение на территории будущего г. Пятигорска.

с военными действиями и перемещением населения. В октябре 1803 года поступили сообщения о «сомнении в чуме» в Кабарде, где от внезапной смерти погибли несколько человек. Хотя последующие расследования не подтвердили заболевание, эти случаи были расценены как угроза. Главнокомандующий Кавказской линией генерал-лейтенант Д. Д. Шепелев приказал немедленно закрыть кордон и запретить проход людей из Кабарды [11, с. 260].

В рапорте генерал-лейтенанта Г. И. Глазенапа сообщалось о возможной вспышке чумы в аулах Большой Кабарды, однако он указывал, что слухи могут носить провокационный характер и направлены на отвод российских войск из региона [11, с. 938].

В 1804 году напряжённая военная обстановка на Кавказской линии обострилась: кабардинский владетель Рослам-бек Мисостов, воспользовавшись ослаблением пограничной обороны, организовал переправу абазинцев и ногайцев за Кубань, сопровождавшуюся грабежами и уничтожением непокорных. В ответ отряды закубанцев блокировали посты от Прочного рва до Константиногорска, парализовав сообщение в районе Георгиевска. В течение трёх дней город находился в состоянии обороны [11, с. 1018].

Шотландские колонисты поселения Каррас (ныне Иноземцево) покинули его из-за вспышки чумы и начала войны между Россией и кабардинцами. Оставшись без защиты, они укрылись в Константиногорской крепости, где большую часть лета несли круглосуточную караульную службу и вынуждены были уходить в леса, избегая нападений. В условиях постоянной угрозы и тяжёлых условий многие заболели. В сентябре колонисты перебрались в Георгиевск, где скончались шесть человек. После их отъезда поселение было разграблено [12, с. 911].

Вскоре после завершения боевых действий чума была выявлена в станице Александровской среди Волжского казачьего полка, вернувшегося из Кабарды. Предполагалось, что инфекция была занесена с трофеями, привезёнными казаками из-за линии разграничения [13, с. 55].

Уже летом 1804 года эпидемия достигла аулов у подножия Бештовых гор, включая Бабуков аул, расположенный в 4 верстах от Георгиевска. Это стало первым свидетельством вовлечения в эпидемический процесс Кавказской линии.

Сложная военная и эпидемиологическая обстановка оказала прямое влияние на посещаемость региона Кавказских Минеральных Вод. Как отмечал Н. В. Варадинов, «Константиногорские воды по причине свирепствовавшей

Ф. П. Конради

(Вазагов В. М. Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск : Снег, 2022. С. 126.)

в Кавказской губернии заразы вовсе не были посещаемы» [14].

Вот как эти события описываются первым постоянным врачом КМВ Ф. П. Конради: «К 1804 году число посетителей [КМВ] ежегодно росло <...> К сожалению, в феврале того же года в черкесском селении в 7 верстах от Георгиевска вспыхнула заразная болезнь, быстро признанная чумой. Она стремительно распространялась, вызывая массовую гибель местного населения. Из-за нарушения сообщения с другими губерниями посещение источников прекратилось как из России, так и из окрестных районов. Эта опустошительная эпидемия бушевала в нескольких районах губернии, особенно в Малой и Большой Кабарде, где местные народы не принимали мер для предотвращения заражения» [15, с. 244—245].

Культурные, социальные и экономические барьеры в борьбе с чумой

Сопrotивление местного населения карантинным мерам играло ключевую роль в распространении чумы. Черкесы и другие горские народы считали инфекционные заболевания

божественным наказанием и отказывались от медицинской помощи. Доктор Киммель отмечал, что, по их мнению, противиться болезням — значит преступать против Бога и проявить неуважение к его воле. Лечение ран при этом среди местного населения считалось допустимым, так как *«люди причинили эти раны, то люди же могут и вылечить их»* [10, с. 92].

Распространению инфекции способствовали мародёрство и контрабанда: народы гор грабили вымершие селения, перепродавая имущество на ярмарках [13, с. 52], или зарывали вещи в землю, а затем возвращали в употребление. Казаки извлекали из сожжённых саклей несгоревшие части инвентаря, переносили трофеи без карантина [12, с. 33]. В одном случае полиция задержала денщика Кавказского гренадерского полка за сбыт заражённых предметов. Нарушителей подвергали публичному наказанию — прохождению сквозь строй или военному суду [11, с. 261].

Эпидемия чумы нарушила административную и коммуникационную деятельность в Кабарде: местные правители объясняли невозможность выполнения имперских требований по возврату имущества и пленных риском заражения и отсутствием контакта с бунтовщиками. Генерал-майор И. П. Дельпоццо выражал сомнения в обоснованности таких оправданий, указав, что борьбу с преступностью можно вести без прямого контакта, например, путём конфискации скота.

В ответ на запрос о числе жертв эпидемии кабардинские владетели заявляли, что не общаются с больными, поэтому не знают, сколько людей умирает, пока болезнь полностью не прекратится. Предложение сжигать имущество и жилища умерших было отклонено с аргументом отсутствия власти над подданными [11, с. 971].

Таким образом, недоверие к государственным институтам, религиозные убеждения, традиционные практики и экономические мотивы формировали устойчивую поведенческую модель, способствовавшую сохранению и распространению инфекции и высокой смертности среди местного населения.

Так как учёт жителей аулов до и после эпидемии не проводился, статистических данных не сохранилось. Тем не менее, свидетельства современников указывают на катастрофические последствия: в течение пяти лет эпидемии численность местного населения по разным подсчётам, сократилась на пятую часть [15, с. 246], по другим данным более, чем в половину. Многие аулы были полностью уничтожены — население либо погибло от чумы, либо бежало, стремясь спастись от заражения.

А. П. Ермолов отмечал, что эпидемия моровой язвы привела к столь значительному сокращению населения, что кабардинцы утратили способность к массовым набегам. В связи с угрозой заражения войскам Кавказской линии было запрещено преследовать немирных горцев на их территориях [16].

Кризис карантинной инфраструктуры (1805—1807 гг.) и метод Крейтона

Эпидемия, начавшаяся в 1804 году, к 1805—1806 годам усилилась на территории Кавказской губернии. Летом 1805 года крупные вспышки чумы охватили аулы вблизи Горячих вод и крепости Константиногорской. В 1806 году болезнь возобновилась в Моздоке и слободе Павлодольской, откуда распространилась на Георгиевский уезд [13, с. 56].

В мае — июне 1806 года в Моздокском карантине находилось 34 человека, из которых 26 умерли — летальность составила 76,5% [17, л. 22]. К 25 июля число заболевших в Моздоке достигло 65, из них скончались 56 — летальность возросла до 86,2%. В Павлодольской из 130 заболевших умерло 119 — 91,5%. Увеличение числа случаев и смертей в июне — июле свидетельствует о прогрессировании эпидемии и неэффективности карантинных мер.

В Георгиевске и его форштадте зарегистрировано 7 заболевших и 5 смертей — летальность составила 71,4% [13, с. 52]. Несмотря на высокий процент смертности, масштаб распространения инфекции здесь оставался незначительным по сравнению с тяжёлой эпидемиологической ситуацией в соседних аулах Малой Кабарды.

Увеличение заболеваемости обострило необходимость организации карантинного контроля, в том числе в Константиногорской крепости, которая являлась частью Азово-Моздокской оборонительной линии.

В 1806 году Григорию Ивановичу Сухареву (1770—1807), с 1803 года — главному врачу Константиногорской крепости и первому врачу, постоянно проживавшему на Горячих водах, было поручено обеспечить санитарную безопасность прибывающих. В ответ на указание военных властей ввести строгий досмотр и карантин для лиц, следовавших через заражённые территории, включая Георгиевск и Моздок, Г. И. Сухарев [18] сообщил о невозможности выполнить поставленную задачу. Он указал на отсутствие специальных карантинных помещений, нехватку персонала — смотрителей, караульных и рабочих, а также отсутствие необходимых медицинских принадлежностей, о чём

ранее докладывал генерал-лейтенанту П. К. Мушину-Пушкину. Особую трудность, по его словам, создавала непрозрачность перемещения приезжих: большинство прибывало без письменных свидетельств о маршруте и полагалось лишь на устные заверения в отсутствии посещения эпидемически неблагополучных районов, что делало эффективный контроль практически невозможным [17, л. 78—79, 243].

Данный эпизод отражает сложное положение первых курортных врачей, столкнувшихся с эпидемиологической угрозой при полной необеспеченности инфраструктурой и соответствующими ресурсами со стороны государства.

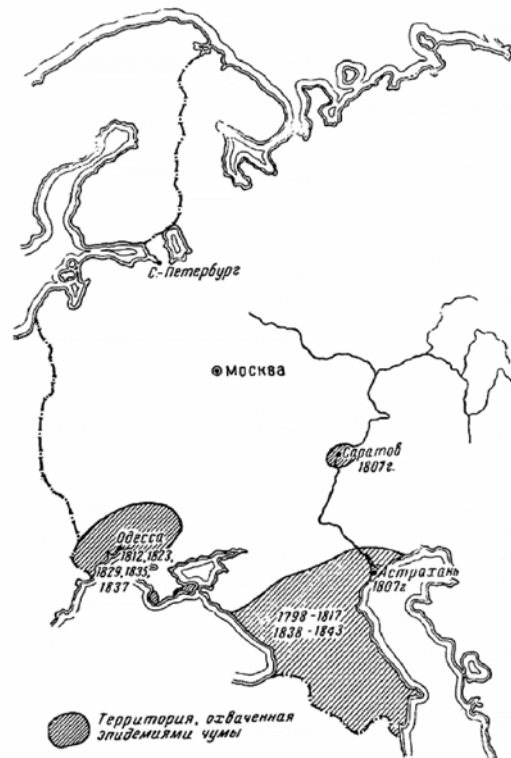
В 1807 году чума достигла пика своей активности в районе Георгиевска. Город, несмотря на небольшое население, оказался в тяжёлом положении — 16 домов были заражены, жители жили в постоянном страхе, карантин переполнялся, а многие оказавшиеся там жители погибали. В конце марта 1807 года на Кавказскую линию прибыл и вступил в должность командующего войсками генерал от инфантерии С. А. Булгаков.

По его инициативе 4 июня 1807 года в Георгиевске была создана специальная комиссия для управления противозидемическими мероприятиями. Для санитарного контроля на границах губернии установили военные кордоны, протянувшиеся от Каспийского моря до Усть-Лабы, а также отдельный кордон для изоляции проживающих в губернии ногайцев от российских селений. Также были организованы новые карантинные пункты.

Первоначально через кордоны было полностью запрещено пропускать как жителей горских регионов, так и их товары. Со временем режим был смягчён: разрешён ограниченный пропуск конфидентов и небольшого числа торговцев [12, с. 893].

Несмотря на предпринятые меры, в 1807 году чума была зафиксирована в Астрахани [13, с. 53], где с декабря 1806 по май 1808 года от этой болезни умерло 1186 человек, из них 650 — в самом городе Астрахани. Борьба с эпидемией велась путём создания карантинных пунктов и оцепления губернии военными кордонами. Однако карантинные пункты были организованы неудовлетворительно, и лица, помещённые туда в качестве «сомнительных», нередко заражались чумой уже на месте, что свидетельствует о неэффективности и санитарной небезопасности карантинных пунктов того времени [19].

В ноябре 1807 года чума была занесена в Саратовскую губернию судном, следовавшим из Астрахани через Царицын и Камышин.

Распространение эпидемий чумы на территории Российской империи в первой половине XIX в. (Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М, 1960. С. 227)

Несмотря на происхождение из эпидемически неблагополучного района и смерти нескольких человек на борту в пути, судно прошло мимо всех карантинных пунктов без задержки и достигло Саратова, что выявило серьёзные пробелы в системе санитарного контроля [2, с. 230].

Это свидетельствовало о масштабах распространения инфекции и требовало усиления пограничного контроля. Осознавая угрозу, император Александр I 28 января 1808 года издал высочайший указ о реформировании системы карантинных пунктов на основе методики, разработанной генерал-штаб-доктором Крейтоном [13, с. 54]. В документах того времени инициалы разработчика карантинных правил не указаны, что впоследствии затруднило идентификацию его личности современными исследователями.

Ряд источников, в том числе статья Р. В. Нутрихина, приписывают разработку методики Василию Петровичу Крейтону [4]. Однако в 1808 году В. П. Крейтону исполнилось всего 17 лет, он находился в Шотландии, где учился в Эдинбургском университете [21]. Более вероятным автором является его дядя — Александр Александрович Крейтон [21], состоявший на службе при императорском дворе и пользовавшийся авторитетом в медицинских

В. П. Крейтон

(Jones M. G. M. Creighton, Sir Archibald William (1791—1865) // *The Oxford Dictionary of National Biography: Online ed.* / ed. by D. Cannadine [et al.]. Oxford : Oxford University Press, 2011.

URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-45894> (accessed: 11.08.2025)

и научных кругах. Будучи преподавателем химии в Вестминстерском госпитале и соавтором метода очистки масел, он обладал необходимыми знаниями для разработки санитарно-карантинных мер [22]. Василий Петрович Крейтон [23] прибыл в Российскую империю в 1810 году, а в мае 1811 года министр полиции А. Д. Балашов направил его в регион КМВ с поручением провести осмотр минеральных источников [24, с. 927].

В связи с эпидемиологической обстановкой на Кавказе В. П. Крейтон, вероятно, участвовал в ликвидации вспышки чумы в селе Обильное Георгиевского уезда в октябре 1812 года, где за короткий срок погибло 11 человек. За участие в противочумных мероприятиях В. П. Крейтон был награждён орденом Святого Владимира IV степени. Эта заслуга, вероятно, привела к ошибочному приписыванию ему авторства карантинной методики 1808 года.

В 1812 году особую тревогу вызвала эпидемиологическая обстановка в окрестностях Константиногорской крепости. Для предотвращения распространения инфекции семьи,

подозревавшие в заражении, были выведены из ногайских аулов и изолированы за кордоном под военной охраной [12, с. 346].

Такая мера была предложена генералом С. А. Булгаковым с целью разрыва контактов с горскими народами, среди которых свирепствовала чума. Несмотря на риск сопротивления и беспорядков, власти сочли меру необходимой для предотвращения распространения эпидемии [13, с. 57].

Доктор К. Г. Киммель, посетивший Константиногорскую крепость в 1811 году, подчёркивал неодинаковое отношение властей к местному населению, проживавшему по разные стороны границы:

«Как только чума начинает проявляться среди врагов в точке, расположенной слишком близко к границе, сначала усиливают кордон, чтобы предотвратить любое общение. Если же, напротив, чума возникает среди дружественных черкесов (которые, как известно, находятся под частичным контролем русского правительства), применяется другой подход.

Сначала отправляют врача, сопровождаемого войсками. Он разделяет здоровых и больных, помещает последних в изолированные места за пределами деревни, сжигает все их вещи и закрывает их дома после того, как проводит в них сильные окуривания азотнокислой кислотой, которую применяет несколько раз. Затем устанавливают два кордона: один вокруг заражённых, другой вокруг деревни.

Врач продолжает ежедневно осматривать здоровых, чтобы сразу выделить тех, у кого болезнь могла бы развиться позже. Врачи, которые имеют большой опыт наблюдения за заражёнными чумой, легко отличают их по определённому взгляду, который им свойственен. Этот взгляд становится заметен уже за день или два до того, как болезнь начинает проявляться явно» [10, с. 93].

Х. И. Геннуш в борьбе с чумой на Северном Кавказе

Одним из врачей, направляемых для ликвидации очагов эпидемии, был Христиан Иванович Геннуш [25], с 1806 года служивший акушером в Кавказской врачебной управе. С 1808 года — главный врач при Кавказских Минеральных Водах. На этом посту он совмещал курортную медицинскую деятельность с масштабными противоэпидемическими задачами, обусловленными частыми вспышками чумы в Кавказской губернии.

С 1807 года Х. И. Геннуш участвовал в ликвидации очагов чумы в Георгиевске, Моздоке,

Александровском уезде и ногайских аулах. Эффективность его деятельности отмечена императорским указом — Х. И. Геннушу присвоено годовое жалование за *«ревность и отличное усердие к службе»* (1808). В 1809 году он представил краткое научное описание вспышки чумы для экспедиций Министерства внутренних дел. В 1810—1811 годах организовал карантинные мероприятия в Науре, Константиногорске, Овечьем броде, Усть-Лабе и у реки Калаус *«для передачи хлеба окружённым жителям по крайней необходимости в оном»*. В 1811-м за усердие, оказанное в прекращении заразы, награждён бриллиантовым перстнем от императора [26].

В 1812—1813 годах, одновременно работая в Георгиевском уезде и военном госпитале, трижды направлялся в аулы у Усть-Невинной и Абазы, а также за пределы губернии для подавления эпидемий. В 1814-м, завершив борьбу с чумой в Моздоке, по собственной просьбе вернулся в Георгиевск [27].

К противозидемическим работам Х. И. Геннуша продолжали привлекать и после увольнения в отставку. В 1816 году он ликвидировал вспышку в Ставрополе, провёл санитарный контроль в казачьих постах; в январе 1817 года остановил эпидемию в сёлах Покровское и Бешпагир. В том же году, в отсутствие штатного главного врача, вновь возглавил медицинскую службу при Кавказских Минеральных Водах, обеспечив её стабильное функционирование до конца курортного сезона.

Многолетняя деятельность Х. И. Геннуша, сопряжённая с высоким риском для жизни, была признана образцом служебного долга. Генерал А. П. Ермолов ходатайствовал о награждении Христиана Ивановича орденом Святой Анны II степени за спасение населения от чумы [28].

Вклад Х. И. Геннуша в противозидемическую защиту Северного Кавказа в начале XIX века впервые выявлен на основании архивных документов.

Карантин близ Константиногорской крепости (1809—1813 гг.)

Полное прекращение контактов между кабардинцами и населением в пределах российских границ было признано невозможным. Основными причинами были тесные родственные связи, тайные переходы через Кавказскую линию и острая потребность кабардинцев в соли и хлебе, поставляемых с российской территории. Вместо полной изоляции было принято решение разрешить ограниченное общение

исключительно при соблюдении строгих карантинных мер.

На основе методики Крейтона в 1809 году были перестроены все карантинные пункты. Её внедрение позволило сократить срок карантина с шести до четырёх дней, что значительно сэкономило время горцев, участвовавших в торговых и других передвижениях [24, с. 834].

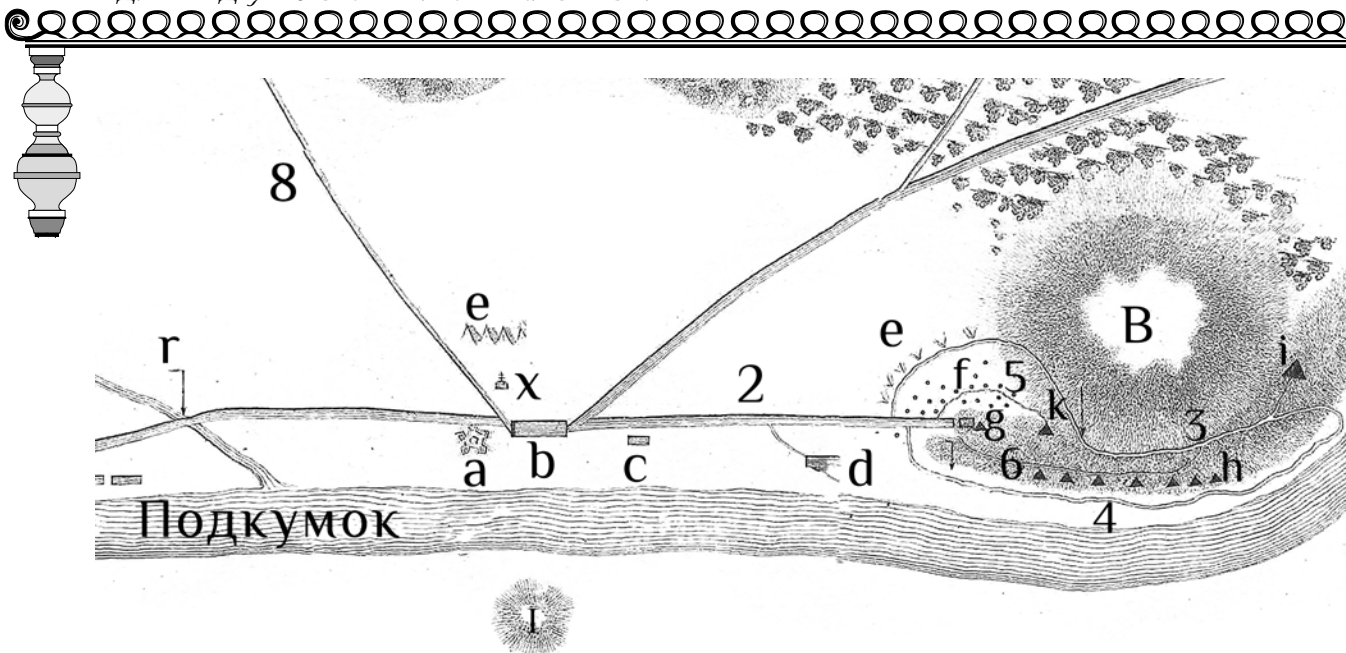
Особое значение в этом играл карантинный пункт близ Константиногорской крепости, который был построен в рамках усиления карантинной линии генералом Булгаковым. Как упоминалось ранее, его организация предполагалась в 1806 году, однако была невозможна из-за острой нехватки инфраструктуры и персонала.

В 1809 году при карантинном пункте близ Константиногорска был организован магазин по отпуску соли, добывавшейся на Можайских соляных озёрах. Она вывозилась через три карантинных пункта — Моздок, Прохладное и Константиногорск — без уплаты пошлины, что указывает на особый статус этого маршрута и его интеграцию в систему имперской торговли [24, с. 843].

На расширение карантинной заставы в Константиногорске, а также на строительство менового двора и соляного магазина в 1811 году было выделено 3000 рублей ассигнациями. В подобных меновых дворах, помимо соли, реализовывались хлеб, холст, сукно и другие предметы первой необходимости, принимая в обмен натуральные продукты — воск, мёд, сало, кожи, скот, металлы и иные товары.

Процедура мена была чётко регламентирована. Горцы, прошедшие полный карантин по правилам, разработанным Крейтоном, допускались к прямому, но контролируемому обмену на меновом дворе. Для тех, кто отказывался от карантина, устраивалась специальная перегородка из двух параллельных линий — деревянной или из пропитанных дёгтем веревок, расстояние между которыми составляло не менее двух саженей (около 4,3 м). Через эту ограду товары выкладывались с обеих сторон, осматривались через заграждение [24, с. 925].

После согласования сделки российская сторона передавала свой товар, не вступая в непосредственный контакт с местным населением, а полученные в обмен товары подлежали обязательной карантинной обработке. Металлические деньги перед передачей также обрабатывались уксусом. Жидкости, такие как вино и водка, разрешались к ввозу только после омытия ёмкостей и бурдюков солёной водой [12, с. 33].

Фрагмент плана К. Г. Киммеля 1811 г. (а — Константиногорская крепость, г — главный источник и домик для ванн, d — карантин, В — гора Машук). План перевернут для удобства восприятия

Карантинный пункт был организован в непосредственной близости от Константиногорской крепости, и его местоположение зафиксировано на плане курортов Большой Кабарды, составленном Г. Б. Киммелем в 1811 году. Он обозначен под буквой «d» на расстоянии примерно одной версты (1,07 км) от Горячих источников.

Согласно воспоминаниям К. Г. Киммеля [10, с. 63], в 1811 году врачом карантинной станции близ Горячих вод служил доктор Куольт (Kuolt), вероятно, отец Екатерины Ивановны Куольт. После смерти родителей к 1839 году Екатерина Ивановна перешла на попечение семьи генерала Верзилина. К 1841 году Екатерина и Аграфена Верзилина уже считались невестами, оставаясь при этом свидетельницами событий, предшествовавших роковой дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым [28].

Благодаря предпринятым мерам распространения эпидемии чумы в районе КМВ удалось остановить. Ф. П. Конради пишет об этом следующее:

«Постепенно болезнь сошла на нет, и к 1809 году от неё остались лишь отдельные следы. Сообщение с Россией восстановилось, и уже в 1810 году курорт посетило столько гостей со всех регионов, что палаток не хватало» [15, с. 246].

Также Ф. П. Конради отмечал, что в 1824 году карантинный пункт между серными источниками и Константиногорской крепостью всё ещё существовал. На плане города Пятигорска 1832 года карантин обозначался как группа отдельных зданий, однако к 1902 году, в связи

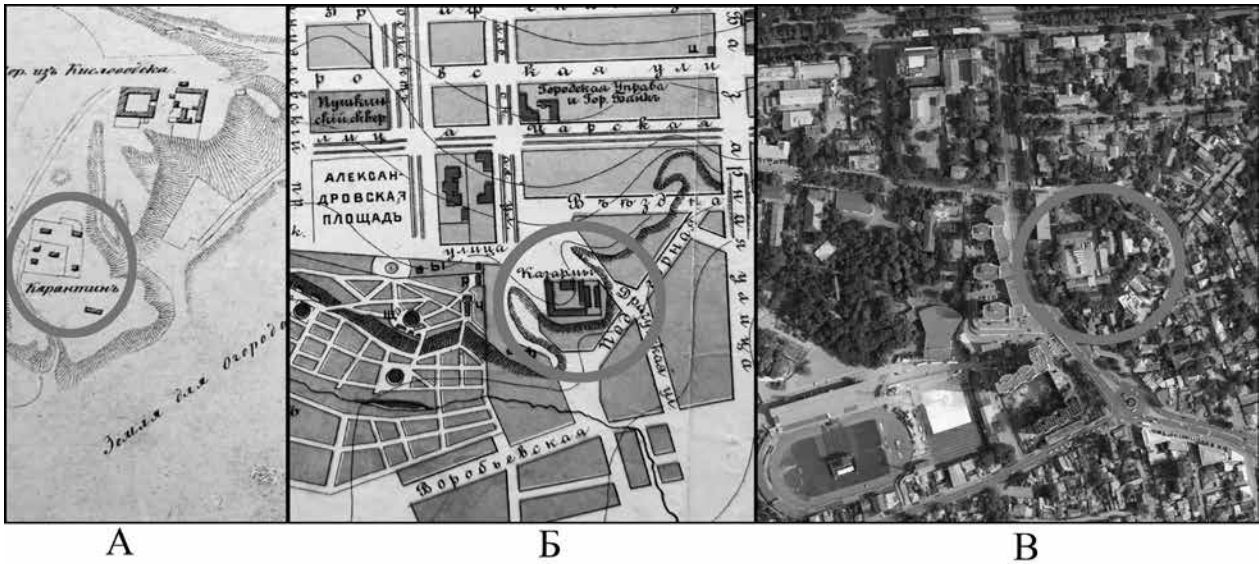
с ростом города, он был поглощён урбанистической застройкой. На его месте, вероятно, появились казармы Нижегородского драгунского полка, что свидетельствует о постепенном ослаблении эпидемиологической угрозы и утрате актуальности карантинной инфраструктуры.

Анализ картографического материала и спутниковых снимков позволяет предположить, что карантинный пункт находился в районе современного автовокзала г. Пятигорска, где в настоящее время располагается один из филиалов Военного санатория.

Карантинные посты на границах Кавказской губернии

Для предотвращения распространения чумы за пределы Кавказской губернии в XIX веке на её границах были организованы карантинные посты, функционировавшие под контролем прилегающих административных территорий. Так, со стороны Черноморского казачьего войска карантинные мероприятия осуществлялись в районе Изрядного источника, а на границе с Войском Донским — в районе реки Средний Егорлык [12, с. 893].

Описание маршрута к станции Средне-Егорлыкской по территории Войска Донского приводится в воспоминаниях К. Г. Киммеля, немецкого натуралиста и путешественника, сопровождавшего в 1811 году семейство графа Г. А. Строганова во время следования из Москвы в Кавказ. Маршрут был реконструирован

А — план города Пятигорска за 1832 год; Б — план Пятигорской группы за 1902 г.
В — фрагмент спутникового снимка района автовокзала г. Пятигорска 2025 г.

с опорой на карту 1822 года, представленную ниже, что позволяет уточнить географическое положение карантинного рубежа и транспортные условия его достижения.

Воспоминания К. Г. Киммеля воссоздают представление о быте карантинного поста и практическом применении метода Крейтона. Приводимый в статье фрагмент публикуется впервые в русскоязычном научном обороте. Перевод с французского языка выполнен автором статьи.

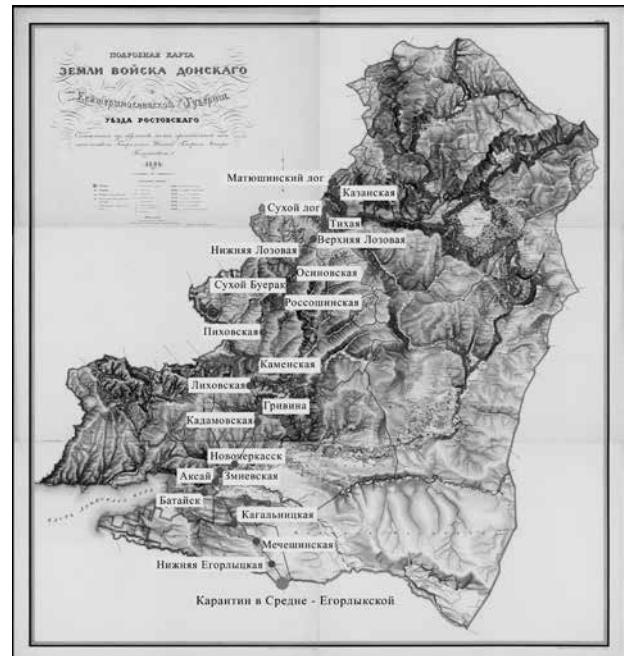
«В Средней Егорлыцкой заканчивается территория донских казаков. <...> Маленький ручей отделяет её от Кавказского управления. Мост через этот ручей служит границей; там установлен шлагбаум и выставлены несколько человек для его охраны, чтобы пропускать только тех людей, которые прошли карантин.

<...> В карантине я обнаружил двух хирургов, один из них русский, другой немец. Они показали мне помещения, состоящие из дома с пятью комнатами, из которых четыре предназначены для служащих, а в одной проводится осмотр людей, прибывающих со стороны Кавказа. Кроме того, есть 10—12 небольших полуземлянок и несколько навесов. Всё это окружено рвом и заграждениями» [10, с. 37].

По прибытии со стороны Кавказской губернии путешественников останавливали у барьера и не допускали дальше до проверки особого документа, выдаваемого при выезде из Константиновской крепости. В нём генерал-губернатор Кавказа удостоверял, что человек покинул местность, свободную от чумы, а все приобретённые

вещи уже прошли карантин. Документ принимал служитель в одежде, пропитанной дёгтем, в перчатках и с маской из того же материала, закрывавшей всё лицо, кроме глаз и рта.

После проверки барьер открывали, и путников провожали в ангар, где требовалось выложить все вещи. Отдельно откладывали то, что могло понадобиться на ночь, и полный комплект одежды — всё это немедленно

Путь следования до карантинной заставы в Среднем Егорлыке по территории Войска Донского (по описанию К. Г. Киммеля). Карта 1822 г.

обрабатывали раствором азотной кислоты. Затем следовало пройти в комнату осмотра, полностью раздеться и подвергнуться осмотру хирургом соответствующего пола. Тело обмывали уксусом, после чего надевали продезинфицированную одежду, а все остальные вещи оставляли для обработки вместе с багажом, который из ангара не выносили в течение суток.

Далее назначалась одна из небольших землянок, где можно было общаться с теми, кто прибыл ранее. В течение карантина — четырёх суток, разрешалось передвигаться по окрестностям, но строго в пределах территории Кавказского наместничества. Перед отъездом проводился повторный осмотр, и путнику выдавали сертификат, дававший право на въезд на земли Войска Донского.

Обработка вещей в некоторых карантинных пунктах проводилась по методике дезинфекции, разработанной французским химиком Луи Бернаром Гитоном де Морво (1737—1816) [12, с. 346]. Он предлагал уничтожать «заразный воздух» с помощью летучих химических веществ, в частности газов, выделяющихся при нагревании кислот.

Этот метод дезинфекции, применявшийся в Грузии и Одессе (в частности, во время чумной эпидемии 1812 года), предусматривал окуривание людей, вещей и помещений газом, выделявшимся при взаимодействии соляной кислоты с оксидами металлов — вероятно, хлором или хлористым водородом.

Вещи разделялись на три категории в зависимости от способа обработки. К первой категории относились лён, пенька, хлопок, шёлк-сырец, некрашенная шерсть, кожи, волос, перья, полотно, белое сукно и деревянные изделия — они окуривались газом «переокисленной соляной кислоты». Вторую группу составляли окрашенные ткани (шерстяные, льняные, бумажные, шёлковые), крашенные перья и нежные меха, подвергавшиеся воздействию газа обычной соляной кислоты. Третья категория включала тонкие ткани пастельных тонов с золотым или серебряным шитьём, которые обрабатывались искусственным жаром в натопленной бане [2, с. 229].

Обработка проводилась в герметичных помещениях: предметы подвешивались на высоте двух аршин от пола, газ выделялся из реагентов, помещённых в глиняные горшки на полу. Длительность окуривания составляла 24 часа, после чего вещи проветривались в течение семи дней [2, с. 230]. В ряде случаев проветривание осуществлялось в банях и церквях, доступ в которые был запрещён местному населению во время эпидемий.

Несмотря на строгие меры заражались чиновники канцелярии, куда передавались письма из мест, где свирепствовала чума [12, с. 33]. По этой причине обработке подлежали письма и их содержимое. В письме делалось небольшое отверстие, через которое подавался газ.

Санитарный контроль на территории Астраханской губернии осуществлялся по двум основным направлениям: вдоль большого почтового тракта у озера Тинак и по степному тракту, ведущему к Сарепте, где карантинный пост находился вблизи селения Цаца [12, с. 893].

Ценное свидетельство о функционировании карантина в начале XIX века содержится в мемуарах А. Стрелковой, описавшей своё путешествие к Горячим и Кислым Водам в 1819 году. Согласно её описанию, карантинный пункт, в котором она находилась, располагался на большом почтовом тракте в девяти верстах от Астрахани, недалеко от озера Тинак. Подтверждением местоположения служит упоминание о наблюдении за добычей соли из озера перед помещением в карантин.

А. Стрелкова, ожидая суровых условий, ассоциировала карантин с Егорлыкским пунктом, известным строгостью и унынием. Однако её впечатления оказались противоположными: вместо тюрьмы она обнаружила чистое и упорядоченное учреждение с аккуратными домиками по обе стороны аллеи, напоминавшей бульвар, и огороженной территорией. Путникам разрешались прогулки в установленные часы под наблюдением двух часовых в полной форме. Жилищные условия были комфортными — обеспечивались чистота, питание и постельные принадлежности. Существенную роль в создании благоприятной атмосферы сыграл доброжелательный смотритель, проявлявший заботу и уважение к изолированным. Особую радость Стрелковой доставила встреча с двумя знакомыми молодыми людьми, помещёнными в ту же постройку, но в противоположную комнату, отделённую решёткой. Общение велось через преграду, а досуг скрашивали беседы и игра одного из них на гитаре. В последний день карантина начальник лично разрешил свободное передвижение по окрестностям; изолированные группы временно объединились и совместно провели время на свежем воздухе [30].

Таким образом, описание Астраханского карантина в мемуарах А. Стрелковой представляет собой редкий пример бытового и эмоционального восприятия карантинной практики начала XIX века. Оно демонстрирует, что подобные учреждения могли сочетать строгие санитарные

меры с относительно гуманными и даже комфортными условиями.

Эпидемия чумы на Северном Кавказе начала XIX века (1803—1819) стала катализатором для формирования и испытания на прочность сложной системы санитарного контроля на южных рубежах России. Организация карантинных пунктов, в том числе у Константиногорской крепости и на границе с Войском Донским, сочетала санитарные меры с колониальной политикой, усиливавшей государственный контроль. Через меновые дворы регулировались контакты с горскими общинами: продажа хлеба и соли на установленных условиях интегрировала приграничные территории в имперскую экономическую и административную систему, сочетая карантин с экономическими стимулами.

Внедрение методов дезинфекции по Крейтону и Гитону де Морво свидетельствовало о заимствовании европейского опыта, однако их эффективность ограничивалась нехваткой квалифицированного персонала, слабой инфраструктурой и отсутствием доверия со стороны населения. Лишь по мере систематизации карантинных мер, строительства специализированных пунктов, усиления медицинского надзора и благодаря самоотверженной работе врачей, таких как Х. И. Геннуш, удалось постепенно снизить масштабы эпидемии.

Принятые меры, хотя и не привели к полному искоренению инфекции, позволили стабилизировать ситуацию на Кавказской линии и создали основу для дальнейшего освоения региона, превратив карантин из временной чрезвычайной меры в элемент устойчивой системы имперского управления.

Выражаю благодарность Александре Николаевне Коваленко, краеведу, члену Союза журналистов РФ, за ценные консультации и экспертную помощь, оказанную при подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Василенко В. Г.* История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. — 1940 г.). Армавир : [б. и.], 2006. 278 с.
2. *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России : Материалы и очерки / Под ред. проф. А. И. Метёлкина. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1960.
3. *Котенёв Е. С., Дубянский В. М., Волюшкина А. С., Зайцев А. А., Куличенко А. Н., Кравцова С. Л.* История эпидемий чумы

на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11, № 4. С. 612—616.

4. *Нутрихин Р. В.* Главный доктор Кавминвод Василий Петрович Крейтон : (к 225-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2016 год : краевед. сб. / М-во культуры Ставроп. края, Ставропольская краевая универс. науч. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, ООО «Наследие» ; редкол.: Н. Д. Судавцов [и др.]. Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2016. С. 102—106.
5. *Агаменко А. М.* Вклад военного врача Романа Сергеевича Четыркина в становление и развитие медицины в России // Вопросы питания. 2014. Т. 83, № 1. С. 80—85.
6. *Герман Р. Э.* Борьба с эпидемиями как фактор освоения Российской империей Кавказа в первой половине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. Т. 12, № 1. С. 178—190.
7. *Пикулин Л. К.* Краткое руководство к лечению болезней для начинающих врачей в армии, составленное на основе сочинений Г. Геккера и Пенеля. М. : Тип. Августа Семёна, 1820. 311 с.
8. *Киммель Карл Готфрид Бенджамин (1783—1816)*, немецкий врач и натуралист, прибывший в Россию в 1809 году в качестве личного врача русского посланника в Европе графа Г. А. Строганова. В 1811 г. К. Г. Киммель вместе с семейством Строгановых совершил поездку к минеральным источникам на Кавказе. Его впечатления и заметки были позднее опубликованы в труде «Lettres écrites dans un voyage de Moscou au Caucase» (1812), а также включили в себя первую подробную карту курортов Большой Кабарды. Умер в январе 1816 г. в Санкт-Петербурге в возрасте 33 лет.
9. *Конради Фёдор Петрович (Фридрих Отто) (1775—1848)*, первый постоянный главный врач Кавказских Минеральных Вод (КМВ), назначенный на эту должность в 1822 г. В 1824 г. он издал на немецком языке труд «Medicinische Annalen der Caucasischen Heilquellen», а в 1831-м — книгу на русском языке «Рассуждение о искусственных минеральных водах с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных

источниках», за которую был награждён бриллиантовым перстнем от императора. Возглавлял медицинскую службу на КМВ 18 лет, внёс значительный вклад в развитие курортологии, метеорологических наблюдений и благоустройства КМВ. Его дочь Вильгельмина была замужем за архитектором Джузеппе Бернардацци. Вероятно, Ф. П. Конради мог входить в окружение М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Доктор Конради был страстным любителем музыки. Он виртуозно импровизировал на рояле с произведениями великих композиторов — Баха, Моцарта и Бетховена. Его интерес к поэзии был не менее глубоким: он читал латинских поэтов в оригинале.

10. *Kimmel K. G. Lettres écrites dans un voyage de Moscou au Caucase, pour servir de guide aux personnes qui se rendent aux eaux de ce pays; Avec une vue et une carte topographique / par le Docteur Kimmel. Moscou : De l'Imprimerie de N. S. Vsevolojky, 1812.*
11. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис : Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1868.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 5. Тифлис : Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1873.
13. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 3. Тифлис : Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1869.
14. *Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Ч. I. СПб., 1858. С. 201.*
15. *Conradi F. Medicinische Annalen der caucasischen Heilquellen jahrgang. Moskau, 1824.*
16. *Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией / сост. А. В. Чичерина; подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ю. И. Дружниковой. URL: <https://ermolov.org.ru/book/zapisgruz.htm> (дата обращения: 13.08.2025).*
17. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 116.
18. Сухарев Григорий Иванович (1770—1807) российский врач, штаб-лекарь, один из основоположников бальнеологической науки на Кавказских Минеральных Водах. Родился в семье харьковского священника, получил образование в Харьковском коллегииуме и Петербургском медико-хирургическом училище. К 1802 г. стал признанным специалистом в области акушерства и судебной медицины, был назначен заведующим кафедрой повивального и врачебно-судебного дела в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге и удостоен звания экстраординарного профессора. В 1803 г. был назначен первым постоянным врачом на Кавказских Минеральных Водах. На этом посту он в течение пяти курортных сезонов (1803—1807) проводил клинические наблюдения, разрабатывал методики лечения с использованием минеральных вод. В 1806 г. был удостоен чина надворного советника. Скончался в 1807 г. в возрасте 37 лет. Причины смерти до сих пор вызывают споры, однако некоторые исследователи связывают её с психическим истощением и отчаянием из-за безрезультатности своих усилий.
19. *Шепотьев Н. К. Чума и холера в Астраханской губернии. Казань, 1884. 48 с.*
20. Jones M. G. M. Creighton, Sir Archibald William (1791—1865) [Electronic resource] / M. G. M. Jones // The Oxford Dictionary of National Biography: Online ed. / ed. by D. Cannadine [et al.]. Oxford : Oxford University Press, 2011. URL: <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-45894> (accessed: 11.08.2025).
21. Крейтон Александр Александрович (1763—1856), шотландский врач и учёный. Образование получил в Эдинбурге, продолжил обучение в ведущих европейских научных центрах — Штутгарте, Галле, Вене, Париже и Лейдене, где защитил докторскую диссертацию по медицине. С 1790-х гг. практиковал в Лондоне, читал лекции по химии и практической медицине в Вестминстерском госпитале. В 1793 г. опубликовал фундаментальный двухтомный труд «An Inquiry into the Nature and Origin of Mental Derangement», ставший одним из первых систематических исследований психических заболеваний; работа была переведена на немецкий и голландский языки. В 1804—1819 гг. служил лейб-медиком при российском дворе. После возвращения на родину продолжил научную и медицинскую деятельность.
22. РГИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 757.
23. Крейтон Василий Петрович (Арчибальд-Вильям) (1791—1865), шотландский

врач, служивший в России. Родился в Эдинбурге, получил медицинское образование в Эдинбургском университете. В 1811 г. он присоединился к своему дяде, сэру Александру Крейтону, личному врачу императора Александра I и вскоре поступил на российскую службу. Был направлен на Кавказ для организации курортной инфраструктуры у минеральных источников, где разработал инновационный проект деревянных переносных ванн. За сдерживание эпидемии чумы был награждён орденом Святого Владимира IV степени. Участник заграничных походов русской армии (1813—1814), главный врач госпиталей в Париже, за службу отмечен орденом Святой Анны II степени. С 1816 года — личный врач великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I). В 1816—1817 гг. сопровождал великого князя в поездке по Великобритании. В 1826 г. произведён в действительные статские советники. В 1827 г. вошёл в состав Особого комитета по делам Кавказских Минеральных Вод. В 1837 г. вышел в отставку, после чего жил уединённо. Личная жизнь В. П. Крейтона была отмечена как счастьем в браке, так и тяжёлыми потерями: четверо из шести его детей умерли в юном возрасте. Сам В. П. Крейтон умер в Санкт-Петербурге на 74 году жизни.

24. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. Тифлис : Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1870.
25. Геннуш Христиан Иванович (ок. 1758—?), русский военный врач,

надворный советник, участник борьбы с чумой на Кавказе. Родился в Эстляндской губернии, обучался в Ревельской гимназии. С 1774 г. прошёл путь от лекаря во флоте до штаб-лекаря. В 1785 г. был назначен в Бутырский пехотный полк, а с 1797 г. служил врачом в Подольской и Волынской губерниях, где принимал активное участие в борьбе с моровой язвой. В 1806 г. переведён в Кавказскую врачебную управу, в 1808 г. назначен главным врачом при Кавказских Минеральных Водах, совмещая эту должность с работой городского лекаря в Георгиевске, где проживала его семья: жена Луиза Егоровна, дочь и четверо сыновей. В 1815 г. его род внесён в дворянскую родословную Кавказской губернии. После выхода в отставку продолжал работать: в 1816—1817 гг. участвовал в борьбе с чумой в Кавказской губернии.

26. ГАСК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 82.
27. Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 475.
28. Там же. Д. 771.
29. *Хачиков В. А.* Тайна гибели Лермонтова: все версии. М. : АСТ, 2014; *Хачиков В. А.* Лермонтов. Жизнь и творчество. URL: <https://lermontov-lit.ru/lermontov/bio/hachikov-tajna-gibeli-lermontova/index.htm> (дата обращения: 04.08.2025).
30. *Гниловский В. Г.* Мемуары А. Стрелковой «Путешествие на Горячие и Кислые воды» в 1819 году как историко-географический документ // Северный Кавказ / Ставропольский гос. пед. ин-т. Вып. 3. Ставрополь, 1974. С. 170.

А. Б. ИЗЮМСКИЙ

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ Ф. К. МИРОНОВА

Жизнь и судьба усть-медведицкого казака Ф. К. Миронова (1872—1921), советского военачальника времён Гражданской войны, известны достаточно хорошо. Честный и принципиальный человек, видный общественный деятель, своеобразный и яркий публицист, Филипп Кузьмич (Козьмич, Казьмич), искренне

поверив в светлое будущее, после 1917 года отдал свои способности на службу правящей партии и стал одной из её жертв задолго до сталинских репрессий. О послереволюционной деятельности Ф. К. Миронова, о командовании им красным конным корпусом, а затем 2-й Конной армией написано немало, как и о столкновениях

Александр Борисович Изюмский, кандидат исторических наук, независимый исследователь. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.)

с коммунистическим партийным активом, ставших причиной его гибели [1]. Значительно меньше мы знаем дореволюционную часть биографии казака. В самых разных публикациях (от биографии из серии «ЖЗЛ» до статьи в Википедии) можно встретить утверждения, будто Ф. К. Миронов за свои выступления против царской власти был лишён офицерского звания и разжалован в рядовые [2]. На самом деле это не так.

Недавно автором этих строк были опубликованы документы Донского областного жандармского управления, которые подтверждают, что Ф. К. Миронов задолго до революции 1917 года занимал активную общественную позицию [3]. Так, в апреле 1911 года тайный полицейский осведомитель по кличке «Хромой» доносил: *«В ст. Усть-Медведицкой большой шум наделало известие о предполагаемом будто бы издании местными жителями: подъясаулом Мироновым, частными поверенными Лапиным и Малаховым и казаком Барышниковым газеты под названием "Тихий Дон". Все вышеуказанные лица пользуются у станичников репутацией людей, принадлежащих к неблагонадёжным лицам»* [4]. И ниже пометка: *«О подъясауле Миронове в управлении имеются следующие сведения: 1) в 1906 г. по предложению прокурора Усть-Медведицкого окружного суда подъясаул Миронов был привлечён судебным следователем по важнейшим делам в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотрен. 129 ст. Уг. Ул. за агитацию среди населения. 2) 18 июня 1906 г. Миронов по приказанию наказного атамана был подвергнут аресту на Новочеркасской гауптвахте за подстрекательство казаков У. Медведицкой ст. составить приговор о несогласии 2 и 3 очереди идти на усмирение аграрных беспорядков»* [4]. Предполагаемое издание газеты по каким-то причинам не состоялось, но властные структуры продолжали держать под наблюдением беспокойного подъясаула. В мае 1911 года усть-медведицкий окружной атаман М. А. Ружейников получает от жандармов уведомление, что некий казак Гунькин *«в присутствии ... казаков, едущих в лагери, говорил о необходимости устроить во время майских сборов нынешнего года бунт. При этом разговоре, кроме нижних чинов, присутствовал и подъясаул Миронов, который не принял никаких мер к прекращению агитации»* [3, с. 54—55; 5].

Таким образом, Ф. К. Миронов, хотя и не был лишён офицерского звания, но находился под наблюдением властей и за свою «неблагонадёжность» не принимался на государственную службу. Не позволяли ему и баллотироваться

Ф. К. Миронов. 1906 г.
(РО РГБ. Ф. 654. К. 7. Ег. кр. 59)

на общественные должности. Тем не менее за несколько лет до начала Первой мировой войны подъясаул был назначен помощником смотрителя рыбных ловель на Дону, а некоторое время спустя с ним случилась ещё одна «история».

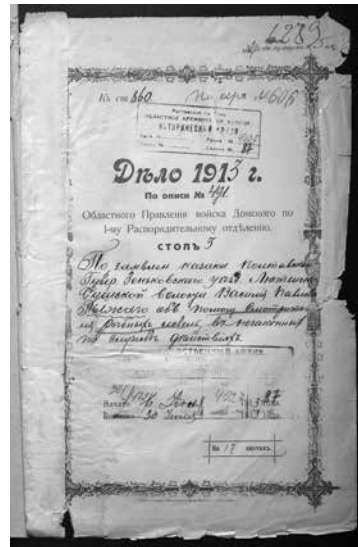
Вначале некий казак Полтавской губернии Василий Рыжий, ловивший со своей артелью рыбу в Таганрогском округе, подал жалобу в областное правление на то, что 28.06.1913 к нему на хутор приехал *«какой-то офицер и, назвав себя помощником смотрителя рыбных ловель, забрал принадлежащий товариществу хутора Бegliцкая коса сушившийся на берегу Азовского моря невод и намеревался забрать невод, принадлежащий лично мне, которым я производил лов сельди, но затем согласился оставить этот невод у меня и получив с меня сто рублей, выдал в том мне расписку от имени вр. и. г. помощника смотрителя рыбных ловель на Дону подъясаула Миронова, товарищеский же невод отправил на лодке в хутор Синявский Ростовского округа»*, а также уничтожил бредни и крючья для лова. Василий Рыжий выразил сомнение в справедливости *«распоряжений г. Миронова, распространяющихся на жителей Азовского моря, не принадлежащего к водам реки Дона»* и потребовал возвратить ему залог,

а Миронова привлечь к ответственности [6, л. 3]. Вскоре после происшедшего в одной из популярнейших газет Юга России «Приазовский край» появилась редакционная статья, резко обличавшая самодурство и произвол казачьего офицера, разорявшего ни в чём не повинных бедных рыбаков [7]. Приведём её текст:

«На днях временно исправляющий должность смотрителя рыбной ловли на Дону г. Миронов приехал на Беглицкую косу и, увидев здесь рыбаков, тянувших невод, стал наблюдать за производством рыбной ловли. Первым делом г. Миронов признал всю рыбу, вытянутую неводом, маломерной и приказал выбросить её в море. Бедные рыбаки просили начальника оставить им хотя немного рыбы на уху для обеда, но г. Миронов и этого не разрешил. Затем смотритель проверил аршином размер петель сети и нашёл, что они меньше установленной законом нормы на четверть вершка. Ввиду этого г. Миронов арестовал невод, но так как у рыбака Василия Рыжова [так в тексте, во всех документах фамилия указана как Рыжий. — А. И.] имеется всего один невод, который является его единственным кормильцем, то начальство согласилось оставить невод у него до суда на сохранение под залог стоимости — 100 руб. Идя дальше по берегу Беглицкой косы, г. Миронов увидел развешанные для просушки крючковые снасти другого рыбака и, не спрашивая, чьи они, немедленно приказал стражникам сжечь их. Затем в рыбацком посёлке Беглицкой косы г. Миронов нашёл у рыбаков три такие же, как у Василия Рыжова, маломерных невода, которые за неимением у этих рыбаков сторублёвого залога, арестовал и отправил к себе в Синявку. Рыбаки тщетно доказывали г. Миронову, что эти невода предназначены не для красной рыбы, а для сельдей, что они вполне законны для этого сорта рыбы, иначе начальство давно бы запретило им ловить, а они ловят эти неводами уже несколько лет, — г. Миронов и слушать ничего не хотел и продолжал свою ревизию. Обездолив таким образом ещё несколько бедных рыбаков, г. Миронов уехал к себе в Синявку. Рыбаки 4 июля явились в окружное полицейское управление с жалобой на г. Миронова. Здесь им посоветовали обратиться к г. войсковому наказному атаману с просьбой на незаконные действия г. Миронова, который не имел права сжигать снасти, брать 100 руб. в виде залога, тем более, что Беглицкая коса не принадлежит к его ведению, так как находится значительно дальше границы территории Дона» [7].

Войсковое правление было встревожено не столько жалобой, сколько тем вниманием,

которое пресса придала происшествию. Газета «Приазовский край», характеризовавшая себя как «честный, чуждый крайностей прогрессивный орган», пользовалась популярностью не только в Области войска Донского, но и далеко за её пределами. Заступничество этого печатного органа за азовских рыбаков («крутьков», как их называли на нижнем Дону) могло иметь определённые последствия и для начальства, если публичные обвинения окажутся обоснованными. Возглавлявший так называемое распорядительное отделение войскового правления советник Сербин потребовал от смотрителя рыбных ловель войскового старшины Рябова запросить у своего помощника объяснения и представить их в правление со своим отзывом. Подъесаул Миронов не стал тянуть с ответом и быстро составил объяснительную записку, менее всего похожую на оправдание.

Обложка Дела 1913 г. по заявлению казака В. П. Рыжего (ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Д. 4027)

«г. Смотрителю рыбных ловель на Дону
№ 245

16 июля 1913 г.
х. Синявский

27 июня с. г., преследуя хищников-крутьков из заповедных вод залива Азовского моря, я дошёл до Беглицкой косы (вёрст 30 западнее г. Таганрога на северном берегу залива), где в кустах наступившая темнота и скрыла их. Не найдя утром 28 июня означенных хищников, я увидел рыболовство неводами, а так как народная молва не говорила хорошего про рыболовов Беглицкой косы, истреблявших маломерную рыбу сотнями пудов, устраивая на берегу моря рыбные кладбища, решил проследить до конца

за притонявшемся неводом жалобщика Василия Рыжего. Тянули невод, имевший глину 440 саж. и очки в 1,1/4 вершка, несколькими парами быков человек 5—6 рабочих. К моменту притона на берегу появился и сам г. Рыжий. Он собственноручно, отобрав мелкого сазана (больше никакой рыбы невод не захватил) в поднесённый казан, отправил его домой, а более, по мнению Рыжего, крупного бросил в лодку, по-видимому, для водака [садка. — А. И.].

Так как Беглицкая коса находится в пределах Области войска Донского, я, отрекомендовавшись Рыжему не "каким-то офицером", а своим подлинным званием и занимаемым по службе положением, предложил отправленную рыбу вернуть и, руководствуясь обязательным постановлением г. войскового наказного атамана от 28 апреля с. г., п. 1-й которого начинается так: "Воспрещается в пределах Области войска Донского ловить, прогавать, покупать для продажи, хранить и перевозить рыбу и раки менее следующих размеров... карпа — 5 вершков," — произвёл её измерение. А так как сазанчик не превышал 2,1/2—3,1/2 вершков приказал пустить его в море, отобранный Рыжим в лодку сазанчик оказался не более 4,1/2 вершков и тоже к прискорбию г. Рыжего увидел снова родную стихию. Объявив затем Рыжему разъяснение областного правления в. Д. от 30 декабря 1909 г. на имя окружного начальника Таганрогского округа, что размер очек в рыболовных снастях для Азовского моря полагается тот же, что и в снарядах для р. Дона — ст. 634 Уст. сель. хоз. (см. 57 стран. справочной книжки — изд. Обл. прав. 1911 г.), сделал распоряжение о конфискации невода, как незаконного, предложив Рыжему уложить его в губ и отправить в хутор Синявский, но он заявил, что у него людей нет, а этих он заставить не может. Хотя п. 4-м Инструкции смотрителю рыбных ловель н/Д. и предоставляется незаконные снасти уничтожать, я, ввиду новизны вопроса и солидной стоимости невода, сделать этого не рискнул, но не мог и бросить невод на берегу в распоряжение истребителя рыбной молоди г. Рыжего, почему и сдал его на хранение ему, обеспечив целость невода и своевременное его представление по требованию начальства, после оценки чрез понятых, сторублёвым залогом (см. копию акта моего от 28 июня). Деньги 100 руб. представлены по команде при рапорте от 28 июня за № 235.

Мера эта оказалась далеко не лишнею: г. Рыжий пытался на суде доказать, вопреки им же подписанного акта и свидетельских показаний, что мною у него арестован невод с незаконными

очками в 2,1/2 верш., но был остановлен мировым судьёю ввиду явной лжи. Такою же ложью дышат и его слова в прошении — "что ввиду изданного в последних числах июня нового закона на его возложена обязанность проверять и уничтожать рыболовные снасти в Азовском море до г. Керчи". На этом месте мои сношения с г. Рыжим были кончены.

Несколько часов назад был притонен невод выше тони Рыжего, как видно из его прошения, принадлежащий товариществу х. Беглицкая коса. Невод ещё был мокрый, имел глину 372 саж. и очки от 1,25 до 1,5 вершка. Тут же стоял водак, в котором я нашёл опять-таки только одних маломерных сазанчиков от 2,5 до 3,5 вершков: выпущено в воду 241 штука. На берегу засушивалось 115 штук сазанчика размером в 2 вершка. Здесь было налицо около 10 человек рабочих, но ни одного из хозяев-товарищей х. Беглицкая коса. Эта физическая сила и гала мне возможность уложить незаконный невод в губ и отправить в хутор Синявский.

Точно такие же условия предшествовали и арестованию 3-го невода, принадлежащего казачу Григорию Рыжему, но невод этот оставлен у владельца под особое обязательство и с условием доставить его в Мыс-Добронадзержинское волостное правление.

Беглицкая коса, видимо, и до сих пор ревниво сохраняет своё историческое имя: большинство рабочих не имело видов на жительство и заявляло, что летом оно спасается на косе, а зиму проводит в рудниках. И вот три лица, монополизировав право на рыболовство на Беглицкой косе на своё имя — руками пришлого, бродячего элемента истребляют то, что составляет общественную собственность, залог экономического благосостояния оседлого населения целого края. И никому до этого нет дела: как будто так и быть должно!

С такою постановкою дорогого для государства вопроса я пред лицом зла примириться не имел сил и на свой страх и риск, исключительно руководствуясь обязательным постановлением г. войскового наказного атамана от 28 апреля 1911 г., не считаясь с тем, что действие происходит вне черты района, подведомственного надзору г. смотрителя рыбных ловель н/Д. и полагая, что постановление издано для жизни, а не для канцелярий, решил все три невода конфисковать, а рыболовов привлечь к ответственности по 29 и 57 ст. Уст. о нак., сделав этот важный в жизни народа вопрос достоянием не единичных личностей гг. Рыжих, Алешко и др., а достоянием общественного внимания, суда и моего начальства.

Цели я достиг: печать в лице газеты «Приазовский край» (№ 175), хотя и тенденциозно, но оповестила общество о моих «незаконных действиях», внимание начальства обратил Василий Рыжий, а внимание суда остановил на себе мой протокол от 28 июня за № 234.

13 сего июля мировой судья 8 участка Таганрогского округа, вследствие ходатайства предводителя дворянства того же округа, рассматривал это дело вне очереди. Приговором своим, признавая жалобщика Василия Рыжего, Григория Рыжего, 4-х Алешко и гр. в числе 7 человек (это и есть товарищество х. Беглицкая коса) и гр. виновными в проступке, предусмотренном 29 и 57 ст. Уст. о нак. налаг. мир. суд., постановил: Василия Рыжего подвергнуть генежному штрафу в 25 рублей, а при неуплате — аресту на 20 дней; 4-х Алешко, Григория Рыжего и остальных в числе всего 7 человек — генежному штрафу в 10 рублей каждого, а при неуплате аресту на 8 дней и остальных в числе 9 человек — генежному штрафу в три рубля, а при неуплате аресту на 3 дня каждого.

Все три невода постановил конфисковать.

Решение г. судьи придало мне сил отрешиться от впечатления, навеянного на меня печатью, и оно же даёт мне веру, что и моё высшее начальство оправдывает мои действия, не признаёт в них незаконности, так как вопрос о сохранении остатков рыбных богатств Азовского бассейна — есть вопрос наиболее важный, вопрос жизненный и не терпящий отлагательств и промедлений.

Не могу в моём объяснении не коснуться деталей судебного следствия, подтвердивших законность моих действий. Мировым судьёю 8 участка был приглашён г. Андреев-Туркин в качестве эксперта (из городской управы), который, нарисовав печальную картину охраны рыбного промысла в Азовском море, вследствие отсутствия положительных на этот предмет узаконений и небрежного отношения местных чинов полиции к законам имеющимся; подтвердив свои слова цифровыми данными, доложив суду о незаконности рыболовства арестованными неводами в данный период времени, закончил своё блестящее заключение словами: «местные жители просят правительство, начальство, всех лиц, в руках коих имеются средства борьбы с окончательным уничтожением рыбных остатков Азовского моря — спасти эти остатки».

Докладываю, что вызываемые случайностями мои неоднократные наезды в открытое море, за черту заповедных вод убедили меня, что в данный момент в Азовском море

производится рыболовство сетями исключительно с очками 1—1,25—1,5 вершка, чем вылавливается рыбная молодь сазана, судака, тарани и пр., и рыбный промысел, снабжавший когда-то Россию своими богатствами, исчезает с лица земли. Часто приходится из таких сетей освобождать до 100—150 штук маломерных осетров и севрюг.

О вышеизложенном на предписание от 15 июля за № 1710 г. смотрителю рыбных ловель н/Д. доношу.

Вр. и. г. помощника его подъяесаул Миронов» [6, л. 5—7].

Эта отнюдь не бесстрастная объяснительная записка убедительно раскрывает образ человека, горячо переживавшего за порученное ему дело и в то же время трезвого и рассудительного. Миронов фактически ответил не только на жалобу браконьеров, но и на осуждавшую его газетную статью. Он отметил, что размер ячеек в сетях был меньше разрешённого не на четверть вершка, а значительно больше; указал, что неводами ловили не сельдь, а молодь сазана, судака, тарани и осетровых рыб и, наконец, подчеркнул размах браконьерства, из-за которого стоит уже вопрос о борьбе с «окончательным уничтожением рыбных остатков Азовского моря». Не удержался автор объяснительной и от эмоций, восклицая: «И вот три лица, монополизировав право на рыболовство на Беглицкой косе на своё имя — руками пришло, бродячего элемента истребляют то, что составляет общественную собственность, залог экономического благосостояния оседлого населения целого края. И никому до этого нет дела: как будто так и быть должно! С такою постановкою дорогого для государства вопроса я пред лицом зла примириться не имел сил...».

К своей объяснительной Миронов приложил также протокол, полностью подтверждавший его доводы и подписанный вначале самими жалобщиками:

«ПРОТОКОЛ № 234

1913 года июня 28 дня, хутор Синявский.

Я, вр. и. г. помощника смотрителя рыбных ловель н/Дону подъяесаул Миронов, написал настоящий протокол в следующем: а) в пункте 1-м обязательного постановления войскового наказного атамана войска Донского от 28 апреля 1911 года говорится: «Воспрещается в пределах Области войска Донского ловить, прогавать, покупать для продажи, хранить и перевозить рыбу и раки менее следующих размеров — карпа (сазана) 5 вершков" и в) в разъяснении Областного правления войска Донского от 30 декабря

1909 года окружному начальнику Таганрогского округа, что размер очек в рыболовных снастях для р. Дона (ст. 634 Уст. сел. хоз.).

Сего числа, преследуя хищных крутьков из заповедных вод залива Азовского моря, я пошёл до Беглицкой косы, где производилось рыболовство морскими неводами. На моих глазах из притоненного невода, принадлежащего казаку Василию Павлову Рыжему, было уложено в отнесённое ведро несколько шт. сазана, при проверке которого 19 штук оказалось размером от 2 до 4,5 вершков. Невод имел в длину 440 саж. и очки по всему неводу до 1,25 вершка; в некоторых местах невода были косяки в 1,5 вершка. В другом месте на той же косе стоял волак с рыбою и тут же просушивался притоненный невод на берегу. При проверке рыбы в волаке оказалось 241 штука живого сазанчика размером от 2 до 4,5 вершков, который тут же был отобран и пущен в воду; на берегу около балаганов рыболовов засушивался маломерный сазанчик в количестве 115 штук и размером в 2 и 2,5 вершка. Невод, коим был наловлен этот сазанчик, имел в длину 372 сажени и очки в 1,5 вершка. Рыболовство им производили: мещанин Семён Михайлов Дейко, казак Гавриил Владимиров Рунец, крестьяне Дорофей Васильев Набоченко, Михаил Михайлов Несветов, Иван Егоров Мищенко, Макарь Ефимов Камышов, потомственный почётный гражданин Григорий Фёдоров Григорьев, Дмитрий Яковлев Синеоков, Яков Константинов Буряк, Константин, Гавриил и Иван Яковлевы Алешко, Яков Иванов Алешко, Михаил Григорьев Ломака и Павел Петров Дьяков. Далее был проверен ещё один волак, в котором оказалось маломерного сазана 30 шт. от 3 до 4,6 вершка. Невод, коим этот сазанчик был наловлен, имел в длину 300 саж. и тут же просушивался; сазанчик выпущен в воду. Рыболовство означенным неводом, имеющим очки от 1,25 вершка до 1,5 вершка, производили: мещане Григорий Трофимов Рыжий, Андрей Александров Чередниченко, Григорий Ефимов Жильников и Пётр Фоков Прилипенко. Так как неводами с незаконными очками от 1,25 до 1,5 вершка вылавливаются исключительно рыбная молодь, залог рыбного богатства Донского края, я, руководствуясь 631 ст. Уст. сел. хоз. и означенными выше постановлениями в[ойскового]н[аказного] а[тмана] от 28 апреля 1911 года и разъяснением областного правления от 30 декабря 1909 года, ПОСТАНОВИЛ:

все три невода, как незаконные снасти, конфисковать, причём первый из них за невозможностью доставить куда-либо, сдать на хранение владельцу его В. П. Рыжему после оценки

его под залог в оценочную сумму; второй невод Алешко и др. при наличии рабочей силы доставить в хутор Синявский ОВД и третий невод Г. Т. Рыжего по оценке обязать владельца его особою подпискою представить на хранение в Мыс-Добронадзержинское волостное правление до суда или распоряжения войскового начальства. Всех вышеозначенных лиц привлечь у г. мирового судьи 8 участка Таганрогского округа к уголовной ответственности по 29 и 57 ст. Уст. о наказ.

Обвиняемые проживают: Василий Павлов Рыжий, Мищенко, Камышов, Синеоков, Григорий Рыжий на Беглицкой косе; Дейко, Набыченко, Несветов, Чередниченко, Жильников и Прилипенко в г. Таганроге; Буряк в п. Азове, Рунец и Григорьев на Беглицкой косе; там же на косе проживают все Алешко, Ломака и Дьяков. 5 копцов урезков [ловушек на воде. — А. И.] конфисковать, а 1500 штук крючьев уничтожить. Свидетели: казаки разъездной команды рыбных ловель н/Дону Орехов и Добрынин проживают в хуторе Синявском Елисаветовской станицы. Приложение: паспортная книжка за № 966, удостоверение за № 491, паспорта за №№ 6022, 1563 и 1804.

Подлинный подписал: Вр. и г. помощника смотрителя рыбных ловель н/Дону подъяесаул Миронов.

С подлинным верно: Смотритель рыбных ловель н/Дону войскового старшина Рябов» [6, л. 9].

В конце концов для подъяесаула всё закончилось благополучно. «Крутьков» признал виновными мировой суд, а их жалобу оставили без последствий, непосредственное начальство отметило правильность действий помощника смотрителя, признав только ошибочность требования залога за невод. Газета «Приазовский край» о решении суда писать не стала и вообще больше не возвращалась к злоупотреблениям, якобы допущенными Мироновым. Но что побудило солидную газету выступить с необоснованными обвинениями, даже не попытавшись объяснить с самим «обличаемым»? Точного ответа нет, но можно предположить, главная причина кроется в личности ответственного редактора А. Ф. Саликовского. Он, как и Миронов, придерживался левых взглядов, состоял в партии народных социалистов, но в то же время активно участвовал в украинском национальном движении — политическом и культурном, а в годы Гражданской войны даже занимал должность министра внутренних дел Украинской народной республики. Как утверждал знакомый с ним поэт Дон Аминадо, национальные чувства у Саликовского порой преобладали

над близкими ему либеральными принципами [8, с. 139]. Среди же задержанных Мироновым «хищников-крутёков» большинство составляли выходцы из Малороссии, и саму артель возглавлял казак Полтавской губернии. Надо признать, что отходники из тех краёв нередко подвергались прямой эксплуатации со стороны местного казачьего населения. И представляется вероятным, что для редактора «Приазовского края» чувство землячества возобладавало над журналистской объективностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Филипп Миронов : Тихий Дон в 1917—1921 гг. : Документы и материалы / Междунар. фонд «Демократия» ; Редкол. тома: В. Данилов, Т. Шанин (отв. ред.) и др.; сост. В. Данилов, Н. Тархова (отв. сост.) и др.. М. : Демократия, 1997. 789 с. (Россия. XX век : Документы).
2. В биографии Ф. К. Миронова утверждается: «Распоряжением Главного управления казачьих войск Генерального штаба

от 30 сентября 1906 года за № 22182 *подъесаул Миронов был лишён офицерского чина*» (Лосев Е. Ф. Миронов. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 74). Но в этом документе, который ниже цитирует сам автор, речь вовсе не идёт о лишении чина, а лишь о том, что «*подъесаула Миронова следует представить к увольнению в административном порядке*». (Там же. С. 78).

3. Изюмский А. Б. Казачьи волнения на военных сборах // Тринадцатые Константиновские краеведческие чтения. Ростов н/Д. : Альтаир, 2021. С. 42—61.
4. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 216. Л. 256.
5. Там же. Л. 268.
6. Там же. Ф. 301. Оп. 7. Д. 4027.
7. Временное начальство // Приазовский край. 1913. 7 июля (№ 175). С. 1.
8. Плева С. А. Забытый редактор «Приазовского края» // Донской временник. Год 2005-й : краевед. библиотечно-библиогр. журн. / Донская гос. публич. б-ка. Ростов н/Д., 2004. С. 137—139.

В. И. ВЕГЕРИН

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ БОРИСА ОСИПОВА

В начале 2000-х годов директор базовой школы Константиновского педколледжа Людмила Николаевна Толмачёва как-то в разговоре поделилась, что её хорошая знакомая Мария Григорьевна Осипова передала ей на хранение архив своего мужа-лётчика, и она не знает, кому адресовать материалы. «Если бы был музей, — сказал я, — то можно было бы разместить не только переданный архив лётчика, его парадный китель с наградными колодками и знаками отличия и фуражку, но и скопившиеся у меня разные другие артефакты». Людмила Николаевна поддержала мою идею и своим решением выделила в здании базовой школы небольшое помещение. К 2005 году совместными усилиями педагогов школы и колледжа был оформлен и открыт школьный музей «Страницы истории донского края». А также началось моё знакомство с историей жизни выдающегося земляка — полярного лётчика, Героя Социалистического Труда Бориса Семёновича Осипова (1917—1988).

Семейный архив Б. С. Осипова — это собрание разнообразных документов, отражающих профессиональную и общественную деятельность героя: дипломы и удостоверения, наградные документы, свидетельства о получении дополнительного образования и окончании курсов повышения квалификации, лётные книжки, задания на различные полёты, испытания, карты Арктики и Антарктики с проложенными маршрутами перелётов, отчёты об их выполнении, рекомендации по усовершенствованию и использованию лыжных шасси самолётов, поздравительные адреса, грамоты, благодарности, радиogramмы от коллег, командования и мн.др. В его семье внимательно собирали и бережно хранили все статьи и заметки о нём, опубликованные в различных газетах, таких, как «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Труд», «Водный транспорт», «Гудок», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Вечерняя Москва», «Голос Риги», «Вечерний Киев», «Молот»,

Василий Иванович Вегерин, преподаватель педагогического колледжа, г. Константиновск. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) под названием: «Перелёт “Москва — Сан-Франциско”. Апрель 1945 г. Особое задание командира военно-транспортного самолёта младшего лейтенанта Б. С. Осипова»

Б. С. Осипов. 13.11.1944 г.

Фото из семейного архива Б. С. и М. Г. Осиповых

«Вечерний Ростов», «Донские огни», в журналах «Крылья Родины», «Гражданская авиация» [1], «Огонёк» [2]. Представлены также статьи из зарубежной прессы, в частности, из газеты чехословацкого союза молодежи «Mlada fronta».

Хорошей иллюстрацией к статьям и заметкам служат десятки фотографий, на которых запечатлены природа Антарктики, рабочие моменты суровых трудовых будней, торжественные встречи лётчика с коллегами и руководством, награждения и поздравления.

Различные эпизоды лётной жизни Бориса Семёновича описаны и в ряде переданных книг [3]. При таком обилии материала была составлена довольно полная биография героя. И студенты педколледжа под руководством преподавателя истории Екатерины Фёдоровны Сухининой во время практики в базовой школе стали периодически проводить занятия, посвящённые выдающемуся земляку, рассказывая детям о его становлении как лётчика, о его службе во время Великой Отечественной войны, а также о суровых полярных буднях на полюсах нашей Земли.

Так, учащиеся узнавали, что Б. С. Осипов родился в хуторе Кар-Белянском 1-го Донского округа Области войска Донского, в простой казачьей семье [4]. В 1924 году мальчик пошёл в Константиновскую семилетнюю школу. (К этому времени семья Осиповых переехала

в станицу Константиновскую). Никто из семьи представить не мог, что через несколько десятилетий на той же улице Калинина, где они проживали, в трёх кварталах от их дома в здании педагогического колледжа будет открыт музей, посвящённый знаменитому сыну.

В школе Борис увлёкся авиацией. Со своими сверстниками он даже предпринял попытку сконструировать аэросани из найденного в металлоломе авиационного двигателя. Но двигатель оказался неисправным [5, с. 120], и проект остался незавершённым.

После окончания семилетки Борис уехал в Ростов-на-Дону и стал учеником слесаря на «Ростсельмаше». Работу на заводе совмещал с занятиями в планерной школе при аэроклубе Осоавиахима. После окончания школы и успешного освоения планера был направлен в Новочеркасскую планерную школу Осоавиахима инструктором-планеристом. Отсюда по комсомольской путёвке — в Батайскую Первую Краснознаменную авиационную школу пилотов ГВФ им. П. И. Баранова.

В авиашколе Борис с интересом и ответственностью осваивал лётное дело. Освоив программу полётов на самолёте У-2, он вскоре самостоятельно летал на лёгком транспортно-пассажирском П-5. Экзаменом был полёт по маршруту, проходящему по родным местам: Батайск — Шахты — Константиновский — Батайск. Согласно полётному заданию, он прошёл в расчётное время все контрольные пункты, сэкономив горючее, и благополучно возвратился на аэродром. Экзамен был выдержан [5, с. 126—128].

В 1939 году, после успешного окончания Батайской авиашколы, Б. С. Осипов в звании «пилот 4 класса ГВФ» был назначен в Восточно-Сибирское управление ГВФ. С сентября 1942-го он — командир 234-го авиаотряда спецприменения Якутской авиагруппы ГВФ.

В феврале 1944-го Б. С. Осипов был призван в ВВС Красной армии в состав 8-го перегонного авиаполка (ПАП) 1-й перегонной авиадивизии (ПАД). Соединение перегоняло для фронта по трассе АлСиб американские ленд-лизские самолёты. Как грамотный лётчик, он в короткий срок освоил на отлично материальную часть самолёта С-47 и был допущен к полётам по трассе в качестве второго пилота. В составе экипажа Борис Семёнович совершил 115 рейсов, перевёз 95 тонн груза и 2070 человек лётного состава перегонных авиаполков, налетав 487 часов.

В декабре 1944 года он стал командиром самолёта С-47 и был назначен на ответственный участок работы по перевозке особо важных

*В музее педколлежжа «Страницы истории донского края».
г. Константиновск. Фото В. И. Вегерина*

пассажиры и грузы на участке магистрали Якутск — Москва [6].

Когда началась война с Японией, Б. С. Осипов в составе эскадрильи из семи самолётов С-47 8-го ТАП¹ в составе 9-й воздушной армии участвовал в высадке десанта в тылы Квантунской армии на аэродромы Харбина, Гирина и Чанчуня, доставлял горючее и боеприпасы войскам, действовавшим в районе Муданьдзян.

После окончания войны Б. С. Осипов вновь вернулся в гражданскую авиацию. Летал на С-47 на одной из самых протяжённых воздушных трасс Якутск — Москва. Он принимал участие в ряде первых послевоенных высокоширотных воздушных экспедиций, проводившихся в т. ч. совместно с ВВС и ВДВ Вооружённых Сил СССР. В 1958—1959 годах возглавлял авиаотряд 4-й Советской антарктической экспедиции (САЭ).

За успешное выполнение специальных заданий правительства в Арктике и Антарктике Б. С. Осипов был награждён четырьмя орденами Трудового Красного Знамени и двумя орденами Ленина.

С 15 декабря 1961-го по 2 февраля 1962 года Б. С. Осипов, командир турбовинтового воздушного судна Ан-12 и А. С. Поляков, командир самолёта Ил-18, осуществили беспрецедентный первый трансконтинентальный рейс по маршруту Москва — Антарктида — Москва протяжённостью 5 тыс. 90 км в рамках проведения 7-й САЭ с целью установления воздушной связи с советскими научно-исследовательскими антарктическими станциями. В Мирном Б. С. Осипов выполнил ряд полётов с учёными на борту по неисследованным районам Антарктиды, в т. ч. с посадками на выбранные с воздуха площадки.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1962 года за мужество и героизм, проявленные в сверхдальнем перелёте по маршруту Москва — Антарктида — Москва, Б. С. Осипову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

В 1966 году Б. С. Осипов был удостоен звания «Заслуженный пилот СССР». Он руководил международными пассажирскими

¹ ТАП — транспортный авиационный полк.

и транспортными перевозками, летал на самолётах Ан-12 на международных авиалиниях Аэрофлота.

Таким образом, на первом этапе работы с архивом Б. С. Осипова сложилось мнение, что в документах представлена исчерпывающая информация о жизни героя-земляка. Но в 2010 году, когда музеем «Страницы истории донского края» в здании колледжа было предоставлено более просторное помещение и возникла необходимость в оцифровке документов архива, в процессе работы стало ясно, что в знакомой биографии есть немало белых пятен. Так, к примеру, возникли вопросы: за что лётчик был награждён тем или другим орденом, какие специальные задания правительства он выполнял в Арктике и др. В частности, привлекли внимание два любопытных документа.

Первый, выполненный на пишущей машинке, — оперативное задание на полёт по маршруту Москва — Сан-Франциско — Москва (см. ниже):

Для служебного пользования
Командиру корабля С-47 № 930
мл. лейтенанту т. Осипову

СНК СССР
Главное управление гражданского
воздушного флота
"АЭРОФЛОТ"
"15" апреля 1945 г.
№ 012/Д - 47

**Оперативное задание на полёт
по специальному заданию
Москва—Сан-Франциско—Москва**

Для выполнения специального правительственного задания группой самолётов, в состав которой вы входите — командиром группы назначен генерал-майор авиации тов. Грачёв.

Приказываю:

1. Выполнить полёт по специальному заданию: Москва — Сан-Франциско — Москва.

2. Полет выполнять по маршруту: Москва — Омск — Красноярск — Якутск — Марково — Уэльскаль — Сербенко — Сан-Франциско.

3. Полёт выполнять с посадками в Омске, Красноярске, Якутске, Марково, Уэльскале, Фербенксе. На участке Фербенкс — Сан-Франциско полёт и посадки производить по указанию американских властей, которые Вам будут вручены в Фербенксе командиром группы генерал-майором авиации т. Грачёвым.

4. Запасными аэродромами для посадки являются: Свердловск, Новосибирск, Олекминск, Оймякон, Сеймчан, Танюер.

5. Полёт выполнять в дневное время, при наличии лётной погоды, в соответствии с правилами и режимом, утвержденными для данного перелёта и при условии погоды не ниже минимума, установленного для этих полётов и с соблюдением установленных правил ПВО.

6. Во время полёта связь и радионавигацию вести согласно регламентов за №№ 5/2 и 9.

7. Связь с командным пунктом и между самолётами вести в соответствии с правилами связи для данного перелёта.

8. В Москве взять на борт загрузку по особому указанию.

9. Вылет из Москвы с военного сектора Центрального аэродрома назначить 16 апреля с. г. в 6 час. 15 мин.

10. Всем начальникам аэропортов и аэродромов ВВС КА немедленно обеспечить приём, обслуживание и выпуск самолёта, а также обеспечение радиосвязью и метеоданными.

Начальник Главного управления ГВФ
при СНК СССР
Маршал авиации /Астахов/

Второй документ, написанный от руки без указания даты, — акт об устранении поломки при выполнении правительственного задания:

Акт

Настоящий составлен ком. корабля мл. лейтенантом Осиповым и членами экипажа: 2-ой пилот майор Шеленков, б./мех. мл. лейтенант Сомов, б./рад. мл. лейтенант Морозов. штурман майор Тряпицин. в нижеследующем:

Выполняя правительственное задание на участке маршрута Фербенкс — Марково была произведена посадка на запасном аэродроме Танана. Вылетев из Фербенкса в Марково, в полёте после 55 минут упало давление масла правого мотора до 40 ф/д² (фунт на дюйм в квадрате. — В. В.). После наружного осмотра мотора б./мех. Сомов обнаружил большое количество выбрасываемого масла из-под капота радиатора. При осмотре было обнаружено, что масло выбивало через дюритовую трубку, имеющую продольный разрез. Дюритовая трубка служила соединением трубок наполнения магистрали маслом от сильфона к прибору. В течение 5—7 минут масло выбило через дюрит в количестве 3,5—4 галлонов. Устранив данный

дефект и произведя тщательный осмотр обеих моторов и агрегатов самолёта силами экипажа (т. к. на аэродроме Танана технической бригады не было), вылетели и продолжили рейс. Последнее, до той посадки, обслуживание самолёта и моторов производилось в Фербенксе.

[подписи]
Ком. кор. мл. л-т
2-ой пилот майор
б/мех. мл. л-т
/рад мл. л-т
штурм. майор

На первый взгляд, эти два документа связывало только то, что в обоих случаях частично совпадал маршрут полёта и командиром корабля был мл. лейтенант Осипов. Но отсутствие даты в акте поломки не позволяло связать его с каким-либо конкретным событием. Вполне вероятно, маршрут и дата полёта в оперативном задании указывали на то, что этот полёт каким-то образом мог быть связан с конференцией ООН в Сан-Франциско, которая проходила с 25 апреля по 26 июня 1945 года. Это предположение подтверждается и архивной справкой из Росавиации:

В приказах 8 ТАП 1 КПАД¹ ГВФ от 18 апреля 1945 г. № 035, от 30 мая 1945 г. № 056 значится мл. лейтенант Осипов Б. С., командир корабля С-47 № 292591, находившийся в служебной командировке в Москве с целью доставки особо важных пассажиров с 13 апреля по 28 мая 1945 г. [7].

Но 8-й пункт оперативного задания: «В Москве взять на борт загрузку по особому указанию» — только усиливал любопытство, кого или что могли перевозить в этом полёте.

Попытка найти ответ в архивах не увенчалась успехом. На обращение в архив Министерства обороны (ЦАМО) был получен ответ об отсутствии какой-либо информации по указанному полёту и рекомендации обратиться в архив Росавиации, так как оперативное задание подписано маршалом ГВФ Астаховым. А из архива Росавиации был дан аналогичный ответ, но с рекомендацией обратиться в ЦАМО, так как полёт возглавлял генерал-майор Грачёв. Таким образом, круг замкнулся. Обращение в архивы ФСБ и МИД также не дали результатов. Зато в сети Интернет удалось найти воспоминания советского дипломата Алексея Александровича Рощина, участника конференции в Сан-Франциско, который упоминал об этом перелёте:

«Добраться до места созыва конференции было в то время не простым делом. Было решено, что делегация полетит через Сибирь, Аляску и Канаду. 18 апреля с Центрального аэродрома Москвы делегация вылетела на четырёх двухмоторных самолётах ДС-3 по маршруту Омск — Иркутск — Якутск — Марково — Фербенкс (Аляска) — Эдмонтон (Канада) — Сан-Франциско. Перелёт по этому маршруту был нелёгким. Кабина, в которой разместились советники и эксперты, почти не отапливалась и не была герметизирована. Для утепления нам дали меховые комбинезоны, а для дыхания снабжали на некоторых участках озонаторами, которыми мы не умели пользоваться. Лететь было небезопасно. Когда мы в снежную пургу в сумерках вылетели из Якутска, то один из моторов нашего самолёта "зачихал". Поскольку электричества на аэродроме не было, то для возвращения и посадки в Якутске нам развели костры. Через два часа мы вновь поднялись в темноте и полетели в Марково на Колыме. Далее летели над Аляской и Западной Канадой (провинцией Альберта). Затем перед нами открылась зелёная солнечная долина Калифорнии. Вокруг аэродрома Гамильтон Филд (близ Сан-Франциско) ухоженные, ярко-зелёные поля, возделанные сады, в которых прячутся коттеджи. Мы прибыли к месту назначения. Нас встречает советский генконсул М. С. Вавилов» [8].

Всё совпадало с оперативным заданием, кроме даты вылета: 18-го вместо 16-го и типа самолёта — ДС-3 вместо С-47 (количество самолётов в группе Грачёва не указывалось). Возможно, это был следующий полёт с другой группой дипломатов. С таким предположением я сохранил фрагмент воспоминаний Рощина для иллюстрации особенностей и сложностей полётов того времени.

После нескольких лет поисков удалось найти воспоминания двух участников загадочного перелёта. В «Московском журнале» № 2 за 2023 год были опубликованы воспоминания полковника Асафьева Фёдора Васильевича, командира 2-й авиационной Краснознамённой дивизии особого назначения (1950—1953), который участвовал в перелёте Москва — Сан-Франциско в составе группы генерал-майора В. Г. Грачёва. А на странице Ярослава Огнева в «Живом журнале» [9] попала ссылка на воспоминания советского лётчика майора Петра Ивановича Шеленкова «Москва — Сан-Франциско — Москва», опубликованные в газете «Красная звезда» от 19 мая 1945 года.

¹ КПАД — Краснознамённая перегоночная авиадивизия.

Ф. В. Асафьев вспоминает:

«... Предстояло вылететь с делегацией СССР по маршруту Москва — Сан-Франциско протяжённостью 15 тысяч километров: пересечь Европейскую часть страны, Сибирь с её сказочной тайгой и горными хребтами, Берингов пролив, Аляску, Канаду, Скалистые горы Кордильер и закончить полёт на берегу Тихого океана в красочной Калифорнии. 16 апреля в 6 часов утра четыре самолёта С-47 поднялись в воздух и взяли курс на восток. Первый самолёт вёл генерал-майор авиации В. Г. Грачёв, второй — я, третий — Герой Советского Союза Г. А. Таран, четвёртый — полярный лётчик, Герой Социалистического Труда Б. С. Осипов¹» [10].

Далее Асафьев рассказывает уже об американской части этого полёта.

Подробный рассказ о том, как протекал полёт над территорией СССР, представляет П. И. Шеленков: «Под крыльями проплывают знакомые площади и улицы, мелькают пригороды. Москва остаётся позади. За Шатурой погода резко ухудшилась. Дальше идём слепым полётом в облаках или за облаками. Высота 3—4 тысячи метров. Первая посадка и ночлег. С самого раннего утра мы опять в воздухе. Самолёт ведем поочередно с лейтенантом Осиповым» [11].

На четвёртые сутки полёта, к вечеру 19 апреля, проведя до этого в воздухе около девяти часов, делегация прибыла на аэродром эскимосского села Уэлькаль на Чукотке. Это село было последним пунктом маршрута на территории Советского Союза. Вылет по плану намечался на следующий день, но изменчивая погода внесла свои коррективы:

«... Отправились в столовую, чтобы подкрепиться, а после отдохнуть. Но тут прибежал метеоролог и взволнованно доложил: с залива Креста движется мощная волна тумана, могущая продержаться до недели, так что лучше вылететь сейчас же. Встревоженные, мы бросили обед, устремились к самолётам, как по боевой тревоге, запустили моторы и порулили на старт.

Грачёв даёт полный газ и сразу ныряет в пелену тумана. Я жду, когда освободится полоса. К этому времени туман полностью закрывает всё поле. Грачёв передает: «Взлёт произвёл нормально, высота тумана 300 метров».

Я тоже даю полный газ. Самолёт отделяется от земли и плавно идёт в набор, на высоте 300 метров выныривает на поверхность. Вскоре над туманом показываются Таран и Осипов.

До ближайшей посадки в Фэрбенксе — 1500 километров. Наша четвёрка шла через Анадырский залив, Чукотский полуостров, Мечигменскую губу и Берингов пролив. Приближались к Аляске» [10, с. 102].

К рассвету самолёты приземлились в Фэрбенксе, пролетев от Якутска без остановки 4080 километров и проведя в воздухе 14 часов 25 минут. Несмотря на усталость, настроение у всех было приподнятое.

После короткого отдыха четвёрка самолётов стартовала уже на канадский город Эдмонтон. В каждом из самолётов теперь летели американские коллеги: штурман, радист и переводчик. На последнем отрезке пути после Эдмонта погода решила ещё раз испытать советских лётчиков на прочность. Ф. В. Асафьев вспоминал:

«... Мощные кучевые облака, между которыми мы долгое время маневрировали, слились в общую массу, и нам ничего не оставалось делать, как нырнуть в эту тёмную муть. Сразу же нас стало бросать из стороны в сторону, вверх и вниз, так что мы частенько повисали в воздухе между потолком кабины и сидением. Самолёт в буквальном смысле стонал, словно вот-вот развалится. Три часа продолжалась эта жестокая тряска. Казалось, ей не будет конца» [10, с. 103—104].

Об этом же эпизоде полёта вспоминает и П. И. Шеленков:

«От Грендфоркса — пограничного пункта между Канадой и США — летим в неблагоприятных метеорологических условиях. Гроза, сильная болтанка. Приходится подняться на высоту 5000 метров. Становится трудно дышать. Экипаж и пассажиры надевают кислородные приборы. Так идём около полутора часов» [11].

Но при подлёте к Сан-Франциско открылось ясное небо, и советские самолёты на шестые сутки полёта благополучно приземлились на аэродроме Гамильтон-Филд.

Астафьев заключает:

«Так завершился наш перелёт глиной в 15 000 километров. Это расстояние мы прошли за 53 часа 23 минуты, из которых в облаках летели 12 часов, за облаками — 16 часов 30 минут, ночью — 7 часов 43 минуты. Нас переполняли радость и гордость, усугублённые пышным приёмом на аэродроме. Не успели мы выключить моторы, как были окружены корреспондентами, фото — и кинорепортёрами. Щёлкали затворы фотоаппаратов, бегали карандаши по страницам блокнотов. Вокруг улыбатые лица, бойкая разноязычная речь» [10, с. 104].

¹ Звание Героя Социалистического Труда Б. С. Осипову было присвоено в 1962 году.

Об особом интересе к советской делегации и лётчикам пишет и Шеленков:

«Никогда ещё я не писал в таком количестве свою фамилию, как в этот час на сан-франциском аэродроме. Каждый американец считал своим долгом получить автограф от советского офицера. Встречавший нас американский полковник захотел сфотографироваться непременно с каждым из наших экипажей отдельно» [11].

По свидетельству В. Ф. Асафьева, огромный интерес к русским был не только в день прилёта, но и в течение всего их пребывания в Сан-Франциско:

«При входе и выходе из отеля мы поодлу столы, окружённые людьми, давая бесчисленное количество автографов. Горожане устраивали настоящие дежурства, чтобы эти автографы заполучить. Каждым раз лес рук с карандашами, авторучками и клочками бумаги тянулся к нам. Без умолку трещали затворы фотоаппаратов».

Война близилась к завершению, и советским самолётам пора было возвращаться на Родину. В. Ф. Асафьев пишет:

«В ночь на 8 мая вылетели Грачёв и Таран. Мне и Осипову приказали задержаться, поскольку в Сан-Франциско прибыли ещё два экипажа нашего гражданского воздушного флота (командиры — Аверкин и Рыжков [12]), и меня назначили старшим группы» [10, с. 105].

Таким образом, долгожданный день Победы оставшиеся экипажи встретили вдали от Родины и возвращались в родные края после окончания войны:

«Наконец 10 мая в 5 часов 45 минут по московскому времени мы стартовали из Сан-Франциско. Всю трассу до Москвы прошли за пять лётных дней и 15 мая в 15.05 произвели посадку на Центральном аэродроме. Нашими пассажирами были представители МИД СССР» [10, с. 105].

Итак, сопоставление воспоминаний А. А. Рощина и Ф. В. Асафьева позволяет сделать предположение, что это был один тот же полёт. Что касается даты вылета, то можно предположить, что её, возможно, запомнил сам Рощин или же произошла техническая ошибка при публикации воспоминаний. Поскольку и в оперативном задании, и в воспоминаниях Асафьева указывается одна и та же дата — 16 апреля. Что касается указания на модель самолёта (ДС-3), то, как выяснилось, это был пассажирский самолёт, на базе которого был создан военно-транспортный С-47. И человеку, далёкому от авиации, довольно сложно отличить ДС-3 от С-47 по причине внешнего

сходства. А тот факт из воспоминаний Рощина, что в салоне самолёта было холодно и временами испытывалось кислородное голодание, только подтверждает, что это были самолёты С-47, оборудованные под перевозку пассажиров. Таким образом, удалось воссоздать картину таинственного перелёта.

Делегация СССР добиралась на конференцию в Сан-Франциско двумя составами. Первый состав вылетел 16 апреля на четырёх самолётах С-47, на его борту были советники и эксперты, в числе которых был А. А. Рощин. На следующий день «из Москвы тем же маршрутом на четырёхмоторном самолёте С-54 вылетел в Вашингтон для встречи с новым президентом США Г. Трумэн нарком В. М. Молотов. Вместе с ним летели председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов и работники НКВД А. А. Соболев и С. К. Царякин» [8].

А из воспоминаний П. И. Шеленкова удалось узнать, что он был вторым пилотом экипажа Осипова, и установить связь со вторым документом — актом об устранении поломки. Поломка самолёта произошла на обратном пути из Сан-Франциско в Москву. Были ли на обратном пути какие-либо пассажиры или нет, пока остаётся неизвестным.

Таким образом, одним белым пятном в биографии нашего выдающегося земляка Б. С. Осипова стало меньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мацелуро Вл.* Разведчик науки // Гражданская авиация. 1961. № 11. С. 4—5.
2. *Дралкин А.* Весна на ледяной земле // Огонёк. 1959. № 51. С. 5.
3. *Строганов О., Накаряков Вл.* Рукопожатие полюсов. М. : Известия, 1963; *Гаврилов Ю. А.* Мы летим в Антарктиду. М. : Молодая гвардия, 1964. и др.
4. Метрическая книга Троицкой церкви стцы Мариинской за 1917 г. // ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3119. Л. 5.
5. *Архипов П. П.* Сияние звёзд. М. : ДОСА-АФ, 1971.
6. Наградной лист на Осипова Бориса Семёновича к ордену Отечественной войны II степени // Память народа : [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46960650/ (дата обращения: 17.04.2025).
7. Архивная справка из Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиация) от 18.12.2017 № Исх—7404111—об—77.

8. *Рощин А. А.* На конференции в Сан-Франциско 1945 года. К созданию Организации Объединенных Наций // Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М. : Научная книга, 1997. // Милитера : [сайт]. URL: <https://militera.org/memo/articles/r/t32861/> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Москва—Сан-Франциско—Москва: Огнев // ЖЖ. URL: <https://ognev.livejournal.com/4682969.html> (дата обращения: 21.08.2025).
10. *Асафьев Ф. В.* Полёты особого назначения. Страницы воспоминаний // Московский журнал. 2023. № 2. Февраль. С. 82—112.
11. *Шеленков П. П.* Москва—Сан-Франциско—Москва : Рассказ советского лётчика П. И. Шеленкова // Красная звезда. 1945. 19 мая. С. 1.
12. В официальных документах — Рышков. (Рышков Иван Иванович // Проект памяти героев Великой Отечественной войны // Музей истории района Внуково : [сайт]. URL: <https://memory.museum-vnukovo.ru/list/ryishkov-ivan-ivanovich/> (дата обращения: 21.08.2025).

Д. Д. СКОРИКОВ

ДВА ДОМА НА ПЛАТОВСКОМ

В центре Новочеркасска напротив Атаманского дворца есть два рядом стоящих старинных дома. Как оказалось, они имеют общую историю, и раньше их объединяло одно дворовое место. Среди участников череды событий XIX века, связанных с этими домами, были и купцы города Сапожок Рязанской губернии, и Святейший синод, и наследники генерал-майора Алексея Евдокимовича Грекова 9-го, и даже *«впадающие в противоречие местные юристы»*. Речь идёт о домах с современной нумерацией № 84 и № 86 на Платовском проспекте.

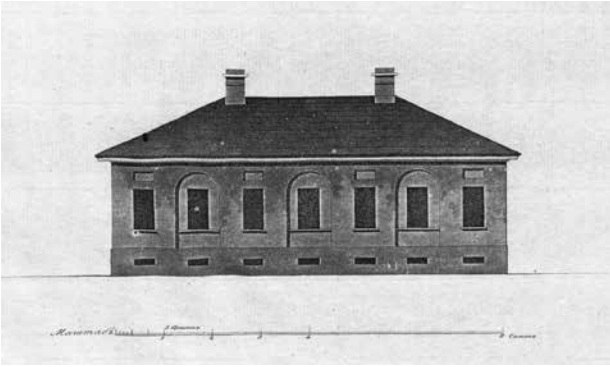
Первый из них, «Доходный дом С. А. Парамонова», является объектом культурного наследия

регионального значения [1]. Здание кирпичное двухэтажное, архитектурный стиль определяется как эклектика, а период строительства рубежом XIX и XX вв. В 1895 году дом принадлежал торговому казаку С. А. Парамонову [2]. В 1903—1910 гг. верхний этаж занимала частная гимназия казачки А. Д. Дувакиной [3, с. 63]. В первом этаже размещался магазин сукон Ивана Павловича Белоусова, торговое заведение 2 разряда. В 1917 г. домовладение принадлежало М. И. Власовой [3, с. 64]. В советское время в нём размещался педагогический техникум, внизу — магазины. В 1957 г. на первом этаже была столовая, затем — чайная, кафе «Огонёк»,

Дома в Новочеркасске по пр. Платовскому № 52 и 52 а (ныне № 84 и № 86). Фото из открытых источников

Дмитрий Дмитриевич Скориков, научный сотрудник научно-хранительского отдела Ростовского областного музея краеведения. Сообщение на Чтениях в Ростове-на-Дону 18 сентября 2025 г. под названием: «Два дома на Платовском: к истории одного объекта культурного наследия в г. Новочеркасске»

Образцовый фасад № 87. (Собрание фасадов Его Императорским Величеством высочайше опробованных для частных строений в городах Российской империи. Ч. 2. 1809. Л. 87)

на втором — квартиры [3, с. 65]. Теперь помещения занимают различные организации (книжный магазин, аптека и другие).

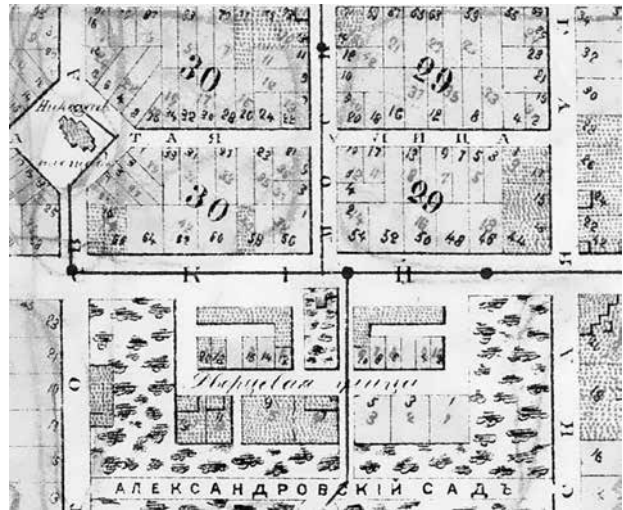
Соседний дом, № 86, выглядит проще в архитектурном отношении, и явно намного старше, так как, вероятно, построен по одному из «Высочайше утверждённых» образцовых проектов фасадов, по которым велось строительство частных домов в Новочеркасске в первой половине XIX века [4, с. 141].

Одноэтажный, семиоконный, этот дом частично просматривается на разных дореволюционных видовых открытках и фотографиях, но наиболее раннее его изображение — на рисунке и гравюре

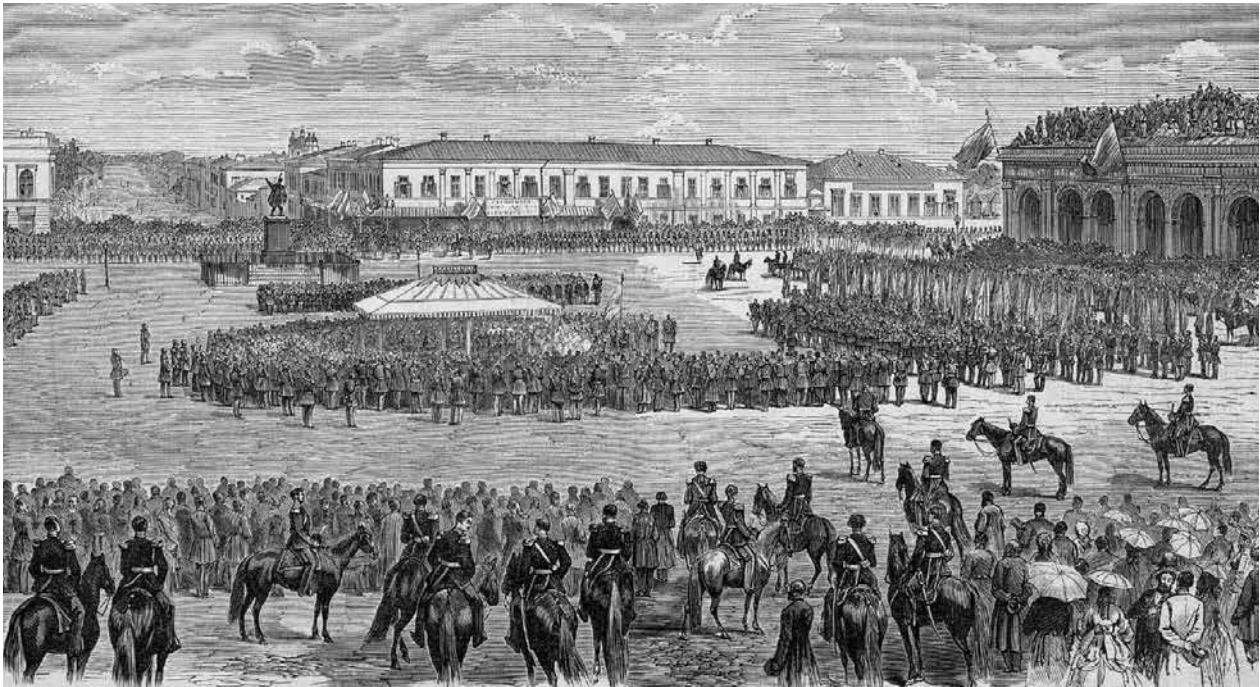
1870 г., сделанной с фотографии Т. Я. Иванова «Трёхсотлетний юбилей Донского казачьего войска. Молебствие перед парадом в Новочеркасске» [5].

В 1895 г. дом принадлежал П. Д. Грамматиной, жене казака [3, с. 201]. В 1901 г. здесь проживал помощник присяжного поверенного Новочеркасского окружного суда губернский секретарь Андрей Иванович Грамматин [6].

До 1917 г. в нём размещались магазины: галантерейный П. Д. Файера, часов Д. Д. Конверистова и Башлева, аптекарский М. И. Досиковой,

Фрагмент карты Новочеркаска 1895 года

*Молебствие перед парадом в Новочеркасске
(Всемирная иллюстрация : еженед. иллюстрир. журн. / Изд. Г. Гоппе. СПб., 1870. Т.4, № 83. С. 536)*

А. И. Грамматин (Памятная книжка Области войска Донского на 1901 год. Новочеркасск, 1901. С. 224)

квартира из девяти комнат. С 1923 г. — студенческая амбулатория, затем стоматологическая поликлиника [3, с. 67], (располагается в нём и сегодня).

На дореволюционной карте Новочеркаска 1895 г. современное месторасположение домов соответствует номеру 52 в дворовом месте № 15 в 29 квартале первой части проспекта Платовского.

«План города Новочеркаска довольно хорош, и расположен правильно; он разделён на 76 кварталов, состоящих из 3 тысяч мест, кои все избыточно снабжены землёю: места первого класса имеют по фасаду 20 сажений и в глубину от 30 до 60 сажений; второго — 15 сажений по фасаду и от 30 до 50 в глубину; самые меньшие — 10 сажений по проспекту и от 20 до 30 сажений в глубину», — писал в 1820-х гг. донской историк В. Д. Сухоруков [4, с. 135]. Ширина фасадной линии домов № 84 и № 86 равна 46 метрам, что соответствует 22 сажням, т. е. ширине дворового места первого класса. В самом центре города такие места отводились высшим

офицерам, крупным чиновникам и должностным лицам, а также — для строительства административных зданий.

Детали ранней истории домов и общего для них дворового места удалось узнать из материалов одного обширного архивного дела, включающего в себя документы о реализации духовного завещания купца 2-й гильдии города Таганрога Гавриила Петровича Петрова [7]. Часть своего состояния он завещал на постройку каменной церкви в посёлке Алексеевском-Лазовском Донецкого округа (ныне село Алексеево-Лазовское в Чертковском районе Ростовской области) [8]. Среди прочего завещанного имущества указан и *«...в городе Новочеркасск, на Платовском проспекте дом кирпичный в одном же дворе дом деревянный...»* [7, л. 112]. Такая крайне малоинформативная формулировка без подробного описания строений не могла не остаться без последствий. При анализе текста и структуры всего завещания Петрова видно, что в нём нет чёткой последовательности распоряжений, есть даже оговорки и их исправления. Создаётся впечатление, что оно не было подготовлено заранее, составлялось на ходу и корректировалось завещателем до «последнего момента», — умер Г. П. Петров на следующий день. В завещании даже не был обозначен точный адрес дома в Новочеркасске; но из других документов этого же дела становится понятным, что речь идет о дворовом месте № 15 в 29-м квартале [7, с. 134 об., 210]. Распорядителем завещанного имущества, Г. П. Петров назначил крестьянина Акима Евтихиевича Губарева. Действуя согласно воле завещателя, А. Е. Губарев начал поиски покупателя. До этого в доме Петрова на протяжении около десяти лет¹ *«...в лучшей центральной части города»* размещалась публичная библиотека Шумкова, платившая 800 рублей арендной платы [9]. Вскоре библиотеке пришлось переехать в другое здание, так как 20 июня 1884 г. А. Е. Губарев *«запродал»* за 12 тысяч рублей *«каменный одноэтажный дом с дворовым полуместом и пристроями»* жене казака Прасковье Даниловне Грамматиной, получив от неё задаток в две тысячи рублей [7, л. 106—106 об.]. При утверждении купчей крепости в Новочеркасском окружном суде старший нотариус потребовал справку из Донской духовной консистории, что с её стороны нет препятствий к продаже дома. К тому же, по закону о завещаемых на постройку

¹ В рукописном документе, хранящемся в архиве Новочеркасской центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина («Протоколы Комитета по управлению Новочеркасскою публичною библиотекою с 1840 года : [рукоп. за 1870—1889 гг.] Л. 13.), указана дата размещения библиотеки — 26 мая 1874 г.

церквей недвижимых имуществ, сначала требовалось получить «Высочайшее благоволение» императора на принятие дома в церковную собственность, и после, с разрешения Святейшего синода, оформить сделку. Прошение об этом, составленное А. Е. Губаревым по его доверенности, лично подал муж «покупщицы» казак Иван Андреевич Грамматин. Тогда он не мог знать, что до завершения сделки пройдет 4 года. В Донской духовной консистории, уточняя детали сделки, обратили внимание на «новые открывшиеся обстоятельства». В своём рапорте член консистории священник Алексей Поляков писал: «...стало известным, что деревянный дом, в городе Новочеркасск, на Платовском проспекте, находящийся на одном месте с каменным домом, о котором говорится в духовном завещании Петрова... продан и деньги за него поступили каким-то наследникам», а «...ведение этого сложного и капитального дела требует специальных юридических знаний...» при этом распорядитель Губарев «...человек простой, неграмотный, и при хождении по этому делу, легко может впасть в ошибку к ущербу интереса церковного...» [7, л. 64—64 об.].

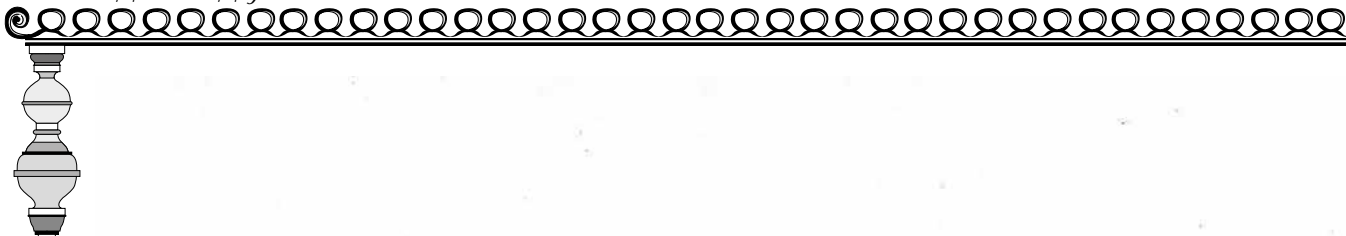
Дело в том, что у Г. П. Петрова и его жены Марфы Алексеевны¹, умершей ещё в 1859 г., не было своих детей. Единственными ближайшими родственниками и законными наследниками Петрова были его племянники Федуловы², купцы из города Сапожок Рязанской губернии. Они находились рядом с Г. П. Петровым в его последние дни и присутствовали при написании завещания. После смерти дяди Федуловы определением Новочеркасского окружного суда от 21 октября 1883 г. «утвердились» в той части наследства, которая не предназначалась для строительства церкви. При этом отнесли к этой «своей» части и «...старый госчатый на каменных низах, фасадный дом с пристроем и половиною двора... состоящий...по Платовскому проспекту...» [7, л. 109 об.], который и продали «с половиною места в феврале месяце 1884 года...с ведома Новочеркасского окружного суда, который будто бы признал их наследниками этого дома, как по смыслу духовного завещания, не назначенного в пользу церкви...» [7, л. 72 об.]. В Донской духовной консистории заподозрили Федуловых в мошенничестве, так как поняли смысл завещания Петрова по-своему и отнесли этот же деревянный дом к имуществу, предназначенному для церкви. В консистории планировали подать судебный иск

к Федуловым, а сделку с Грамматиной отменить. 23 августа 1885 г. архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан направил рапорт в Святейший синод, изложив подробно всю суть этого сложного дела, и в дополнение указал, что «...при этом доме, в глубине двора есть грудой деревянный дом (флигель), а рядом, по фасаду, на одном и том же месте, стоял деревянный дом на каменном фундаменте, который по смыслу духовного завещания Петрова также должен был поступить в пользу Алексеевской-Лозовской церкви, как находящийся на одном месте с каменным, перешедший во владение Петрова по одной купчей крепости; но наследники Петрова, братья Федуловы, утвердившись в правах наследства и воспользовавшись неопределённостью в изложении упомянутого завещания, завладели произвольно половиною двора и деревянным домом и, разбив дворовое место на две равные половины, одну из них с фасадным домом продали за 8500 рублей, совершив купчую крепость у старшего нотариуса Новочеркасского окружного суда, и новый владелец его возвёл уже на сем месте двухэтажное большое кирпичное здание, стоящее не менее 30 тысяч рублей» [7, л. 134]. Архиепископ Митрофан попросил Святейший синод разъяснить «...полное юридическое значение и смысл самого духовного завещания...» и какие «...законные меры может принять консистория для исполнения воли завещателя» [7, л. 134 об.]. По его мнению «...местные юристы... впадают в противоречие, относительно прав церкви на дом... по смыслу духовного завещания Петрова» [7, л. 135]. В отличие от Донской духовной консистории Федуловы давно знали, что на этом дворовом месте расположены два деревянных дома и, поняв, что в завещании речь идёт только об одном из них, не теряя времени, быстро продали один дом и половину дворового места торговому казаку Семёну Алексеевичу Парамонову. В результате церковь не получила часть средств (8500 рублей), равную рыночной стоимости деревянного дома с постройками и полуместом. Архивные документы позволяют уточнить даты строительства современного дома № 84 (с 24 февраля 1884 г. по 23 августа 1885 г.), а фотография Т. Я. Иванова, датируемая 1870 г., наглядно демонстрирует предшествовавшие ему фасадные постройки и соседний семиоконный кирпичный дом.

Сохранилось подробное описание построек, на месте которых был возведён дом № 84.

¹ Марфа Алексеевна Петрова, урождённая Грекова — одна из трёх дочерей-наследниц генерал-майора Алексея Евдокимовича Грекова 9-го.

² Сапожковский купец 2-й гильдии Федулов Василий Ефимович и купеческие братья Дмитрий и Андрей.

*Платовский проспект с видом на купола церкви Николая Чудотворца. Фото Т. Я. Иванова.
Из фонда Новочеркасского музея истории гонимого казачества*

«Фасадный 2-этажный 3-х оконный дом с каменными низами и деревянным верхом. При нём деревянный с 3 отделениями амбар, деревянная кухня, деревянная дощатая торговая лавка и половина дворового места» [7, л. 234].

В Святейшем синоде, получив рапорт архиепископа Митрофана, завели дело и обстоятельно начали разбираться [10]. Многочисленные уточняющие запросы Синода привели к долгой переписке с разными инстанциями. За это время Грамматины, купившие дом Петрова, напоминая о себе, подали повторное прошение, а вместо умершего А. Е. Губарева был выбран новый распорядитель по завещанию Г. П. Петрова. Им стал крестьянин того же Алексеево-Лозовского посёлка Иван Матвеевич Жевагин. Ему предстояло довести до конца реализацию воли завещателя. Ответ из Святейшего синода последовал через 3 года, 12 августа 1887 г. Относительно смысла завещания Петрова и действий Федуловых Синод объяснил, что по причине неясности изложения завещания и неуказания точных размеров двора, Федуловы, являясь наследниками по закону, и получили половину дворового места с постройками, а возможный «...иск к Федуловым, сопряжен с риском проиграть дело и понести затраты» [10, л. 210—211]. Здесь же, давалось разрешение на продажу кирпичного дома Грамматиной, предварительно введя во владение И. М. Жевагина, как законного

распорядителя завещанием и председателя церковного попечительства. 30 января 1888 г. в присутствии судебного пристава Плосского и свидетелей, а по факту соседей торгового казака Семёна Алексеевича Парамонова и казака Ивана Андреевича Грамматины, во вводном листе на имя Жевагина, указывались размеры второго дворового полуместа «шириной по улице 11 сажень и вглубь двора 35 сажень» [10, л. 227]. Таким образом, было окончательно закреплено разделение ранее одного дворового места на два равных полуместа, с присвоением домам порядковых номеров 52 и 52 а, будущих 84 и 86.

В описи документов на завещанный Петровым в пользу церкви дом, прилагаемых к рапорту архиепископа Митрофана в Синод, упоминается купчая крепость на проданное наследниками подполковницы Александры Ежовой купцу Петрову недвижимое имущество в городе Новочеркасске. Вдова подполковника Александра Алексеевна Ежова была родной сестрой Марфы Алексеевны, жены купца Г. П. Петрова. После смерти Ежовой Петров купил 15 сентября 1867 г. дом с дворовым местом у её наследников есаула Ежова и жены коллежского регистратора Филатьевой [10, л. 107]. Ранее, ещё в феврале 1859 г., подполковницкая вдова А. А. Ежова заняла у купца Г. П. Петрова сумму в 5775 рублей, без процентов, сроком на 4 года, заложив при этом свой «...каменный семиоконный одноэтажный дом

с низами при нём двухэтажным трёхконным флигелем...», и деревянными «каретником, конюшней и всеми другими во дворе постройками и полным дворовым плановым местом земли...», состоящий «...города Новочеркаска, 1-й части, в 29-м квартале, пог №15-м...» [11]. Это наиболее раннее и полное указание адреса и описание построек позволяет датировать строительство дома № 86 не позднее 1859 года, и определить А. А. Ежову, как одну из ранних владелиц данного дворового места.

Ниже приведенные свидетельства из разных источников, уводят исследование в сферу версий и предположений относительно более ранней истории данного дворового места, его первых владельцев и времени строительства фасадных кирпичного и деревянного домов. Когда и каким образом А. А. Ежова стала владелицей этого дворового места с постройками достоверно неизвестно. Оно могло достаться ей по наследству от мужа подполковника Александра Ефимовича Ежова [12], от отца генерал-майора Алексея Евдокимовича Грекова 9-го [13] или матери Катерины Максимовны, урожденной Несмияновой. Возможны и другие варианты. Известно, что в 1842 г. определением Военного гражданского суда *...для залога по подгрядам и поставкам...* наложено запрещение на принадлежащий подполковнице А. А. Ежовой «...каменный с пристроем дом...», находящийся в том же 29 квартале 1-й части города [14]. Но, вместо номера дворового места в этом объявлении по существовавшей тогда городской системе нумерации указан порядковый номер дома 829. Вполне вероятно, что речь идёт о том же доме Ежовой в 29 квартале, упоминаемом в документе 1859 года, что значительно его бы «состарило», но отсутствие в объявлении 1842 года подробного описания дома и «пристроения» не позволяют достоверно подтвердить это предположение. К этому времени А. А. Ежова уже была вдовой, значит дом мог достаться ей после смерти мужа. Версия о наследстве, доставшемся от её отца, тоже вполне вероятна, так как генерал-майор А. Е. Греков умирает не позже 1835 г. [15]. К тому же известно, что он точно владел домом в 29 квартале. Ещё в октябре 1822 г. «генерал-майор и кавалер» Алексей Евдокимович Греков купил у майорской жены «собственный её» Евдокии Акимовны Фроловой дом с пристроем «ценою государственным ассигнациям за 4 тысячи рублей» [16, л. 3—3 об]. Купленный А. Е. Грековым «...трёхконный деревянный на каменных фундаментах дом, с имеющейся при нём ветхой кухней, дачным пристроем и деревянным двором...» располагался

«...в 1-й части, в 29 квартале пог № 869...» [16, л. 3—3.об]. Принадлежавший Ежовой в 1842 г. в том же 29 квартале дом имел номер 829. Если при написании номера дома в одном из приведённых документов была допущена ошибка в одной цифре, то, вероятно, речь идёт об одном и том же дворовом месте, принадлежавшем в разные годы, сначала отцу, а позже его дочери. Достоверно можно утверждать, что и А. Е. Греков и А. А. Ежова владели в разные годы домами в 29 квартале. В описании дома с постройками, купленного Грековым у Фроловой в 1822 г., дома заложенного Ежовой в 1859 г., и дома, проданного Федуловыми Парамонову в 1883 г., есть совпадения. Во всех случаях речь идёт о расположенном в 29 квартале деревянном трёхконном доме на каменных низах с разнообразными дворовыми постройками, который так или иначе связан с А. Е. Грековым и его потомками. Вполне возможно, что на фотографии Т. Я. Иванова изображён трёхконный дом, упоминающийся во всех этих документах. Версия о принадлежности данного дворового места А. Е. Грекову и его дочери с 1822 по 1859 гг. является основной, но требует прямого подтверждения или опровержения другими источниками. Вероятно, Г. П. Петров, зная о «грековской» истории этого дворового места, включил его в часть своего наследства, предназначенного для постройки церкви, освятить которую завещал в честь Архангела Гавриила и Алексия, человека Божьего, ангела-хранителя своего тела [17, с. 4].

Учитывая разные возможные варианты приобретения дворового места в собственность, среди вероятных первых его владельцев могут быть и майорская жена Евдокия Акимовна Фролова, и её муж, майор Фролов Иван Иванович [18], а так же её отец старшина Аким Михайлович Барабанщиков [19, с. 52], или мать Екатерина Акимовна. Интересно, что одним из трёх свидетелей, поставивших свои подписи под завещанием Г. П. Петрова в 1883 г., был отставной майор Атаманского полка Фёдор Фёдорович Барабанщиков [19, с. 54], родной племянник Евдокии Акимовны Фроловой.

На участке Платовского проспекта, запечатленном на фотографии Т. Я. Иванова, можно определить границы нескольких дворовых мест: принадлежавшего Г. П. Петрову № 15 и соседних с ним дворовых мест № 16, 17 и 18. Фасадные постройки двух из них, № 16 и 17, пятиконный на каменных низах дом и трёхконный флигель с двускатной крышей, расположены справа, на границе дворового места, а слева имеется свободное не застроенное пространство. Вероятно,

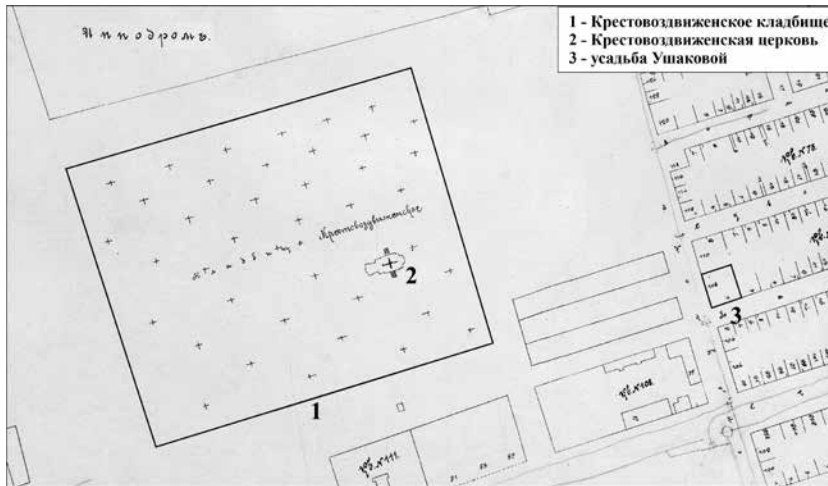
по существовавшим в первой половине XIX века правилам застройки Новочеркасска, фасадные постройки должны были возводиться в правом углу дворового места, а слева оставлялось место для «фруктового садика» [4, с. 141]. Именно так расположен трёхконный на каменных низах дом, вероятно являющийся первой фасадной постройкой на дворовом месте № 15, а соседний семиконный кирпичный дом построен позже, между 1822 и 1842 годами. На этой же фотографии на семиконном доме видны архитектурные детали декора, практически полностью утраченные в наши дни: ряд подоконных ниш, оказавшихся сейчас ниже уровня тротуара, сандрики над нечётными окнами и ряд сухариков в нижней части фасадного и бокового карниза. Первоначальное наличие этих элементов подтверждает, что дом построен по образцовому фасаду первой половины XIX века. На данный момент этому дому не менее 165 лет, и присвоение статуса объекта культурного наследия регионального значения могло бы способствовать его реставрации и сохранению.

Перед выходом статьи в печать был обнаружен план Новочеркасска 1804 года с указанием порядковых номеров «обывательских и военных строений» [20]. Расположение на этом плане домовладения № 869 в 29 квартале соответствует современным домам с нумерацией № 84 и № 86 на Платовском проспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения «Жилой особняк. Эkleктика» (уточнённое наименование: «Доходный дом С. А. Парамонова») : Постановление Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области от 13.11.2019 № 20/01-01/1152 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6101201911220048> (дата обращения: 05.11.2025).
2. *Краснов Б. В.* Новочеркасск : справ. книжка / Изд. Ф. М. Туникова. Ч. 2 Новочеркасск : Тип. Карасёва, 1896. С. 201.
3. *Потапов И. П.* Новочеркасск — город Платова / Новочеркасский музей истории дон. казачества. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д. : Альтаир, 2014.
4. *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822—32 годах / Изд. Областного правления войска Донского. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1891.
5. Всемирная иллюстрация : еженед. иллюстрир. журн. / Изд. Г. Гоппе. СПб., 1870. Т. 4, № 83. С. 536.
6. Памятная книжка Области войска Донского на 1901 год / Изд. Обл. в. Д. стат. ком. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1901. С. 224.
7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7953.
8. Подробнее о Г. П. Петрове и строительстве церкви см.: *Скорилов Д. Д.* История одного завещания // Донской временник. Год 2019-й. / Дон. гос. публич. б-ка. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 155—158.
9. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7953. Л. 47 об.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 1175.
11. Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имущества. СПб., 1859. № 55. С. 1744—1745.
12. *Корягин С. В.* Ежовы и другие. М. : Русаки, 2007. С. 16. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 66).
13. *Корягин С. В.* Грековы. М. : Русаки, 2007. С. 15. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 42).
14. Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имущества. СПб., 1842. № 45. С. 1218.
15. Объявления к Санктпетербургским ведомостям. № 34. Спб., 1835. С. 24.
16. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 862.
17. *Тимощенков И.* Из поездки по Донецкому округу. Волость Греково-Степановская // Приазовский край. 1899. 10 дек. (№ 323). С. 4—5.
18. *Корягин С. В.* Фроловы и другие. М. : Русаки, 2008. С. 69. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 74).
19. *Корягин С. В.* Орловы-Денисовы и другие. М. : Русаки, 2002. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 27.).
20. Детальный план Новочеркасска 1804 года : каталог карт // ЭтоМесто : [сайт]. URL:http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_novocherkassk_1804/?y=47.411290&x=40.101237 (дата обращения: 05.11.2025).

А. А. НЕЧИПОРУК

ИСТОРИЯ КЛАДБИЩЕНСКОЙ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ

*Крестовоздвиженское кладбище на планшете
мензуральной съёмки Брандтнера. 1898 г.*

История Ростова-на-Дону полна белых пятен, связанных с теми или иными историко-архитектурными объектами. Одним из таких примеров, относящихся к культовым постройкам, служит Крестовоздвиженская церковь, названная во имя Воздвижения честного и животворящего креста Господня. Одноимённый праздник отмечается православными христианами 27 сентября (по старому стилю — 14) и выражает литургический (богослужебный) аспект почитания христианами Голгофского Креста как орудия спасения человечества [1].

Церкви довольно долго являлись градостроительными доминантами старого Ростова и возвышались над его малоэтажной застройкой. Памятники этого типа в последние годы достаточно часто становятся объектом исследований, что связано как с интенсивным городским строительством, так и отчасти с процессом возврата церковных и монастырских участков в ведение Русской православной церкви [2].

Как известно, большинство ростовских каменных храмов было уничтожено в 1920—1930-е годы, а практически все деревянные либо сгорели, либо за ветхостью были разобраны гораздо раньше. В связи с этим их исследование в значительной мере осложнено. На территории Ростова-на-Дону в период со второй

половины XVIII века до 1918 года была построена 21 церковь [3]. При этом по их истории написано не так уж много работ. И Крестовоздвиженская церковь здесь не исключение. Даже в книге одного из самых известных ростовских исследователей Е. И. Малаховского «Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие» ей отведена лишь одна страница [4]. Долгие годы оставаясь в тени более монументальных храмов, к тому же находясь на городской окраине, Крестовоздвиженская церковь так и не успела стать объектом более пристального внимания исследователей того периода.

Эта церковь располагалась в восточной части Покровского (Крестовоздвиженского) кладбища), возникшего в середине XIX века как старообрядческое («ханжейское») [5; 6].

В периодической печати 1870—1880 годов оно так и называлось — Старообрядческое (иногда Иноверческое) [7] или же просто кладбище [8]. С конца 1880-х годов оно перешло в разряд общегородских и его стали официально именовать «кладбище у тюремного замка» [9], а неофициально — Покровским (по ближайшей церкви). Лишь в 1902 году постановлением Городской думы ему было присвоено наименование «Крестовоздвиженское» [10, с. 387].

Александр Александрович Нечипорук, археолог, сотрудник Межрегионального центра археологических исследований, г. Ростов-на-Дону. Сообщение на Чтениях (Таганрог, 19 сентября 2025 г.)

История церкви, как и самого кладбища, имеет множество вопросов. До настоящего момента одним из ключевых являлся вопрос о времени появления церкви на территории кладбища. Е. И. Малаховский в своей книге о ростовских храмах, не указывая источника информации, сообщает, что в его восточной части располагалась деревянная Воздвиженская (Крестовоздвиженская) церковь, построенная, в 1842 году [4, с. 82]. Далее, он пишет, что к концу XIX века, эта церковь обветшала и в 1898 году на средства купцов М. И. и И. М. Сафоновых она заменяется «на монументальный кирпичный храм» [4, с. 82]. Такой храм в действительности был сооружён и успешно действовал в дальнейшем (хотя монументальным его сложно назвать), а вот относительно существования деревянной церкви, якобы построенной в 1842 году, возникают большие сомнения. Кладбище впервые отмечено в качестве типового проекта только лишь на высочайше утвержденном плане города 1845 года, а по факту начало действовать несколько позже. Сама же церковь, хоть и обозначена на этом плане, но также является лишь проектом. На нём она отмечена цифрой 22, которой маркировались все планируемые к постройке культовые сооружения. Действующие же храмы на плане имеют индивидуальную нумерацию и расшифровку в экспликации. А строить церковь на пустыре, да ещё без должных предварительных согласований как с церковными, так и с городскими властями, никто не имел права. В этой части города на тот момент действовала лишь Покровская церковь, к приходу которой и были приписаны жители данной местности [11], а также небольшая бесприходная Сергиевская церковь при тюремном замке [12], освящённая 16 января 1865 года [13]. Информации о существовании на Крестовоздвиженском кладбище церкви нет ни в одном известном нам источнике вплоть до 1898 года, когда был выстроен каменный храм. Более того, имеющиеся сведения опровергают это. К примеру, отсутствие церкви на кладбище подтверждает заметка 1869 года из «Ведомостей ростовской (на Дону) городской думы», в которой прямо указано, что на всей территории, отошедшей к городу после упразднения крепости св. Дмитрия Ростовского, существует только одна церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы [11]. Отметим, что в тех же «Ведомостях» публиковалась информация о ежегодном крестном ходе с чудотворной иконой Аксайской Божьей Матери Одигитрии, с перечислением городских православных церквей, в которые эта икона доставлялась. Так, к примеру, в номерах «Ведомостей» начиная

с 1867 и по 1898 год включительно церковь на Покровском кладбище не упоминается ни разу, вплоть до начала строительства каменной. Да и само это официальное название кладбища достаточно красноречиво указывает на отсутствие таковой. Поскольку кладбище было принято называть в честь располагавшейся на его территории церкви или же при её отсутствии по имени ближайшей, то именно по этой причине оно было известно как Покровское. Кроме того, построить на кладбище сразу же после его открытия церковь было попросту нереально. Для этого ни у властей, ни у горожан не было достаточных средств. Например, на основном городском кладбище, запроектированном ещё планом 1811 года, таковая появилась только лишь в 1868 году. При этом, на городском плане 1868 года эта вновь выстроенная Всехсвятская церковь показана, а вот на территории кладбища у тюремного замка никакой церкви по-прежнему нет. Нет её и на последующих городских планах вплоть до 1898 года. Нет сведений о ней и в справочных книгах «Весь Ростов-на Дону» за 1895—1897 годы [14; 15; 16]. К тому же необходимо брать в расчёт тот немаловажный факт, что кладбище долгие годы было старообрядческим и православная церковь не могла быть построена на нём по определению. Все вышеперечисленные аргументы убедительно указывают на то, что никакой деревянной церкви на месте выстроенного храма не было.

С ростом города и увеличением числа жителей строительство церквей на его окраинах стало насущной необходимостью. Поскольку деревянный Покровский храм уже с трудом вмещал такое количество прихожан, то попечительство по заведыванию кладбищем близ тюремного замка выступило с предложением построить каменную церковь на 1000 человек, что и было отражено в журнале попечительства от 10 января 1896 года [17]. Строительство церкви предполагалось непосредственно на самом кладбище. Гласный городской думы М. И. Сафонов изъявил готовность пожертвовать на её постройку 1000 штук аршинного камня и доставить за свой счёт бутовый камень и песок [17]. Думой предложение Попечительства было одобрено, а М. И. Сафонову была вынесена благодарность. В апреле того же года был составлен проект постройки, согласно которому она планировалась как молитвенный дом [18]. Для его постройки гласные М. И. Сафонов и П. И. Ильин пожертвовали по 100 тыс. штук кирпича каждый [18]. Кто стал автором проекта храма неизвестно, но учитывая простоту самой постройки, можно полагать, что за основу был взят один

из утверждённых типовых проектов. Практика образцового строительства в культовом зодчестве была введена в XIX веке и регламентировалась появившимся в 1832 году Строительным уставом [19].

Закладка Крестовоздвиженского молитвенного дома состоялась 6 октября 1896 года [20]. После этого строительство было начато [21, л. 1]. Для этих целей специально создали попечительство по постройке храма, председателем которого был утверждён Д. Н. Епифанов, а членами — И. М. Сафонов, Н. А. Панин, Н. И. Шпехт [22, с. 298]. От идеи строительства молитвенного дома было решено отказаться в пользу полноценного храма. Велось строительство в основном на средства купца 1-й гильдии Матвея Ивановича Сафонова, который до этого являлся церковным старостой Всехсвятской церкви и по совместительству членом Попечительства о городских кладбищах [23]. Его неожиданная смерть, последовавшая 16 августа 1897 года [24, с. 158], приостановила строительство, сорвав окончательные расчёты с подрядчиками, производившими строительные работы и поставщиками материалов. В связи с чем городская управа обратилась к душеприказчику покойного М. А. Маханькову с просьбой или принять на себя расчёты, или же доставить в управу все относящиеся к данному делу книги и документы [25]. К этому времени церковь вчерне уже была окончена [21, л. 1, 7]. Помимо того, М. И. Сафонов принес в дар для будущего храма немало церковных вещей, которые взяты им в кредит у купца С. Е. Василенко. Василенко, в свою очередь, после смерти М. И. Сафонова обратился в комиссию по наблюдению за постройкой храма с просьбой выплатить ему долг [26].

После смерти М. И. Сафонова строительство церкви и её внутренняя отделка были продолжены на средства его сына — купца 2-й гильдии Ивана Матвеевича [21, л. 1]. В справочной книге Екатеринославской епархии за 1908 год, прямо было указано, что Крестовоздвиженская церковь построена на средства ростовских купцов Сафоновых [27, с. 862]. Однако они были не единственными, кто финансировал строительные работы. К примеру, в этом строительстве приняли активное участие и другие именитые ростовчане — Д. Н. Епифанов, Н. А. Панин, Н. И. Шпехт, а также городской голова Е. Н. Хмельницкий, которым была выражена глубочайшая благодарность от Думы «за их труды и материальные жертвы по сооружению и благоустройству Крестовоздвиженской церкви» [22, с. 298]. Кроме того, отмечены и особые заслуги Е. Н. Хмельницкого, принимавшего

«с начала и до конца постройки непосредственное участие в трудах Попечительства» и указано на то, что ему «принадлежит мысль о сооружении церкви» [22, с. 298]. Некоторую часть средств выделяла и Городская дума [24, с. 69—70; 22, с. 70].

14 сентября 1898 года, в праздник Воздвижения честного и животворящего креста Господня, после молебна, совершённого о. Лазарем Крещановским, при большом стечении народа состоялось освящение и водружение крестов на церковные купола [28].

22 сентября 1898 года во время своего визита в Ростов епископ Екатеринославский и Таганрогский Симеон осмотрел сооружённый храм и изъявил согласие произвести его освящение [29]. Жители Байковского хутора — городской окраины, примыкавшей к Покровскому кладбищу, подали ему прошение, в котором ходатайствовали об образовании отдельного Крестовоздвиженского прихода. Владыка же, со своей стороны, обещал удовлетворить эту просьбу [29]. Освящение церкви состоялось 26 сентября, а накануне Симеон совершил в ней всенощное бдение [30]. Чин освящения совершался в сослужении духовенства городских церквей. На торжестве присутствовали городской голова Е. Н. Хмельницкий, гласные городской думы, а также члены попечительства по постройке храма [31]. По повелению Симеона церковь была приписана к ближайшей, которой являлась Покровская, «до решения вопроса об условиях существования её» [30]. Таким образом, Крестовоздвиженская церковь изначально была исключительно кладбищенской и не имела своего прихода [32].

В журнале заседаний Ростовской на Дону городской думы от 29 сентября 1898 года было отмечено, что «церковь, благодаря усердию жертвователей, снабжена иконостасом, церковною утварью, облачением и всем необходимым для богослужения» [22, с. 297]. Вскоре после её освящения городской голова обратился к благочинному ростовских церквей с просьбой сделать представление епархиальному начальству об избрании церковного старосты и о передаче в новый храм церковно-приходских книг [33]. В том же году была заведена опись церковного имущества [34, л. 2].

На момент освящения церковь, вероятно, была не полностью благоустроена и какие-то отделочные работы в ней все ещё велись (например, роспись стен). Лишь к весне 1899 года церковь была полностью готова к службам, поэтому во время пребывания в городе Аксайской чудотворной иконы Божьей Матери-Одигитрии 21 мая 1899 года икону впервые доставили

и в неё [35]. Службы в этот период велись приходскими священниками Покровской церкви, к которой Крестовоздвиженская была на тот момент приписана.

Благодаря стараниям жителей Байковского хутора, ходатайствовавших о создании отдельного прихода при церкви [36; 37], вопрос удалось решить положительно [38]. Однако консисторией было поставлено условие, чтобы кто-либо из прихожан пожертвовал дом для квартир причта [39]. На эти цели своё имение, располагавшееся на пересечении Богатынского переулка и Гимназической улицы (бывш. Базарной) под № 108, была готова передать в дар мещанка Александра Борисовна Ушакова. Однако, оно было её единственной собственностью и источником дохода, что вызывало определённые затруднения для передачи. Решить проблему вызвался И. М. Сафонов, который выразил готовность взять на себя пожизненное содержание Ушаковой. Он предложил переуступить ему данный дворовой участок в собственность, чтобы от своего имени передать его церкви. Со своей стороны Сафонов обязался решить вопрос с безвозмездным проживанием Ушаковой во флигеле того же имения и выплачивать по 30 рублей содержания ежемесячно. 31 июля 1899 года акт продажи дворового участка и обязательства И. М. Сафонова перед А. Б. Ушаковой были закреплены нотариально у исполняющего должность ростовского-на-Дону нотариуса И. А. Фоллендорфа [39; 40, л. 3 об.]. Сразу после этого Сафоновым через благочинного ростовских церквей, было отправлено в консисторию заявление о принесении данного имения площадью 240 кв. сажень с находящимися на нём «разного рода постройками» в дар Крестовоздвиженской церкви для размещения в нём священника [40, л. 3—4]. На основании этого заявления был подготовлен рапорт епископа Симеона от 16 ноября 1899 г. за № 18911 в Святейший правительствующий синод [40, л. 2 об.]. В связи с этим обращением в канцелярии Синода отложилось дело, озаглавленное «По рапорту преосвященного Екатеринославского об укреплении за кладбищенской Крестовоздвиженской города Ростова-на-Дону церковью дома с постройками, жертвуемого купцом Сафоновым» [40]. Согласно ему, И. М. Сафонов не только передавал в дар имение, но и брал на себя обязательства по содержанию А. Б. Ушаковой

до её смерти и ремонту флигеля, в котором она проживала [40, л. 1 об.]. В свою очередь Синодом в декабре был издан указ, согласно которому при кладбищенской Крестовоздвиженской церкви был открыт самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика [41].

Вакансия на должность священника к Крестовоздвиженской церкви была открыта в конце лета 1899 года [42]. На эту должность 31 августа того же года временно, «до открытия штата Св. синодом», был перемещён Василий Стефанович Юрченков, священник Александро-Невской церкви посада Азов [38; 43]. Рукоположен в священники он был в 1886 году к Георгиевской церкви села Кулешовки Ростовского уезда [44]. До этого он занимал должность псаломщика при Вознесенской церкви села Койсуг. В Азов он был перемещён в 1890 году [45].

После образования отдельного прихода при Крестовоздвиженской церкви на должность священника утверждён уже служивший при ней В. С. Юрченков. 1 мая 1900 года епископом Симеоном «за отлично-усердную службу» его наградили набедренником¹ [46], а в 1904 году — фиолетового бархата скуфьей² [47].

С появлением В. С. Юрченкова в церкви начали вестись приходно-расходные, метрические и обыскные книги, а с 1900 года и исповедальные [21, л. 1 об.]. До этого прихожане новой церкви были записаны в исповедальных росписях Покровской.

Вакансия псаломщика к церкви была открыта в марте 1900 года [48, с. 115]. 13 июня 1901 года на эту должность перемещён дьякон Николаевской церкви с. Николаевки Ростовского уезда Илья Филиппович Сагицкий [49]. В конце 1901 года он также был утверждён законоучителем при частном учебном заведении Ф. Ф. Цитовича [50], располагавшемся в Покровском переулке в доме № 46 [51]. На должности псаломщика И. Ф. Сагицкому полагалось квартирное пособие в размере 100 рублей в год до решения вопроса о постройке ему квартиры [21, л. 1; 27, с. 863].

Для размещения священника И. М. Сафоновым было отведено бывшее имение А. Б. Ушаковой, располагавшееся вблизи церкви [48, с. 104]. Однако, являясь юридическим владельцем имения, И. М. Сафонов не спешил с передачей его причту. В 1906 году имению потребовался срочный ремонт, на который консисторией, ввиду

¹ Набедренник — прямоугольный плат с изображением креста, который вручается священникам как первая награда и носится на ленте при бедре с правой стороны.

² Скуфья — головной убор для повседневного внебогослужебного употребления у духовенства и монашествующих.

Крестовоздвиженская церковь на фотоснимке начала XX века

отсутствия документов на право собственности, средств не выдавалось. В связи с этим причт потребовал от И. М. Сафонова выполнить своё обязательство, на что тот сообщил об изменении своего решения относительно передачи и желает оставить его в своём пользовании. После этого он предложил причту выселиться из имения, а получив отказ, 27 января 1907 года предъявил иск в таганрогском окружном суде о выселении. 30 апреля 1908 года этот иск был удовлетворён судом, а 13 ноября 1909 года и новочеркасской судебной палатой. Кассационная жалоба причта Сенату оставлена без последствий, в результате чего И. М. Сафонов распорядился имением в своих интересах [39].

Приход, представленный в основном жителями Байковского хутора [38], по состоянию на 1900 год насчитывал две тысячи человек [48, с. 115], в 1913 году сократился до полутора тысяч [52]. Церковно-приходское попечительство было создано и утверждено только лишь в 1910 году [52; 53], основной целью которого была забота, прежде всего, о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении.

Согласно отчётам о денежных оборотах по городским суммам города Ростова-на-Дону Крестовоздвиженская церковь числилась среди городского недвижимого имущества и была застрахована на 30 тыс. рублей [54].

Первым церковным старостой в 1898 году был избран И. М. Сафонов [22, с. 294; 32; 55], затем его переизбрали на второе трёхлетие [56]. За заслуги по духовному ведомству И. М. Сафонову императором Николаем II пожалована золотая медаль с надписью «за усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте [57]. Вероятно,

в связи с разладом в отношениях с причтом из-за передачи прав на дом Ушаковой, И. М. Сафонов отошёл от участия в жизни прихода и после окончания своего срока в 1905 году был избран старостой Александро-Невской церкви г. Ростова-на-Дону [58]. В том же году на его место избрали купца Николая Ивановича Кузнецова [27, с. 863; 58], который также пробыл два трёхлетия.

В 1911 году старостой стал мещанин Матвей Петрович Кондратенко [34, л. 2 об.; 59]. В 1914 году его единогласно переизбрали на второе трёхлетие [60]. Просфорницей при храме значилась вдова священника Мария Чайкина [52]. Кроме того, при храме был образован церковный хор под управлением Д. Я. Сычёва [61].

В 1902 году комиссия по заведыванию городским Крестовоздвиженским кладбищем выступила с инициативой строительства двухэтажного каменного здания, верхний этаж которого предполагалось отвести под церковно-приходскую школу, а нижний — для квартир учителя, смотрителя кладбища и других служб [10, с. 529—530]. Проект здания, выполненного в русском стиле, был составлен архитектором Г. Н. Васильевым и представлен в мае 1902 г. на заседании городской думы [10, с. 529—530; 62]. Это здание решили разместить в ограде церкви на не занятом могилами участке. Его закладка состоялась 21 августа 1902 года, а строительство велось под техническим надзором Г. Н. Васильева [63]. Открытие школы состоялось 18 марта 1903 года [21, л. 1 об.]. Начало учебных занятий совпало с престольным праздником Крестовоздвиженской церкви — 14 сентября 1904 года [64]. Попечителем школы стал И. М. Сафонов [64]. Он же был избран членом от города в епархиальный училищный совет

Рисунок-реконструкция Крестовоздвиженской церкви из книги
Е. И. Малаховского «Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону,
утраченные и существующие» (Ростов н/Д., 2012).
Автор Л. Ф. Волошинова

по заведованию ею [65]. К 1913 году школу преобразовали в 12-е женское Ростовское н/Д городское начальное училище, законоучителем в котором стал священник В. С. Юрченков [66]. Всего же в приходе была одна мужская и две женские школы [34, л. 2 об.].

О внешнем облике церкви можно судить лишь по её скудным описаниям и невыразительным изображениям [67].

Согласно сведениям из клировых ведомостей за 1909 и 1912 годы церковь была каменной, с такой же колокольней и деревянным тамбуром, имела один престол во имя Воздвижения честного и животворящего креста Господня и два подвальных помещения для сторожей [21, л. 1, 7; 34, л. 1].

В «Справочной книге Екатеринославской епархии» за 1908 год она описана как «каменная, с такою же колокольней, однопрестольная» [27, с. 862]. В справочной книге за 1913 год уточняется, что церковь имела деревянную верхнюю часть, устроенную в 1897 году [52]. В 1904 году на пожертвования И. М. Сафонова и других прихожан к церкви был пристроен тамбур у западных дверей храма и произведена перестилка полов в алтаре [68]. В 1911 году на средства Софии Александровны Торлецкой были устроены входные бетонные ступени с терракотовыми площадками стоимостью в 1500 рублей [69]. Кроме того, в клировых

ведомостях отмечено, что «при ней совместно с кладбищем, каменная ограда» [21, л. 1, 7]. Приведённая Е. И. Малаховским страховая выписка от 11 августа 1910 года даёт нам описание церкви и её внутреннего убранства: «глина ... вместе с притвором ... составляла 15 сажень (31 м), наибольшая ширина — 7 сажень (~ 15 м). Церковь венчалась одним куполом и одноярусной колокольней с высотой до верха карниза 5 сажень (10,5 м). Внутри церковь была оштукатурена и расписана клеевыми красками. В церкви во всю ее ширину был иконостас размером 20,25×8 аршин (14×5,5 м). Отпливалась церковь тремя изразцовыми печами» [4, с. 82]. Одна из указанных печей находилась в подвальном помещении, под церковью, а две другие — внутри неё [70].

В докладе ревизионной комиссии, составленном ею после посещения Крестовоздвиженской церкви в 1909 году, было сказано следующее: «Благолепие среднее. Расположенная на краю города, церковь в ненастную погоду посещается слабо. Свечная операция ведётся сравнительно аккуратно» [71].

Во время своего визита в Ростов, в октябре 1912 года, Агапит, епископ Екатеринославский и Мариупольский, посетил Крестовоздвиженскую церковь. В отчёте об этой поездке было указано, что церковь «содержится чисто и утварью достаточна» [72]. Однако, к ревизии

не были представлены описи, летописи, богослужебный журнал и книги братских доходов.

В 1913 году церкви уже потребовался ремонт, для чего приходским попечительством было направлено ходатайство в городскую управу об ассигновании на эти цели 5000 рублей из специального кладбищенского капитала [73, с. 60]. Согласно акту осмотра, составленному архитектором Г. Н. Васильевым, в арках и потолке церкви образовались трещины. В двух арках — алтарей и отделяющей церковь от трапезной, имелись восходящие трещины, а в потолке, поддерживающем купол, имелись трещины в сопряжении купола с поверхностью потолка и в его гранях [73, с. 61]. Отмечалось, что трещины в арках старого происхождения, а по характеру потолочных заметно было движение всей системы, поддерживающей купол. Причиной их появления называлась усушка лесных материалов (врубки) и затёки дождевых вод в обвязку, поддерживающую купол. Трещины в арках Васильевым были признаны не представляющими опасность, а вот потолочные трещины рекомендовалось устранить путём снятия подшивки внутри церкви, укрепления купола введением новых подкосов, ригелей и пр. Проведение ремонта было одобрено городской думой в сумме до 5000 рублей с отнесением этого расхода на специальные кладбищенские суммы [73, с. 61].

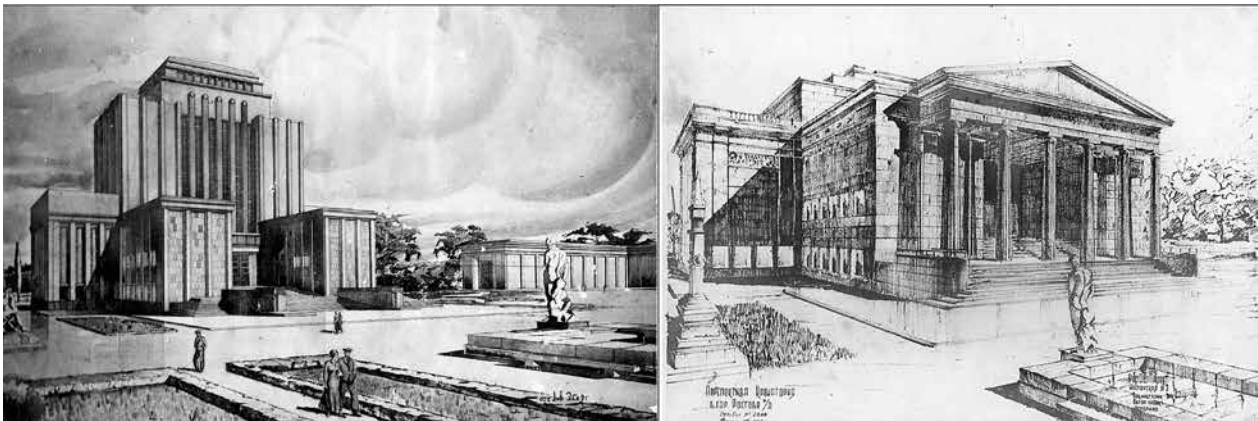
Сохранившиеся газетные заметки позволяют узнать некоторые дополнительные детали из истории церкви и её внешнего облика. К примеру, в газетах «Приазовский край» и «Донская речь» за 1903 год помещены две небольшие заметки, в которых сообщалось о попытке ограбления церкви тремя злоумышленниками [74; 75]. Взломав замок на железной калитке восточных ворот кладбища, они проникли по каменным ступеням на паперть у западных дверей

церкви. Там ими были сломаны два замка и пробила деревянная, обитая железом, дверь. Однако, наделав шуму, грабители были замечены кладбищенскими сторожами, один из которых подбежал к колокольне и стал бить в набат. Дабы не быть пойманными, преступники скрылись.

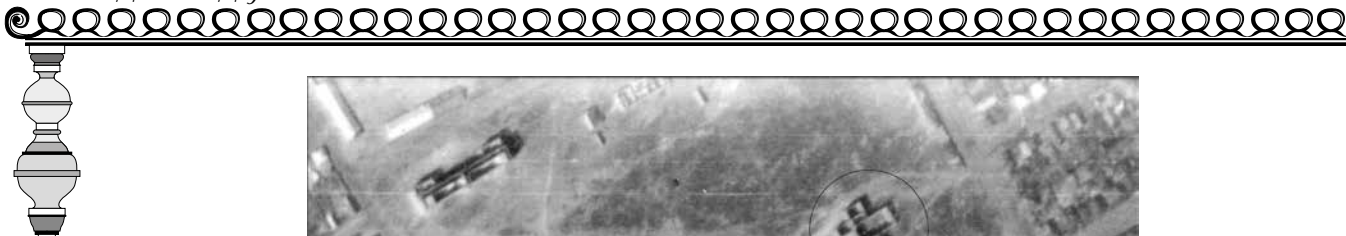
29 октября 1915 года случилось значимое событие — в церковь была доставлена чудотворная Самарская икона Божией Матери, которую привезли в сопровождении монашествующей братии в Ростов-на-Дону во время следования крестного хода по Ростовскому округу [76; 77]. В богослужении помимо В. Юрченкова приняли участие иеромонах Екатеринославского Архиерейского дома Софроний и миссионер А. Красовский.

В 1920-х годах Крестовоздвиженскую церковь постигла та же незавидная участь культовых построек города — её закрыли. Сведений о причте на этот период нет. Известно лишь, что священник В. Юрченков и псаломщик И. Сагицкий занимали свои должности как минимум до конца 1919 года [78]. По сведению Е. И. Малаховского церковь просуществовала до 1935 года [4, с. 82]. К сожалению, в сборнике документов «Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920—1930-е годы», составленном по архивным материалам Л. В. Табунщиковой и А. В. Шадринной, информации о дате закрытия Крестовоздвиженской не содержится [79]. Однако её история после закрытия может быть отчасти реконструирована в связи с планами местных органов власти построить в Ростове-на-Дону крематорий.

Такое решение было принято ещё во второй половине 1920-х годов, но реализация проекта затянулась и к началу строительства приступили лишь в мае 1932 года [80]. Для этих целей постановлением Президиума Ростовского совета от 25 мая 1933 года даже было разрешено

Проекты ростовского крематория 1930-х гг.

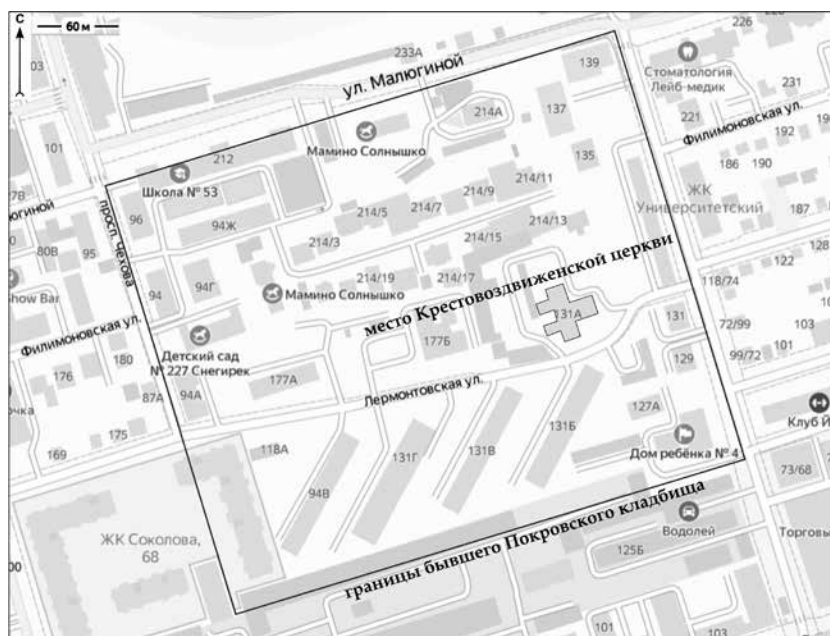

Аэрофотосъёмка г. Ростова-на-Дону 24.04.1943 г.

безвозмездно использовать «местные кладбищенские бесхозные памятники, ограды и т. д.» [79]. Под здание проектируемого крематория приняли решение переоборудовать не действующую на тот момент Крестовоздвиженскую церковь [4, с. 82]. Строительство поручили тресту Ростгорстрой, который за полтора года работ смог лишь на 14% выполнить запланированный объём [80]. В августе 1933 года строительство было передано похоронному бюро города, которое к апрелю 1934 года смогло выстроить здание наполовину. Крематорий

должен был заработать в июне 1935 года, но его строительство было свёрнуто, а позже и вовсе прекращено. На немецком аэрофотоснимке, датированном 24.04.1943, силуэт постройки чётко выделяется на фоне опустевшего Покровского кладбища.

Остатки церкви в послевоенное время стали основой для возведённого трёхэтажного здания общежития, в котором, как считается, сохранились церковные подвалы [4, с. 82]. Это здание с некоторыми перестройками дошло до наших дней.

Месторасположение Крестовоздвиженской церкви на современном плане г. Ростова-на-Дону

Необходимо признать что, несмотря на достаточно позднюю дату постройки Крестовоздвиженской церкви, мы имеем малое количество как документальных, так и изобразительных источников по её истории. Этим объясняется и ограниченное число публикаций, а также наличие в них ошибок и неточностей. Некоторые страницы истории церкви до сих пор ещё полностью не раскрыты, многое остаётся неясным, а порой дискуссионным. Дополнительным источником информации здесь могли бы послужить археологические раскопки на месте Крестовоздвиженской церкви, которые, несомненно, дали бы больше сведений для детального изучения её планировки и внешнего облика. Кроме того, эти работы могли бы привлечь внимание общественности к проблеме изучения и сохранения культовых объектов города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Битбунов Г. С.* Дванадцатые праздники (историко-литургическое описание). Изд. 2-е. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. С. 42—56.
2. *Беляев Л. А.* Археология позднего средневековья и Нового времени в России : заметки о самоопределении // *Культура русских в археологических исследованиях*.: сб. науч. ст. Т. 1. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Изд-во Магеллан, 2014. С. 16.
3. *Сизенко А. Г.* Церковный клир городских, станичных и хуторских церквей Войска Донского. XVIII в. — 1918 год. Ч. I (Азов, Александровск-Грушевск, Нахичевань, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Донецкий округ, 1-й Донской округ, 2-й Донской округ) : фактогр. справ. Ростов н/Д. : Рост. гос. строит. ун-т, 2012. С. 4.
4. *Малаховский Е. И.* Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д., 2012.
5. Журналы Ростовской на Дону городской думы. Заседания декабря 20 дня 1871 года // *Ведомости Ростовской на Дону городской управы.* 1872. 6 февр. № 3. С. 1.
6. *Зенюк Д. И., Нечипорук А. А., Овчинников А. Н.* Покровское кладбище города Ростова-на-Дону (середина XIX в. — первая треть XX в.) и проблемы его археологического изучения // *Изучение и сохранение исторических некрополей* : материалы регион. науч.-практ. конф. Таганрог, 27—28 мая 2022 г. Таганрог : Изд-во Таганрог. ин-та управления и экономики, 2022. С. 69—121.
7. Смета городским доходам г. Ростова Екатеринославской губернии на 1874 год // *Ведомости Ростовской на Дону городской управы.* 1874. 28 июля (№ 30). С. 3.
8. От ростовского полицеймейстера // *Ведомости Ростовской на Дону городской управы.* 1876. 8 авг. (№ 32). С. 2.
9. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1888 год. Ростов н/Д., 1889. С. 496—497.
10. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1902 год. Ростов н/Д., 1903.
11. О церкви в бывшей крепости св. Дмитрия // *Ведомости Ростовской (на Дону) городской думы.* 1869. 9 февр. (№ 7). С. 29—30.
12. Журналы Ростовской (на Дону) городской думы. Заседания декабря 11-го дня 1872 года // *Ведомости Ростовской на Дону городской управы.* 1873. 1 апр. (№ 13). С. 2.
13. Разные известия // *Ведомости Ростовской (на Дону) городской думы.* 1865. 24 янв. № 4. С. 14.
14. *Весь Ростов н/Д на 1895 год* : Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга. Ростов н/Д. : Типо-литография И. А. Тер-Абрамиана, 1894. С. 35—38.
15. *Весь Ростов н/Д на 1896 год* : Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга. Ростов н/Д. : Типо-литография И. А. Тер-Абрамиана, 1896. С. 153—156.
16. *Весь Ростов н/Д на 1897 год* : Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга. Ростов н/Д. : Типо-литография И. А. Тер-Абрамиана, 1897. С. 37—42.
17. Журнал первого очередного собрания Ростовской на-Дону городской думы. Заседания 23 января 1896 года № 1 // *Ведомости Ростовской на-Дону городской управы.* 1896. 16 июня (№ 24). С. 2.
18. Журнал пятого очередного собрания Ростовской на-Дону городской думы. Заседания 26 апреля 1896 года № 16 // *Ведомости Ростовской на-Дону городской управы.* 1896. 3 нояб. (№ 44). С. 2.
19. *Пирожкова И. Г.* Нормативное регулирование культового строительства в Российской империи // *Вестник Тамбовского университета.* 2010. № 1 (81). С. 300. (Серия: Гуманитарные науки).
20. *Местная хроника* // *Приазовский край.* 1896. 5 окт. (№ 265). С. 2.

21. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 494.
22. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской Думы за 1898 год. Ростов н/Д., 1899.
23. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1887 год. Ростов н/Д., 1888. С. 58.
24. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1897 год. Ростов н/Д., 1898.
25. Местная хроника // Приазовский край. 1897. 21 сент. (№ 249). С. 2.
26. Местная хроника // Приазовский край. 1899. 13 марта (№ 68). С. 2.
27. Справочная книга Екатеринославской епархии. Екатеринослав : Тип. Братства Св. Владимира, 1908.
28. Местная хроника // Приазовский край. 1898. 16 сент. (№ 244). С. 2.
29. Местная хроника // Приазовский край. 1898. 25 сент. (№ 253). С. 3.
30. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1898. № 34 (1 дек.). С. 804.
31. Местная хроника // Приазовский край. 1898. 27 сент. (№ 255). С. 3.
32. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1899. № 4. (1 февр.). С. 52.
33. Местная хроника // Приазовский край. 1898. 30 сент. (№ 258). С. 2.
34. Клировая ведомость Крестовоздвиженской церкви города Ростова-на-Дону // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 488.
35. Журнал четырнадцатого очередного собрания Ростовской на Дону городской думы. Заседания 29 сентября 1898 года № 24 // Ведомости Ростовской на-Дону городской управы. 1899. 9 мая (№ 19). С. 1.
36. Местная хроника // Приазовский край. 1899. 18 янв. (№ 16). С. 2.
37. Местная хроника // Приазовский край. 1899. 11 марта (№ 66). С. 2.
38. Местная хроника // Приазовский край. 1899. 18 сент. (№ 244). С. 2.
39. За кулисами благотворительности // Приазовский край. 1915. 22 янв. (№ 20). С. 4.
40. РГИА. Ф. 796. Оп. 180. Д. 2817.
41. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1900. № 1 (1 янв.). С. 1.
42. Там же. 1899. № 25 (1 сент.). С. 378.
43. Там же. 1899. № 26 (11 сент.). С. 389.
44. Там же. 1886. № 20 (15 окт.). С. 391.
45. Там же. 1890. № 21 (1 нояб.). С. 391.
46. Там же. 1900. № 14 (11 мая). С. 161.
47. Там же. 1904. № 19 (1 июля). С. 275—276.
48. Там же. 1900. № 8 (11 марта).
49. Там же. 1901. № 18 (21 июня). С. 250.
50. Там же. 1902. № 1 (1 янв.). С. 14.
51. Приазовский край. 1901. 28 июля (№ 199). С. 4.
52. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год. Екатеринослав : Тип. Сем. Ив. Барановского, 1914. С. 354.
53. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1910. № 14. (11 мая). С. 223.
54. Отчёт о денежных оборотах по городским суммам гор. Ростова на Дону за 1903 год. Ростов н/Д. : Тип. Г. М. Пуховича, [1904]. С. 37, 184.
55. Местная хроника // Приазовский край. 1898. 4 окт. (№ 261). С. 3.
56. Екатеринославские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1902. № 7 (1 марта). С. 105.
57. Там же. 1901. № 24 (21 авг.). С. 331.
58. Там же. 1905. № 14 (11 мая). С. 188.
59. Там же. 1912. № 1 (1 янв.). С. 3.
60. Выборы // Приазовский край. 1914. 16 нояб. (№ 301). С. 4.
61. Местная хроника // Приазовский край. 1901. 10 марта (№ 65). С. 2.
62. Местная хроника // Приазовский край. 1902. 22 июня (№ 163). С. 2.
63. Местная хроника // Приазовский край. 1903. 19 янв. (№ 17). С. 3.
64. Местная хроника // Приазовский край. 1904. 17 сент. (№ 246). С. 2.
65. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской Думы за 1906 год. Ростов н/Д., 1907. С. 224—225.
66. Весь Ростов и Нахичевань н/Д. 1913 г. / Изд. Ф. С. Элькина и П. М. Кулькеса. Харьков, 1913. С. 375.
67. [Овчинников А.] Университетский 131а — Крестовоздвиженская церковь. URL: https://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/universitetskij_131a_krestovozdvizhenskaja_cerkov/1-1-0-140.html (дата обращения: 05.05.2025).
68. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1904. № 1 (1 янв.). С. 12.
69. Там же. 1911. № 35 (11 дек.). С. 729.
70. Книги брачного обыска Крестовоздвиженской церкви (1918—1920 гг.) // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 489.

71. Екатеринославские епархиальные ведомости : отдел официальный. 1909. № 30 (21 окт.). С. 42.
72. Там же. 1913. № 9 (21 марта). С. 186.
73. Журналы заседаний Ростовской на Дону городской думы за 1913 год. 1-е полугодие. Ростов н/Д., 1914.
74. Неудавшийся грабёж // Приазовский край. 1903. 25 янв. (№ 23). С. 2.
75. Покушение на ограбление церкви // Донская речь. 1903. 25 янв. (№ 23). С. 3.
76. Афанасьев А. Следование крестного хода в августе — ноябре 1915 года с чудотворной «Самарской» иконой Божией Матерью (Окончание) // Екатеринославские

епархиальные ведомости : отдел неофициальный. 1916. № 11—12 (11—21 апр.). С. 224.

77. Чудотворная икона // Приазовский край. 1915. 30 окт. (№ 286). С. 3.
78. Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви (1919 г.) // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 465. Л. 221.
79. Табунщикова Л. В., Шагрина А. В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920—1930-е годы. : сб. док. Ростов н/Д., 2013. С. 384.
80. Ростовский крематорий // Молот. 1934. 4 июня. С. 4.

Е. А. АЛЕКСЕЕНКО

КЛИР ТАГАНРОГСКОЙ КЛАДБИЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ВСЕХ СВЯТЫХ

1862—1916

Кладбищенская церковь Всех Святых (Всехсвятская), расположенная ныне в границах объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль бывшего христианского кладбища» по переулку Лагерному, 2 в, является одним из старейших культовых сооружений Таганрога. Несмотря на более чем 200-летнюю историю, публикации, посвящённые ей, немногочисленны и носят общий характер [1, с. 326—327; 2, с. 47—54; 3, с. 8—11; 4]. В последние годы наблюдается стабильный рост интереса к храму как к объекту светского и паломнического туризма [5], что ставит задачу по актуализации и уточнению сведений о сооружении и о людях, чьи судьбы были связаны с ним. Настоящая публикация даёт представление о клире Всехсвятского храма Таганрога за период до 1917 г.

Отметим, что законодательство Российской империи, касающееся вопросов кладбищ, в 1771—1772 гг. претерпело существенные изменения. Регулярные захоронения на приходских погостах при храмах были запрещены, а новые кладбища с церквями и часовнями при них должны были обустраиваться на загородных землях [6; 7] за счёт купечества и иных горожан. Не исключалась возможная поддержка духовного правления, если у того имелись «лишние» сооружения в городе, которые можно было переместить на кладбище [8].

*Кладбищенская церковь Всех Святых
(Из альбома С. Шика к 200-летию г. Таганрога).
1898 г. Из фондов ГБУК РО «ТГЛИАМЗ»*

Впервые церковь на старом кладбище Таганрога отражена на плане 1808 г. как здание, планируемое к постройке [9]. Строительство началось в 1810 г. и продвигалось медленно [1, с. 326]. В 1824 г. церковь была освящена в честь Всех святых и приписана к таганрогскому собору [2, с. 48], то есть службы проводились представителями соборного клира [10, л. 2 об.]. Кладбищенские церкви по умолчанию не имели причта и собственного прихода, необходимость

Елена Александровна Алексеенко, краевед, экскурсовод г. Таганрог. Сообщение под названием: «Из истории клира Таганрогской кладбищенской церкви «Всех Святых». Дореволюционный период» (Таганрог, 19 сентября 2025 г.)

их учреждения должна была обосновываться местным духовенством перед Святейшим синодом [11, л. 1].

В донесении от 10 февраля 1837 г. Гавриил, архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический, просил рассмотреть возможность определения к кладбищенским церквям некоторых городов, в том числе Таганрога, специальных священников [11, л. 1 об.], на что Синод ответил запросом сведений об источниках финансирования расходов, связанных с содержанием этих священников, а также о численности возможных прихожан [11, л. 3—4]. В том же году из Екатеринославской епархии была выделена самостоятельная Херсонская епархия, куда был переведён архиепископ Гавриил, поднявший вопрос об организации кладбищенских приходов. Екатеринославская духовная консистория в ответном письме в Синод от 24 октября 1839 г. за подписью протоиерея Иоанна Гуликовского относительно инициативы бывшего архиепископа отметила, что кладбищенская церковь в Таганроге остаётся без прихода и причта «*по неимению надобности*» [11, л. 5—5 об.].

К 1861 г., учитывая динамику роста территории и населения Таганрога, потребность в самостоятельности кладбищенской церкви окончательно назрела. 23 октября 1861 г. Леонид, епископ Екатеринославский и Таганрогский, в своём рапорте Синоду указывает на значительное увеличение населения в окрестностях кладбища и удалённость этого района от иных церквей, а также перегруженность причта Успенского собора. На основании опроса прихожан благочинный протоиерей Иоанн Себов нашёл возможным перераспределить в пользу нового прихода 1265 прихожан из Успенского собора, Николаевской и Архангело-Михайловской церквей, а существенный отток из последней компенсировать за счёт причисления к ней хутора барона Франка Пфейлицера («Бароновка») и Касперовки. Для создания причта требовался священник, дьякон и два причётника [10, л. 1—3 об.]. В рапорте подчёркивается не только потребность в создании прихода, но и материальная готовность к реорганизации: на расширение храма и пристройку колокольни имеется утверждённый проект [12], получено разрешение Синода от 2 июня 1861 года, утверждено достаточно, при храме имеется каменный дом для сторожей, покрытый черепицей [10, л. 2 об.].

30 декабря 1861 года Святейший синод издал указ № 4017 об образовании отдельного прихода при кладбищенской Всех Святых церкви в городе Таганроге и об определении при ней особого

причта [10, л. 4 об.]. Первым священником и настоятелем в новом приходе стал в 1862 году Павел Афанасьевич Дмитревский [1, с. 327].

Судя по отзыву епископа Платона № 114 от 16.09.1868, вакансия дьякона в 1868 г. была закрыта «*для усиления средств к жизни <...> по примеру кладбищенских церквей в других городах*» с оставлением при священнике только дьячка и пономаря [13, л. 3].

Указом Святейшего синода № 1156 от 29 февраля 1896 года при церкви были открыты вакансии второго священника и второго псаломщика [14]. В 1911 году после безуспешного поиска второго священника возбуждается ходатайство о закрытии второго штата [15], которое было удовлетворено 2 июня того же года [16]. Однако с февраля 1912 г. в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» снова появляются объявления о вакантном месте второго священника [17; 18].

Основными источниками, позволившими выявить большинство имён клириков и уточнить по ним сведения, кроме «Екатеринославских епархиальных ведомостей», издаваемых с 1872 по 1917 г., стали метрические книги храма, частично сохранившиеся в Государственном архиве Ростовской области за период с 1869 по 1916 г., документы Российского государственного исторического архива (фонд Святейшего синода), справочные книги Екатеринославской епархии. По отдельным служителям найдены персональные характеристики современников, дополнившие сухие послужные данные.

Таким образом, за период с 1862 по 1916 г. установлены имена всех священников кладбищенской церкви Таганрога.

Павел Афанасьевич Дмитревский стал первым назначенным священником кладбищенской Всехсвятской церкви Таганрога в 1862 г. [1, с. 327]. В сан священника рукоположен после окончания курса богословских наук в Екатеринославской духовной семинарии, 20.06.1855 определён старшим священником в Иоанно-Богословскую церковь села Славянка Павлоградского уезда. Затем по собственному прошению переведён в Александровскую церковь Азова, а 25.01.1862 — в кладбищенскую церковь Таганрога. В 1867 году перемещён в новопостроенную Митрофановскую церковь Таганрога, 08.11.1873 утверждён её штатным настоятелем. В 1878 году перемещён на должность священника Таганрогских богоугодных заведений. Был законоучителем в таганрогской Мариинской женской гимназии (1863—1868), таганрогской мужской гимназии (1868—1872), Николаевском детском приюте (1864), 5-й резервной Артиллерийской бригады (назначен 27.09.1881).

Избирался депутатом от духовенства Екатеринославских епархиальных съездов на 6 лет (1871), гласным Таганрогской городской думы на 4 года (1872, 1876, 1881), членом (30.05.1880) Ростовского на Дону училищного совета [19, л. 1 об. — 4]. Награждался тёмно-бронзовой медалью на Андреевской ленте, тёмно-бронзовым крестом на Владимирской ленте в память 1853—1856 гг. [19, л. 1 об.], набедренником (1865), зелёной (1872) и фиолетовой (1873) бархатной скуфьёй [19, л. 2 об., 3]. На 01.05.1883 женат на дочери протоиерея Марии Петровой, в семье четверо детей [19, л. 2]. Позднее служил в Архангело-Михайловской церкви Таганрога. П. П. Филевский писал о нём: *«Это был человек очень неглупый и обладающий гаром слова, но этим последним злоупотреблял. ...везде он был слишком резким; терпеть не мог ханжества и внешнего благочестия... Как законоучитель... был добрый и ласковый, потому что искренне любил детей, которые платили ему тем же...»* [1, с. 327]. Священник скончался 16.05.1896 в возрасте 63 лет от порока сердца. Погребение на таганрогском городском кладбище совершили протоиерей Фёдор Покровский с дьяконом Дмитрием Стеблиенко и псаломщиком Андреем Коломацким [20].

Василий Арсениевич Шарков возглавлял Всехсвятский храм Таганрога после Дмитревского, предположительно, с 1868-го до марта 1870 года [21]. На 1865 г. он являлся священником Успенского собора Таганрога [22]. В документах Священного синода за 1868 г. охарактеризован как *«более 40 лет безукоризненно прослуживший в духовно-училищном и епархиальном ведомствах»* [13, л. 3 об.], *«бесемейный»* [13, л. 11 об.].

Тимофей Чернявский расписывается в метрических книгах кладбищенской церкви Таганрога эпизодически с марта по август 1870 г. [21], вероятно, как временный священник.

Яков (Иаков) Мартинианович Досычев впервые ставит подпись в метрических книгах Всехсвятской церкви 01.09.1870 [21, л. 94 об. — 95]. Один из трёх иереев, совершавших Божественную литургию в кладбищенской церкви над гробом почившего святого праведного Павла Таганрогского [23]. Определением Епархиального начальства от 06.10.1883 он был уволен с занимаемого места [24]. После отъезда из Таганрога И. И. Чайковского в 1894 г. Досычев стал уполномоченным членом Таганрогского отделения Православного Палестинского общества [1, с. 334] и оставался им по 1899 г. включительно [25; 26]. Женат, двое детей скончались в юном возрасте. Жена Елисавета Николаевна умерла

в 1903 году [2, с. 158]. На 1908 г. 64-летний священник значился в составе причта Успенского собора Таганрога как безместный [27, с. 983]. Умер 13.05.1910 от чахотки в возрасте 70 лет и был погребён 15.05.1910 *«протоиереем Михаилом Знаменским с участием Соборного причта на городском кладбище»* [28].

Иван (Иоанн) Георгиевич Фирсов, оставаясь священником Успенского собора Таганрога с 1878 г., в истории Всехсвятского храма фигурировал в октябре — ноябре 1883 г., пока пустовала вакансия священника [24] между отстранением Досычева и назначением Пруссинского. В сане священника — с 1865 г. В 1895 г. был награждён наперсным крестом. На 1908 г. женат, имел двух взрослых детей. Скончался 03.01.1910 в возрасте 68 лет от отравления спорыньей. Надгробие над его могилой, лишившись навершия, сохранилось на кладбище до наших дней [3, с. 76—77].

Михаил Гаврилович Пруссинский из Преображенской церкви села Самбек Ростовского уезда, согласно его прошению, был переведён с 24.10.1883 на вакантное место священника Всехсвятской церкви в Таганроге [24]. Будучи в селе Самбек, с 13.10.1871 служил также законоучителем в начальном народном училище [29]. В 1886 г. *«за заботы о благоуукрашении своего приходского храма»* отцу Михаилу было объявлено Архипастырское Его Преосвященства благословение [30]. В 1893 г. награждён камилавкою [31]. Был уволен за штат с назначением пенсии размером 130 рублей с 03.09.1901 [32]. В метрических записях кладбищенской церкви его подпись встречается последний раз в декабре 1900 г. [33]. Умер, будучи заштатным священником, 7 августа 1910 г. [34] в возрасте 69 лет от заражения крови. Погребение совершили священник А. Курилов с псаломщиком П. Постниковым [35]. Вдова Мария на 1914 г. была просфорней в Петро-Павловской церкви Таганрога [36, с. 429].

Павел Петрович Зосимович за невыполнение предписаний епархиального начальства был уволен 09.08.1893 с должности священника Троицкой церкви Таганрога с причислением его до особого распоряжения к кладбищенской церкви [37]. Однако вакансия второго священника открылась 29.02.1896 [14], и лишь после этого в метрических книгах появляется его подпись. Зосимович скончался 17.12.1900 в возрасте 57 лет *«от воспаления мозгов»* и был погребён священником Григорием Поцепуховым и псаломщиком кладбищенской церкви Павлом Постниковым на кладбище [33, л. 125]. Вдове Анне по представлению епархиального

начальства № 3131 от 06.02.1902 назначили пенсию размером 65 рублей [38].

Григорий Фёдорович Поцепухов, вероятно, уже находясь за штатом, периодически служил в храме Всех Святых с апреля 1900 до конца 1901 года [33]. Смерть заштатного священника от астмы в возрасте 74 лет зафиксирована в метрической книге Митрофановской церкви Таганрога 15.03.1905. Погребение совершили благочинный священник Александр Баландин с духовенством таганрогских городских церквей. Место захоронения не указано [39], вероятно, на кладбище. На 1908 г. вдова священника Екатерина Назаровна, 64 лет, числилась за Митрофановской церковью [27, с. 991].

Григорий Андреевич Моисеев перемещён из Николаевской церкви Таганрога на должность второго священника кладбищенской церкви 30.07.1901 [40] и пребывал на ней до 29.10.1904 [41]. После этого служил в бесприходной Николаевской церкви Таганрогского детского приюта [41], вероятно, до 1911 г. С 1889 г. — псаломщик, в сане священника пребывал с 1890 г. Окончил курс духовной семинарии, законоучитель. В 1903 г. был награждён скуфьёй [42]. На 1908 г. Моисееву было 38 лет, женат, трое детей [27, с. 995].

Александр Дмитриевич Курилов с 23.11.1901 [43] вплоть до 1920-х годов являлся настоятелем Храма Всех Святых. Окончил духовную семинарию, служил псаломщиком с 1886 г., сан священника получил в 1889 г. В Таганрог перемещён из Георгиевской церкви села Ряженого [43]. В 1911 году «за заботливое отношение к материальным и учебным делам церковных школ» отцу Александру как заведующему Таганрогской кладбищенской церковно-приходской школой преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства [44]. В 1912 году награждён наперсным крестом [36, с. 427]. Казённого жалования не имел. На 1914 год Курилову было 48 лет, женат, единственная дочь к тому моменту была «пристроена» (замужем). Рядом с храмом на кладбище сохранилось надгробие супруги настоятеля Олимпиады Феофановны, скончавшейся 28 ноября 1915 г. на 46 году [3, с. 88—89].

Михаил Платонович Шумов был перемещён в Таганрог из Александро-Невской церкви города Нахичевани. Во Всехсвятской церкви состоял вторым священником с 28.06.1905 [45] по 06.09.1910, а затем — в аналогичной должности в Успенском соборе [46]. Он окончил духовную семинарию, с 1884 г. был законоучителем, сан священника получил в 1896 г. В 1902 г. был награждён набедренником. Казённого

жалования не имел. На 1914 г. Шумову было 47 лет, женат, отец троих детей [36, с. 423].

Дмитрий Петрович Щербаковский переведён на должность второго священника во Всехсвятский храм Таганрога 08.03.1912 [47] из Кириакиевской церкви села Стылы Мариупольского уезда, на которой оставался, вероятно, до революции. Это его третье место службы. Он окончил духовную семинарию, был законоучителем с 1897 года, в сане священника — с 1899 года. В 1907 г. был награждён набедренником [36, с. 427], в 1915 г. — скуфьёй [48]. Казённого жалования не имел. На 1914 г. ему 39 лет, женат, отец четверых детей [36, с. 427].

Из-за отсутствия метрических книг за отдельные годы менее полно складывается картина по дьяконам и причётникам, которые, как правило, часто сменялись. Ниже приводится перечень выявленных клириков, занимавших эти должности в кладбищенской церкви Таганрога в период с 1862 по 1916 г.

Михаил Курилов начал службу в кладбищенском храме в качестве дьякона при первом настоятеле. Не позднее июля 1868 года был уволен за штат из-за закрытия вакансии дьякона [13]. Сохранившиеся документы Святейшего синода за 1868—1871 гг. характеризуют Курилова как человека, имеющего «наклонность к подстрекательству членов причта одного против другого и к начатию тяжёлых дел, не столько из соревнования к пользам церкви и общему благу сослужителей, сколько по личным своим видам» [13, л. 4]. В начале 1860-х гг. служил в селе Томаковке Екатеринославского уезда, откуда был переведён из-за вышеупомянутой характеристики [13, л. 4—4 об.]. В 1870—1871 гг. — дьякон Успенского собора Таганрога [49].

Михаил Фадеевич Минченко — из семьи протоиерея, «по исключению из низшего отделения Екатеринославской духовной семинарии 10 октября 1862 допущен к исправлению при [кладбищенской. — Е. А.] церкви должности пономаря, а в 1863 г. утверждён штатным пономарём; с 1866 г. занимается в приходской школе сей церкви обучением славянскому языку, чтению, арифметике и письму, 29 лет [на 1870 год. — Е. А.]; в семействе у него жена и одно дитя; предметы знает достаточно; косноязычен, а потому и малоспособен к чтению и пению; в поведении <...> нагло-дерзок и склонен ко лжи» [50, л. 3]. Из-за «разных противозаконных поступков» находился под следствием, а из-за «произведённых беспорядков» на кладбище и в храме вместе с дьячком Боголюбовым был отстранён от должности 22.04.1871 [50, л. 1, 3]. Бывший пономарь

кладбищенской церкви Таганрога, согласно прошению, 28.02.1872 определён до особого усмотрения пономарём в Софийскую церковь города Нахичевани-на-Дону [51, с. 117].

Николай Васильевич Боголюбов происходил из одесских мещан. 02.08.1859 принят в духовное звание и определён пономарём в село Раздоры Павлоградского уезда. 20.05.1860 переименован в дьячка. 27.05.1862 благословлён на стихарь. В кладбищенской церкви Таганрога с 11.06.1868. В клировой ведомости за 1870 г. отмечено, что «предметы знает порядочно», а в поведении «неужиточен, сварлив и не всегда трезв». На тот момент 36 лет, женат, в семье воспитывались пятеро детей [50, л. 2 об.]. Из-за «разных противозаконных поступков» 22.04.1871 был уволен от должности дьячка кладбищенской церкви Таганрога [50, л. 2 об.]. С 1887-го и, как минимум, до 1908-го — псаломщик церкви в селе Новоспасовка Мариупольского уезда [27, с. 499]. Умер не позднее 1914 г. [36, с. 214].

Феофил Григорьевич Галкин с должности псаломщика Екатеринославской Успенской церкви, согласно прошению, 04.02.1872 был переведён на аналогичную вакансию в кладбищенскую церковь Таганрога [51, с. 116]. Был рукоположен 16.06.1874 в сан дьякона, а 28.06.1874 — священника Иоанно-Богословской церкви села Криштоповки Павлоградского уезда [52]. В 1884 г. награждён набедренником. На 1908 г. окончил курс Екатеринославской духовной семинарии, законоучитель и заведующий школой; с 1902 г. священник церкви в селе Камышеваха Александровского уезда; 60 лет, вдовец, трое детей [27, с. 165]. На 1914 г. — священник Успенской церкви села Голубовки Новомосковского уезда с казённым жалованием 294 рубля [36, с. 282].

Пётр Иосифович Яровицкий служил псаломщиком с 1872 года [27, с. 545]. В кладбищенской церкви Таганрога «исправлял должность» псаломщика, предположительно, с 1874 г. 29.06.1875 был рукоположен в сан дьякона с оставлением на текущей должности [53], однако уже 12.09.1875 был переведён из Таганрога в село Сартану Мариупольского уезда на штатное место псаломщика [54]. В сане священника с 1891 г. На 1908 г. клирику 57 лет, законоучитель народной и церковно-приходской школ, женат, воспитывал четырёх детей [27, с. 545]. С 1902-го и, как минимум, до 1914 г. служил священником в Георгиевской церкви села Ласпа Мариупольского уезда [36, с. 232].

Марк Жолткевич был переведён 12.09.1875 с должности дьякона больничной Скорбященской церкви Таганрога на вакансию псаломщика в кладбищенскую церковь [54]. 05.05.1879 перемещён на вакансию псаломщика в церковь Одигитриевской Божией Матери села Батайска Ростовского уезда [55].

Василий Чайкин, будучи дьяконом Успенской церкви села Гродовки Бахмутского уезда, был переведён 05.05.1879 на вакантное место псаломщика во Всехсвятский храм Таганрога [55]. 13.10.1880 дьякон, согласно его просьбе, перемещён в Николаевскую церковь города Ростова-на-Дону на штатное псаломщицкое место [56].

Гавриил Хреновский в качестве «исправляющего должность» псаломщика встречается в метрических книгах кладбищенской церкви Таганрога с декабря 1880 по июль 1881 год [57]. Дьякон Архангело-Михайловской Таганрога церкви с 1896 по 1900 г., женат, в семье были дети [2, с. 167].

Георгий Львов в качестве «исправляющего должность» псаломщика фрагментарно отмечен в метрических книгах кладбищенской церкви Таганрога за 1884 г. вплоть до июня [58]. Уволен за штат по определению епархиального начальства 16.03.1884 «за своевольные отлучки из прихода, неисправность по службе и нетрезвое поведение» [59].

Иван Скибин после окончания курса Екатеринославской духовной семинарии 27.06.1884 был назначен на вакантное место псаломщика в кладбищенскую церковь Таганрога [60], однако по метрическим книгам за 1884—1885 гг. [58] видно, что до вступления в должность Ивана Сахновского по факту псаломщика не было.

Иван (Иоанн) Егорович Сахновский, сын дьякона, окончил курс Екатеринославской семинарии [27, с. 1055]. Согласно его прошению, 22.08.1885 переведён на место псаломщика во Всехсвятскую церковь Таганрога [61]. Рукоположен в сан священника 08.11.1887 с назначением на место второго священника в Воскресенскую церковь села Успенска¹ [так в источнике. — Е. А.]. Славяносербского уезда [62]. Оставался на этом месте как минимум, до 1914 года [36, с. 409]. В 1901 г. награждён скуфьёй. На 1908 г. — воспитатель, законоучитель и заведующий Успенской церковно-приходской школой, законоучитель земских школ деревни Ионовки; священнику 48 лет, женат, в семье шестеро детей [27, с. 1055].

¹ В Славяносербском уезде было село Успенское.

Дмитрий Гаврилович Стеблиенко получил домашнее образование, служил пономарём с 1867 г., с 1888-го — псаломщиком [27, с. 991]. Будучи дьяконом церкви Всех Скорбящих Радости при Таганрогском богоугодном заведении, согласно прошению, 10.02.1888 был переведён на вакантное место псаломщика кладбищенской церкви Таганрога [63]. В том же году епархиальное начальство выразило дьякону признательность за «безмездные занятия» по церковному пению с учениками мореходных классов [64]. На 1891 год женат на Евдокии Тимофеевне, 08.01.1891 в семье родилась дочь [65]. 16.04.1892 был перемещён на штатную дьяконскую вакансию при Михайловской церкви Таганрога [66]. С 1895 года — дьякон Митрофановской церкви Таганрога. Священник на вакансии дьякона той же церкви с 1914 года [36, с. 425]. Среди наград — серебряная медаль. На 1908 год дьякону 56 лет, женат, в семье семеро детей [27, с. 991].

Иван (Иоанн) Болхудере с места псаломщика Скорбященской церкви при Екатеринославском тюремном замке, согласно прошению, 17.04.1892 был переведён на аналогичную должность в кладбищенскую церковь Таганрога [66]. Уволен за штат 30.07.1895 [67]. 27.07.1900 исключён из списков церковнослужителей по причине смерти [68].

Сергий Георгиевич Донченко с должности псаломщика церкви села Ново-Ивановки Павлоградского уезда 06.08.1895 перемещён на аналогичное место в кладбищенскую церковь Таганрога [67]. Однако уже 26.08.1895 его назначили псаломщиком в село Григорьевку (Кривой Рог) Александровского уезда [69], где он оставался, как минимум, до 1914 года [36, с. 60]. На 1908 г. ему 35 лет, женат, окончил церковно-учительскую школу [27, с. 229].

Арсений Терлецкий служил псаломщиком с 1865 г. [27, с. 363]. До назначения во Всехсвятский храм Таганрога на вакансию псаломщика 09.11.1895 служил на аналогичной должности в соборной церкви города Славяносербска [70]. В сан дьякона рукоположен 05.05.1896 [71]. С 25.11.1898 переведён в кладбищенскую Воскресенскую церковь Екатеринослава [72]. С 28.11.1906 [73] — псаломщик в Феодоро-Стратилатовской церкви села Петровского, Бахмутского уезда. На 1908 год диакону 56 лет, женат, двое детей [27, с. 363].

Личный почётный гражданин Павел Григорьевич Постников был допущен к исполнению должности псаломщика кладбищенской церкви Таганрога 21.04.1896 [74] и оставался в этой должности до своей кончины 26.03.1914 [75].

В 1897 г. приставка «и. д.» («исправляющий должность») в подписях метрических книг уже не фигурирует [76]. На 1908 г. ему 55 лет. Постников скоропостижно скончался в возрасте 62 лет, погребение совершили «благочинный Фёдор Овчаренко при участии всего наличного причта кладбищной церкви и дьякона Е. Коновалова» [77]. Его похоронили на кладбище недалеко от храма. Надгробие в форме бетонной тумбы сохранилось до наших дней.

Василий Бензин окончил курс Екатеринославской духовной семинарии и 30.06.1899 был определён псаломщиком во Всехсвятскую церковь Таганрога [78]. В том же году с 20 сентября — учитель Ново-Карповской церковно-приходской школы Мариупольского уезда. С июля 1901 г. — псаломщик в селе Басань. В сане священника — с 1902 г. В июне 1905 г. — депутат XXI экстренного Епархиального съезда духовенства Екатеринославской епархии, священник Троицкой церкви села Копаней Александровского уезда [79]. На 1908 г. священнику 29 лет, женат [27, с. 665]. С 11.10.1905 [80] до своей кончины 21.12.1911 служил священником в Покровской церкви села Александровки Новомосковского уезда [81].

Яков Колодяжный после окончания Екатеринославской духовной семинарии 12.08.1900 был определён псаломщиком во Всехсвятский храм Таганрога [82], а 13.05.1901 рукоположен во иерея Митрофаниевской церкви села Златоустовки Мариупольского уезда [83]. Фактически его подпись в метрических книгах кладбищенской церкви встречается с сентября по декабрь 1900 г. [33].

Симеон Алексеевич Гапонов был уволен из 1 класса духовной семинарии и, окончив Екатеринославскую церковно-учительскую школу [27, с. 987], назначен псаломщиком в кладбищенскую церковь Таганрога 30.07.1901 [84]. На 1908 г. ему 27 лет [27, с. 987]. 21.01.1911 [85] был уволен за штат.

Николай Давидов подписывает метрические книги кладбищенской церкви Таганрога как псаломщик с мая по декабрь 1912 год. [86]. Он был определён 04.01.1913 на четвёртое священническое место при Одигитриевской церкви села Батайска Ростовского округа [87]. Давидов рукоположен во диакона 02.02.1913, а на следующий день — во иерея вышеупомянутой церкви Батайска [88]. 03.10.1913 священник умер [89].

Иван Петров, окончивший курс Александровской духовной семинарии, был назначен на должность псаломщика при Всехсвятской кладбищенской церкви Таганрога 30.01.1913

[90], однако по каким-то причинам не приступил к обязанностям, и уже 02.04.1913 [91] был освобождён от предоставленного места.

Пётр Васильевич Могущий окончил курс Екатеринославской духовной семинарии и с 20.06.1913 был определён на место второго псаломщика во Всехсвятскую церковь Таганрога [92]. На тот момент ему было 23 года; холост, казённого жалования не получал [36, с. 427]. 12.09.1914 был освобождён от занимаемого места [93].

Михаил Воронковский после окончания третьего класса Екатеринославской церковно-учительской школы был назначен на вакансию псаломщика при Всехсвятской церкви Таганрога в июне-июле 1914 года [94]. Его подпись встречается в метрических книгах этого храма на протяжении всего 1916 года. [95].

Пётр Васильевич Дмитриевский начинал своё церковное служение как псаломщик в 1896 г., окончил церковно-учительскую школу, рукоположен в дьякона в 1906 г. Был дьяконом Успенской церкви Азова с 1908 по ноябрь 1914 года. [96]. На 1914 г. ему 37 лет, вдовец, трое детей. Получал казённое жалование в размере 98 рублей [36, с. 362]. В этом же году занял вакансию псаломщика во Всехсвятском храме Таганрога, на которой находился до своей кончины 12.09.1915 [97]. Дьякон умер в возрасте 39 лет от острого воспаления брюшины. Погребение совершили «священники Александр Курилов, Димитрий Щербаковский, Капитон Лавров с диаконами Евлампием Коноваловым, Григорием Сурковым и псаломщиком Михаилом Воронковским» [98].

Константин Александрович Просвирин служил в Иоанно-Предтеченской церкви Таганрога с 1907 г. псаломщиком, а с 1912 — на должности дьякона-псаломщика. В кладбищенскую церковь был переведён 29.10.1915 [99], где и оставался дьяконом, как минимум, до конца 1916 г. [95]. На 1914 г. был женат, воспитывал троих детей; казённое жалование не получал [36, с. 428].

Следует отметить справочную сухость собранных сведений, за исключением персон, отметившихся чем-то выдающимся, включая постыдное поведение, случаи которого разбирались в переписке Екатеринославской консистории со Святейшим синодом. Поскольку настоящая статья является частью основы для будущей монографии по истории кладбищенской Всехсвятской церкви Таганрога, планируется более детальная проработка сведений по каждому служителю, выявление могил тех, кто похоронен на сохранившемся старом городском кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Филевский П. П.* История города Таганрога. Таганрог : Лукоморье, 2007.
2. *Гаврюшкин О. П.* Отблески золотых куполов. Таганрог : Издательский дом Ю. Д. Кучмы, 1999.
3. *Алексеев Е. А., Сирота Е. В., Юрченко А. В.* Старое кладбище Таганрога : путеводитель. Таганрог : Лукоморье, 2023.
4. *Кукушин В. С., Николаенко А. И.* Таганрогский некрополь XIX—XX вв. Таганрог : Лукоморье, 2006. С. 12—15.
5. *Ларина А.* На Дону популярным местом у туристов стало таганрогское кладбище // Российская газета. 2024. 4 янв. URL: <https://rg.ru/2024/01/04/reg-ufo/na-donu-populiarnym-mestom-u-turistov-stalo-taganrogskoe-kladbishche.html> (дата обращения: 30.03.2025).
6. О сношении губернаторов и воевод с духовными правительствами по отводу мест для кладбищ и построения церквей : Указ Сенатский № 13724 от 24 дек. 1771 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 19 : 1770—1774 : [№ 13401—14232]. С. 409.
7. О сношении провинциальным канцеляриям с духовными правлениями о постройке церквей на кладбищах : Указ Сенатский № 13882 от 14 окт. 1772 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 19 : 1770—1774 : [№ 13401—14232]. С. 587.
8. О заведении кладбищ при всех городах и на иждивении купечества и градских жителей : Указ Сенатский № 13901 от 1 нояб. 1772 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. : Тип. 2-го отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 19 : 1770—1774 : [№ 13401—14232]. С. 621—622.
9. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 13.
10. Там же. Ф. 796. Оп. 142. Д. 1944.
11. Там же. Оп. 118. Д. 185.
12. Там же. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1846. Л. 10.
13. Там же. Ф. 796. Оп. 149. Д. 1210.
14. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1896. : отдел официальный. № 8 (15 апр.). С. 160.
15. Там же. 1911 : отдел официальный. № 4 (1 февр.). С. 68.
16. Там же. 1911. : отдел официальный. № 18 (21 июня). С. 350.

17. Там же. 1912 : отдел официальный. № 6 (21 февр.). С. 43.
18. Там же. 1912 : отдел официальный. № 7 (1 марта). С. 55.
19. РГИА. Ф. 763. Оп. 4. Д. 135.
20. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 596. Л. 276.
21. Там же. Д. 787.
22. Памятная книжка Таганрогского градоначальства на 1865 год / Таганрог. стат. ком. Таганрог : Тип. при канцелярии Таганрог. градоначальства, 1865. С 19.
23. *Калинская А. Е.* Краткое житие святого праведного Павла Таганрогского / Ред. совет: иеромонах Маврикий (Звягинцев), А. Юрченко, С. Григоришина. Ростов н/Д. : Тип. «Лаки Пак», 2024. С. 50.
24. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1883. № 22 (15 нояб.). С. 375.
25. Памятная книжка Области войска Донского на 1898 год / Изд. Обл. в. Д. стат. ком., под ред. чл.-секретаря Ф. С. Савченкова. Новочеркасск : Обл. в. Д. стат. ком., 1898. С. 61.
26. Памятная книжка Войска Донского на 1899 год / Изд. Обл. в. Д. стат. ком., под ред. чл.-секретаря Ф. С. Савченкова. Новочеркасск : Обл. в. Д. тип., 1899. С. 60.
27. Справочная книга Екатеринославской Епархии [за 1908 год] / Екатеринославская духовная консистория. Екатеринослав : Тип. Братства Св. Владимира, 1908.
28. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2200. Л. 79 об., 80.
29. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1872 : часть официальная. № 2 (15 янв.). С. 36.
30. Там же. 1886 : отдел официальный. № 11 (1 июня). С. 176.
31. Там же. 1893 : отдел официальный. № 12 (15 июня). С. 170.
32. Там же. 1902 : отдел официальный. № 7 (1 марта). С. 104.
33. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 704.
34. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1910 : официальный отдел. № 25 (1 сент.). С. 371.
35. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2196. Л. 166.
36. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 год / Екатеринослав. духовная консистория. Екатеринослав : Тип. Сем. Ив. Барановского, 1914.
37. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1893 : отдел официальный. № 17 (1 сент.). С. 243.
38. Там же. 1902 : отдел официальный. № 20 (11 июля). С. 289.
39. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1160. Л. 213.
40. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1901 : отдел официальный. № 25 (1 сент.). С. 345.
41. Там же. 1904 : отдел официальный. № 32 (11 нояб.). С. 501.
42. Там же. 1903 : отдел официальный. № 20 (11 июля). С. 248.
43. Там же. 1901 : отдел официальный. № 35 (11 дек.). С. 461—462.
44. Там же. 1911 : официальный отдел. № 24 (21 авг.). С. 553.
45. Там же. 1905 : отдел официальный. № 20 (11 июля). С. 294.
46. Там же. 1910 : официальный отдел. № 27 (21 сент.). С. 384.
47. Там же. 1912 : официальный отдел. № 10 (1 апр.). С. 86.
48. Там же. 1915 : официальный отдел. № 13 (1 мая). С. 327.
49. РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1697.
50. Там же. Ф. 796. Оп. 152. Д. 1754.
51. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1872 : часть официальная. № 6 (15 марта).
52. Там же. 1874 : отдел официальный. № 14 (15 июля). С. 301.
53. Там же. 1875 : отдел официальный. № 16 (15 авг.). С. 341.
54. Там же. 1875 : отдел официальный. № 19 (1 окт.). С. 414.
55. Там же. 1879 : отдел официальный. № 16 (15 авг.). С. 255—256.
56. Там же. 1880. № 21 (1 нояб.) С. 355.
57. ГАРО. Ф. 803 Оп. 2. Д. 692.
58. Там же. Д. 694.
59. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1884 : отдел официальный. № 8 (15 апр.). С. 139.
60. Там же. 1884 : отдел официальный. № 15 (1 авг.). С. 266.
61. Там же. 1885 : отдел официальный. № 18 (15 сент.). С. 320.
62. Там же. 1887 : отдел официальный. № 23 (1 дек.). С. 334.
63. Там же. 1888 : отдел официальный. № 5 (1 марта). С. 76.
64. Там же. 1888 : отдел официальный. № 12 (15 июня). С. 195.
65. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 699. Л. 3 об. — 4.
66. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1892 : отдел официальный. № 11 (1 июня). С. 211.
67. Там же. 1895 : отдел официальный. № 17 (1 сент.). С. 205.
68. Там же. 1900 : отдел официальный. № 24 (21 авг.). С. 290.

69. Там же. 1895 : отдел официальный. № 19 (1 окт.). С. 222.
70. Там же. 1895 : отдел официальный. № 23 (1 дек.). С. 277.
71. Там же. 1896 : отдел официальный. № 14 (15 июля). С. 265.
72. Там же. 1898 : отдел официальный. № 36 (21 дек.). С. 507.
73. Там же. 1906 : официальный отдел. № 35—36 (1 дек.). С. 588.
74. Там же. 1896 : отдел официальный. № 10 (15 мая). С. 200.
75. Там же. 1914 : официальный отдел. № 14 (11 мая). С. 200.
76. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 702.
77. Там же. Д. 2788. Л. 68.
78. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1899 : отдел официальный. № 20 (11 июля). С. 311.
79. Там же. 1905 : отдел официальный. № 28 (1 окт.). С. 10.
80. Там же. 1905 : отдел официальный. № 31—32 (1 нояб.). С. 424.
81. Там же. 1912 : официальный отдел. № 4 (1 февр.). С. 25.
82. Там же. 1900: отдел официальный. № 25. (1 сент.). С. 304.
83. Там же. 1901 : отдел официальный. № 17 (11 июня). С. 203.
84. Там же. 1901 : отдел официальный. № 24 (21 авг.). С. 332.
85. Там же. 1911 : официальный отдел. № 5 (11 февр.). С. 95.
86. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2415.
87. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1913 : официальный отдел. № 3 (21 янв.). С. 13.
88. Там же. 1913 : официальный отдел. № 8 (11 марта). С. 227.
89. Там же. 1913 : официальный отдел. № 31 (1 нояб.). С. 471.
90. Там же. 1913 : официальный отдел. № 6 (21 февр.). С. 95.
91. Там же. 1913 : официальный отдел. № 12 (21 апр.). С. 236.
92. Там же. 1913 : официальный отдел. № 19 (1 июля). С. 310.
93. Там же. 1914 : официальный отдел. № 29 (11 окт.). С. 548.
94. Там же. 1914 : официальный отдел. № 19 (1 июля). С. 299.
95. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3052.
96. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1914 : официальный отдел. № 33 (21 нояб.). С. 621.
97. Там же. 1915: официальный отдел. № 28 (1 окт.). С. 669.
98. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2923. Л. 83.
99. Екатеринославские епархиальные ведомости. 1915 : официальный отдел. № 32 (11 нояб.). С. 716.

Д. Д. СКОРИКОВ, В. А. КОЗОРЕЗОВ

«НА КРУГИ СВОЯ»

К истории Иоанно-Предтеченской церкви слободы Дёгтево Миллеровского района

Слобода Дёгтево — старейшее поселение в Миллеровском районе Ростовской области. Ещё в 1708 году князь В. В. Долгорукий, присланный Петром I на Дон для подавления Булавинского восстания, писал очередное «доношение» из казачьего городка Дёхтева на реке Белой Калитве [1]. Через несколько десятилетий, в 50-е годы XVIII века, донским старшиной Тимофеем Фёдоровичем Грековым на месте бывшего казачьего городка был основан хутор, который он заселил «малороссиянами» [2].

Свидетельств о существовании часовни или церкви в городке не сохранилось, а в новом

хуторе, выросшим позднее в слободу, в 1775 году попечением того же старшины Грекова была построена «из дубового леса» церковь во имя св. Пророка и Предтечи Иоанна Крестителя, «по преданию, первая во всём северном районе бывших старшинских слобод Донецкого округа» [3, с. 1].

7 ноября 1771 года отставной походный атаман Т. Ф. Греков обратился к атаману Войска Донского Степану Ефремову с прошением о ходатайстве перед епископом Воронежской епархии о разрешении построить в его хуторе Дёхтевом «собственным же ево коштом»

Дмитрий Дмитриевич Скориков, научный сотрудник научно-хранительского отдела Ростовского областного музея краеведения; Владимир Алексеевич Козорезов, учитель истории Дёгтевской средней общеобразовательной школы Миллеровского района

(за свой счёт. — Д. С.) деревянную церковь [4, л. 1]. Перед этим он заручился поддержкой владельцев и поселян ближайших хуторов, «... состоящих по речке Калитве, а притом и соседних старшины Ефима Кутейникова и вдовы старшинской жены Авготьи Дячкиной...», которые также «...по неимению тамо церкви божией и священника несут ... немалую нужду...» [4, л. 1]. Атаман Степан Ефремов решение Т. Ф. Грекова поддержал. В своём письме от 18 января 1772 года к епископу Воронежскому Тихону просил дозволения и благословения перенести купленную Тимофеем Фёдоровичем Грековым церковь «Острогжской провинции в войско-вой слободе Бугучаре¹, именованную прежде святого славного пророка Илии» в хутор Дёхтев и построить там новую [4, л. 1 об.].

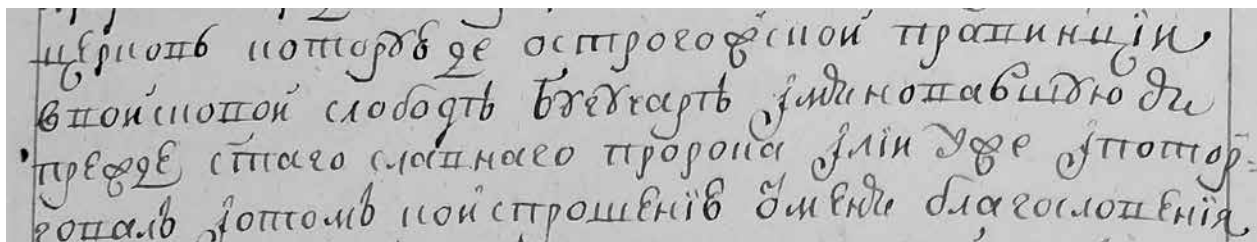
На покупку церкви Т. Ф. Греков потратил «...сто сорок рублей, да на перевезение и построение дал пятьсот рублей» [4, л. 5 об.]. Известно, что уже в 1732 году в Богучаре существовала церковь Илии Пророка [5], а в 1781 году на её месте было построена новая Рождество-Богородицкая церковь с приделом пророка Илии [6]. Старое деревянное здание церкви и было куплено Т. Ф. Грековым в 1771 году.

После письма атамана Ефремова по указу епископа Тихона управитель Раздорского духовного правления протопоп Фёдор Балабин провёл следствие по этому делу. Была подтверждена удалённость указанных хуторов от «...протчих святых церквей от Криворожской слободы в сорока, от Троицкаго Мигулинскаго монастыря в восьмидесяти, от Деркульской слободы более ста верст...» [4, л. 1 об. — 2]. Указывалось, что Тимофей Греков обещает снабдить церковь всем необходимым: «...святыми сосуды серебряными, книгами полного церковнаго круга новыми, и на святой престол, и на жертвенник, одежды шелковыя чистыя и священная одеяния достойная, <...> всегашнему священнослужению потребная яко то воску, лагону, вина церковнаго, на просфоры и на благословенныя

Портрет донского бригадира Т. Ф. Грекова. 1794 г. Новочеркасский музей истории донского казачества

хлебы муки пшеничной доброй, масла деревяннаго, в кутию пшеницы чистой, меду в каждой год, <...> под кладбище, священно церковнослужителям под селигбу²<...>а на пашню земли<...>четвертей или десятин<...>отвел...» [4, л. 2—2 об.]. 5 февраля 1774 года, в доношении Святейшему правительствующему синоду епископ Тихон написал «...в помянутом хуторе Дехтевом церкви необходимо быть...» [4, л. 3.]. Закладка церкви совершена 13 июля 1774 года, а освящение — 2 октября 1775 года [3, с. 1]. Бывшая богучарская церковь пророка Илии стала

Фрагмент доношения с упоминанием о покупке церкви в Богучаре

¹ Ныне г. Богучар — районный центр в Воронежской области в 100 км к северу от слободы Дёгтево.

² Селитьба — особый вид заимки пустопорожных земель.

дѣгтевской Иоанно-Предтеченской. Неизвестно был ли у Т. Ф. Грекова особый замысел при переименовании церкви, но из семи его внуков именно генерал-майору Ивану Евдокимовичу Грекову он выделил по наследству половину своего имения в слободе, куда входила и церковь. И только Иван Фѣдорович Барабанищikov, внук Ивана Евдокимовича Грекова, один из всех его многочисленных потомков, похоронен в ограде Иоанно-Предтеченской церкви.

На момент освящения в 1775 году зданию церкви уже было более сорока лет, и только в 1861 году в ней сделали капитальный ремонт. С южной и северной стороны добавили боковые пристройки. Тогда же в церкви заменили полы, окна, двери, кровлю, обновили иконостас. Сумма перестройки составила 4000 рублей за счёт помещиков слободы Дѣгтевой и частично пожертвований прихожан из крестьян [7]. А в 1881 году были позолочены купола. Стоимость этих работ составила 527 руб. 65 коп. из добровольных пожертвований [7].

В страховых документах (оценках) церкви от 1910 года, хранящихся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, приводится описание и даны точные размеры дѣгтевской церкви. «Иоанно-Предтеченская церковь — деревянная на каменном цоколе, снаружи обшита тесом и покрашена масляной краской, внутри тоже покрашена масляной краской; покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской. Длина церкви, считая и колокольню — 9 $\frac{3}{4}$ саж., наибольшая ширина — 8 $\frac{3}{4}$ саж., высота до верха карниза — 2 $\frac{1}{4}$ саж.; на церкви имеется одна большая главка; больших окон — 10 шт., малых (на главке) — 3 шт.; дверей наружных створчатых, обшитых железом — 3 шт., внутренних — 1 шт.; иконостас глиной 9 арш., высотой — 7 $\frac{3}{4}$ арш. (оценен в 2000 р.); Колокольня в два яруса, общей высотой до верха карниза — 4 $\frac{1}{3}$ саж.» [8]. Церковь признавалась ветхой. Оценка её вместе с иконостасом и колокольней составила 7000 рублей. При церкви была деревянная сторожка с покрытой соломой крышей.

Дополнительные сведения о внешнем и внутреннем убранстве дѣгтевской церкви сообщает в своих записках местный приходской священник Павел Алексеевич Кожин. Эти записки он написал в 1900 году для Х. И. Попова, собиравшего материалы о древностях Донского края в рамках подготовки к 12-му Археологическому съезду в Харькове. Записки написаны с опорой на документы приходского архива (метрические книги, исповедные и клировые ведомости, описи церковного имущества) и воспоминания старожилов слободы начала XX века. «Церковь

с самой первоначальной постройки стоит на одном и том же месте, только в 1860 году была расширена пристройкой северного и южного приделов, и теперь представляет вид креста. Алтарь же, средняя часть храма, трапезная и колокольня стоят в таком же виде, как и были построены первоначально. А ту пристройку произвёл помещик Аким Фѣдорович Барабанищikov с прихожанами. Церковь деревянная, из губа коланного и не тѣсанного, снаружи ошелѣвана досками и окрашена белой краской, а внутри голубой. Архитектурных украшений снаружи не имеет. Глав имеет три: над колокольней, на храме и маленькая на алтаре. Колокольня, как сказано в клировой ведомости за 1800 год, наклонилась в южную сторону и теперь стоит в таком виде. Церковь всегда была покрыта железом, ограда раньше была сложена из дикого камня без глины, а теперь из только камня, но с глиной» [9, л. 179 об. — 180].

Описывая церковные колокола, П. А. Кожин отмечал: «Из древних колоколов уцелели: 1-й в 4 пуда 4 ф., 2-й 1 пуд и 3 фунта и 3-й в 20 фунтов и 22 фунта, носивший название полуелейный. Кроме этих есть ещё два новых: один в 100 пудов, куплен прихожанами в Воронеже в 1896 году в память Коронации и в 50 пудов, куплен тоже в Воронеже в 80-х годах» [9, л. 180].

Интересные сведения приведены относительно настенной живописи и иконостаса. «Стенная живопись при ремонтировке и расширении храма в 1860 году была уничтожена. Из описи церкви за 1816 год видно, что на стенах было нарисовано 14 апокалиптических картин, 2 страстей Христовых, 1 о Символе Веры, 1 о Судище Христовом и 3 Вселенских соборов. Теперь же стенной живописи не сохранилось. Иконостас уцелел из древних времен: Царские врата древние, деревянные резной работы, вызолочены...» [9, л. 180]. Иконы на всех ярусах «художественной работы», «в серебряных венцах и серебряных ризах, искусно кованых с разными цветами и узорами».

«Вверху, в самом куполе, Бог Саваоф на голубом фоне. Затем по приделам северном и южном идут иконы, рисованные в 1860 году Андреем Петровичем Бальшевым, проживающим в Новочеркасске. Все иконы нарисованы на голубом фоне и ничего особенного не представляют.

Среди «особенно замечательных» икон выделялись: «Чудотворная икона Ченстоховской Божией Матери, очень древняя, старинной работы с серебряной и вызолоченной ризой, весом 1 фунт 28 золотников. Пожертвована генерал-майоршей Марфой Акимовной Грековой

[10]. *Покров Божией Матери по белому фону в жемчужной ризе и в серебряном и вызолоченном окладе в раме из чёрного дерева, подарена в 1854 году полковницей Еленой Грековой. Икона Иверской Божией Матери в ризе серебряной вызолоченной весом 72 зол. пожертвована поручиком Андреем Грековым в 1858 году. Икона Божией Матери в жемчуге и в серебряной вызолоченной ризе, пожертвована Акимом Фёдоровичем Бараншиковым. Все эти иконы очень древние, искусной художественной живописи и особенно хорошо и красиво сделаны на них ризы с разными узорами, а на венцах серебряных с подчернью разные цветы.*

Есть икона преподобного Онуфрия ..., где преподобный вместо человеческой головы имеет лошадиную, искусной работы в серебряной и вызолоченной ризе, подарена икона сотником...» (фамилия не читается. — Д. С.) [9, л. 180 об.].

Из предметов служебной утвари датированных XVIII веком в церкви находились: дискос, чаша, две тарелочки, ложка и звезда серебряные. Надпись на дискосе гласила: «...сей сосуд церковный, сочинен и в церковь поган в 1775 году войска Донского отставного атамана Тимофея Фёдоровича Грекова в свою Дехтеву слободу Иоанна Крестителя его подаянием» [9, л. 181]. На остальных предметах также стояла дата 1775 год. Кроме этого, был ещё один набор серебряных предметов «чеканной работы» с датой 1783 года. Из крестов «замечательных» выделяет три. «1. Большой серебряный весом в 3 ф. ¼ ф. Спаситель в терновом венце изваян из золота и пригвожден золотыми гвоздями. На нём дата 178 год. Замечательно хорошей работы само изваяние! 2. Серебряный, вызолоченный, весом в 2 фунта. Дата 1776 год. На этом кресте высечены цветы, виноград, рыба, птица. 3. Крест кипарисный в серебряной оправе с датой 1792 года на оправе. В этом кресте есть святые мощи преподобного Симеона и были ещё преподобного Саввы, но неизвестно, куда и когда, исчезли...» [9, л. 181].

Наиболее ранние богослужебные книги, находившиеся в церкви, напечатаны в 70-х годах XVIII века и первых годах XIX века в типографиях Чернигова, Киева и Москвы. «Все книги напечатаны на толстой синеватой бумаге и сохранились отлично, т. к. все в хороших кожаных переплётках» [9, л. 182 об.].

Население самой слободы Дёгтево и окрестных поселений состояло из переселенцев, выходцев из соседних губерний — Харьковской, Киевской, Черниговской, Воронежской и др. Все они по клировым ведомостям до 1815 года

именуются «малороссиянами», людьми «малороссийского наречия», а позже, малороссийскими крестьянами [3, с. 1.]. В 1776—1780 годах общее количество прихожан церкви, включая жителей слободы и соседних Терновой, Ольховчика, Кутейникова, Кудиновки и Колодезей составляло 336 душ мужского пола и 308 женского [9, л. 185 об.]. Дальнейший рост населения потребовал увеличить число приходских церковнослужителей: в 1805 году открыт второй штат, а в период с 1829 по 1836 год в дёгтевской церкви было три штата [9, л. 186 об.].

С середины XIX века количество прихожан начинает сокращаться. Это было связано со строительством церквей и открытием собственных приходов в поселениях ранее входивших в приход дёгтевской церкви. Начиная с 1876 года дёгтевская церковь оставалась одноштатной. В середине XIX века с появлением в Донской епархии благочиний слобода Дёгтево стала центром одного из них. Дёгтевское благочиние просуществовало до 20-х годов XX века.

В своих записках П. А. Кожин называет первого священника слободской церкви — Иов Данилов [9, л. 186], который «в 1782 году бежал». Х. И. Попов, ссылаясь на материалы архива Донской консистории и сведения, собранные И. М. Сулиным, уточняет, что первым священником, рукоположенным к этой церкви епископом Воронежским Тихоном II 24 мая 1774 года был Иов Коваленко [3, с. 1]. Вероятно, речь идёт об одном и том же священнике — Иове Даниловиче Коваленко. Интересно, что в 1785 году в Троицкой церкви соседней слободы Усть-Меловой-Маньковой (сл. Маньково-Калитвенской. — Д. С.), священником указан «бежавший» Иов Данилов [11]. Вторым священником стал «бывший дьячок» этой же церкви Иоанн Фёдорович Захаревский, «рукоположен в 1782 году» [9, л. 186], а у Х. И. Попова, рукоположенный 19 октября 1778 года [3, с. 1]. Среди священников церкви конца XVIII — середины XIX века также упоминаются: Пётр Кушнарёв, Михаил Авенев и Григорий Алексеев [9, л. 186 об.]. 31 января 1871 года приходским священником назначается Алексей Кожин, служивший до этого дьяконом в Троицком молитвенном доме хутора Липовского Распопинской станицы [12]. Он вместе с женой Александрой воспитывал девятерых своих детей и одну приёмную дочь. Семеро его сыновей получили духовное образование и стали священнослужителями. 15 ноября 1892 года после смерти Алексея Ивановича на место священника был назначен его сын Павел Алексеевич Кожин [13], автор

исторических записок о слободе Дёгтево, упоминаемых в этой статье. Выпускник Донской духовной семинарии, он был женат на Серафиме Харитоновне, дочери Х. И. Попова [14]. П. А. Кожин прослужил в слободской церкви до своей смерти в 1919 году.

При описании церковного хора и школы слободы Дёгтево П. А. Кожин упоминает имя Акима Фёдоровича Барабанщикова, одного из бывших помещиков-владельцев слободы у которого «*во дворе была школа, где обучались мальчики*» [9, л. 187 об.]. В 1863 году эта школа была открыта при церковном хоре, тоже организованном Барабанщиковым, обучением в ней занимался один из певчих, Артём Скориков [15]. «*В Дегтевой был роскошный хор певчих, пели так хорошо, что не только из Новочеркасска приезжали послушать, но и из Петербурга*» [9, л. 187 об.]. В 1878 году «старанием» священника Алексея Кожина в церковной сторожке открыта новая школа. Позже на базе этой школы было открыто министерское земское училище, в котором обучались только мальчики. «*В этой слободе есть училище, которое помещается в казарме — или вернее — сараеобразной громадной комнате, в которой прежде обучался хор певчих местного помещика. Нечего и говорить, что помещение совершенно непригодно для школы; к тому же оно вместе с помещьем отошло "в банк". Следовательно, училище теперь остается без помещения. Тяжелое положение*» [16]. В 1895 году в слободе открылась женская церковно-приходская школа, в которой в 1916 году обучалось 78 девочек [17]. В 1903 году «*по личной инициативе и особенному старанию*» церковного старосты Ивана Плотникова построено новое просторное, светлое здание для этой школы стоимостью 1400 рублей; «*при этом местный настоятель, он же и заведующий школой, священник Павел Кожин очень заботливо руководил всем делом постройки*» [18].

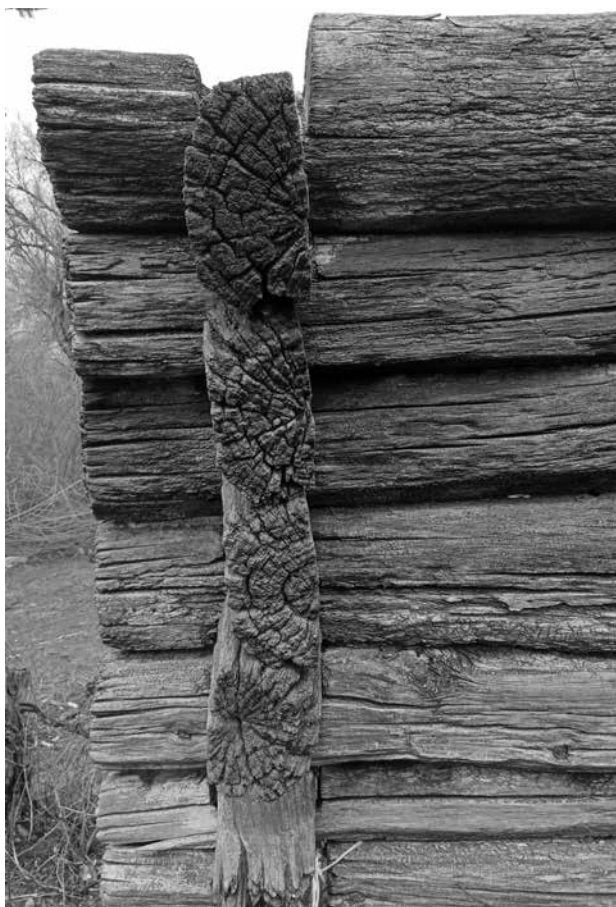
В том же году в слободе при церкви организовано «Братство во имя Святого Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна». Братство создавалось с целью «*заняться своим религиозно-нравственным развитием, чтобы каждому члену братства сделаться разумным членом святой православной церкви, верным и полезным сыном Царя и Отечества и трезвым тружеником своего общества*» [19]. Достичь поставленной цели «братчики» собирались изучением «*правил святой православной веры и истории православной церкви, исполнением правил церкви, изучением отечественной истории, географии и полезных знаний по сельскому*

хозяйству». Для этого братство планировало открыть народную церковно-приходскую читальню-библиотеку.

Учитывая давность года постройки здания церкви, ветхое состояние и «*непоместительные по числу прихожан размеры*», приходское духовенство и члены церковного попечительства задумались о строительстве новой церкви в слободе. В 1897 году попечительство обращалось к «*всеми почитаемому*» отцу Иоанну Кронштадтскому «*за благословением и молитвами*» на постройку новой церкви [20]. 30 апреля 1913 года из числа прихожан создан строительный комитет, в состав которого вошли: «*учитель Иван Фесенко и крестьяне Яков Скорченков, Стефан Захарченков, Игнат Чепуров, Ефим Ростовский, Григорий Курганский, Сильвестр Курганский, Гавриил Скорченков, Мартин Плужников, Павел Цехов, Мартин Саввин, мещанин Иван Зусман, крестьянин Наум Печенежский, Стефан Потоцкий, Иларион Лях, Кирилл Ямпольский и Пётр Буряка*» [21]. В Государственном архиве Ростовской области хранилось дело «О построении церкви в слободе Дёгтевой», датированное 1914 годом [22]. К сожалению, сейчас это дело в разряде «выбывших», и его не удалось посмотреть. Начавшаяся Первая мировая война и дальнейшие революционные события сделали невозможным строительство новой церкви в слободе. Так и продолжала она «обречённо» стоять в центре слободы с покосившейся ещё 100 лет назад колокольней, «*с тревогой предчувствуя свою участь*».

Советской властью был взят курс на создание атеистического общества, а церковь воспринималась как пережиток прошлого, с которым необходимо бороться. В 1922 году была предпринята попытка внести обновленческий раскол в среде духовенства. На Дону почти все приходы признали власть архиепископа-живоцерковника Мелхиседека (Николаева) [23]. Духовенство же Дёгтевского благочиния на своём съезде 30 июля 1923 года открыто назвало новую церковную власть незаконной [24]. В дальнейшем некоторые участники этого съезда были репрессированы. Позже начался период гонений, происходили изъятия церковных ценностей, храмы закрывались, многие здания разрушались. Массовое закрытие и разрушение храмов приходится на 30-е годы. 1 августа 1935 года постановлением комиссии по вопросам культа при президиуме крайисполкома церковь в слободе Дёгтево закрыли [25, с. 429], а 29 июля 1936-го приняли решение о её сносе [25, с. 440]. Церковь разобрали, а из двухвековых (!) дубовых брёвен построили колхозные

*Стена колхозной постройки из брёвен церкви XVIII в.
Сл. Дёгтево, 2022 г. Фото Д. Д. Скорикова*

амбары. В результате ценнейший образец деревянного культового зодчества, датируемый первой половиной XVIII века, был утрачен. При отсутствии изображений заметки священника П. А. Кожина и тексты страховых оценок — единственные на настоящий момент источники, дающие представление об архитектуре церкви, особенностях её внешнего и внутреннего убранства. Колхозные постройки «из губа коланного и не тесанного» частично сохранились до наших дней и позволяют воочию увидеть и прикоснуться к старым церковным брёвнам.

Когда церковь закрыли, местные молодые активисты разожгли костёр, в котором сжигали иконы и документы приходского архива (из воспоминаниям жителей слободы). Но, сожгли не всё — спустя годы при ремонте печи в здании бывшей церковно-приходской школы обнаружили образ Донской иконы Божией Матери.

Обнаруженные записки П. А. Кожина дают представление о том, какие именно иконы, книги и предметы церковной утвари были утрачены.

В начале 1990-х годов на месте, где стояла церковь, построили пекарню. Но работа её

не заладилась — хлеб не получался вкусным и продукцию неохотно раскупали. Менялась рецептура, менялись владельцы — ничего не помогло. Пекарня стоит закрытой уже несколько лет.

В 2013 году в слободе снова задумались о строительстве церкви. Инициатором стал местный предприниматель Александр Николаевич Орлов. Идея о возрождении храма нашла поддержку у главы поселения Владимира Петровича Ручкина и местных жителей. 11 сентября 2017 года в присутствии благочинного Миллеровского округа иерея Максима Кибанова осмотрено место под строительство будущей церкви: оно расположено в нескольких метрах от бывшего храма. 17 ноября того же года правящий архиерей Шахтинской епархии преосвященнейший епископ Симон совершил чин водружения креста на месте строительства церкви. В сентябре 2018 года епархиальными указами образован православный приход храма в честь Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и назначен настоятель Владимир Николаевич Молодцов. Тогда же определён состав учредителей. В него вошли: А. Н. и Л. А. Орловы, В. Р. Пушкарёва, М. С. и А. А. Горбатковы, Н. Е. Бандурин., В. П. Ручкин, И. А. и В. В. Свистуновы.

*Образ Донской иконы Божией Матери
из церкви сл. Дёгтевой, утраченный в 1930-е гг.
Фото Д. Д. Скорикова*

Проект Дёгтевской церкви. 2020 г.
Фото Д. Ласкиной

Начался сбор средств. В основном это были пожертвования жителей сельского поселения и бывших земляков, ныне проживающих в разных концах страны. Собранных средств хватило на создание проекта (утверждён в 2020 году). А. Н. Орлов осуществил межевание земельного участка для будущего храма за свой счёт. Осенью 2023 года залили фундамент. Удивительно, но, закладка и строительство первой слободской церкви Т. Ф. Грековым проходили ровно 250 лет назад. Действительно — «на круги своя»!

Авторы благодарят краеведов В. К. Чарпухову, Н. Н. Орленко и А. В. Чиркова за предоставленные архивные материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Булавинское восстание (1707—1708 гг.) / [под ред. С. Г. Томсинского]. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. С. 326—329. (Труды Историко-археологического института Академии наук СССР. Т. 12. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи).
2. Подробнее о ранней истории слободы Дёгтево см.: Козорезов В. А., Скориков Д. Д. «...На реке Белой Калитве в урочище Дёхтеве» // Донской временник / Дон. гос. публич. б-ка. Вып. 30. Ростов н/Д., 2021. С. 126—130.
3. Попов Х. И. Доклад члена Донского отделения предварительного комитета по устройству XII археологического

- съезда в Харькове Х. И. Попова о поездке в Донецкий округ. Новочеркасск, [1900].
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 55. Д. 56.
5. Церкви в Воронежской епархии за истекшее трёхсотлетие (1586—1886 г.) // Воронежские епархиальные ведомости : Неофициальная часть. 1886. № 12. С. 487.
6. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Вып. 1. Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1884. С. 29.
7. Шагина А. В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века — 1920 г. : справ. / Отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д. : Антей, 2014. С. 115.
8. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 384. Л. 27—27 об.
9. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1450.
10. Грекова Марфа Акимовна — жена генерал-майора Ивана Евдокимовича Грекова, одного из семи внуков отставного походного атамана и бригадира Тимофея Фёдоровича Грекова.
11. Сизенко А. Г. Церковный клир церковей Войска Донского (городские, станичные, хуторские, слободские, станционные, поселковые и сельские) XVIII в. — 1918 г. : фактогр. справ. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2018. С. 241.
12. Донские епархиальные ведомости. 1871. № 6. С. 179.
13. Донские епархиальные ведомости. 1893. № 1. С. 3.
14. См. сноску № 14 в статье Щербак Д. А. «Не нам, господи, не нам, но имени твоему» // Донской временник. Год 2014-й. / Дон. гос. публич. б-ка. Вып. 22. Ростов н/Д., 2013. С. 149.
15. Ведомость о числе крестьянских школ в Войске Донском // Донские войсковые ведомости. 1863. № 24. С. 219.
16. Путешествие по Донецкому округу (от Поповки до Мальчевской слободы) // Донские областные ведомости. 1879. № 41. С. 3.
17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12339. Л. 22 об.
18. Донские епархиальные ведомости. 1903. № 35. С. 680.
19. Устав Братства во имя Святого Пророка Предтечи Крестителя Господня Иоанна (открывается) в слободе Дегтевой при Предтечинской церкви. Новочеркасск : Частная донская тип., 1903. С. 3.
20. Донские епархиальные ведомости. 1897. № 8/9. С. 225.
21. Донские епархиальные ведомости. 1913. № 14. С. 290.
22. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11779.

23. *Шагрина А. В.* Неизвестные письма священномученика Захарии (Лобова) // Донской временник. Год 2015-й / Дон. гос. публич. б-ка. Вып. 23. Ростов н/Д., 2014. С. 154.
24. Протокол общего благочиннического собрания духовенства и мирян Дёгтевского благочиния Донской епархии от 30 июля 1923 г. о непризнании обновленческого Собора, 30 июля 1923 г. // Архив УФСБ РФ по Ростовской обл. Д. П-15 249.
- Л. 157 об. — 158 об. Опуubl.: *Табунщикова Л. В., Шагрина А. В.* Церковные расколы в Донской области, 1920—1930-е годы : сб. док. и материалов. Ростов н/Д., 2015. С. 321—322.
25. *Табунщикова Л. В., Шагрина А. В.* Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920—1930-е годы : сб. док. Ростов н/Д., 2013.

А. С. ЗАЙЦЕВА

ПОД ГАЗЕТНЫМ КРЫЛОМ

Город Шахты Ростовской области в большей степени промышленный город, как по причине возникновения (угольное месторождение), так и в дальнейшем своём развитии. Наличие в прошлом такого гиганта как объединение «Ростовуголь», заводов и фабрик, в том числе и крупнейшего в Европе хлопчатобумажного комбината, говорит само за себя, тем удивительнее феномен творческого всплеска и обилие литераторов в нём. На протяжении всего XX века город рождал многочисленных поэтов и прозаиков. Кто-то был более талантлив, кто-то менее, но всех этих людей объединяло одно — непреодолимая тяга к литературному творчеству.

«Городская» история Шахт началась в 1867 году, когда указом императора Александра II Грушевское горное поселение получило статус горного города [1]. В то время и речи быть не могло о творческой интеллигенции. Основным населением новоиспечённого города являлись горняки, большинство из которых были неграмотны. Через три десятка лет в городе, уже переименованном в Александровск-Грушевский, появились Городская дума и городской голова, состав населения стал разнообразнее. Об этом можно судить хотя бы по принадлежности гласных Думы к таким сословиям как: крестьяне, мещане, купцы и казаки [2]. Хотя и среди них не все были грамотными, однако образованных людей становилось всё больше. В 1911 году в городе вышел первый номер «Александровск-Грушевской маленькой газеты» [3]. Редактором газеты стала Надежда Григорьевна Файвишевич, супруга первого главы города,

Фрагмент «Александровск-Грушевской маленькой газеты». 1912 г. Фото автора

горного инженера Бориса Марковича Файвишевича. Газета выпускалась с 1911 по 1914 год.

В первом же номере, первой городской газеты было напечатано стихотворение Леонида Алина.

«Море спокойное тихо катило
Волны к утёсу гранитному;
Яркое солнце их золотило,
Будто бы сказку любви говорило,
Сказку — хвалу позабытому.
Лёгкие волны к утёсу примчались,
Серый гранит обняли,

Александра Сергеевна Зайцева, журналист, г. Шахты. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 18 сентября 2025 г.) под названием: «Краеведческий аспект литературного творчества на страницах местной печати (на примере газет гг. Александровск-Грушевского и Шахты)»

Белою пеной кругом разостлались,
 Будто с утёсом седым целовались,
 Неги и ласки полны.
 Тихо волна за волной умирала,
 С солнцем прощаясь живым;
 С плеском на мрачный утёс набегала,
 Трепетно серый гранит целовала,
 И исчезала, как дым».

Леонид Алин — псевдоним Леонида Леонидовича Номикоса [4]. До нас дошла проза этого литератора. Сегодня в коллекциях букинистов можно найти редкую, выпущенную в Санкт-Петербурге в 1910 году, тоненькую книжку «Осенняя сказка», а 100 лет назад, оказывается, были популярны его стихи. Об этом говорит то, что именно стихотворение Леонида Алина попало в самый первый номер, которым издатели хотели привлечь читателей и заполучить подписчиков газеты. Его стихи напечатаны и в некоторых последующих выпусках «Александровск-Грушевской маленькой газеты», также как и К. Бальмонта, и Н. Арго.

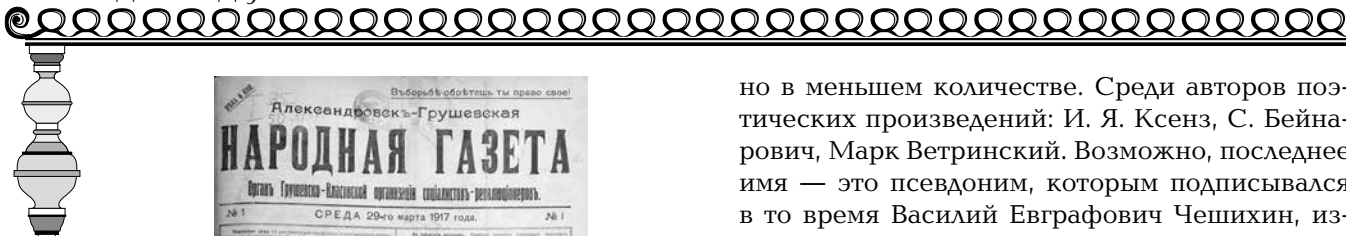
Лишь на втором году издания на страницах городской газеты появляются стихи местных поэтов. Первым напечатали стихотворение Фёдора Митропольского «Жизнь» [5]. Вероятнее всего поэт был сыном священника Григория Митропольского, служившего в храмах Александровска-Грушевского, так как иногда подписывался Ф. Г. Митропольский. Его из всех александровск-грушевских литераторов печатали в местной прессе чаще других. Кроме стихов Фёдор Митропольский писал и прозаические произведения, и заметки в газету, большей частью на душевспасительные темы, сквозь строки проглядывает юношеский максимализм и религиозная восторженность. Ещё одним юным автором стихов был Николай Пожарницкий [6], сын мастера-краснодеревщика Михаила Пожарницкого, который в 1917 году участвовал в выборах в гласные александровск-грушевской думы в качестве кандидата [7]. Литератор М. Г. Резанов, возможно, являлся родственником П. М. Резанова — хозяина шляпного магазина, чьи объявления мелькали на страницах Александровск-Грушевской маленькой газеты [8]. Кроме них многие авторы подписывались псевдонимами: Оль-Оль, Алегрито, Скиталец, или даже просто инициалами, например, Б. К. или А. К.

Были и такие, которым очень хотелось прославиться поэтами, но такового дарования не имели. В одном из номеров газеты им было адресовано вот такое объявление: «От редакции: В № 45 «Маленькой газеты»

мы предупреждали любителей рядиться в чужие перья, т. е. лиц, занимающихся литературным воровством, что в случае обнаружения таких фактов, фамилии их будут помещены в газете полностью. В № 16 напечатано присланное нам из Ростова Н. Жгановым стихотворение «Весна», подписанное им буквами Н. Ж. Теперь оказывается, что стихотворение представляет из себя буквальное воспроизведение стихотворения «Весна» Языкова». Кроме «любителей рядиться в чужие перья» в редакцию газеты поступало множество несовершенных стихов, где хромали и ритм, и рифма. Об этом сообщалось в рубрике «Версификация», в рамках которой редактор газеты взялась учить искусству писать стихи. Очень образно авторам рекомендовались грамотность и краткость произведений: «Помните пословицу о том, что маленькая рыбка лучше большого таракана. И, когда присылаете маленькое стихотворение старайтесь не только о том, чтобы оно было «маленьким», а о том, чтобы оно было при этом маленькой рыбкой, а не маленьким тараканом. Так как последние, к сожалению, присылаются в редакцию «Маленькой газеты» чересчур часто». Чтобы произведения были не только складными, но глубокими и содержательными, стихотворцам предлагалось читать в первую очередь русскую классику, а уже потом иностранную литературу [9].

Среди прозаических произведений местных литераторов можно выделить «Дневник приказчика». Автор не указан, но это явно кто-то из местных жителей, ведь речь именно об александровск-грушевском приказчике. В фельетоне в смешном свете представляется молодой человек по имени Дрон Аршинников, служащий в мануфактурной лавке, который, желая выглядеть модно купил тетрадь, «хотя и жаль было тратить деньги», чтобы вести дневник, ведь так делают все образованные люди. В рассуждениях и действиях героя подмечены характерные черты людей его круга, а также описан местный александровск-грушевский колорит. «Дневник приказчика», видимо, предполагал отсылку к «Дневнику писателя» как противоположность и возымел эффект разорвавшийся бомбы. Общество приказчиков, а оно было довольно многочисленным и сплочённым, возмутилось этой публикацией и требовало назвать настоящее имя героя статьи, потому что таким личностям «не место среди приличных приказчиков», а если это фантазия, то «так фантазировать нельзя, ибо это нечестно» [10]. Можно предположить, что автором является редактор газеты Надежда Григорьевна Файвишевич или её супруг Борис

Фрагмент «Александровск-Грушевской народной газеты». 1917 г. Фото автора

Маркович Файвишевич. О Надежде Файвишевич известно, что она подписывалась под фельетонами — Я. Блонский, а Борис Маркович, по её словам, был постоянным и лучшим автором «Александровск-Грушевской маленькой газеты». Его смерть стала одной из причин, по которой газета закрылась в 1914 году [11].

Вскоре после Февральской революции, 29 марта 1917 года вышел первый номер нового печатного издания — «Александровск-Грушевская народная газета». Газета являлась органом Грушевско-Власовской организации социалистов-революционеров. Редакционная коллегия призывала товарищей-авторов присылать помимо статей и прочей корреспонденции свои стихи и рассказы [12]. На страницах «Александровск-Грушевской народной газеты» так же, как и «Александровск-Грушевской маленькой газеты» печатали стихи и рассказы,

Б. А. Бабина-Корень. Фото из открытых источников

но в меньшем количестве. Среди авторов поэтических произведений: И. Я. Ксенз, С. Бейнарович, Марк Ветринский. Возможно, последнее имя — это псевдоним, которым подписывался в то время Василий Евграфович Чешихин, известный больше как Ч. Ветринский, историк русской литературы и общественной мысли, публицист, журналист. Может быть стихотворение «Земля», которое включено в статью, подписанную Марком Ветринским, — есть неизвестное произведение Василия Чешихина, раскрывающее его с новой поэтической стороны [13].

Земля

«Она ничья, она для всех!
 Все на груди ея родились.
 Слова: «моё», «твое» явились,
 А вместе с ними зло и грех.
 Она ничья! Ея позор
 Родного сына быть рабою,
 И полный нищенской мольбою
 Другого сына видит взор.
 Она ничья, и назовёт
 Её кормилицей своею
 Лишь тот, кто спину гнёт над нею.
 Она ничья, она для всех:
 Все на груди ея родились!
 И те, кто не трудясь ей кормились.
 Признают пусть свой кровный грех».

Печатали в «Александровск-Грушевской народной газете» и прозу — рассказы, автор которых скрывался за псевдонимом Ясень [14; 15]. Судя по содержанию, автор местный и, возможно, женщина. В каждом произведении говорится о нелёгкой женской доле. Писали жёны городских глав Надежда Григорьевна Файвишевич и Берта Александровна Бабина-Корень. О первой уже написано выше, а Берта Александровна была замужем за третьим городским головой Александровска-Грушевского [16]. Её супруг Борис Вячеславович Бабин-Корень являлся также главой редакционной коллегии «Александровск-Грушевской народной газеты». С большой долей вероятности можно говорить об авторстве Берты Александровны.

Берта Александровна Бабина-Корень (урожд. Змойро), родилась в 1894 году, член партии эсеров (с 1917 г.), являлась секретарём городской организации партии социалистов-революционеров, партийный псевдоним — Волина. Вместе с мужем она прошла тюрьмы и ссылки, которые посыпались на пару начиная с 1921 года. Борис Бабин-Корень сгинул в 1945 году на этапе в Севвостлаге. Берта вышла на свободу лишь

в 1954 году, жила в Ухте (Коми АССР) вплоть до 1958 года, когда смогла вернуться в Москву. Берта Александровна была реабилитирована в 1964 году, прожила долгую жизнь (скончалась 17 февраля 1983 года), работала переводчицей, изучала культуру народов Крайнего Севера, печаталась в столичных литературных журналах под псевдонимом Невская. О равноправии мужчин и женщин в 1917 году только-только заговорили, и многие женщины тогда подписывались мужскими именами, поэтому за псевдонимом Ясень могла скрываться женщина.

К сожалению, газета просуществовала менее года, закрылась в связи с изменившейся политической обстановкой.

После Гражданской войны, во время которой город был в руках то красных, то белых, с установлением советской власти, появилась новая газета — «Красный шахтёр», орган Александровск-Грушевского уездного исполкома и комитета (большевиков). В первый год на страницах этой газеты лирики не наблюдалось, преобладали новости, приказы, объявления. В номере 1(69), вышедшем 1 января 1921 года было напечатано стихотворение «К новому 1921 году» за подписью Михмир. Впоследствии этот псевдоним ещё не раз встретится на страницах «Красного шахтёра». Как на самом деле звали автора выяснить пока не удалось. Кроме него не так часто печатали стихи литераторы: Районный, Р. Роцин, С. Солодовников, В. Саломатин, В. Самсонов. 1 мая 1921 года в праздничном номере, более красочно оформленном по такому случаю (заголовки в красном цвете, плюс красные пятиконечные звёзды) было опубликовано одноимённое стихотворение В. Самсонова [17], предваряющее статью «Первое мая прежде и теперь».

Статью завершало стихотворение В. Саломатина, начинающееся словами «Христос Воскресе» [18]. Примечательно, что в этот же день православные шахтинцы праздновали Пасху. Стихотворение интересно тем, что в нём во имя Воскресения Христова соединились и «звучат колокола», и «поёт, работая соха», и «вторят с топором кузнечные меха» [18]. На заре советской власти такое ещё было возможно.

Спустя несколько лет, в «Красном шахтёре» так же печатают местных авторов. Кроме этого, появляется организация пролетарских писателей, сокращённо — пролетписателей, а в Шахтах организована Шахтинско-Донецкая ассоциация пролетарских писателей (ШАПП). Заседания ШАППа проходили в красном уголке типографии газеты «Красный шахтёр» [19]. В 1925 году бюро ШАПП призывало: «...

выявлять из рабкоров и селькоров молодые силы художников слова!». Надо было взрастить новых поэтов, которые бы как Евгений Бобровский писали о железной ёлке, построенной вместо старой рождественской [20]. Любопытно, но религиозная тема проскальзывает даже в таких, а-ля Маяковский, стихах. Поэты, которые писали стихи на старорежимный манер не допускались к печати, мало того, подвергались критике.

1 января 1927 года в клубе рудника «Мировая коммуна» состоялось очередное собрание литературной группы «Горняк». Перед местными литераторами и любителями поэзии с докладом «Есенин и есенищина» выступил представитель ШАППа товарищ Золотухин. Приведя в пример некоторые произведения известного поэта и сделав экскурс в его биографию, докладчик указал на то, что Есенин не крестьянский и не пролетарский поэт и в своём творчестве далёк от современности, а потому не достоин восхищения. Золотухину вторил содокладчик, литератор Виленский-Винников. Он добавил, что в поэзии Есенина отсутствует классовое значение, а сам поэт годен разве что быть символом хулиганства. Присутствующие, видимо, не все были согласны с такой точкой зрения, по докладу возникло много вопросов [21].

С 1925 года на страницах «Красного шахтёра» печатали объявления с приглашением на заседания ШАПП, а позже появилась рубрика «Литературная страничка», где печатали произведения пролетарских поэтов и прозаиков, вошедших в ШАПП, в частности, того самого товарища Ник. Золотухина, который ругал Есенина. Он, в отличие от поэта непролетарской направленности, писал идеологически

Газета «Красный шахтёр» (1 мая 1921 г.). Центр хранения архивных документов в г. Шахты

Обложки изданий, выпущенных "Антрацитом". г. Шахты. 1990—1998 гг. Фото автора

выверенные стихи: «... и близок день, когда любой мужик постигнет как овёс ученье Маркса...». Надо сказать, что эта рубрика просуществовала многие годы, продолжая знакомить читателей с местными писателями и поэтами даже тогда, когда газета сменила название и стала именоваться «Ленинское знамя».

«Литературная страничка» в урезанном виде называлась «Литературным уголком», но там всё так же печатали литераторов ШАППА [22]. В 1934 году при редакции газеты «Красный шахтёр» в литературном кружке без названия пишущие шахтинцы готовились к первому Всесоюзному съезду писателей. На том заседании присутствовали: Ветров, Ковалёв, Ломоносов, Чайкин, Ланцис, Олейников, Майский и другие, всего 20 человек [23]. Вскоре было создано ещё одно собрание писателей и литкружковцев, которое посвятили объявленному Профиздатом конкурсу на лучшее литературно-художественное произведение рабочих авторов.

В 1939 году в рубрике «Литературная страница» в заголовках чувствуется дыхание войны: «Шинель», «Брат за брата», «Балтийская-Краснофлотская» [24]. В 1949 году всё ещё печатают стихи Евг. Бобровского, и это спустя почти четверть века после его первой публикации! Печатают и других авторов, но стихи этого поэта

с завидной регулярностью появлялись на страницах местной газеты [25]. В 1964 году к стихам и прозе «Литературной страницы» прибавляются заметки с обзором единственного в своём роде на юге России литературно-художественного журнала «Дон», написанные членом его редколлегии — Николаем Скрёбовым, который, перебравшись на постоянное местожительство в Ростов-на-Дону, никогда не забывал о родном городе [26].

При газете, теперь уже с названием «Ленинское знамя», продолжают собираться литкружковцы. Традиционно поэтов в кружке больше, чем прозаиков. Среди литераторов будущие журналисты Владимир Ковальчук и Марк Рабичев, они молоды и быть напечатанными на одной странице с уже признанным собратом по перу — Валентином Ющенко, для них честь. Валентин Ющенко написал о шахтинских подпольщиках роман «Вечный огонь». В газете же напечатали часть первой главы его нового романа «Вьюга» [27].

В 1973 году «Литературная страница» была подготовлена группой поэтов и прозаиков, входящих в литературное объединение «Акварель», которое тремя годами ранее было организовано при Шахтинском филиале Новочеркасского политехнического института [28].

Вскоре и безымянный литературный кружок при редакции газеты «Ленинское знамя» получил название — «Антрацит». Многие участники «Акварели», повзрослев, перекочевали в него. Антрацитовцы собирались в редакции раз в неделю, читали свои новые произведения, критиковали друг друга. Обычно руководителем литобъединения назначали кого-то из сотрудников газеты, говорят, писатель Алексей Ионов возглавлял шахтинских литераторов, когда работал в «Красном шахтёре» в 1930-х годах [29].

Во времена «Антрацита» сложилась иная картина. Лидер антрацитовцев — Анатолий Осовский не являлся сотрудником газеты. Однако это ему не помешало заняться редакторской деятельностью. Под его руководством литераторы издали оригинально оформленный коллективный сборник «Магия утра» и серию сборников «Ковчег». Была также попытка издавать детский городской журнал «... если звёзды зажигают...».

Надо сказать, что подобная деятельность без государственной поддержки и существовавшей тогда печатной технике была сродни подвигу. Набор текста и распечатка производились на общественных началах, бумагу доставали по знакомым. Так «Литературная страница» шагнула за пределы газеты.

Настали новые времена, и «Ленинское знамя» сменило название на «Поле зрения». Со всем немного при редакции собирались литераторы, а вскоре перебрались к Анатолию Осовскому в комнату в общежитии, где он жил. Несмотря на это, время от времени в газете продолжали печатать стихи шахтинских авторов. В городе появились и другие газеты, где продолжили традицию «Литературной страницы», но вот литкружков при редакции более никто не заводил. Тем не менее, возвращённых при газете литераторов стало так много, что они уже не помещались в одной литгруппе. Появилось множество литобъединений, уже не имеющих отношения к газете.

ПРИМЕЧАНИЯ

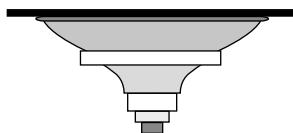
1. Полное собрание законов Российской империи : Собр. 2-е (1825—1881) : Т. 42. 1867. : Ч. 2 : Законы (44895—45355). СПб., 1871. С. 121—122.
2. Александровск-Грушевский // Вся Донская Область и Северный Кавказ на 1901 год : Книга администрации, промышленности и торговли / Изд. А. И. Тер-Абрамиан. Ростов н/Д. : Типо-литография А. И. Тер-Абрамиан, 1901. Стб. 105—106.

3. Александровск-Грушевская маленькая газета. 1911. 14 авг. С. 1.
4. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей : в 4 т. Т. 1. : Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита А.— И. М., 1956. С. 96.
5. Митропольский Ф. Жизнь : [стихи] // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1912. 12 февр. (№ 7). С. 2.
6. Пожарницкий Н. Песнь победная // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1912. 2 сент. (№ 36). С. 2.
7. Список гласных Александровск-Грушевской государственной думы, избранных на срок по 1 января 1919 года // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 6 авг. (№ 21). С. 1.
8. Премии покупателям в магазине П. М. Резанова : [объявление] // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1912. 5 авг. (№ 32). С. 2.
9. Версификация (Искусство писать стихи) // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1912. 22 июля (№ 30). С. 3.
10. Письма в редакцию // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1912. 19 февр. (№ 8). С. 3—4.
11. От редакции // Александровск-Грушевская маленькая газета. 1914. 21 дек. (№ 52). С. 1.
12. К сведению авторов // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 29 марта (№ 1). С. 1.
13. Земля : [стихи без подписи]; *Ветринский М.* Сколько земли не хватает кретьянам? // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 29 июня (№ 15). С. 2.
14. Ясень. Иван Михеев : рассказ // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 16 июля (№ 18). С. 2.
15. Ясень. Именинница // Александровск-Грушевская народная газета. 1917. 3 сент. (№ 25). С. 2.
16. Пирумова Н. Биографическая справка о Берте Бабиной // laidinen.ru : [сайт]. 2020. URL: <https://laidinen.ru/biograficheskaja-spravka-o-berte-babinoj/> (дата обращения: 28.04.2025).
17. Самсонов В. 1-е мая 1921 г. // Красный шахтёр. 1921. 1 мая. С. 2.
18. Саломатин В. Христос Воскресе... : [стихи] // Красный шахтёр. 1921. 1 мая. С. 2.
19. Извещение ШАППа // Красный шахтёр. 1925. 15 авг. С. 3.

20. *Бобровский Е.* Строят железную ёлку : [стихи] // Красный шахтёр. 1927. 1 янв. С. 4.
21. *Л. К.* Диспут о Есенине // Красный шахтёр. 1927. 4 янв. С. 2.
22. *Бобровский Е.* В снегах. — *Золотухин Ник*¹. Сталью, железом, огнём : [стихи] // Красный шахтёр. 1927. 9 апр. С. 3.
23. *Невский.* Дстойно встретим съезд писателей // Красный шахтёр. 1934. 1 апр. С. 3.
24. *Ляхов В.* Брат за брата.— *Шинель*². — *Дергачёв Е.* Балтийская — Краснофлотская : [стихи] // Красный шахтёр. 1939. 12 авг. С. 3.
25. *Бобровский Е.* Мастер угля// Красный шахтёр. 1949. 12 июня. С. 3.
26. *Скрёбов Н.* О поэтических страницах донского ежемесячника // Ленинское знамя. 1964. 24 окт. С. 3.
27. *Ющенко В.* Когда плачут чайки : глава из романа // Ленинское знамя. 1965. 12 дек. С. 3.
28. *Рабичев М.* Строгая любовь : новелла. — *Щербаков А.* Позавидуйте, юноши, нам. — *Сигорова Н.* Тепло твоих рук. — *Ковальчук В.* Я долго не был в шахте : [стихи] // Ленинское знамя. 1973. 24 марта. С. 3.
29. *Мазур Т.* Газете «Поле зрения» исполнилось 90 лет // Шахты.su : Информационный портал г. Шахты. URL: <https://www.шахты.su/2010/05/07/006/> (дата обращения: 28.04.2025).

¹ Имя автора неразборчиво.

² Фамилия и инициалы автора неразборчивы.

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Агафонов Анатолий Иванович (1947—2025), историк 138—139
Акварель, литературное объединение (1970, Шахты) 212—213
Александровск-Грушевская маленькая газета (1911—1914; г. Александровск-Грушевский) 208—210
Александровск-Грушевская народная газета (1917; г. Александровск-Грушевский) 210—211
Алексеевко Елена Александровна (1986), краевед, экскурсовод, г. Таганрог 193—201
Алин Леонид (Номикос Леонид Леонидович), литератор 208—209
Антрацит, литературный кружок (1970-е, Шахты) 213
Армени-Моцениго Елена (1780—1840), жена Георгия Дмитриевича Моцениго, известный филантроп 21—23
Архангельский Николай Николаевич (1896—1984), энтомолог 43—52
Архивы
— Азов, г. 64

Б

- Бабин-Корень Борис Вячеславович (1886—1945), социолог, публицист, деятель партии социалистов-революционеров, городской голова г. Александровска-Грушевского (1917) 210
Бабина-Корень Берта Александровна (1894—1983), журналист, писатель, переводчик, жена Бабина-Корня Б. В., городского головы г. Александровска-Грушевского (1917) 210—211
Барabanщиков Аким Фёдорович, владелец слободы Дёгтево Донецкого округа (начало 1860-х) 203—205
Барabanщиков Фёдор Фёдорович (1818—1892), отставной майор Атаманского полка 181
Беглицкая коса (Таганрогский залив) 164—169
Беда Георгий Васильевич (1924—1992), художник и педагог 114—115
Бензин Василий (1879—1911), священник 198
Бенкендорф Александр Христофорович (1782—1844), государственный деятель Российской империи 21—22
Боголюбов Николай Васильевич (1834 — не позднее 1914), дьячок 197
Болхудере Иван (Иоанн) (?—1900), псаломщик 198
Борьба с эпидемией чумы см. **Карантины**
Браконьерство на Беглицкой косе (Таганрогский залив; 1913 г.) 164—169

В

- Валуйскова Ольга Владимировна (1967), архивист *Ст. 92—97 Публикация 97—110*
Вегерин Василий Иванович (1964), краевед, г. Константиновск 169—176
Великая Отечественная война (1941—1945)
— Батайск, г. 99, 100
— Имеретинская, ст-ца (Краснодарский край)
— Краснодар, г. 103—104
— Курганная, ст-ца (Краснодарский край) 101
— Куцёвская, ст-ца (Краснодарский край) 101
— Майкоп, г. 102, 104
— Новобатайск, с. (Кагальницкий р-н) 99—101
— Родниковская, ст-ца (Краснодарский край) 102
— Ростов-на-Дону, г. 97—100
— Саратовская, ст-ца (Краснодарский край) 102
— Шашугская, ст-ца (Краснодарский край) 104—105
Веряскина Ольга Георгиевна (1957), учитель истории, методист 146—150
Волошинова Любовь Феоктистовна (1952), архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону 88—91
Воронковский Михаил, псаломщик 199
Всех Святых (Всехсвятская) кладбищенская церковь (1810—1824, Таганрог) 193—201
Высоцкая Елена Петровна (1959), генеалог 5—42

Г

- Галкин Феофил Григорьевич, священник 197
Гапонов Симеон Алексеевич (1881—?), псаломщик 198
Гаустов Иван Константинович (1901—1985), писатель, краевед, г. Пятигорск 65—72
Письма 72—87
Геннуш Христиан Иванович (ок. 1758—?), русский военный врач, надворный советник, участник борьбы с чумой на Кавказе 156—157, 163
Гико-Моцениго Иван Николаевич (1837—1877), капитан 63-го Углицкого пехотного полка 36—39
Гончаров Александр Георгиевич (1910—1952), писатель, журналист 92—97
Из военного дневника 97—107 Письма 107—110
Горняк, литературная группа (1927, Шахты) 211
Городской клуб художников (с 1971-го, Новочеркасск) 116—117
Гранкина Анна Алексеевна, эколог-природопользователь 151—163
Греков Тимофей Фёдорович (1705—1794), походный атаман Донского казачьего войска 201—204
Гридасова Женета Петровна (1954), журналист 110—124

Д—Ж

- Давидов Николай (?—1913), священник 198
Демешина Елена Ивановна (1921—2006), историк 140
Демюр Григорий Францевич (1867—1939), актёр, режиссёр, педагог 88—91
Денисов Юрий Павлович (1929—2013), историк 142
Дёгтево, сл. (Миллеровский р-н) 201—208
Дмитревский Павел Афанасьевич (?—1896), священник 194—195
Дмитревский Пётр Васильевич (1877—1915), дьякон 199

Дон, журнал (Ростов-на-Дону) 95—96, 212
 Дон-ТР, государственная телевизионная и радиовещательная компания (Ростов-на-Дону) 128—135
 Донская государственная публичная библиотека (Ростов-на-Дону) 132, 133, 146—149
 Донской издательский дом, издательство (Ростов-на-Дону) 148—150
 Донченко Сергей Георгиевич (1873—?), псаломщик 198

Досычев Яков (Иаков) Мартинианович (?—1910), священник 195
 Егоров-Хопёрский Василий Иванович (1901—1970), историк, краевед, г. Новочеркасск 54—55, 59—62
 Есенин Сергей Александрович (1895—1925), поэт 211
 Жданов Юрий Андреевич (1919—2006), учёный, ректор Ростовского государственного университета в 1957—1988 гг. 48, 50, 130, 133, 134, 146
 Жолткевич Марк, псаломщик 197

З—И

Задёра Ангелина Григорьевна (1903—1987), историк 139
 Зайцева Александра Сергеевна (1976), журналист, краевед, г. Шахты 208—214
 Закруткин Виталий Александрович (1908—1984), писатель 93—96, 99, 101, 103, 106, 108, 132
 Захаревский Иоанн Фёдорович, священник 204
 Защита растений от вредителей и болезней 44—51
 Здания общественные
 — Новочеркасск, г. 176—182

Золотов Владимир Александрович (1922—1992), историк 139
 Зосимович Павел Петрович (?—1900), священник 195
 Изюмский Александр Борисович (1953), историк 163—169
 Иноземцев Георгий Александрович (1902—1957), историк 137
 Исакова Татьяна Семёновна (1969), учитель истории, методист 146—150

К

Казарова Нина Акоповна (1957), историк 136—145
 Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772—1823), государственный деятель Российской империи 29—30
 Карантины таможенные (начало XIX в.)
 — близ г. Астрахани 155, 160—161
 — близ г. Евпатория 28—30
 — Кавказская губерния 158—160
 — Средне-Егорлыкская, ст-ца (на границе с Войском Донским) 158—160
 Кацонис Ламброс (1752—1805), деятель греческого национально-освободительного движения против турецкого ига. Полковник русской службы 23—25, 28
 Келлер Пётр Степанович (1909—1997), художник 116, 123
 Киммель Карл Готфрид Бенджамин (1783—1816), немецкий врач и натуралист 161
 Кислицын Сергей Алексеевич (1953), историк 136—145, 147—148
 Кияшко Владимир Яковлевич (1937—2021), археолог 137
 Кладбища
 — Ростов-на-Дону, г. 183—184
 — Таганрог, г. 193
 Коваленко Александра Николаевна (1946), краевед, г. Пятигорск 66—68
 Коваленко Иов Данилович, священник 204
 Кожин Алексей Иванович (?—1892), священник (1871) 204—205
 Кожин Павел Алексеевич (1869—1919), священник 203—206
 Козлов Александр Иванович (1930—2009), историк 136, 141, 145
 Козловский Иван Павлович (1869—1942), историк 136—137

Козорезов Владимир Алексеевич (1962), учитель истории 201—208
 Колодяжный Яков, псаломщик 198
 Конради Фёдор Петрович (Фридрих Отто) (1775—1848), первый постоянный главный врач Кавказских Минеральных Вод (1822—1840) 153, 161—162
 Константиновский педагогический колледж (Константиновск) 169
 Королёв Владимир Николаевич (1940—2005), историк 139
 Коршиков Николай Семёнович (1935—2001), историк 138, 139
 Костенко Владимир Александрович (1941—2025), музыкант, поэт, журналист 124—128
 Краеведение
 — образовательный проект «Донской край — наш общий дом» 146—150
 — учебные пособия для школы 146—150
 Красный шахтёр, газета (1920—1954, Шахты) 211—212
 Краснянский Михаил Борисович (1873—1944), горный инженер, краевед, г. Ростов-на-Дону 53, 56
 Крейтон Александр Александрович (1763—1856), шотландский врач и учёный 155—156, 162
 Крейтон Василий Петрович (Арчибальд-Вильям) (1791—1865), шотландский врач, служивший в России 155—156, 162—163
 Крематорий (проект 1930-х гг., Ростов-на-Дону) 189—190
 Крестовоздвиженская кладбищенская церковь (1898—1920-е, Ростов-на-Дону) 183—193
 Кулишов Владимир Иванович (1942—2009), искусствовед 110—124
 Курилов Александр Дмитриевич (1866—?), священник 196, 199
 Курилов Михаил, дьякон 196

Л—М

Лесин Владимир Иванович (1936—2020), историк 139
 Лубский Анатолий Владимирович (1947—2020), историк 140
 Львов Георгий, псаломщик 197

Максименко Владимир Евгеньевич (1939—2014), археолог 137
 Малашенко Григорий Васильевич (1919—1989), историк 141

Марутова Татьяна Аркадьевна (1930—2014), директор Пятигорской городской центральной библиотеки им. М. Горького (1962—1986)
 Миноранский Виктор Аркадьевич (1938), зоолог, эколог 43—52
 Минченко Михаил Фадеевич, пономарь 196—197
 Миронов Филипп Кузьмич (Козьмич, Казьмич) (1872—1921), советский военачальник 163—169
 Могущий Пётр Васильевич (1890—?), псаломщик 199
 Моисеев Григорий Андреевич (1870—?), священник 196
 Моцениго Анастасий Карлович (1749—1817), комиссар 3-го участка Козловского (Евпаторийского) карантинна 27—31
 Моцениго Анастасия Георгиевна (в девичестве Перич; 1835—?), жена Николая Карловича Моцениго 41
 Моцениго Варвара Карловна (1856—1941), в замужестве Рошиер 35
 Моцениго Димитрий (Деметрио; 1723—1793), венецианский граф, российский посланник при Тосканском дворе, статский советник 15—18
 Моцениго Дмитрий Анастасьевич (1807 — после 1863), контр-адмирал 31—34

Моцениго Доменико Карлович (1745—1820), поручик Одесского греческого пехотного батальона 25—26
 Моцениго Георгий (Егор) Дмитриевич (1764—1839), полномочный представитель России в Республике Семи Соединённых Островов, российский посланник на Сицилии, Сардинии, при Тосканском дворе, тайный советник 18—23
 Моцениго Карл Анастасьевич (1801—?), переводчик Евпаторийского частного карантинна 34—35
 Моцениго Луиза (Елисавета) Леонтьевна (урождённая Кондоставло; около 1802—1894), жена Карла Анастасьевича Моцениго 34
 Моцениго Николай Карлович (1841 — после 1906), старший смотритель соляных приисков близ Евпатории, титулярный советник 39—41
 Моцениго Прасковья Павловна (в девичестве Сарандинаки; около 1774—1849), жена Анастасия Карловича Моцениго 35—36
 Моцениго София Карловна (1844—1879), в замужестве Вриони 35
 Музеи
 — Константиновск, г. 169
 — Новочеркасск, г. 54—56, 59—61

Н—П

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), русский флотоводец, адмирал 33
 Нечипорук Александр Александрович (1982), археолог 183—193
 Новочеркасский музей истории донского казачества 54—56, 59—61
 Овечкин Николай Васильевич (1929—1993), народный художник СССР 114, 115, 116
 Осипов Борис Семёнович (1917—1988), лётчик 169—176
 Осолков Евгений Николаевич (1925—1995), историк 141—142
 Осолкова Эмма Дмитриевна (1929—2013), историк 141
 Павленко Нинель Афанасьевна (1925—2019), заведующая отделом культуры горисполкома г. Новочеркаска (1956—1973, 1978—1981) 59, 61, 112, 114
 Памятники истории и культуры
 — г. Новочеркасск 119—120
 Панченко Вера Сергеевна (1921—2007), историк 140
 Перепеч Людмила Николаевна (1958), краевед, г. Сальск. В 2001—2015 гг. — директор центральной городской библиотеки г. Сальска 124—128
 Перехов Яков Абрамович (1934—2022), историк 138

Петров Иван, псаломщик 198
 Платов Матвей Иванович (1753—1818), донской войсковой атаман (1801—1818)
 — *История воссоздания памятника* (1993) 119—120
 Попов Харитон Иванович (1834—1925), заведующий Донским музеем в Новочеркасске 53—62, 203
 Постников Павел Григорьевич (1853—1915), псаломщик 198
 Поцелухов Григорий Фёдорович (?—1905), священник 195—196
 Приазовский край, газета (1891—1917, Ростов-на-Дону) 165, 168—169
 Провинциальный салон, проект ГТРК «Дон ТР» (1991, Ростов-на-Дону) 128—135
 Пронштейн Александр Павлович (1919—1998), историк 138
 Просвирин Константин Александрович, дьякон 199
 Пруссинский Михаил Гаврилович (?—1910), священник 195
 Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт 133—134
 Пчеловодный, хутор (Аксайский р-н)
 — *Место захоронения Х. И. Попова* 53—62

Р—С

Ростовское отделение Императорского Русского театрального общества (1916—1920) 89—90
 Рыбальченко Ольга Петровна (1958), директор «Донского издательского дома», г. Ростов-на-Дону 146—150
 Рыболовство на Беглицкой косе (Таганрогский залив; 1913) 164—169
 Сагицкий Илья Филиппович, дьякон 186, 189
 Саликовский Александр Фомич (1866—1925), журналист 168—169
 Сафонов Иван Матвеевич, ростовский купец 2-й гильдии, 184, 185, 186—188
 Сафонов Матвей Иванович (?—1897), ростовский купец 1-й гильдии, 184—185

Сахновский Иван (Иоанн) Егорович (1860—?), священник 197
 Святополк-Мирский Николай Иванович (1833—1898), донской войсковой атаман (1881—1898) 37—38
 Северо-Кавказская краевая конференция по краеведению (Ростов-на-Дону, 11—14 июня 1930 г.) 63
 Северо-Кавказская краевая станция защиты растений (Ростов-на-Дону, 1925 — сентябрь 1930 г.; с 1 октября 1930 г. — Северо-Кавказский филиал Всесоюзного института защиты растений; с 1937 г. — Ростовская областная станция защиты растений) 44—45
 Северо-Кавказский краевед, журнал (1930, Ростов-на-Дону) 64—65

Северо-Кавказский краевой музейно-архивный съезд (Ростов-на-Дону, 10—17 сентября 1921 г.) 64
 Северо-Кавказское краевое бюро краеведения (Ростов-на-Дону, 1926—1930) 62—65
 Северо-Кавказское общество археологии, истории и этнографии (Ростов-на-Дону, 1925—1931) 64, 136
 Семернин Пётр Васильевич (1904—1966), историк 137—138
 Серый Юзеф Иосифович (1922—1986), историк 140
 Скибин Иван, псаломщик 197
 Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), русский генерал, прославившийся завоеванием Средней Азии и героизмом во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 36—39
 Скориков Дмитрий Дмитриевич (1978), краевед, г. Ростов-на-Дону 176—182, 201—208

Скрёбов Николай Михайлович (1932—2015), поэт 212
 Смагина Светлана Михайловна (1936—2024), историк 141
 Стеблиенко Дмитрий Гаврилович (1852—?), дьякон 195, 197—198
 Суркова Любовь Александровна (1949), журналист 128—135
 Сухарев Григорий Иванович (1770—1807) российский врач, штаб-лекарь, один из основоположников бальнеологической науки на Кавказских Минеральных Водах 154—155, 162
 Сушкова Светлана Васильевна (1969), заместитель директора Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника имени А. А. Горбенко 62—65
 Сущенко Виктор Алексеевич (1954—2020), историк 141

Т—Х

Таранов Гордей Петрович (1916—1990), художник 114, 122, 123
 Терлецкий Арсений (1852—?), дьякон 198
 Файвишевич Борис Маркович (1853—1914), городской голова г. Александровск-Грушевский (1900—1904) 209—210
 Файвишевич Надежда Григорьевна, редактор «Александровск-Грушевской маленькой газеты», жена Файвишевича Б. М., городского головы г. Александровск-Грушевский (1900—1904) 209—210
 Фестивали донские (1991—2025) 132—134
 Фирсов Иван (Иоанн) Георгиевич (?—1910), священник 195

Фотоателье Иосифа Рубанчика (Таганрог, 1890-е) 40
 Хейердал Тур (1914—2002), норвежский археолог, путешественник и писатель 134
 Хлыстов Иван Павлович (1905—1994), историк 139—140
 Хмелевский Константин Абрамович (1920—2014), историк 141
 Храмы
 — Дёгтево, сл. (Миллеровский р-н) 201—208
 — Ростов-на-Дону, г. 183—193
 — Таганрог, г. 193—201
 Хреновский Гавриил, дьякон 197

Ч—Щ

Чайкин Василий, дьякон 197
 Чеботарёв Борис Владимирович (1918—2002), историк 138
 Чернопицкий Павел Григорьевич (1925—2002), историк 142
 Черноус Виктор Владимирович (1949—2019), историк 140—141
 Чернявский Тимофей, священник 195
 Чума (1798—1803; 1803—1819)
 — Северный Кавказ 151—163
 Шарков Василий Арсениевич, священник 195

Шахтинско-Донецкая ассоциация пролетарских писателей (ШАПП; 1920—30-е, Шахты) 211—212
 Шумов Михаил Платонович (1867—?), священник 196
 Штавакер Лариса Александровна (1945), библиограф-краевед, заведующая отделом краеведения Донской публичной библиотеки (1977—2004) 146
Ст. 65—66, 68—72 *Публикация* 72—87
 Щербак Дмитрий Александрович (1972), краевед, г. Ростов-на-Дону
Ст. 53—57 *Публикация* 57—62
 Щербаковский Дмитрий Петрович (1875—?), священник 196, 199

Э—Я

Эпидемия чумы см. **Чума**
 Юрченков Василий Стефанович, священник 186, 188, 189
 Ямпольский Михаил Леонтьевич (1874—1942), краевед, г. Ростов-на-Дону 62—65
 Яровицкий Пётр Иосифович (1851—?), священник 197

Яцимирский, Александр Иванович (1873—1925), организатор и председатель Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, ректор Донского археологического института 136—137

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРК — Государственный архив Республики Крым, г. Симферополь
ГАРО — Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГАСК — Государственный архив Ставропольского края, г. Ставрополь
ГМИИ им. А. С. Пушкина — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, г. Москва
ДАОО — Государственный архив Одесской области, г. Одесса
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота, г. Санкт-Петербург
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, г. Санкт-Петербург
РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук, г. Санкт-Петербург

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.
2. Подписанная *Автором(ами)* рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал — одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tif или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
3. Объём статьи не должен превышать 1 а. л., включая список литературы, таблицы и подрисовочные подписи, 5–6 рисунков или фотографий.
4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvrem@yandex.ru
5. При оформлении статьи *Автор(ы)* должны учитывать, что
 - название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
 - не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
 - ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определённые идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
 - Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008.
6. К рукописи статьи *Автор(ы)* прилагает сведения о себе.
7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.
8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.
9. Краеведческий альманах «Донской временник» с 2021 года размещается в Научной электронной библиотеке в национальной библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕННОК

Выпуск 34

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавакер Л. А.

Вып. 34. Сдано в набор 01.10.25. Подписано в печать 05.12.25.
Дата выхода в свет — 2025 год. Тираж 250 экз. Заказ № .

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

Х. И. Попов на гаче «Благодатная» (Щербак Д. А. Любящий отец. Ростов н/Д., 2018)

Жёлтой линией отмечена часть бывшей усадьбы Зенкевич, где необходимо провести полевые работы на предмет установления захоронений

Жёлтой линией отмечена первоначальная межевая граница; синей — изменённая межа

*Современный вид на холмик, где некогда стояла будка обходчика (798 км)
со стороны границы бывшего сада Х. И. Попова*

**Учебно-методический комплекс
«История Донского края с древнейших времен до конца XX века». 2004 г.**

**Учебно-методический комплекс
«История Донского края с древнейших времен до начала XXI века». 2019–2025 гг.**

**«Донской край – наш общий дом».
Моя малая родина.**

Авторский коллектив проекта «Донской край – наш общий дом»

Кияшко
Алексей
Владимирович,
археолог,
доктор
исторических наук,
профессор

Кияшко
Юлия
Германовна,
археолог,
научный сотрудник

Трапш
Николай
Алексеевич,
кандидат
исторических наук

Коваленко
Александр
Николаевич,
кандидат
исторических
наук, доцент

Агеева
Валентина
Анатольевна,
кандидат
исторических
наук, доцент

Ларенок
Вера
Алексеевна,
археолог,
научный
сотрудник
Ассоциации
ООО «Южархеология»

Шалак
Максим
Евгеньевич,
кандидат
исторических
наук, доцент

Кислицын
Сергей
Алексеевич,
доктор
исторических наук,
профессор

Кислицына
Инна
Германовна,
кандидат
исторических
наук,
доцент

Самарина
Наталья
Васильевна,
кандидат
исторических
наук, доцент

Веряскина
Ольга Георгиевна,
ведущий методист
проекта

Исакова
Татьяна Семеновна,
старший методист ГАУ
ДПО РО «Институт
развития образования»

Видео-конференция «Краеведение в образовательном пространстве Ростовской области» в Донской государственной публичной библиотеке, март 2021 г.

Мультимедийная выставка «История Донского края от древности до наших дней» в историческом парке «Россия – моя история», Ростов-на-Дону, сентябрь 2022 г.

Видео-презентация учебных пособий в Народном военно-историческом музее Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», март 2023 г.

Финал областного этапа интеллектуальной игры «Из глубины веков», 2021 г.

Финал областного этапа интеллектуальной игры «Знатоки истории Донского края средних веков», 2023 г.

Апробация учебных пособий в школах Ростовской области

ГБОУ РО «Шахтинский генерала Я.П. Бакланова казачий кадетский корпус»

Песчанокопский район
МБОУ ЛСОШ №16 им. Н.В. Переверзевой

Неклиновский район
МБОУ Покровская СОШ «НОК»

